

Ольга Севан

«Малые Корелы»
Архангельский
музей
деревянного
зодчества

Российский институт культурологии
Министерства культуры
Российской Федерации

Ольга Севан

«Малые Корелы» Архангельский музей деревянного зодчества

История создания,
методология
проектирования,
современное
состояние

Москва
Прогресс-Традиция

ББК 85.1
УДК 72
С 28

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 11-04-16069д

Севан О.Г.

С 28 «Малые Корелы». Архангельский музей деревянного зодчества.
М.: Прогресс-Традиция, 2011. — 368 с., ил.

ISBN 978-5-89826-387-4

Монография «Малые Корелы». Архангельский музей деревянного зодчества» посвящена авторскому видению и подходу к истории создания, методологии проектирования и современному состоянию одного из самых крупных музеев под открытым небом нашей страны «Малые Корелы» под Архангельском, стоящего в ряду европейских музеев такого типа. В работе анализируется история создания подобных музеев в Европе, начиная с конца XIX века, насчитывающих сегодня более двух тысяч, как и российских, которых имеется в нашей стране около сорока.

Автор участвовала в разработке генплана, всех проектов детальных планировок секторов, проектов реставрации и рекомендаций к отбору и перевозке сооружений на территорию музея «Малые Корелы», а также в научном обосновании и генплане Музея Вологодской области. Научные исследования и проектные работы автора и ее коллег представлены в данной книге, которая иллюстрируется большим числом фотографий, обмеров, проектов, рисунков поселений и памятников до перевозки и после их установки в музее. Книга будет интересна архитекторам, искусствоведам и другим специалистам, как и читателям, кому не безразлична судьба исчезающего деревянного зодчества России и Русского Севера.

УДК 72
ББК 85.1

В оформлении переплета использованы иллюстрации автора

ISBN 978-5-89826-387-4

© О.Г. Севан, автор текста, рисунков, чертежей, фото, 2012
© М.В. Злаина, Г.К. Ваншенкина, оформление, 2012
Т.В. Иваншина, макет, 2007
© Прогресс-Традиция, 2012

Оглавление

- 7 **От автора**
- 11 **Введение**

Глава 1. История создания музеев под открытым небом

- 16 История создания и значение европейских музеев под открытым небом
- 35 История создания и классификация российских музеев под открытым небом.
- 52 История создания и формирования Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (1964–1974, 1974–1986 и 1986–2011 гг.)

Глава 2. Научно-методическое обоснование проектирования генерального плана и отдельных секторов-деревень, отбора памятников для перевозки в музей «Малые Корелы»

- 71 Экспедиции по выявлению памятников Русского Севера. Рекомендации по перевозке сооружений в музей
- 83 Выявление историко-культурных территорий и границ регионов Архангельских и Вологодских земель
- 93 Типы расселения и планировочные особенности поселений. Приемы размещения культовых сооружений в селах и деревнях
- 101 Социокультурная типология сельских поселений
- 120 Культовая деревянная архитектура в системе поселений, основные типы храмов
- 133 Типология жилых домов Архангельских и Вологодских земель. Интерьеры и декоративные особенности.

- 159 Крестьянские усадьбы и дворы на Русском Севере, типологические и генеалогические исследования
- 173 Хозяйственные постройки и сооружения, малые формы. Опыт классификации

Глава 3. Исследования и проектирование музея «Малые Корелы»

- 203 Обобщение проведенных исследований памятников по историко-культурным регионам
- 207 Разработка Генерального плана музея «Малые Корелы», маршрута движения туристов
- 213 Проекты планировок отдельных секторов-деревень
- 213 Каргопольско-Онежский сектор
- 224 Важский сектор
- 231 Северо-Двинский сектор
- 248 Пинежский сектор
- 267 Мезенский сектор
- 288 Поморский сектор

Глава 4. Современное состояние музея деревянного зодчества «Малые Корелы»

- 292 Программа сохранения и развития музея деревянного зодчества «Малые Корелы»
- 303 Музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» в структуре поселения Уйма Приморского района Архангельской области
- 316 Заключение
- 319 Примечания
- 337 Приложения
- 344 Список иллюстраций
- 363 Список сокращений
- 365 Contents
- 367 Resume

От автора

Предлагаемая монография посвящена истории создания, анализу исследований, методологии проектирования и современному состоянию Архангельского музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», а также авторскому видению и подходу к его формированию. В работе предложена система решений конкретных задач с использованием во многом методологии автора, а также прослеживаются позиции различных специалистов смежных с архитекторами профессий, которые работали в музее и точки зрения которых, как и их профессиональный язык, были различны. В ходе исследований и проектирования музея¹ собирался огромный научный материал, который может быть представлен общественности в завершенном виде в данной монографии². Музей рассматривается в ряду российских музеев под открытым небом и в сравнении с аналогичными комплексами, которые в большом количестве имеются в европейских странах. Поэтому первоначально автор предлагает краткое ознакомление с некоторыми крупными музеями-скансенами, возникшими в Европе в конце XIX и в XX в., предшественниками музея под открытым небом «Малые Корелы» (1960–80-е гг.), а также с аналогичными комплексами в нашей стране, появившимися практически в тот же период.

Еще будучи студентом Московского архитектурного института, начиная с 1968 г. и по настоящее время, автор является активным участником исследований памятников и исторических поселений. Начало было положено в экспедициях по Своду памятников истории и культуры Вологодской, а затем Архангельской и других областей, а позже в связи с формированием музея «Малые Корелы» и других проектов³. Дипломной работой архитектора был «Музей деревянного зодчества в г. Вологде и туристический центр» (1971 г.). И уже в этом проекте предлагалась организация искусственно создаваемых деревень на одной территории близ Спасо-Прилуцкого монастыря, в пойме реки Вологды, с восстановлением различных средовых характеристик поселений. В дальнейшем собранные материалы были систематизированы в диссертации автора⁴, а позже использовались при проектировании музея под открытым небом Вологодской области⁵.

Когда в 1974 г. автор начал работать над новым вариантом генерального плана музея «Малые Корелы», под руководством известного архитектора-реставратора Бориса Васильевича Гнедовского, музей имел свою территорию (75 га). В него уже было перевезено около 20 памятников архитектуры (все культовые постройки, часть жилых домов и хозяйственных сооруже-

ний). Параллельно автором проводилась работа над проектами детальных планировок (ПДП) деревень-секторов музея, осуществлялись экспедиции по исследованию и отбору сооружений, давались рекомендации к их перевозке в музей⁶. Памятники обмерялись, разрабатывались проекты реставрации, затем разбирались, перевозились и потом восстанавливались в музее в соответствующих секторах. Проектная работа проходила как в Москве, так и в Архангельске и по области, а производственная – совместно с реставраторами АСНРПМ и музейными сотрудниками. В настоящее время на территории музея в 139 га расположено 120 сооружений.

Глядя в ретроспективе, определенно можно сказать, что 1970–80 гг. – это было интересное и творческое время в сфере проектирования и реставрации памятников, поскольку осуществлялась государственная поддержка исследовательской и реставрационной практики по всей стране, и в том числе в строительстве музеев под открытым небом. Была и другая причина: это наличие талантливых и заинтересованных специалистов в этой сфере деятельности, имена которых вошли в историю российской реставрации. Многие молодые архитекторы, искусствоведы, конструкторы, инженеры отказались принимать участие в современном типовом проектировании, уничтожающем историческую застройку городов и сел, и перешли работать в сферу спасения и реставрации наследия. Это случилось и с автором данной монографии. Многие из известных специалистов в этой области знания в тот период были инициаторами начинаний и новых проектов в специализированных реставрационных мастерских, имевшихся практически во всех регионах России, в том числе в рамках объединения «Росреставрация». Его директор, В.М. Дворяшин, обладал не только профессиональными качествами, но был и удивительным организатором – менеджером в современном понимании созданного им треста. К сожалению, большая часть реставрационных мастерских, как и сама организационная структура, за последние два десятилетия практически ликвидированы.

Предлагаемая читателям работа имеет своей целью не только показать историю создания музея, но и продемонстрировать методологию исследований и отбора памятников, предлагаемых к перевозу и установке на новом месте – в музее «Малые Корелы» под Архангельском. Кроме того, ставилась задача показать процесс проектирования и систематизации памятников, перевозимых на территорию комплекса, и ввести читателей в процесс создания образов поселений, которые возникали в авторском видении в проекте детальной планировки и с последующим его исполнением на территории музея в различных секторах. Это было возможно, применяя процесс рисования в натуре в разных регионах Русского Севера, осмысливая пространственную среду поселений, ландшафты, архитектурные образы и демонстрируя это впоследствии и в рисунках, и в предлагаемых музейных проектах.

В работе также представлена методология создания музея «Малые Корелы», возможного влияния представленных разработок для организации других российских музеев и их проектов. Важным казалось предложить читателям знакомство с более чем столетним опытом истории создания европейских музеев под открытым небом, которых насчитывается более двух тысяч. Практика сохранения не только памятников народной архитектуры, но и социально-культурной среды поселений, регионов и стран, современные методы работы в сфере образования, опыт привлечения посетителей на свои мероприятия несомненно заслуживает применения у нас. Кроме того, необходимо познакомить читателей с такими музеями в связи с возросшим числом поездок российских туристов как в европейские страны, так и по нашей стране.

Автор выражает признательность и благодарность бывшему руководителю научно-реставрационной мастерской по памятникам деревянного зодчества в московском институте «Спецпроектреставрация» объединения «Росреставрация», известному реставратору Б.В. Гнедовскому, соавтору утвержденного генплана музея, всегда поддерживающему представленные ниже исследования и предложения автора данного текста. Благодарю его жену, искусствоведа и прекрасного специалиста по памятникам Э.Д. Добровольскую, подсказывавшую направления работы и консультировавшую автора в написании данной книги. Необходимо вспомнить архитекторов Архангельской Научно-реставрационной мастерской В. Лапина, А. Гребенева и других, к сожалению не увидевших плодов своей работы в современном музейном комплексе.

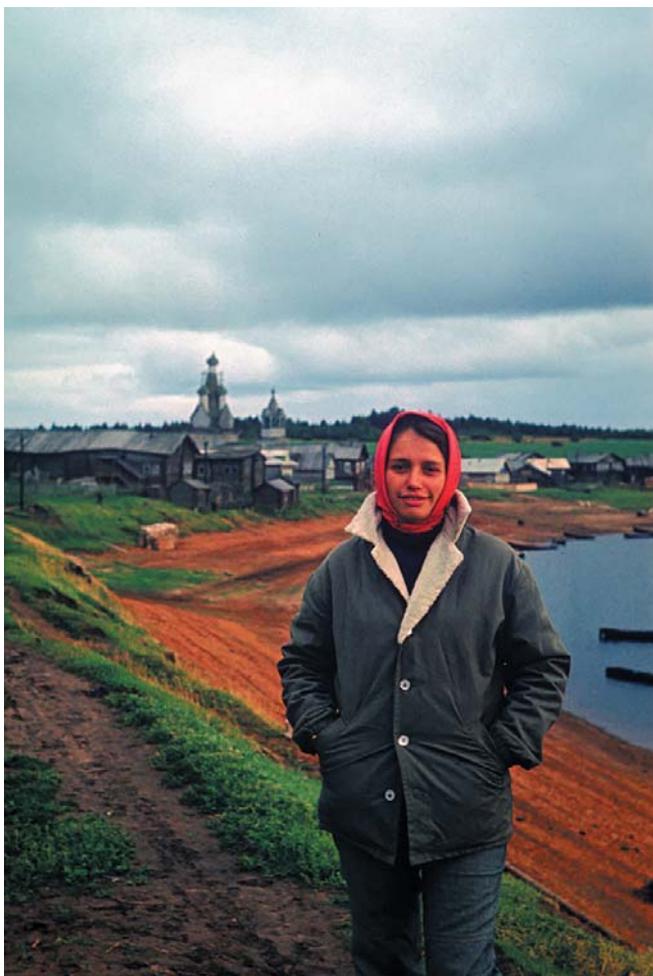
Автор благодарит всех архитекторов, с которыми приходилось работать и проводить экспедиции, исследования и проектирование во время создания музея в прошлые годы: Н. Бровченко, Л. Ткаченко, В. Муравлеву, И. Полторжницкого, В. Алипова, искусствоведа З. Краснову, инженеров В. Истюшкину, О. Гурина и других. Хочу вспомнить известных ленинградских этнографов, которые оказывали помощь и поддержку во время работы над музеем: доктора исторических наук Т.А. Бернштам, Т. Станюкович и Г.А. Бабанскую. Сотрудникам музея «Малые Корелы», в разные годы трудившимся вместе с нами, с его бессменным в течение тридцати лет директором Л.А. Бострем, к. ист. н. А.Н. Давыдову, к. ист. н. В. Шелегу и В. Любимову и многим другим также приношу свою благодарность.

Сегодня стало понятно, как была важна поддержка административного аппарата Архангельской области, заинтересованного и стремящегося продвинуть проектирование, финансирование и создание музея «Малые Корелы». А.В. Сапожников, Д.Г. Козко, В.И. Филиппова и другие оказали заметное влияние на представление столь большого числа памятников на его территории.

Особо благодарю своих родителей, архитектора Севан Георгия Васильевича – ученика академика архитектуры И.В. Жолтовского – и Марию Александровну,

без которых было бы невозможно проводить столь долгое время вдали от дома и заниматься исследованиями памятников Русского Севера, как и проектной деятельностью. К сожалению, только с годами начинаешь ценить терпение, помощь и любовь, которую оказывали дорогие тебе люди в научной и творческой работе.

Ольга Севан

*Рис. 1. Фото Л.А. Ткаченко,
1975 г.*

Введение

В предлагаемом издании предпринята попытка проследить роль и место музея «Малые Корелы» в структуре российских музеев под открытым небом, выявить значение европейских комплексов, их историю, типы в качестве образцов для рассматриваемого объекта. Такая работа становится необходимой, поскольку современная ситуация, сложившаяся в социально-культурной и экономической сфере нашей страны, побуждает руководство и сотрудников музеев к поиску альтернативных и достаточно мобильных способов сохранения и развития таких объектов, – это касается и музеев под открытым небом. В этой связи краткий анализ имеющихся европейских и российских музеев может оказаться полезным.

В монографии основной акцент сделан на анализе истории, этапов формирования и методики проектирования и строительства одного из наиболее крупных музеев под открытым небом Русского Севера «Малые Корелы». Анализируются памятники жилого, хозяйственного и частично культового характера Архангельской и части Вологодской области (поскольку историко-культурные зоны этих областей часто пересекаются), как и декоративные и конструктивные особенности, что всегда занимало значительное место в работе автора во время строительства музея. В монографии сделан акцент на некоторых объектах, расположенных на территории историко-культурных зон Архангельского севера до перевозки и после реставрации уже в музее. Методика их исследований понималась как значимая не только для решения историко-архитектурных и искусствоведческих, но и социокультурных задач в современном контексте для дальнейшего использования как в музеях под открытым небом перевозимого типа – скансенах, так и при сохранении памятников на местах или в музеях «in situ».

Первые европейские музеи под открытым небом конца XIX – начала XX в. имели своей целью коллекционирование образцов народного зодчества, этнографии и искусства, где исторический материал порой был представлен в идеализированном и вырванном из контекста виде. Проблемы развития современной культурной среды при создании таких комплексов в тот период не вставали. Не была отработана методика изучения, отбора и презентации сооружений

с учетом их первоначального местоположения. Не поднимались вопросы участия посетителей в такой деятельности. Аналогичная ситуация до сих пор наблюдается и во многих российских музеях под открытым небом, хотя в соседних странах такие комплексы давно решают иного типа задачи.

Архангельский музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» является по праву одним из значимых и наиболее крупных комплексов среди российских музеев такого типа. Он относится к музеям перевозимого типа – скансенам (по названию первого музея в Швеции). В основном он был построен в 1970–80-е гг., но два сектора (Важский и Поморский), как и многие усадьбы по всей территории музея, так и не сформированы до сих пор. Музей «Малые Корелы» в нашей стране стал первым, где средовой подход стал доминирующим с самого начала его формирования в 1960-е гг. Позже он был детально разработан как научная методология автором настоящего текста. При этом учитывались и анализировались структуры и типология исторических поселений, ландшафтов, усадеб и памятников культового, жилого и хозяйственного зодчества. Существенными становились их социокультурные основания, особенности формирования и состав семей, условия бытования в разные исторические периоды. Поднимался вопрос об организации жизни в музее, превращения его в «живой музей», по примеру многих европейских. Позже этот метод был предложен в специальных исследованиях и разработках, касающихся сохранения и развития исторических сельских поселений и малых городов.

Основным подходом при проектировании и формировании архитектурной среды музея стала разработка способов и организация пространственного строя вновь создающихся искусственных поселений – секторов с учетом историко-культурного зонирования территории Архангельских земель (и части Вологодских), с анализом структур и механизмов их исторического и общественного развития. На первом этапе в качестве такого механизма реализации принимался подход с научным обоснованием планировочных и ландшафтных характеристик, представленных в музее соответствующих зон, способный продемонстрировать различные культурные ареалы с их типологически выявленными и систематизированными памятниками архитектуры и в целом региональной культуры. Была предложена разработка методологии и теории проектной деятельности и ее реализация на базе прикладных исследований в области градо-

строительного и объектного проектирования в сельской среде, где экспериментальной площадкой становилась музейная территория. Здесь создавались модели деревень – секторов разных типов, отображавшие культурные среды и образ жизни населения различных историко-культурных земель.

На следующем этапе внимание автора было обращено на социокультурные характеристики населения, проживавшего ранее в уже перевезенных или предполагаемых к восстановлению жилых усадьбах и других постройках. Необходимо было поднимать архивные материалы, выявлять образ жизни и древа их семей в конкретном памятнике, затем на соседней улице и, наконец, в определенном поселении. Научный метод исследований коснулся тех областей деятельности, которые позволили описать и продемонстрировать музейными средствами историческую и современную социальную и культурную ситуацию. Были предложены новые подходы руководителям, несущим ответственность за развитие музея, формирование образования и понимания культурной идентичности населения. На этом этапе были охвачены все области деятельности, которые институционально обеспечивают социокультурное развитие. Это касалось проектирования новых экспозиций с их большим разнообразием на одном и том же памятнике, проведения образовательных и творческих мастерских для местных жителей, реставрационных практик и других видов деятельности на красивой и открытой территории и пр., т. е. предлагались способы решения актуальных социокультурных проблем Архангельской области.

Однако нам приходилось сталкиваться с тем, что предлагаемую методологию понимают как сумму известных музейных приемов или сугубо теоретических положений, упуская из виду ее социокультурные и этические цели и практики, а потому не имеют возможности ни верно оценить этот подход, ни понять динамику и направления ее развития. Внимательный анализ и оценка предложенной научной и ориентированной на практическое решение методологии имеют не только историческое значение, но позволят использовать ее потенциал в новых отечественных условиях как в музейном деле, так и в реально существующих исторических поселениях. В программе развития музея уже позже, в 2006 г., было заложено, например, формирование культурного туризма, работа с соседними поселениями, с окружающей культурной средой и пр.

Однако музей «Малые Корелы», в силу отставания музейных сотрудников от динамично меняющегося времени, во многом оставался «учреждением культуры» в классическом его понимании. Публикации о нем касаются главным образом общеизвестных сведений, фотоальбомов, гидов или каталога отдельных памятников. Анализ исследований, научных подходов и реальная деятельность с применением методов социокультурного проектирования для достижения музеем европейского уровня до сих пор остаются актуальными задачами.

Поэтому в данной монографии мы надеемся частично восполнить недостающие исследования, продемонстрировать тот потенциал, который имеется в музее, и показать региональное своеобразие культуры Архангельского Севера, представленного в пространстве поселений, ландшафтах и памятниках народной архитектуры, что, несомненно, является подтверждением идеи о собственной культурной идентичности населения любой историко-культурной территории нашей страны. Лучшие образцы народного искусства могут быть использованы в современной жизни местными плотниками, мастерами прикладного и народного творчества. Эти объекты и их элементы, находящиеся в музее, – важный ресурс для сохранения малых исторических городов и сельских поселений, в том числе для современного строительства, развития культурного и сельского туризма. Демонстрация взаимосвязи и места данного вида народного творчества в рамках европейской и мировой культуры можно представить в разных памятниках музея «Малые Корелы» и на его огромной территории, позволяющей развивать и апробировать различные уникальные проекты.

Главы монографии иллюстрируются: рисунками автора, выполненными во время обследования поселений и памятников, цветными и черно-белыми фотографиями, включая графику, обмерами и эскизными проектами сооружений, их интерьерами и фасадами, а также чертежами генплана, проектов детальных планировок секторов и отдельных конструкций.

Глава 1

История создания музеев под открытым небом

Село Подужемье Кемского уезда, Архангельской губернии.
Рис. И. Билибин, 1904

История создания и значение европейских музеев под открытым небом

Конец XIX – начало XX в. ознаменовали собой бурный рост промышленности, технологий в различных областях человеческой деятельности и пр., это стало началом того, что сегодня называется процессом модернизации и глобализации, охватывающей многие страны. В этот период произошли серьезные изменения в строительстве: появились новые материалы, технологии, шло развитие транспорта, что было взаимосвязано с ростом городов и перестройкой сельских поселений и их ландшафтов. Именно в этот период в Северной Европе и появились музеи нового типа – музеи под открытым небом перевозимого типа, с целью сохранения памятников народной архитектуры и культуры.

На 1990 г. в европейских странах в общей сложности насчитывалось 2092 таких музеев. Среди них есть такие, которые насчитывают 100, 200 и более объектов, но есть и локальные музеи, в которых сохраняется только один или несколько памятников, что можно видеть в Скандинавии. Примером могут служить провинции на севере Швеции. Как пишет Роланд Андерсон⁷, в этой части страны насчитывается 50 музеев под открытым небом. В них сохранялось на исследуемый период около 710 объектов, из которых 560 перенесены из разных мест, а 150 находятся на прежней местности. Только в трех музеях имелось более чем 30 построек; в десяти – более чем по 20.

Собрать аналогичные данные по всем или большей части европейских музеев-скансенов практически невозможно. Хотя в последние годы проводится такого типа научная и аналитическая работа, изданы сборники статей⁸, а также ряд монографий в Польше⁹, Чехии¹⁰ и Швеции¹¹. Если предположить, что в каждом музее под открытым небом сохраняется в среднем 10 памятников, то в целом по Европе эта цифра составит 21 000 объектов. Даже если не говорить о других аспектах общественного значения таких музеев, то названная огромная цифра количества памятников, находящихся под защитой, достаточно красноречиво свидетельствует о пользе и значении таких музеев для науки и для всего общества¹².

SKANSEN

Рис. 2. Первый музей под открытым небом. «Скансен», Швеция

Рис. 3. Схема плана музея под открытым небом. «Скансен», Швеция

Рис. 4. Интерьер жилого дома с росписью 1729–1795 гг. Музей «Скансен», Швеция

1891 г. признан всеми как год возникновения таких музеев, поскольку тогда Артур Хазелиус организовал открытый доступ публики к объектам, перенесенным в Стокгольм на остров Дьургарден, который сегодня находится практически в самом центре города. Это были жилые дома и хозяйственные постройки, вывезенные в 1885 г. из селения Мора одной из провинций страны. Однако, по данным Т. Хегард¹³, он начал формировать коллекцию будущего музея – «Скансена» – уже в 1874 г. Это были главным образом предметы норвежского происхождения, что говорит о том, что он ориентировался в своих замыслах на взгляды норвежских специалистов. Об этом свидетельствуют и сохранившиеся изображения Хазелиуса – первых экспозиций музея, прототипом для которых служила коллекция норвежского короля Оскара II, что можно видеть в экспозиции музея «Скансен»¹⁴.

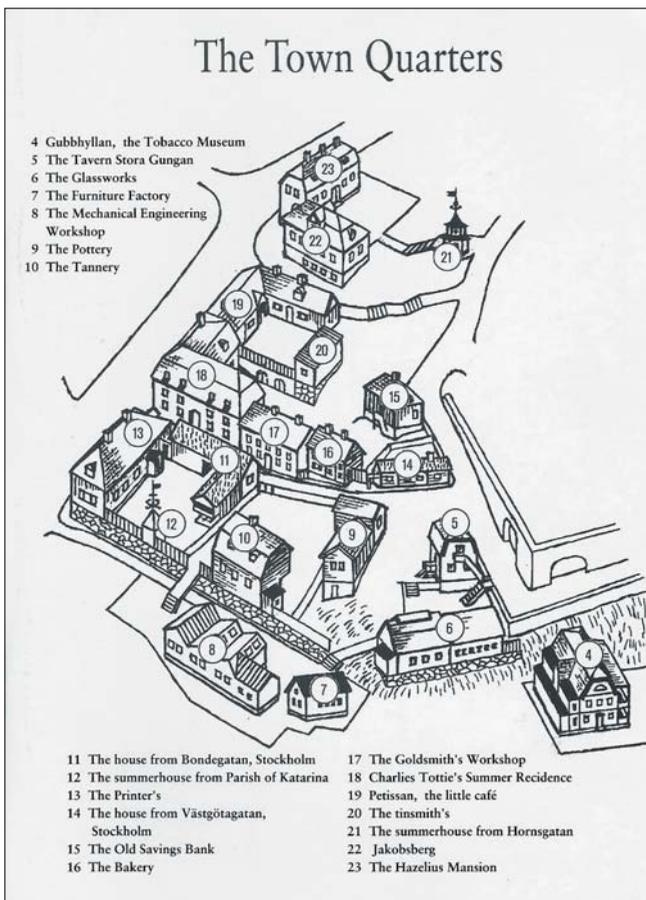
Рис. 5. Схема восстановленного Городского квартала в музее «Скансен», Швеция

Однако место, время и обстоятельства зарождения идеи музеев под открытым небом до сих пор остаются дискуссионными, но очевидно,

что в семидесятые годы XIX в. как в Норвегии, так и в Швеции, а позже и в других странах стали появляться подобные идеи и предложения. Основателем таких учреждений считают А. Хазелиуса, а других специалистов рассматривают как его сторонников и последователей.

Более чем столетний период развития европейских музеев под открытым небом, начавшийся в 1891 г. с открытия Стокгольмского музея, специалисты разделяют на три основных этапа¹⁵. В разных странах, в зависимости от конкретных условий, такая периодизация может иметь различные варианты. Первый – от открытия «Скансена» до 1918 г., а точнее – до конца Первой мировой войны. Второй – с 1919 г. до 1958 г. и третий – с 1959 г. по сегодняшний день.

Понятие музея под открытым небом не имеет четко выраженных определений. Идея таких музеев постоянно развивалась, но базовыми являлись два факто-

ра: это место сохранения памятников народного зодчества (чаще всего деревянных) и демонстрация культуры и этнографических коллекций. Очевидно, что такие задачи должны решаться комплексно, с учетом ландшафтных особенностей территорий. Чаще они встречаются в сельской местности, но имеются и в городах. Однако термин «музей под открытым небом» порой трактуется очень широко, и сюда включаются все известные музеи под открытым небом – в природной среде¹⁶. Однако первоначальное определение таких музеев, данное немецким исследователем и крупным специалистом в этой сфере деятельности А. Циппелиусом, поддержанное Е. Чайковским, которое также разделяется специалистами Европейской ассоциации музеев под открытым небом, имеет отношение именно к музеям перевозимого типа народной архитектуры и быта или музеям деревянного зодчества¹⁷.

Рис. 6. Крестьянская усадьба XVI–XVIII вв. Музей «Скансен», Швеция

Музеи под открытым небом, созданные в европейских странах в период после 1891 года (по данным Е. Чайковского на 1990 г.)

Страна	I этап		II этап		III этап	Количество музеев, дата основания которых не установлена	Всего
	1891–1918	1919–1939	1940–1945	1946–1958	1958–		
Австрия	–	–	–	1	17	–	18
Белоруссия	–	–	–	–	1	–	1
Бельгия	–	–	–	1	1	1	3
Болгария	–	–	–	2	3	1	6
Великобритания	–	1	–	3	9	–	13
Венгрия	–	3	–	–	18	9	30
Германия	12	7	–	9*	65**	–	93
Голландия	1	–	–	–	2	4	7
Дания	4	1	1	1	2	3	12
Ирландия	–	–	–	–	2	–	2
Исландия	–	–	1	5	2	–	8
Латвия	–	1	–	5	2	–	8
Литва	–	–	–	–	3	–	3
Норвегия	50	60	8	60	33	104	395
Польша	1	1	–	3	52	–	57
Россия (европ.)	–	1	–	1	5	7	14
Румыния	–	2	–	–	19	–	21
Украина	–	–	–	–	12	16	28
Финляндия	5	12	3	20	24	165	229
Франция	–	–	–	–	26	–	26
Чехословакия	–	1	–	–	20	–	21
Швейцария	–	–	–	–	1	–	1
Швеция	31	135	28	110	66	792	1162
Эстония	–	1	–	2	–	1	4
Югославия	–	1	–	1	8	–	10
Всего	104	227	41	224	393	1103	2092

* В том числе в ГДР – 1; ** в том числе в ГДР – 10, в ФРГ – 54, в Западном Берлине – 1

Из приведенной выше таблицы следует вывод, что развитие сети музеев под открытым небом в Европе было неравномерным и достаточно стихийным, кроме того, имеет выраженную пространственную особенность: большая часть музеев расположена в горных местностях и меньшая на равнинах. Этому могут быть определенные объяснения, связанные с тем, что в горных и возвышенных территориях дольше сохраняются традиционные формы народной культуры, волны цивилизации туда доходят с большим трудом, транспортные потоки минимальны. Кроме того, интеграционные процессы, влияющие на формирование историко-культурных регионов и их экономических центров, в окраинных горных территориях происходят сравнительно медленно. Большие горные массивы, например Альпы, Пиренеи, разделяют территорию Европы на определенные историко-культурные и экономические регионы и на аналогичные культурные ландшафты, которые поддаются определенной идентификации¹⁸. Сохранившись значительно лучше в горах, чем в низинах или развитых экономических центрах, их наследие является основой создания многих экспозиций музеев под открытым небом. Это в свою очередь приводит к активному развитию европейского горного туризма. Сегодня стало очевидным, что туризм имеет не только рекреационное, но и познавательное и экономическое значение для многих регионов по всему миру¹⁹. Основную роль играют исторические места, памятники, жизнь и культура народов в течение ряда веков, ремесла, праздники и т. д. – всё то, что становится основой культурной идентичности населения.

В методических работах, как в Европе, так и в России, касающихся музеев под открытым небом, постоянно ставится вопрос о том, смогут ли экспонаты-памятники, перевезенные в эти музеи, оторванные от родной среды, представлять научную ценность. Многие историки, этнографы и архитекторы рассматривают музей как искусственную среду, представляющую разрозненные элементы, тогда как самое важное – историческая среда поселений – остается на «прежнем» месте, а отсутствие памятников заметно ее обедняет. Именно эти доводы в течение многих десятилетий служили основанием для дискуссий и протестов противников переноса сооружений на новые места. Это было как в европейских странах, так и в России. Но в то же время не было реальных возможностей для сохранения их на местах строительства, поскольку сельские территории в нашей стране пустели на наших же глазах, уникальные сооружения горели, разру-

шались и пр. В 1970–80 гг. многие характеризовали бурное развитие музеев под открытым небом как «скансеноманию».

В начальный период создания европейских музеев предполагалось, что будут исследоваться только исторические материалы (чертежи, фотографии, архивы, этнографические источники и т. д.). Однако практика продемонстрировала новые формы и методы работы, поскольку время быстро меняло характер сельских ландшафтов, памятники оказались в окружении бетона и сетей линий электропередачи. И со временем исторические здания, оставшиеся в естественной среде, перестали представлять научный интерес, так как не несли уже необходимой культурной и исторической информации. По данным социологических опросов, посетители приходят в музеи под открытым небом для того, чтобы, с одной стороны, получить необходимые исторические и культурные сведения, а с другой стороны – отдохнуть. Поэтому европейские музеи сегодня демонстрируют социокультурную и природную среду не только исторических, но и современных поселений и объекты разного типа (летние домики, туристические палатки, машины, трамваи и автомобили), как и парковые зеленые насаждения и многое другое. Динамика различных стилей в искусстве, живописи, интерактивные современные экспозиции стали составной частью музеев под открытым небом в Голландии и других странах²⁰.

Рис. 7. Музей Арнхейм, Голландия. Старая часть музея.

Фото автора, 2007

Рис. 8. Музей Арнхейм, Голландия. Движущаяся экспозиция музея – трамвай.

Фото автора, 2007

Практически все музеи рассматриваемого типа представляют культуру не одного этноса или одной национальности. Пограничные регионы между странами или внутри одной страны позволяют изучать взаимоотношения между соседними группами населения, общие и отличительные черты их культур. В этом состоит преимущество периферийных пограничных зон по сравнению с центрами культуры определенного народа. Сеть музеев во многих странах показывает, что большинство явлений народной культуры отличается от «идеальной» национальной модели, а в течение веков обогащается элементами, типичными для многих других мест. Вопрос состоит в том, каким образом культура данной территории интерпретируется и преподносится посетителям. Музейная экспозиция способна продемонстрировать общественные и различные социальные процессы на примерах судеб конкретных семей в течение жизни нескольких поколений, так как дом и все его элементы являются конкретными компонентами такой среды²¹.

Один из известных исследователей музеев под открытым небом доктор этнологии из Чехии Юрий Лангер (бывший заместитель директора музея «Рожнов под Радгоштем») принимал участие в международном проекте, организованном российской стороной в конце 1980-х – начале 1990-х гг. «Культурное развитие в Европе и региональная архитектура». Он проводил исследования, касающиеся развития и формирования историко-культурной среды поселений, созвучные тем, что мы осуществляли в тот период в России в рамках работы по музею «Малые Корелы». Обмен опытом и совместные дискуссии оказали несомненное влияние на наши собственные работы и подходы к формированию музея, о чем мы будем говорить ниже. Но многие из его высказываний оказываются важными для понимания ситуации, имевшейся в тот период в исследовательской сфере европейских музееведов.

В статье, опубликованной в России, он писал: «Существенным фактором при формировании музеев под открытым небом является природная среда. Достаточно сложно, а порой и невозможно, реконструировать модели поселений из климатически разных областей на одной ограниченной музейной территории. Поэтому большинство музеев имеет только локальную региональную программу и очень редко создаются национальные комплексы, демонстрирующие культурные образцы».

И далее: «Посетитель музея обычно не акцентирует внимания на типологии архитектурных сооружений, но ему интересно сравнить свое

социальное положение с положением своих предков и людьми своего круга в разных странах, как в прошлом, так и в настоящем. Поэтому в музейной экспозиции целесообразно представлять материал для таких сопоставлений. Сравнительный метод демонстрации материала, по нашему мнению, более важен для понимания современности, чем, скажем, научная лекция о значении прошлого. Это становится существенным для взаимопонимания конкретных людей из разных регионов и стран, для расширения их дружеских контактов, важным для познания судьбы и быта конкретных людей прошлых веков в собственной стране. И поскольку невозможно организовать непосредственный диалог культур, то необходимо, чтобы реальные жизненные события и чувства могли быть выражены экспонатами, чтобы в диалог с посетителями музея вступали артефакты – свидетели прошлого. Наиболее значимой в данном случае становится проблема культурной идентификации, выявления корней и прогрессивных традиций культуры народов в географически определенной культурной среде. Этот факт необходимо учитывать при рассмотрении современных процессов экономической и культурной интеграции в различных регионах мира. При этом не следует забывать, что традиционная культура многих народов находится под влиянием научно-технического прогресса, урбанизации, массовых коммуникаций. Это заметно нивелирует существовавшее ранее разнообразие культур. Это один из дополнительных мотивов посещения подобных музеев»²².

Результаты его исследований показывают, что посетитель предпочитает возвращаться в увиденный музей под открытым небом чаще, чем в музеи традиционного типа или в замки-памятники. Более того, человек хочет посещать и другие музеи подобного типа, поскольку их экспозиции имеют не только дидактическое, но и рекреационное значение. Посетители находят эмоциональные впечатления именно в таких музеях: природа, окружающие ландшафты, различные праздники или представленные домашние животные (овцы, коровы, козы и пр.) оказываются «новостью», впервые увиденными здесь для многих городских детей. Все это необходимо учитывать для целенаправленного влияния музея на население и его культуру, поскольку есть вероятность повторных их посещений. Человек может сравнивать явления народного быта и со своим личным опытом, и с историческими формами культуры других регионов. Но очевидно, что судьба близких предыдущих поколений или их собственная жизнь интересует современного посетителя больше, чем древнейшая история.

Посещаемость европейских музеев под открытым небом постоянно повышается, демонстрируя новые интересные тенденции²³. К ним относится увеличение активных форм показа экспозиций, связанных с переходом от научно-методических и просветительских форм работы – к современным экономическим потребностям музея. Демонстрация жизни и быта различных этнических групп людей становится более важной темой экспозиции, например, в американских музеях-фермах или в музеях Северной Ирландии, чем представление архитектурных построек. Более того, во многих экспозициях таких музеев демонстрируются сложности и противоречия, сложившиеся исторически между различными этническими группами и имеющиеся до сих пор нерешенные проблемы. Существенная их тенденция – это активное сотрудничество местного населения с музеями, что практикуется в музеях-фермах в Америке²⁴. Музеи не только анализируют их доступными им методами, но и способствуют их разрешению образовательными проектами.

Значимым фактором существования и работы музеев под открытым небом оказывается их влияние на формирование и развитие местной, региональной архитектуры. Особенно это важно при современном строительстве в исторических поселениях, поскольку повсеместно слышны высказывания о «превращении мира в одну большую деревню». Опыт многих стран, как и России, показывает неумение и игнорирование современными архитекторами традиционной региональной (национальной) архитектуры, которая имеет собственные основания и принципы строительства, отличные от соседних стран. В таком контексте памятники, сохраняемые в музеях, могут являться образцами для анализа и понимания особенностей собственной культуры. История архитектуры XX в. дает много примеров современной реинтерпретации исторических форм, техник и типологий, особенно в начале века. Но и сегодня имеются интересные примеры современных архитекторов, использующих мировые и местные образцы (например, в Бельгии Чарльз Ван Ден Хове)²⁵. Кроме того, такие музеи становятся и школой ремесел для соседнего населения, что также существенно для развития территорий и поселений.

Сеть музеев под открытым небом выступает важным средством понимания причин неравномерного развития культуры в современной Европе. Одновременно музеи активно способствуют осознанию принадлежности людей к так называемому «европейскому дому», развитию у посетителей чувства общности культурных исторических корней и современных проблем культуры. Они стали площадкой для

обучения различных групп населения в сфере истории, искусства, экологии, ремесел и вообще народной и городской культуры. Такие примеры имеются и в нашей стране, но европейский опыт такой деятельности должен быть достаточно хорошо освоен, поскольку их практика насчитывает значительно большее количество примеров и регионов, а также более длительное развитие.

Однако сегодня все музеи под открытым небом во всем мире стоят перед проблемой поиска средств на поддержание ландшафтов и сохранение памятников, музейных коллекций, территории и многих животных, птиц, коллекций лечебных трав и пр. В этой связи сообща решаются вопросы не столько теоретического, сколько практического характера: каким образом организовывать экспозиции, что надо сделать для привлечения большего количества посетителей, выясняются их различные категории, интересы, возможности оплаты и приобретения музейных предметов и пр. Кроме того, все музеи организуют образовательные программы, «живые» интерактивные театральные проекты, создают в рамках музеев специальные ансамбли народной музыки и театра. Практика маркетинговых исследований, применения современных технологий и современных художественных экспозиций живописи, скульптуры, архитектуры, как и многое другое, заслуживает специального анализа и детальных проработок.

Но всеми специалистами замечено, что музеи превращаются в парки культуры и отдыха, поскольку большая часть их деятельности ориентирована именно на отдых и развлечение. В этой связи основной и актуальной проблемой на обсуждении во время многих конференций поднимается вопрос: «Музеи под открытым небом в будущем должны стать парками культуры и отдыха, и если нет, то каким образом они могут и должны сохранять функции музейных комплексов и одновременно от-

Рис. 9. «Музей ремесел» в Турку, Финляндия. Улица мастеров. Фото автора, 2005

дыха посетителей. Каким образом соблюсти такой баланс и где проходит граница в такой деятельности»²⁶.

Выводы. Таким образом, анализ исторического развития музеев под открытым небом позволяет сделать некоторое обобщение.

Появившись впервые в Швеции, в Стокгольме, музей

«Скансен» начал свое шествие по Европе, а затем его аналоги появились и на других континентах. Сам же музей также трансформировался во времени, приобретая городской сектор на своей территории, а также множество различных как культурных, так и торговых сооружений: ресторан, фуникулер, зоопарк и пр. Он стал одним из аттрактивных туристических центров столицы, где можно отдохнуть, побродить по теперь уже сложной парковой территории, далеко отстоящей от идей, которые предложил Хазелиус. Можно заключить, что сегодня это культурно-развлекательный центр, ориентированный не только на работу с посетителем, но и на коммерческую составляющую и получение прибыли²⁷.

Определенно можно сказать, что такое эволюционное развитие музеев названных типов проходило начиная с конца XIX в., и продолжается сегодня²⁸. Первоначально преобладала идея переноса уникальных сельских сооружений. Часто их ставили в городских парках, как, например, в «Скансене», или в парке-музее «Сеурасаари» в г. Турку, или на отдельных территориях. Но позже родилась идея – и она была реализована на практике – сохранения деревянных сооружений в селах или в городах на месте «in situ», или переноса жилых построек и культовых памятников на абсолютно новую территорию. Рядом же могли «строить», т. е. перевозить сооружения из городов, создавая кварталы исторических частей города, они могли быть рядом с сельским музеем – как это можно видеть в «Скансене», в музее Бокрийка (Бельгия) или в Рожнове (Чехия). Правда, в последнем музее вначале появилась городская часть, а уж потом – сельская. Но городские деревянные памятники могли переноситься и на окраину самих городов (музей «Старый Линчепинг»), но часто сохранялись как самостоятельный комплекс городских построек внутри исторического города. Наконец, европейский опыт дает пример организации смешанных типов музеев с акцентом на сохранение исторической среды существующего поселения и «строительство» новых, но старых по времени памятников разного периода (Великобритания, остров Мэн; деревня Карилатси в Эстонии или Холлоко в Венгрии).

Рис. 10. «Музей ремесел» в Турку, Финляндия. Мастерская по производству сладостей. Фото автора, 2005

Рис. 11. Музей «Рожнов под Радгоштем», Чехия.
Сельский сектор.
Фото музея, 1990

Рис. 12. Музей «Рожнов под Радгоштем», Чехия.
Городской сектор.
Фото музея, 1990

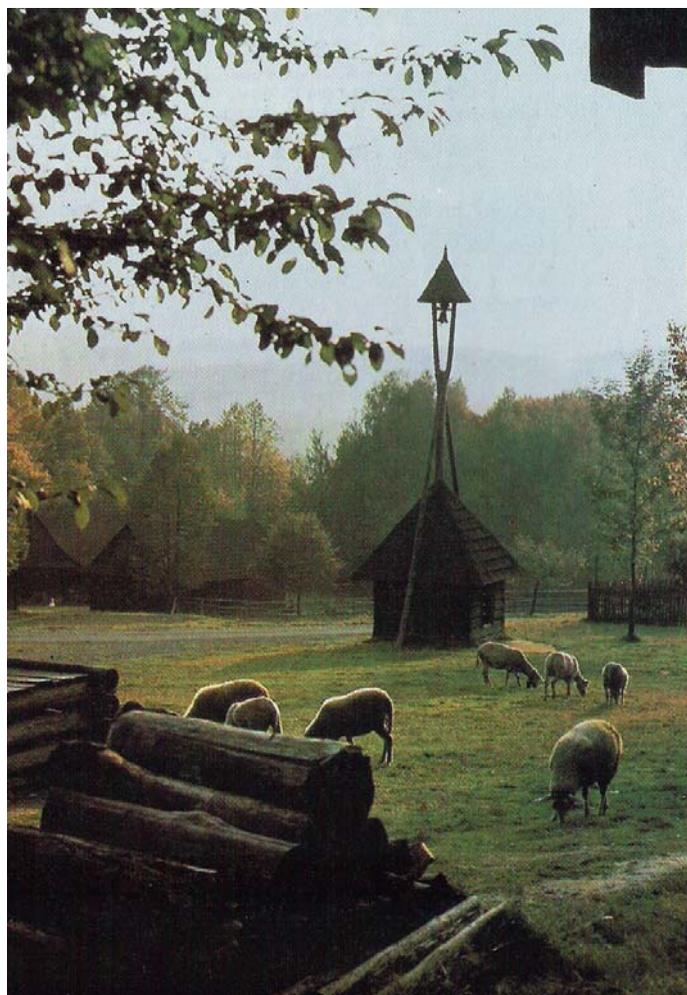

Рис. 13. Музей Бойкрик, Бельгия.
Школа. Фото автора, 2007

Рис. 14. Музей Бойкрик, Бельгия.
Интерактивная программа
музея «Ежедневная жизнь
деревни». Фото автора, 2007

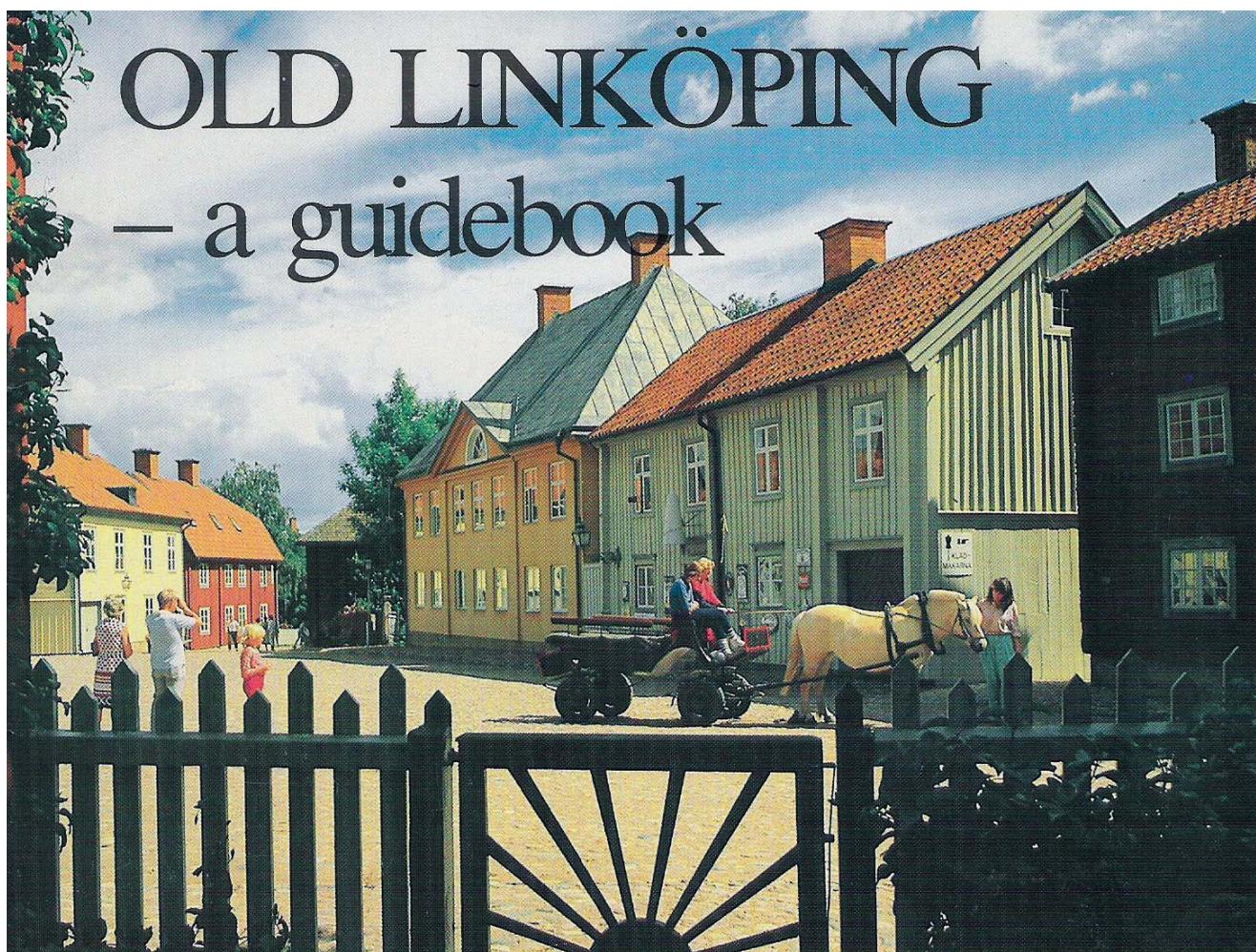

Рис. 15. Музей города «Старый Линчопинг», Швеция. Проспект музея

Рис. 16. Схема панорамы музея «Старый Линчопинг», Швеция. Рис. музея

Рис. 17.
Интерактивная
театрализованная
программа «Старая
лавка города».
Музей «Старый
Линчопинг», Швеция.
Фото музея

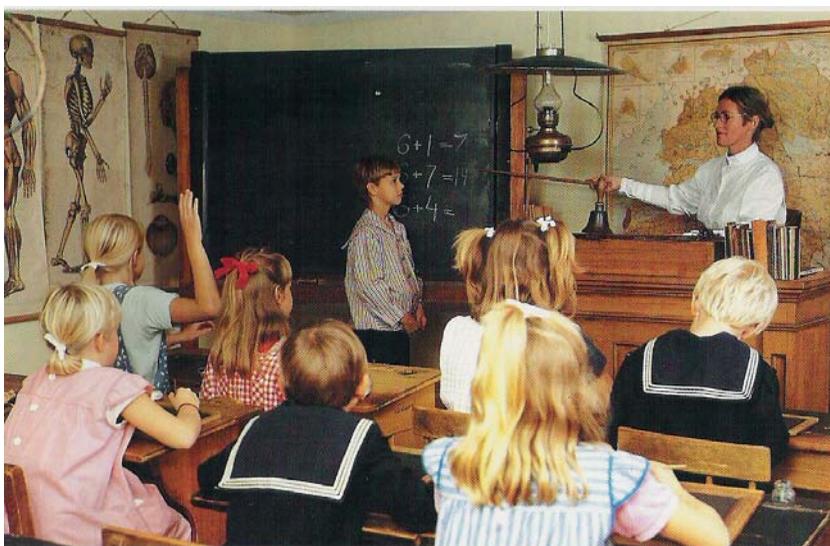
Итак, музеи под открытым небом могут быть трех типов, исходя из методов их создания и сохранения, которые могут существовать параллельно и одновременно на одной территории. 1. Музеи перевозимого типа («скансены»), когда на пустующую специально отобранную территорию перевозятся памятники истории и культуры из других мест. 2. Музеи «in situ», т. е. сохраняющие сооружения на прежних, исторических местах их бытования.

3. Смешанного типа, т. е. в сохраненную историческую среду с наличием уже имеющихся памятников перевозятся дополнительно вновь выявленные сооружения.

Но наиболее привлекательным и современным подходом, однако достаточно сложным, можно назвать сохранение сооружений на местах их строительства, с использованием методов реконструкции, реставрации и осторожным современным строительством и с применением методов музейного проектирования в специально отобранных блоках или частях поселения и в каких-то объектах. Ранее это касалось организации так называемых экомузеев, теперь это разработанный принцип сохранения и развития особо охраняемых исторических территорий (городов, сельских поселений), включая и национальные парки.

По тематическим основаниям на первом этапе музеи под открытым небом были сельские и имели сельскохозяйственную направленность, поэтому демонстрировали сельские сооружения и образ жизни крестьян, традиционные орудия, одежду, птиц и животных и пр. Позже появились городские музеи-скансены или смешанные сельско-городские, ориентированные на показ жизни различных слоев населения и на различные взаимодействия двух типов поселений. Одновременно стали появляться тематические, например технические, музеи, которые «покрывали» два предыдущих типа, преобразуя среду музеев демонстрацией реально действующих машин и механизмов, или они имели самостоятельные концепции развития, территории и здания, не связанные с музеями-

скансенами. К ним относятся также сельскохозяйственные и археологические музеи под открытым небом, которые могут быть самостоятельными объектами или входить определенной частью – сектором – в состав музея-скансена. Подземные музеи можно назвать «перевертышами» или «репликами» музеев под открытым небом, использующими методы их организации и музеефикации. Музеи-парки – «проекты образов прошлого», включая

новоделы или реплики, театральные скансены, изображающие исторические периоды определенной страны, но с научным обоснованием представленных сооружений и объектов показа. Наконец, имеются города-музеи (или их определенные кварталы), обладающие большим количеством деревянных памятников, но требующие иного подхода к их сохранению и развитию, нежели музеи под открытым небом, которые мы рассматривали выше²⁹.

Со временем менялись не только музееведческие концепции, но и организация и управление такими музеями. Первоначально они возникали и строились, как правило, как государственные, региональные либо локальные музеи, т. е. и управление, и финансирование осуществляли соответствующие государственные структуры. Вместе с этим возникали небольшие местные частные музеи в селах и в отдельных усадьбах. Но со временем, к концу XX в., некоторые государственные и региональные музеи становились частными, хотя коллекции памятников и фондов принадлежат государству или локальному сообществу (Архейм в Голландии). Музей Балленберг в Швейцарии с самого начала был основан разными организациями и до сих пор поддерживается только частными компаниями, банками и отдельными лицами. Государственный бюджет выделяет лишь 3 % средств от общей суммы затрат на его содержание и развитие³⁰. Имеются примеры и более сложные, порой конфликтные отношения между музеем и теми частными организациями, которые позже приобрели такие музеи («Старый Линчопинг» в Швеции). Поддержка чисто музейной и педагогической деятель-

*Рис. 18.
Образовательная программа «Старая школа».
Музей «Старый Линчопинг», Швеция.
Фото музея*

ности невыгодна таким структурам, и со временем они стремятся переориентировать музей на коммерческие начала³¹.

Сложность и непредвиденная политика по отношению к таким комплексам, как отмечают зарубежные специалисты, приводит к потере культурных ориентиров в обществе. Поскольку государственная поддержка их работы повсеместно уменьшается, то на первый план выходят экономические программы их содержания и деятельности, что, в свою очередь, меняет подходы к их проектированию и использованию. Концепции музеев преобразовываются, переходя от «чисто музейной работы» к активной культурно-массовой, что влияет на развитие и изменение музейного пространства. Музей как учреждение образовательное и воспитательное, оставаясь таковым, меняет свою направленность в сторону реализации деятельного подхода и вовлечения населения различных социальных групп в свою орбиту. Многие из подобных музеев становятся культурными и образовательными центрами, где музейная деятельность становится частью их общей программы развития.

Музеи под открытым небом имеют значительно больше возможностей в современном информационном пространстве, поскольку обладают не только отдельными памятниками со своими экспозициями, но и пространственной средой, которая способна преобразовываться в зависимости от проектных решений архитекторов и музейных сотрудников. А поскольку в современной ситуации проектировщики образуют, как правило, междисциплинарные коллективы, то под каждую дисциплину можно переориентировать пространственно-территориальные экспозиции, тем самым организуя и предлагая новые решения, которые могут быть многомерны. Поэтому музей как учреждение образовательное и воспитательное входит в сельское и городское пространство, становится активным участником деятельности и носителем нового знания и образа жизни.

Европейские музеи под открытым небом сегодня демонстрируют большое разнообразие всевозможных проектов. В сфере реставрации и строительства сооружений организуются специальные семинары и консультации для местных жителей и детей. Ремесленные мастерские представляют образцы своих изделий для подражания и реального пользования. В сфере школьного образования музеи используют свои территории и площадки для проведения уроков истории с привлечением театрализованных представлений, организуют экологические тропы для уроков биологии, экологии, традиционного землепользования. Здесь организуются пленэры не только для школьников, но и для

студентов художественных институтов, изучаются памятники и их окружение, культурные ландшафты и традиции местных жителей (обряды, приготовление пищи, пошив одежды, песенное творчество и пр.). Такие музеи становятся «точками роста» сельских и городских территорий и информационными центрами, где при необходимости можно работать на компьютере, пользоваться библиотекой и т. д. За такими музеями под открытым небом, несомненно, будущее.

*Рис. 19.
Zeemuseum – Музей
на воде, Голландия.
«Жилая деревня».
Фото автора, 2007*

*Рис. 20.
Zeemuseum – Музей
на воде, Голландия.
Усадьба рыбака.
Фото автора, 2007*

*Рис. 21.
Zeemuseum – Музей
на воде, Голландия.
Приготовление
рыбы для
посетителей
в усадьбе рыбака.
Фото автора, 2007*

Рис. 22. Роспись стены гостевого дома около 1800 г., перевезенного из Телемарка в 1910 г. Норвежский народный музей в г. Осло. Фото автора, 2010

Рис. 23. Ставкирха 1235–1265 гг. из села Гуль. Норвежский народный музей в г. Осло. В Гуле установлена копия церкви. Фото автора, 2010

Рис. 24. Крестьянская усадьба. Норвежский народный музей в г. Осло. Фото автора, 2010

Рис. 25. Амбары 1800 г. Норвежский народный музей в г. Осло. Фото автора, 2010

История создания и классификация российских музеев под открытым небом

Музеи под открытым небом в России (РСФСР) стали появляться в основном в конце 1960-х – 1980-е гг. Тогда же начали разрабатываться принципы их организации³². Хотя первый опыт перевозки сооружений на новую территорию в парк-музей в с. Коломенском относится к 1927–1934 гг. Здесь были размещены памятники деревянного зодчества XVII–XVIII вв. с целью их музеефикации. В настоящее время на территории России открыто или находится в стадии проектирования, по разным данным, около 40 подобных музеев. По ряду таких музеев можно найти информацию в Интернете³³ или в «Российской музейной энциклопедии», хотя и эта работа имеет очевидные неточности – сообщается о ста музеях под открытым небом³⁴. Здесь имеются в виду разного типа музеи: музеи-заповедники, музеи-усадьбы, и археологические, и военно-исторические и пр. Но это не совсем корректно применительно к музеям под открытым небом, упомянутым выше.

Предлагаю краткую историю проектирования и формирования некоторых наиболее крупных и значимых на территории России такого типа музеев, в которых сосредоточены

Рис. 27. Музей деревянного зодчества в селе Коломенском. Надвратная башня Николо-Карельского монастыря XVII в. на старом месте в музее. Фото, 2005

Рис. 26. Музей деревянного зодчества в селе Коломенском. Георгиевская церковь XVII в. из села Семеновское Верхне-Тоемского района Архангельской обл. Фото автора, 2011

*Рис. 28. Усадьба
зажиточного
крестьянина XIX в.
Реконструкция.
Фото автора, 2011*

памятники народного деревянного зодчества, – часть из них была перевезена в монастыри. Основываясь на опыте создания перечисленных музеев, формирование которых было начато в конце 1960-х–1980-е гг., уже позже разрабатывались необходимые методические рекомендации³⁵. В свое время они казались исчерпывающими, однако сегодня, в соответствии с логикой современного этапа функционирования музеев под открытым небом, постепенно возникают новые проблемы. В связи с этим, анализируя достигнутые за прошлые годы успехи и допущенные просчеты, учитывая опыт других музеев, в том числе и зарубежных стран, необходимо снова обратиться к методике формирования и развития таких музеев-скансенов в нашей стране. Возвращение к вопросам, на которые когда-то уже были даны ответы, объясняется личным участием автора данного текста в постановке и решении ряда основных проектных задач, касающихся этой категории музейных учреждений.

В тот период, когда только начинали складываться музеи под открытым небом, основной задачей считалось сохранение памятников народного зодчества, различных этнографических коллекций и демонстрация их в новых музейных условиях. Вставали вопросы и охраны памятников на местах их строительства, и возникали реальные примеры организации музеев на исторических территориях (например, на острове Кижь). Достаточно профессионально изучалась методика реставрации и содержания памятников народной архитектуры в структуре поселений, но их реальная охрана практически отсутствовала. Проблема же организации культурной

среды поселений не была отработана вовсе. Существовали разнообразные публикации исследователей в сфере изучения отдельных сооружений по регионам страны и общие подходы к созданию подобных музеев³⁶. Были и очевидные противники организации таких музеев, считавшие необходимостью сохранение сооружений на местах строительства во избежание обеднения сельской среды и ландшафтов при их отсутствии³⁷. Однако с годами они изменили свое мнение, поскольку разрушения и потери уникальных памятников на местах их строительства стали невозможными. И даже более, сегодня под руководством известного искусствоведа и знатока деревянного зодчества воссоздается комплекс утраченных сооружений в копиях, что называют «новоделами» в Парковом комплексе «Усадьба в с. Богословка» под С.-Петербургом³⁸.

Не были в период строительства основного массива музеев под открытым небом отработаны методические и социально-культурные вопросы сохранения памятников на местах, особенно в сельских поселениях. Не поднимались вопросы вовлечения и участия местного населения, подрастающего поколения в охранную и музейную деятельность, в процесс целенаправленного освоения культурного наследия. Комплексный, средовой метод изучения сельских и городских структур, когда отдельный памятник становился не просто объектом, а важным составляющим элементом всего ландшафта такой среды, начал складываться значительно позже. И в этой связи кажется несомненным, что именно благодаря проектированию, в том числе и музеев деревянного зодчества, осмыслению роли отдельных памятников в системе вновь создающихся архитектурно-этнографических образований в сравнении с естественной средой исторических населенных пунктов новый средовой подход в исследовательской и проектной сфере стал доминирующим³⁹.

С другой стороны, процесс становления полифункционального подхода к поселениям происходил при проектировании новых городов и сел, особенно ярко проявляясь в работе по реконструкции и реставрации исторической среды старых культурных центров. Эти методические изменения и принципы работы, несомненно, в свою очередь повлияли и на проектирование и развитие музеев под открытым небом⁴⁰.

Ученые, причастные к обследованию памятников архитектуры (архитекторы, историки, этнографы, искусствоведы и др.), постепенно овладели методами их выявления и детального изучения.

Постоянно приходилось решать вопросы их дальнейшей судьбы (речь идет о деревянных сооружениях): сохранять ли их на местах бытования (реставрировать, реконструировать или... вообще не трогать в силу их технического состояния) или спасти, перевозя в новые обжитые районы и территории, включая музеи под открытым небом. Для этого требовалось: натурное обследование территорий и ландшафтов, изучение путей миграции населения в различные исторические периоды; изучение генеральных планов населенных мест, крестьянских и городских усадеб; разработка типологии сооружений культового и гражданского зодчества. Помимо этого изучалась структура хозяйственной деятельности населения в разные исторические периоды, изучался социальный и национальный состав населения, нормы поведения и общения, ремесла, промыслы и пр. Все эти полевые материалы уточнялись и обобщались с привлечением библиографических и архивных данных и являлись в конечном счете основанием для проектирования генеральных планов музеев под открытым небом в различных регионах страны, а также использовались при реставрации и музеефикации сооружений⁴¹.

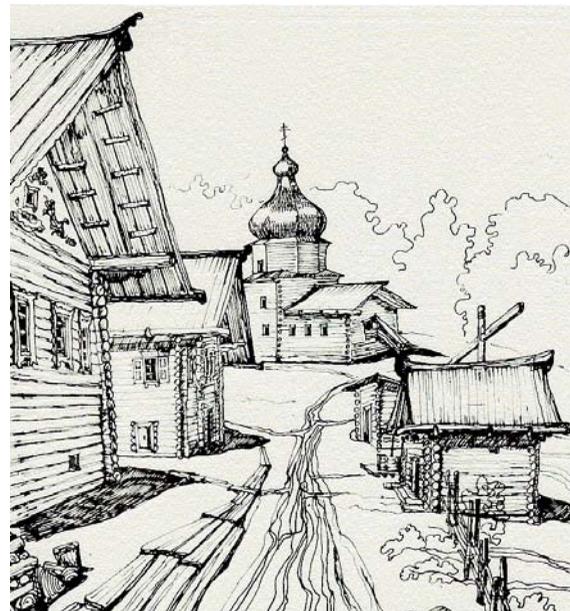
*Рис. 29. Музей
деревянного
зодчества близ
Ново-Иерусалимского
монастыря.
Московская обл.
Ярусная церковь
XVIII в.
(сгорела)*

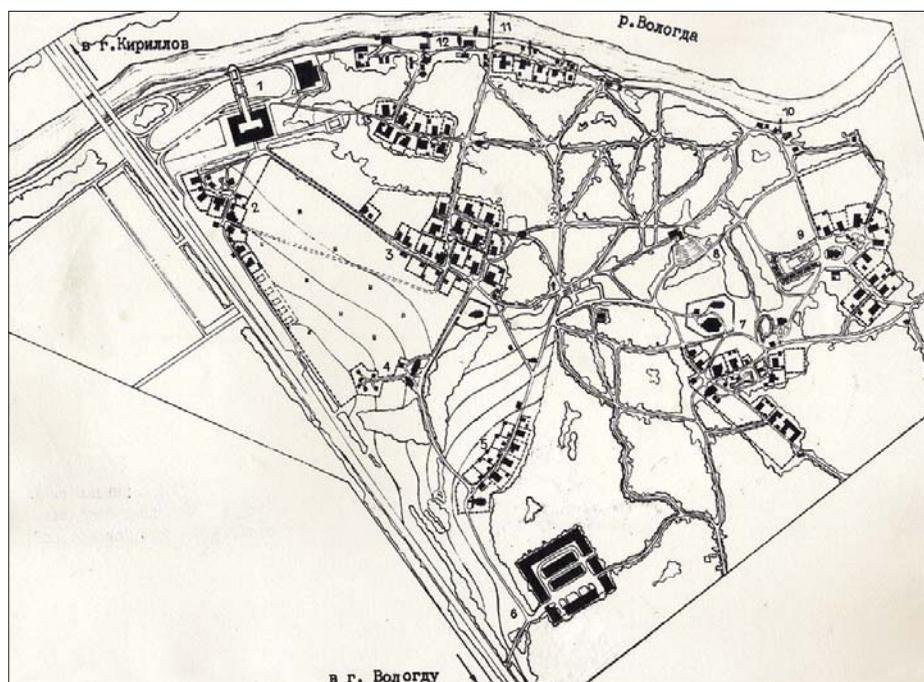
Классификация российских музеев под открытым небом

В настоящее время в нашей стране нет единого мнения по поводу классификации музеев под открытым небом. Она достаточно запутана и представлена весьма разнообразно многими исследователями в течение последних десятилетий. Рассмотрим предложения основных авторов известных публикаций и постараемся упростить такую классификацию, исходя из собственного понимания и возможного использования ее в работе⁴². Однако необходимо заметить, что за последние два десятилетия специальных исследований по данной теме было крайне мало⁴³. В основном они проводились во время «бума» строительства таких комплексов в 80-е гг., и учитывать этот опыт необходимо.

В соответствии с содержанием их деятельности музеи под открытым небом было предложено различать по двум группам: общетематические комплексы, представляющие культуру населения различных регионов и типов поселений, и специализированные музеи, имеющие специфический профиль, отображающие промышленную, ремесленную или другую форму деятельности, к ним же относятся и археологические коллекции.

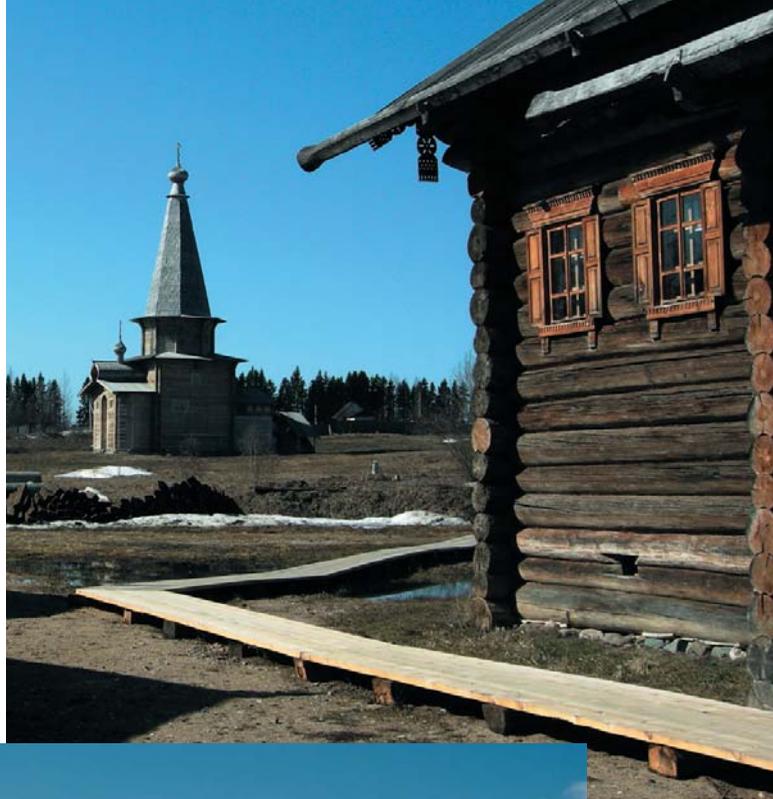

*Рис. 30. Музей
деревянного
зодчества
Вологодской обл.
Верховажский
сектор. Проект.
Рис. О.Г. Севан, 1984*

*Рис. 31. Музей
деревянного
зодчества
Вологодской обл.
Генплан (авторы
арх. О. Севан,
Е. Барановский,
С. Гельфер), 1985*

*Рис. 32.
Георгиевская церковь
XVII в. из села Поча
и жилые дома
в музее Вологодской
обл. Фото
А. Иванова, 2009*

*Рис. 33. Архитектурно-
этнографический
музей Вологодской обл.
Часовня XVIII в. и Георгиевская
церковь из села Поча
в Сухонском секторе.
Фото И. Иванова, 2011*

*Рис. 34. Музей народного
деревянного зодчества
«Витославицы», г. Новгород.
Ярусная Успенская
церковь из села Курицко
Новгородской обл. 1595 г.*

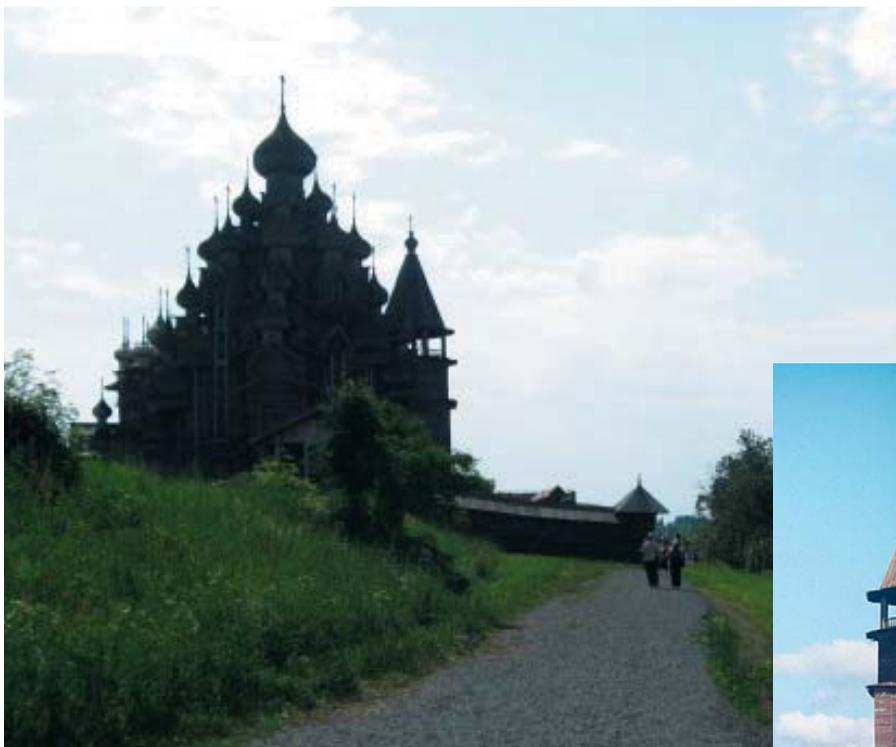

Рис. 35. Государственный музей-заповедник «Киж», Карелия. Погост. Общий вид
Фото автора, 2010

Рис. 36. Государственный музей-заповедник «Киж», Карелия. Деревянные храмы погоста.
Фото автора, 1988

Рис. 37. Государственный музей-заповедник «Киж». Перевезенные жилые дома. Лудожский сектор.
Фото автора, 2010

Рис. 38. Государственный музей-заповедник «Киж». Часовня Спаса Нерукотворного из дер. Вигово Медвежьегорского р-на. Конец XVII – начало XVIII в.
Фото автора, 2010

Рис. 39. Музей деревянного зодчества в г. Костроме. Общий вид усадеб. Фото автора, 1990

Рис. 40. Музей деревянного зодчества в г. Костроме. Уникальная клинчатая Преображенская церковь из села Спас-Вежи на сваях, 1628 г. (сгорела в 2002 г.). Фото автора, 1990

Рис. 41. Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорай» в Удмуртии. Усадьба крестьянина. Фото И. Шургина, 2009

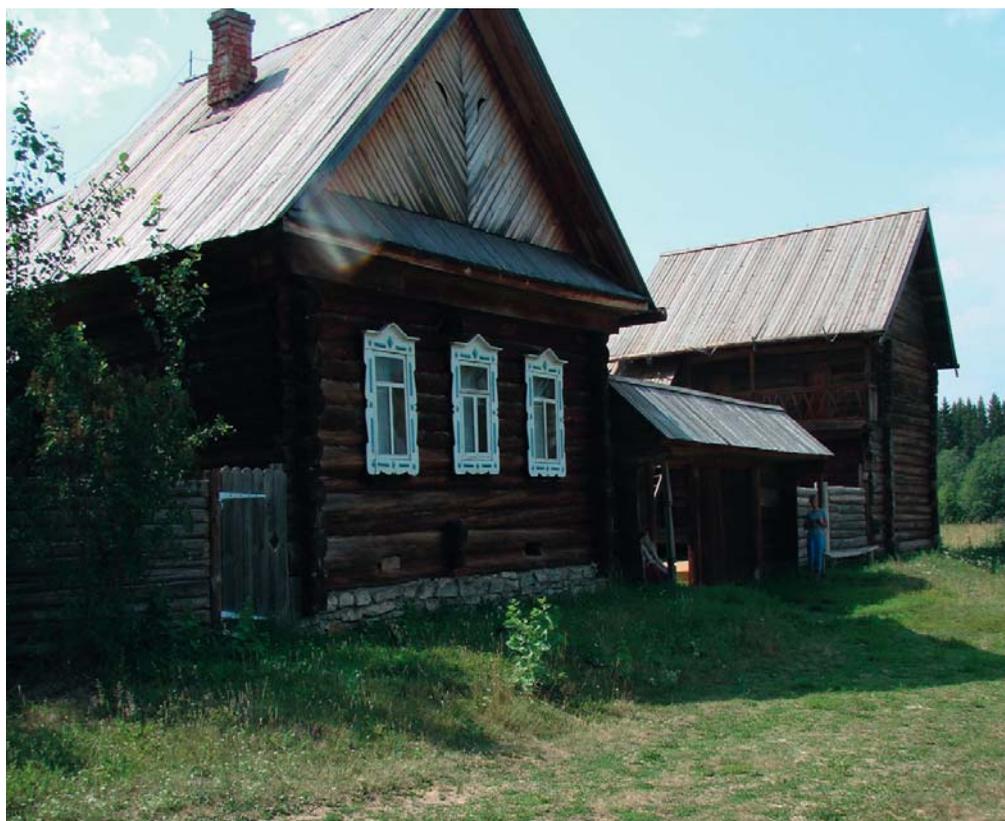

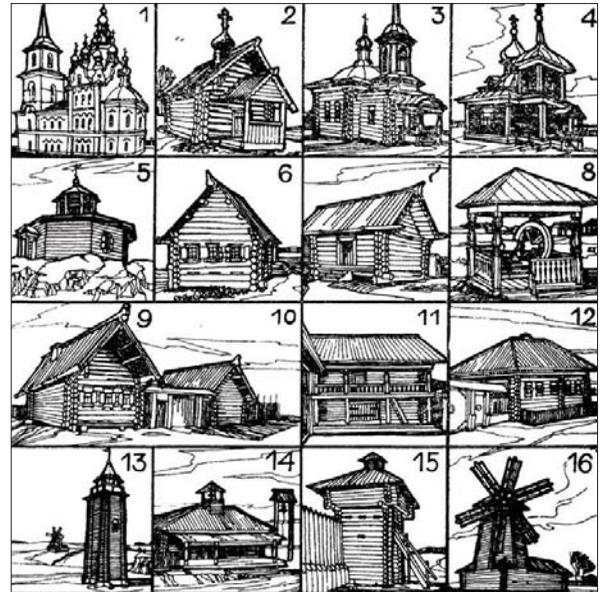
Рис. 42. Ибресинский этнографический музей под открытым небом в Чувашии. Крестьянская усадьба. www.museum.ru/M1339

Некоторые специалисты выделяют многообразие таких музеев по семи типологическим группам⁴⁴: 1) «классический» тип – музеи-скансены, отражающие культуру сельского населения⁴⁵; 2) музеи, отражающие культуру горожан; 3) музеи «профессиональной направленности» (индустрии, рыболовства и т. п.); 4) музеи-заповедники на базе памятников, сохраняемых на местах своего бытования; 5) отделы мемориальных музеев; 6) коллекции не соотносящихся между собой памятников; 7) археологические экспозиции.

Кроме того, такие музеи могут иметь федеральный, региональный, зональный (или субрегиональный), локальный, а также национальный характер, с учетом представления культур национальных республик или автономных образований. К региональным музеям относится наибольшее число музеев, существующих в Архангельской, Вологодской, Пермской, Иркутской и других областях.

Рис. 43. Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорай» в Удмуртии. Двор крестьянской усадьбы. Фото И. Шургина, 2009

- 1 Спасо-Преображенский собор
- 2 Часовня Ильи Пророка
- 3 Часовня Зосимы и Савватия
- 4 Часовня Вознесения
- 5 Часовня Александра Невского
- 6 Дом из деревни Младоры
- 7 Амбар из деревни Попово
- 8 Набоки из села Санжино
- 9 Дом из деревни Вогулка
- 10 Амбар из деревни Кушма
- 11 Амбар из села Муровское
- 12 Дом из села Пашильское
- 13 Стрелецкая башня пожарного депо
- 14 Пожарное депо
- 15 "Братский остров"
- 16 Мельница-шатровка из с. Матищенское

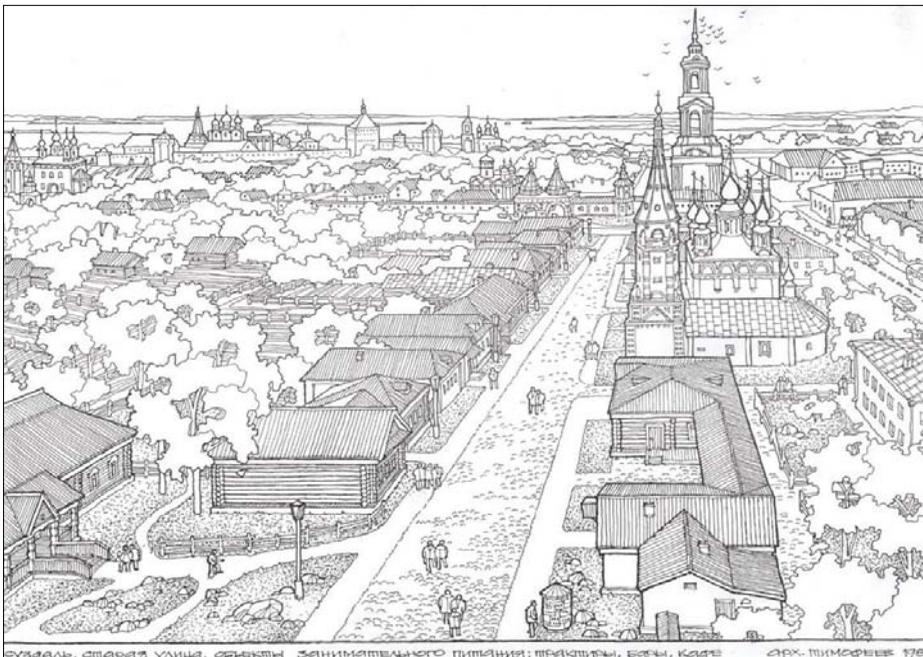
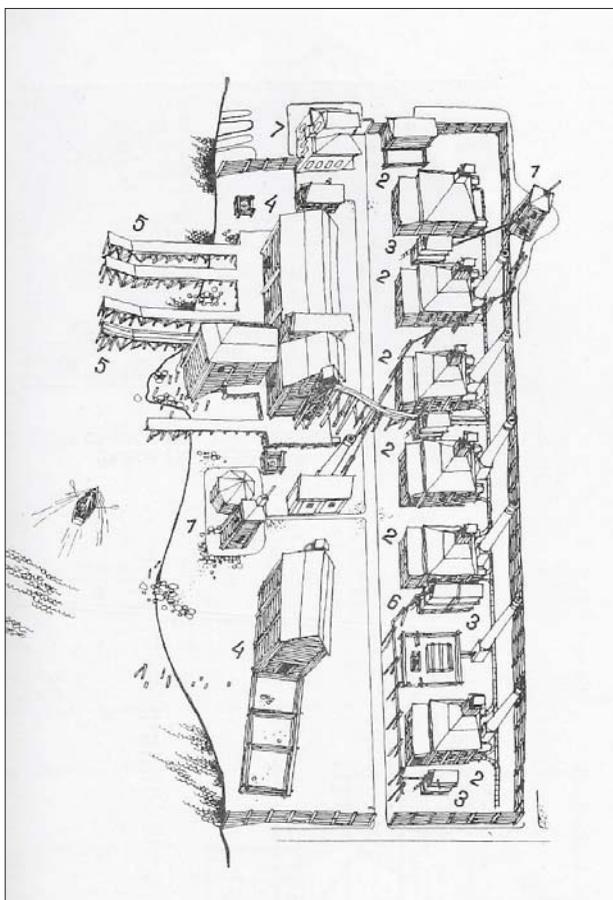

Рис. 44. Схема генплана музея народного зодчества села Нижняя Синячиха Свердловской обл. (по материалам арх. А.В. Долгова⁴⁶)

Рис. 45. Памятники народного зодчества в музее села Нижняя Синячиха Свердловской обл. (по материалам арх. А.В. Долгова)

Рис. 46. Город Суздаль – проект Старой улицы, 1986

Рис. 47. Музей истории солеварения «Усть-Боровский солеваренный завод» XIX в. в г.Соликамске, Пермский край. Проект арх. М.Ю. Барановского, 1980 (Единственный музей солеварения демонстрировал полный цикл производства соли. В 2002 г. сгорели амбары, 2003 г. – разрушен соляной ларь, 2004 г. – сгорели восстановленные соляные амбары, в 2005 г. – здание музея)

К субрегиональным – зональным, отражающим часть культуры региона, можно отнести музеи в Кижях, Суздале, Новгороде, Костроме, Улан-Удэ, Братске⁴⁷.

К национальным музеям причисляются специфические комплексы в Марий Эл (г. Космодемьянск), в Мордовии (близ Саранска), в Удмуртии и Пермской области, в Чувашии⁴⁸, так и не созданные музеи в Коми, Кировской обл. и др. Наиболее развитым в последнем перечне стал этнографический музей «Культура и быт народов Забайкалья» в Бурятии. Локальные музеи в нашей стране – это самая малая часть имеющихся сегодня музеев под открытым небом (например, с. Н. Синячиха в

Рис. 48. Город Суздаль. Музей деревянного зодчества и крестьянского быта. Преображенская церковь (1756) из села Козлятьево Кольчугинского р-на и Воскресенская церковь (1776) из села Патакино Камешковского р-на

Свердловской области, с. Веркола в Архангельской области), в сравнении с соседними странами бывшего СССР или Европы, где, как мы отмечали, они многочисленны. Однако примеры появления новых музеев имеются, но пока они малоизвестны и не имеют законченного облика.

Таким образом, система организации и методика формирования музеев под открытым небом (или музеев деревянного зодчества) в России может быть различной. Многие из них представляют культуру и быт как русских, населяющих изучаемые земли, так и малочисленных народов – вепсов, коми, пермяков и других групп в различные исторические периоды. Большинство этих музеев представляют главным образом сельский образ жизни и сельскую среду рубежа XIX–XX вв. и располагаются в стороне от крупных городов, в новой ландшафтной ситуации.

В типологическом отношении российские музеи под открытым небом можно разделить следующим образом:

1. Архитектурно-этнографические музеи или музеи деревянного зодчества – скансены, т. е. перевозимого типа, где превалирует демонстрация памятников сельского жилого, культового, хозяйственного и инженерного назначения. Возможно появление специализированных промышленных и сельскохозяйственных секторов, а также посадского (городского) сектора, показывающего городскую культуру (например, музей Вологодской области в с. Семенково). В дидактических целях или для

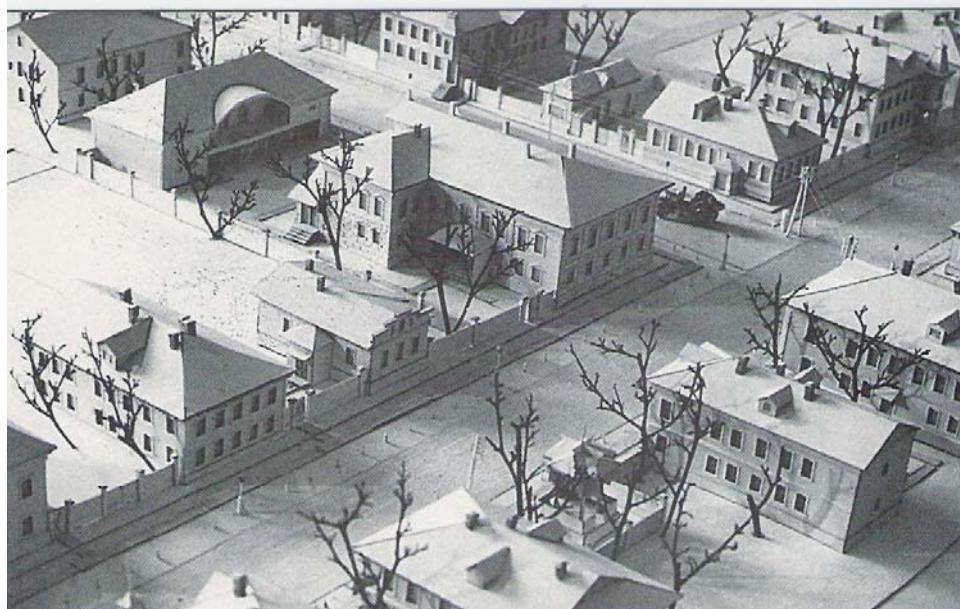
Рис. 49. Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске». Вид центральной части (рис. арх. Е. Барановского), 1975

*Рис. 50. Псковский
проспект
в г. Архангельске.
Старый Архангельск.
Фото 1899*

*Рис. 51. Макет проекта
«Старый Архангельск»
(авторы арх.
В. Барашков и др.), 1985*

*Рис. 52.
Заповедная улица
Чумбаровка – «Старый
Архангельск».
Перевезенный
реконструированный
дом XIX в.
Фото автора, 2007*

*Рис. 53.
Заповедная улица
Чумбаровка – «Старый
Архангельск».
Фото автора, 2007*

Рис. 54. Улица
в малом городе
Елабуга, Республика
Татарстан. Рис.
автора, 1987

создания объемно-пространственной композиции комплекса возможно восстановление копий исчезнувших сооружений.

2. Региональные или локальные сельские музеи «in situ», создающиеся на местах исторических поселений. В нашей стране их немного, поскольку они требуют вовлечения многих организаций в их создание, формирование партнерств и участия местного населения в такой деятельности. Здесь сохраняется территория и имеющиеся памятники, с историческим ландшафтом и проживающими местными жителями (например, с. Веркола, с. Кимжа в Архангельской области).

3. Музеи под открытым небом, имеющие смешанные функции, создающиеся на местах исторических поселений, но куда перевозятся и другие сооружения, образуя единый архитектурно-пространственный ансамбль (Музей на о. Кижы, Карелия; в с. Шушенское, Красноярский край). К таким музеям относятся и комплексы с промышлен-

ными памятниками (например, Музей солеварения в г. Соликамске, Пермская область).

4. Музеи под открытым небом в городах, где сохраняется отдельный квартал или блок городской застройки («Старый Суздаль», музей «Декабристы в Иркутске», «Мемориальная зона у дома-музея М.И. Ульяновой в г. Вологде» или в г. Ульяновске). Не лучшим методом можно назвать прием, когда на старую («заповедную») улицу перевозятся постройки из других частей города («Старый Архангельск»), когда можно было бы сохранить отдельные блоки – кварталы деревянного города. Сегодня же эта улица застраивается жилыми многоэтажными кирпичными зданиями, уничтожающими и без того искусственную среду разрушенного центра города.

Возможна организация историко-мемориальных музеев на основе отдельных домов или комплексов усадеб с набором разных деревянных сооружений или в определенных зонах (кварталах) малых городов, например в г. Елабуге⁴⁹, в Каргополе и др. Национальные парки – более сложные территориальные и поселенческие образования. В систему их организации входят зоны охраняемого ландшафта, памятников истории и культуры, флоры и фауны, археологии и исторические поселения, где проживают люди, занятые в сфере сельского хозяйства, рыболовства, ремесел и пр. Внутри этих комплексов могут создаваться и музеи «in situ» (например, в рамках Кенозерского парка и др.)⁵⁰.

Особую группу музеев составляют крупные музеи-заповедники, историко-культурные и мемориальные, военной истории и пр., но все они не являются в рамках европейской традиции «музеями под открытым небом». Мы также не склонны называть их таковыми, как и наши предшественники⁵¹.

По типу организации рассматриваемые нами музеи имеют различные принципы, по которым их можно классифицировать следующим образом:

1. Коллекционный, где главным признаком является демонстрация архитектурно-художественных качеств сельских построек с учетом их региональных и других особенностей, что можно видеть в музее г. Костромы. Сюда же можно отнести и другие музеи под открытым небом (Коломенское, Новый Иерусалим под Москвой, «Витославицы» в Новгороде, в Суздале, «Тальцы» под Иркутском, «Ангарская деревня» в Братске). Все они возникли приблизительно в одно и то же время и имеют схожую систему организации. В двух последних музе-

ях можно видеть отражение национальных особенностей отдельных групп населения представленных земель.

2. Региональный, отражающий специфику культуры историко-культурных регионов или зон изучаемых губерний (областей). Этот подход отображается в моделях поселений-секторов, наилучшим образом демонстрируя в своем архитектурно-пространственном строе средовой подход в изучении поселений и их жителей («Малые Корелы» и музеи Вологодской, Пермской, Нижегородской областей).

2.1. Региональный принцип, совмещенный с тематическим. Здесь сектора-деревни сочетаются с промышленными, сельскохозяйственными, охотничьими и рыболовецкими комплексами. Они отражают развитие техники, технологий, промыслов и прочих ремесел на определенной музейной территории, в сельской или городской среде. Но здесь же можно говорить о «посадском» секторе, где демонстрируется культура города рубежа XIX–XX вв. и ее влияние на сельские территории, т. е. начального периода развития модернизации в России (в музеях Вологодской и Пермской областей).

2.2. Региональный принцип, совмещенный с национальным, демонстрирующим культуру и быт различных этнических групп населения, проживающих на одной территории (русских, коми, пермяков, карел, вепсов и пр.). Это представлено во многих музеях под открытым небом по регионам страны (Кижский музей в деревне Хохловка, Забайкальский музей в Улан-Удэ и пр.).

3. Локальный принцип, представленный в музеях разных типов «*in situ*», т. е. в исторически сохраняемых поселениях, и отражающий специфику местной культуры, традиций и образа жизни населения конкретного села, деревни, группы сел, историю семей и конкретных личностей (с. Н. Синячиха, о. Кижский, с. Веркола и др.). Единственный пример промышленного музея «*in situ*», который можно, пожалуй, на сегодня привести, – это музей в Соликамске.

По уровню научного и проектного обеспечения все рассмотренные музеи стоят на достаточно сходных позициях. Ведущими специалистами в их организации, как правило, были архитекторы и лишь затем представители смежных наук: этнографы, историки, филологи, художники, а также специалисты инженерно-строительных специальностей. Влияние представителей других направлений общественных дисциплин, имеющих очевидное отношение к культуре – биологов, социологов, экономистов, культурологов, – не прослеживается в начальный период работы музеев, что сказалось на их функциони-

ровании, когда речь заходила о роли музеев под открытым небом в решении современных социокультурных и экономических проблем. Но постепенно эта ситуация стала меняться.

Заключение

Таким образом, нами рассмотрены история и основные подходы, развиваемые в европейских странах и в России, касающиеся как музейной деятельности, так и сохранения памятников в исторических поселениях и городах. Автором была проанализирована российская и зарубежная литература, многие идеи, как и материалы по формированию и современному состоянию музеев под открытым небом, были получены во время российских и международных конференций, проходивших по линии Европейской ассоциации музеев под открытым небом, членом которой является автор данного текста. Предлагаемый материал и анализ по таким музеям достаточно актуален для российских специалистов, занятых в музейной сфере, хотя и имеются разрозненные материалы по данной теме, опубликованные ранее^{52, 53}. Анализ истории, основных принципов и типов российских музеев под открытым небом становится важным для понимания места таких комплексов в музейной сети нашей страны⁵⁴. При таком подходе становится понятной роль и значение отечественных музеев в европейском контексте, их собственное место в европейской культуре. Это касается и музея деревянного зодчества «Малые Корелы». Далее мы предлагаем рассмотрение методов, основных принципов его формирования, с учетом приведенного выше европейского опыта и роли данного комплекса в процессе создания российских музеев под открытым небом.

История создания и формирования Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (1964–1974, 1974–1986 и 1986–2011)

1964–1974 гг.

Идеи создания музеев деревянного зодчества в нашей стране, как мы упоминали, возникли после Второй мировой войны, а на Архангельском Севере в конце 1960-х гг., а реализация – в начале 1970-х гг. Именно в этот период началось обследование и составление Свода памятников истории и культуры Русского Севера в рамках работ Министерства культуры РСФСР. Первоначально такие исследования касались культовых сооружений, дворянских усадеб, но позже они стали ориентироваться на анализ и жилого зодчества. Известные работы и монографии М. Красовского⁵⁵, И. Грабаря⁵⁶, К. Романова⁵⁷ и многие другие начала XX в. послужили толчком ко второму открытию Русского Севера специалистами именно в 60-е гг. Необходимо вспомнить исследователя, доктора искусствоведения И. Маковецкого, материалы которого по Русскому Северу легли в основу работ многих его последователей⁵⁸. Материалы Р. Габе⁵⁹ и А. Ополовникова⁶⁰ касались памятников Карелии и других территорий.

Это было время подъема интеллектуального и общественного движения, и людей, которые были в фарватере этого движения, сегодня принято называть «шестидесятниками». К ним относились многие писатели, поэты, музыканты, художники, искусствоведы и архитекторы. Поэтому не удивительно, что именно они и стали лидерами по продвижению идей создания таких музеев. Не стоит забывать, что в тот период было массовое увлечение Русским Севером и большое число исследователей разных сфер деятельности и просто любителей исторических материалов и культурного наследия перебывали во многих северных регионах. Обнаружилось огромное число памятников деревянного зодчества, разбросанных по многим местностям в Архангельской, Вологодской, Кировской и в других областях, которые находились в удручающем состоянии. Сохранить их в вымирающих или заброшенных деревнях было нереально.

В Архангельской области такими архитекторами – инициаторами создания музея под открытым небом в тот период стали главный ар-

хитектор области В.Н. Кибирев и архитектор АСНРПМ В.А. Лапин⁶¹. Следует заметить, что и местная администрация, и руководители Министерства культуры РСФСР поддерживали эту идею. Хотя противников переноса памятников было немало. Но не было и альтернативных предложений по реальному социально-культурному и экономически направленному проектированию в сельской местности, как не были исследованы и отработаны другие подходы к сохранению памятников, а также методы организации музеев под открытым небом еще не стали достаточно восприняты и апробированы.

Значимым событием в тот период стало всесоюзное совещание по проблемам памятников деревянного зодчества, проходившее в г. Архангельске в начале 1960-х гг. Именно после этого совещания, на котором обсуждалось катастрофическое состояние в сфере народной архитектуры, были даны предложения по изменению ситуации. Планировались реставрационные работы по памятникам области, а в июле 1963 г. Музейным советом (на общественных началах) было высказано предложение об организации заповедника под открытым небом в г. Архангельске⁶². Именно 17 июля 1964 г. и является датой рождения музея. Уже позже за музеем был закреплен участок в 30 га близ деревни Малые Карелы, на берегу речки Корелки, в 25 км от города. Участок выбирался долгое время, до этого стремились его найти поблизости от Архангельска, но остановились тем не менее именно на этой территории: прекрасные ландшафты, холмистая местность, поляны и лесные уголья были основными показателями при отборе места размещения музея.

*Рис. 55.
Ландшафты
вокруг музея
«Малые
Карелы».
Фото автора,
2006*

Рис. 56. Вид на музей «Малые Корелы» с колокольни из села Кулига Дракованова. Фото автора, 2006

Уже на этапе отбора территории и обсуждения основных направлений работы, помимо А.В. Лапина и других специалистов, к работе над музеем был привлечен московский архитектор-реставратор Б.В. Гнедовский⁶³. Под его руководством в 1968 г. был разработан во Всесоюзном производственном научно-реставрационном комбинате (ВПНРК) 1-й вариант генплана музея (в соавторстве с Л. Дмитриевой и др.). Было предложено секторальное деление пространства, где место отводилось и административному сектору, так и не реализованному до сих пор.

Были разработаны маршруты движения туристов. Однако в этот период Б.В. Гнедовский участвовал в разработке ряда других проектов, в том числе музея В.И. Ленина в с. Шушенском. Поэтому многие вопросы решались на месте в его отсутствие. С целью отбора памятников деревянного зодчества проводились экспедиции по районам области, давались предложения по их перевозке, разрабатывались проекты реставрации. Основным руководителем работ оставался В.А. Лапин с привлечением архитекторов из АСНРПМ, в том числе А. Гребенева, В. Суслина. Ими давались предложения к изменению генплана музея и Каргопольско-Онежского сектора, который восстанавливался первым и занимал центральное место при входе в комплекс.

В 1972 г. Музей деревянного зодчества становится архитектурно-художественным отделом в Архангельском областном музее изобразительных искусств, а в январе 1973 г. были закреплены охранные зоны музея-заповедника и его памятников. Весной этого же года музей был открыт для посетителей, что стало знаменательным явлением как для города Архангельска, так и для всей области и страны. По масштабу и качеству запланированных и предлагаемых эскизом генплана отбираемых памятников, их уникальных конструкций, декора, нового месторасположения, окружающего ландшафта и прочего ему не было равного на тот период, как, впрочем, нет и сегодня среди российских музеев под открытым небом.

Рис. 57. Колокольня XVI в. из села Кулига Дракованова Красноборского р-на Архангельской обл. – символ музея «Малые Корелы». Фото автора, 2005

В одном из первых вариантов, который не был утвержден, предполагалось, что музей будет размещаться на обоих берегах речки Корелки. Кажется, именно поэтому одним из первых объектов, перевезенный под руководством В.А. Лапина в 1968 г. на территорию музея, была шатровая колокольня XVI в. из деревни Кулига Дракованова с берегов р. С. Двина⁶⁴. Она была поставлена на месте первоначально предполагаемого Двинского сектора. Поскольку впоследствии был утвержден другой вариант, то колокольня была оставлена на месте, став символом музея. В двух вариантах генплана, 1968 и 1971 гг., рассматривалась возможность установки церкви из того же села, но позже от нее отказались из-за плохого технического состояния⁶⁵.

Такая же судьба постигла и мельницу-шатровку из д. Бор, которая сегодня стоит отдельно, на другом берегу реки. Но эскизы генпланов, выполняемые архангельскими специалистами, постоянно менялись, а стройка шла быстрыми темпами и требовалось иметь детально разработанный и утвержденный на всех уровнях генплан. Поэтому заказ на его разработку был передан в ВПНРК, в Москву.

Группа архитекторов под руководством Б.В. Гнедовского, куда входила Л.Н. Дмитриева, А. и Л. Александровы, начала работать над генпланом музея. Было предложено несколько вариантов. Вместе с архангельскими специалистами продолжалось исследование памятников, уточнялись их списки, давались рекомендации к их

*Рис. 58.
Никольская церковь
1719–1748 гг.
в селе Кулига Дракованова
Красноборского р-на
Архангельской обл. Вид
с северо-запада. Фото
Ю.Д. Рыбакова, 1972*

Рис. 59. Вариант генплана Музея под открытым небом Архангельской обл. (авторы: Б.В. Гнедовский, Л.Н. Дмитриева при участии А. и Л. Александровых). 1971

перевозке. Решением Архоблисполкома в августе 1971 г. первый вариант генерального плана музея-заповедника деревянного зодчества «Малые Корелы» был утвержден и осуществлялся вплоть до 1974 г. Территорию музея предлагалось разделить на несколько секторов, каждый из которых должен был демонстрировать культуру и архитектуру Архангельского Севера. Маршрут движения туристов должен был проходить от Каргопольско-Онежского сектора к Северо-Двинскому, затем к Пинежскому и Беломорскому и, наконец, к Мезенско-Лешуконскому.

Однако неравномерное финансирование работ, удаленность объекта от столицы, занятость московских специалистов и их редкое присутствие на архитектурном надзоре по строительству музея привели к тому, что работы стали выполняться архангельскими специалистами самостоятельно и в известной степени пришли в тупик. Основная проблема, на наш взгляд, состояла в том, что не было ясно, каким же образом и в какой последовательности вести проектные и реставра-

ционные работы. При этом не была отработана методика не только проектирования секторов, но и отбора памятников из того огромного числа имеющихся и требующих перевозки и сохранения сооружений, не выявлены основные принципы их размещения, а также и формирования усадеб.

Идеи, которые были заложены в генплане, не могли быть реализованы в реальности. Чертежа генерального плана, выполненного в небольшом масштабе 1:1000, явно не было достаточно. Многие объекты в первом реализуемом секторе, Каргопольско-Онежском, ставились «на глаз», без привязок на уровне чертежа. Порой в спорах по поводу установки объектов активную позицию занимали основные в тот период руководители области – секретари областного Комитета коммунистической партии или руководители управления культуры. Так было и с установкой огромной мельницы-шатровки из деревни Кожпоселок Онежского района, поставленной практически при входе в музей, близ ограды, хотя по всем ландшафтным законам она должна была бы стоять в поле, в стороне от объектов. (Именно это нами было позже предложено сделать в Проекте детальной планировки сектора в будущем – перенести ее в другое место, на косогор.)

Несомненно, Каргопольско-Онежский сектор выполнен удачно: и по набору интересных и уникальных памятников, и по планировке – площадь с храмовым комплексом в центре, по основной идее расходящихся улиц, которые позже мы попытались продолжить, придав им некоторую направленность. Памятники, которые представлены в секторе, заслуживают специального анализа, что мы рассмотрим ниже.

Стоит обратить внимание на то, что проектирование и все работы по музею выполнялись главным образом архитекторами с привлечением искусствоведов, инженеров и строителей, что было необходимо во время разработки проектов реставрации памятников. Но не был еще создан полноценный музейный штат, не привлекались этнографы, историки и другие смежные специалисты, что также затрудняло работу и проектирование музея. Кроме того с опозданием поступали тематико-экспозиционные планы, поэтому было неясно, какие экспозиции будут размещены в каждом из перевозимых объектов. Все это было сделано значительно позже.

Рис. 60. Каргопольско-
Онежский сектор
музея. Вознесенская
церковь XVII в.
и колокольня из
дер. Кушерека
Онежского р-на.
Фото автора, 2006

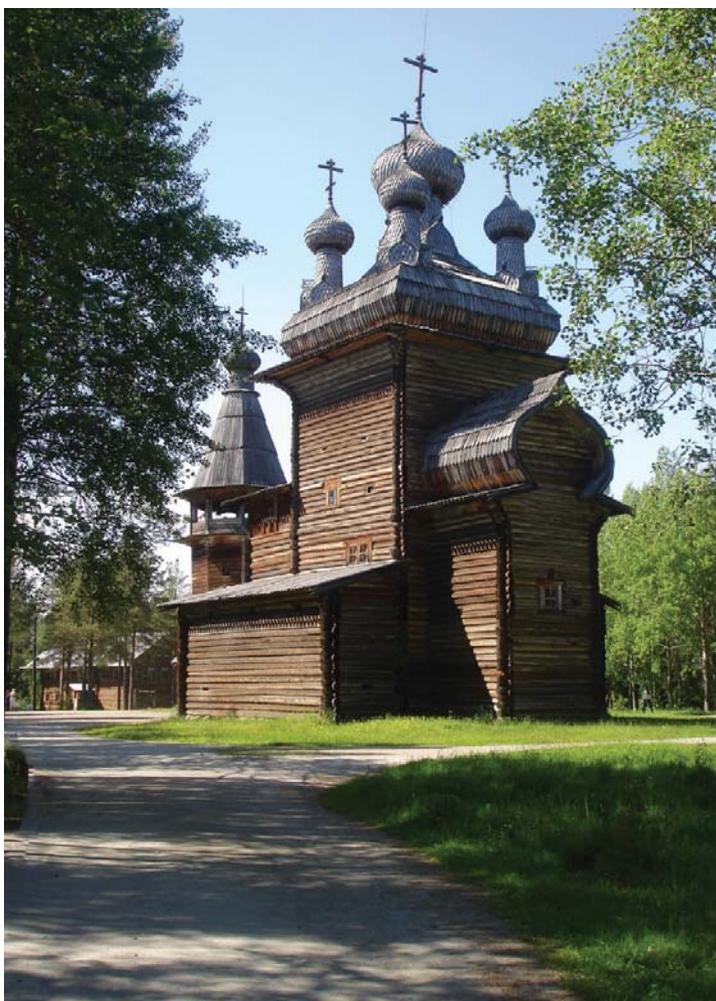

Рис. 61. Каргопольско-
Онежский сектор
музея. Жилой дом
Пухова из дер. Б. Халуй,
Каргопольского р-на.
Общий вид. Фото
М. Зака, 2008

1974–1986 гг.

В результате сложившейся неопределенной ситуации в 1974 г. Управлением культуры г. Архангельска было принято решение по ускорению формирования музея-заповедника деревянного зодчества «Малые Корелы» (на 1974–1976 гг.). В этой связи оно обратилось с заказом в созданный в тот период в Москве трест (позже объединение) «Росреставрация» на разработку нового генерального плана музея. К этому периоду его территория была увеличена до 75 га и начался новый этап в развитии музея. Работа была передана во вновь созданную мастерскую деревянного зодчества № 6, которую курировал главный архитектор треста и позже ее руководитель Б.В. Гнедовский. Работа по генплану музея выполнялась под его руководством и при непосредственном участии автора данного текста. Макет музея, как и отдельные предложения, делались при участии Л.А. Ткаченко.

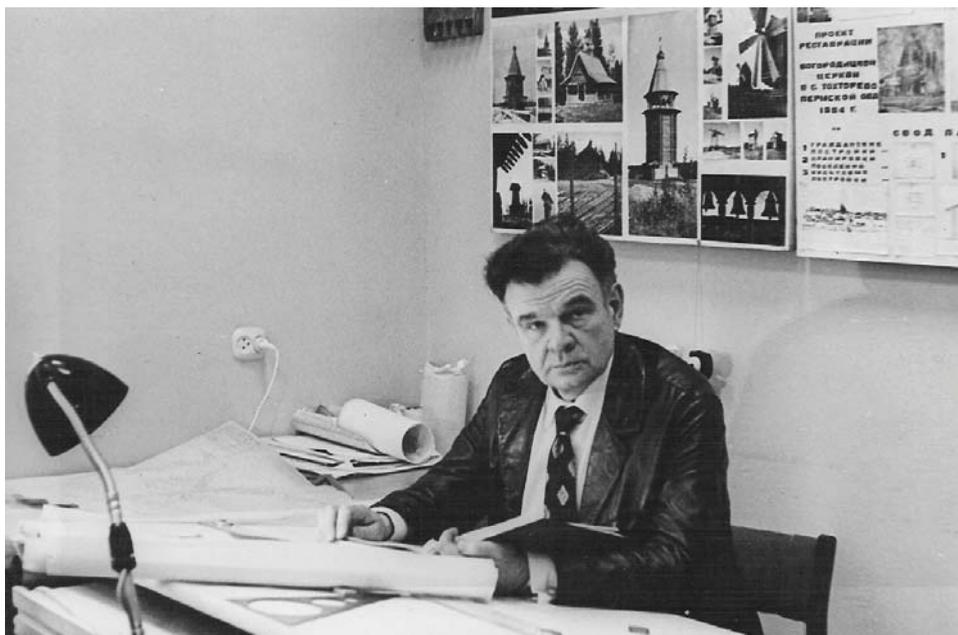
В этот период началось тотальное обследование области архитекторами мастерской. Многие консультации и рекомендации предоставляли В.А. Лапин, А. Гребенев и В.А. Суслин, поскольку они владели знанием области и наличествующих в ней объектов. Параллельно автор работала по Своду памятников истории и культуры Архангельской области в Поважье (Вельский, Шенкурский и другие районы), в Вологодской области, в Коми и пр., что также повлияло на научное обоснование генплана музея, и в частности на появление Важского сектора в его структуре. Сегодня уже очевидно, что годы с 1974-го до середины 1980-х были «звездным периодом» творческой работы мастерской, специализирующейся не столько на отдельно стоящих «деревяшках», сколько на музеях под открытым небом, о чем мы уже писали ранее⁶⁶. Б.В. Гнедовский в те годы был ее бессменным руководителем. Именно при нем территория обследованных и реставрируемых памятников была огромна: Архангельская, Вологодская, Иркутская, Кировская, Пермская, Ульяновская и другие области, а также районы Северного Кавказа. Обладая профессиональными качествами в области ре-

*Рис. 62.
Каргопольско-
Онежский сектор
музея. Жилой дом
Пухова из дер.
Б. Халуй, Каргополь-
ского р-на. Интерьер
избы. Фото М. Зака,
2008*

ставрации, порядочностью и несомненным обаянием, Б.В. Гнедовский был не только руководителем мастерской, но и наставником для своих подчиненных. В совместной работе по формированию музея «Малые Корелы» под Архангельском, как и музея Вологодской области, он доверял и поддерживал любые научные и поисковые начинания автора данного текста, которая возглавляла небольшую группу архитекторов и позже стала главным архитектором проекта музея. Борис Васильевич был деликатен в своих замечаниях и, что важно для руководителя любого ранга, не мешал и не завидовал в работе. Если автору и другим коллегам удалось продвинуть и реализовать многие проекты, то это во многом было заслугой разумного руководства известного реставратора, которого до сих пор мы любим и почитаем. И сегодня стоит признать, что вместе с уходом поколения наших учителей и наставников уходит

*Рис. 63.
Архитектор-реставратор
Б.В. Гнедовский
во время работы.
Фото автора, 1978*

профессионализм и уровень отношения к работе, как и тот интеллектуальный запас знаний и поведения, который был присущ еще дореволюционной интеллигенции и, соответственно, их ученикам.

В 1975 г. директором музея стала Л.А. Бострем, точнее, ее «поставило» руководство Комитета коммунистической партии Архангельской области. Очевидно, что, не работая до того в музее, не имея практики такой деятельности, она была не готова взять на себя руководство таким огромным музеем. Прежде работая в качестве председателя областного

Рис. 64. Главный вход на территорию музея «Малые Корелы» и ветряная мельница из дер. Бор. Фото Б.В. Гнедовского, 1979

Рис. 65. Л.А. Бострем — директор музея «Малые Корелы» с 1975 по 2005 г. Фото автора, 2005

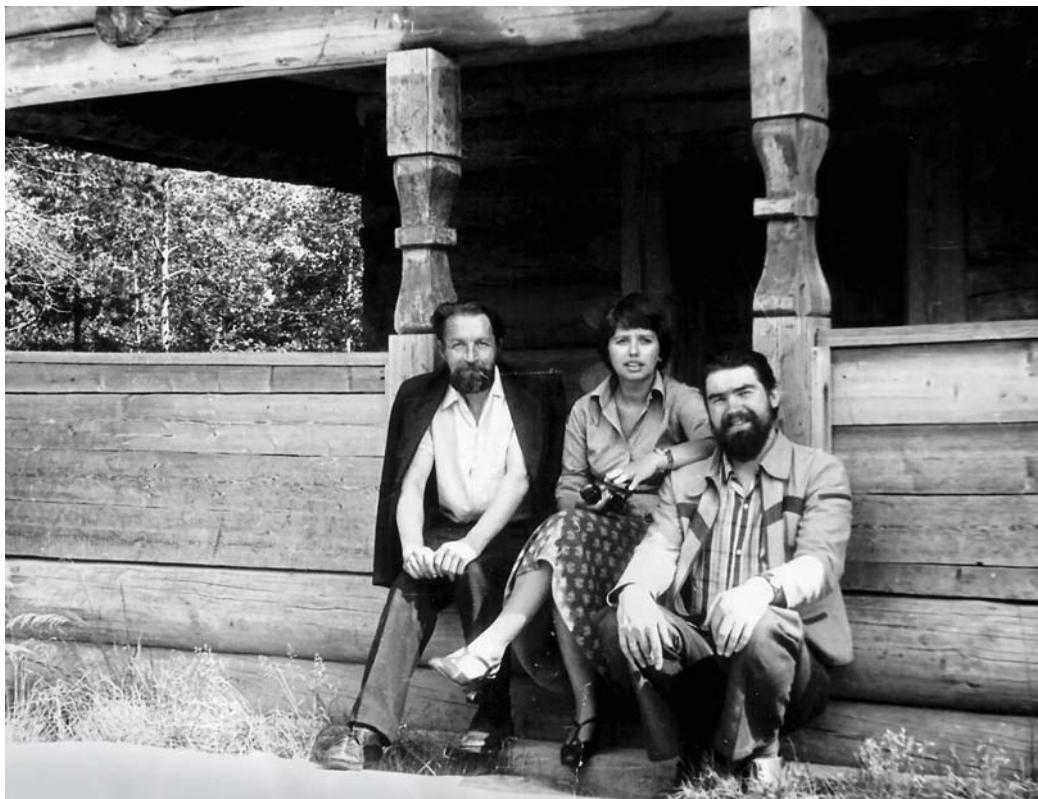

Рис. 66. Арх. Архангельской реставрационной мастерской А. Гребнев, автор генплана музея арх. О.Г. Севан и научный сотрудник музея, этнограф А.Н. Давыдов в музее «Малые Корелы». Фото В.А. Лапина, 1979

Рис. 67. Главный хранитель музея И.В. Данилов – один из организаторов восстановления колокольных звонов в музее. Фото А.И. Давыдова, 1977

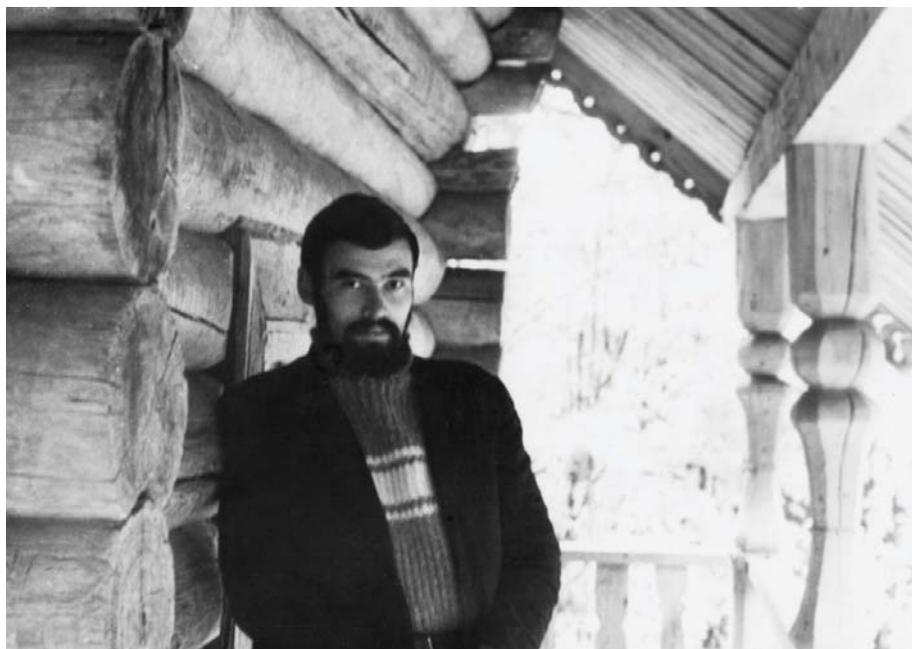

Рис. 68. Сотрудник музея Алексей Давыдов во время работы. Фото С. Митиной, 1978

отделения ВООПИК и будучи по образованию географом, Л.А. Бострем имела опыт и определенные знания в сфере охраны памятников, умела работать с коллективом. Кроме того, это был исполнительный и увлеченный человек, ответственный и болеющий за свое дело, конечно не без недостатков. Она постоянно обучалась у специалистов разных дисциплин. В первые годы своей работы охотно пользовалась консультациями окружающих ее коллег, доверяла как архитекторам, так и привлекаемым известным консультантам-этнографам. Опыт более чем тридцатилетней работы ее в качестве директора музея показывает, что выбор обкома в тот период был сделан верный.

Именно тогда стал складываться научный коллектив музейных сотрудников (А.Н. Давыдов, Ю. Любимов, В. Шелег, Г. Мовша, И. Данилов и пр.), которые создали остов и направления музейной деятельности в музее под открытым небом^{67, 68}. Совместно с москвичами началась работа по формированию музея и его нового генплана. Но, к сожалению, материалы и тексты от музейщиков к проекту генплана не были переданы – их просто в тот период не было. Все обсуждалось на ходу, поэтому основная часть работы легла на плечи архитекторов⁶⁹. Однако стоит сказать, что сложившаяся в тот период ситуация продолжалась и потом, когда уже музейный комплекс был создан, – именно архитекторы выступали лидерами многих разработок и предложений по развитию музея, музейные сотрудники, к сожалению, опаздывали. Времени на «раскачку» во время строительства у архитекторов не было: работая на договорных условиях с Управлением культуры Архангельской области, им приходилось выполнять взятые на себя обязательства в срок – этого требовал строительный комплекс и контроль со стороны Министерства культуры и объединения «Росреставрация». Ситуация у музейных сотрудников была иной: можно было не спешить, научные планы и разработки имели

*Рис. 69.
В.В. Лоханский
и сотрудница
музея – звонари
на колокольне
из села Кулига
Дракованова,
Каргопольско-
Онежский сектор.
Фото 1978*

*Рис. 70. Сотрудник
музея Е.И. Фокин
во время экспедиции
в Каргопольском р-не
Архангельской обл.
по сбору экспонатов
для музея. Фото
А.И. Давыдова, 1977*

порой не привязанный к территории «виртуальный характер», – и их востребованность была не столь очевидна. Неоднократно авторы проектов планировок секторов писали в дирекцию музея, требуя подготовить ТЭПы секторов заранее, но, увы, этого не происходило⁷⁰. Поэтому автор данного текста использовала наработки прошлого

Рис. 71. Работа над макетом музея «Малые Корелы». Арх. О.Г. Севан, арх. Л.А. Ткаченко. Фото Б.Д. Лурье, 1975

Рис. 72. Работа над Важским сектором музея. Арх. О.Г. Севан, арх. И.Л. Полторжицкий. Фото В.А. Муравлевой, 1983

опыта исследований и проектирования⁷¹, консультации с В.А. Лапиным, с Л.А. Дмитриевой, большой библиографический материал. Работа осуществлялась при общем руководстве Б.В. Гнедовского, при использовании части материалов предыдущих вариантов генплана музея, схем и чертежей. Обсуждение и утверждение проекта генплана музея проходило на Ученом совете треста «Росреставрация». И решением Архоблисполкома 20 октября 1975 г. генеральный план Архангельского музея деревянного зодчества был утвержден (авторы Б.В. Гнедовский, О.Г. Севан). Именно этот вариант проекта с некоторыми изменениями и дополнениями и был осуществлен в натуре, что мы можем видеть сегодня в музее. Важным в тот период стало постепенное становление методики формирования и строительства музея, о чем мы будем говорить ниже, и появление рабочих чертежей по проектам детальных планировок секторов – ПДП. Именно они и были тем реальным механизмом, который позволил довести до реализации идеи, заложенные в генплане, его уточнить, изменить или добавить то, что предлагала жизнь, проектная практика, новые материалы исследований.

Рис. 73. Архитектурный надзор за ведением производства работ в музее «Малые Корелы». Б.В. Гнедовский и О.Г. Севан, инженер музея Г.Н. Хабарова с группой специалистов из АСНРПМ. 1981

В этот период был создан постоянно действующий Научный совет, в который входили ведущие специалисты и архитекторы из Москвы и Ленинграда. При непосредственном участии сотрудника музея, этнографа А.Н. Давыдова, в него вошли ведущие специалисты в сфере этнографии: Т.А. Бернштам, Г.Г. Бабанская, Р.А. Итц, Т.А. Станюкович и др. Обладая не только научными, но и практическими навыками в музейной деятельности, они своими советами и предложениями помогали формированию музея, обсуждали проекты архитекторов, поддерживали новые идеи и начинания, порой критиковали руководство музея. Видимо, поэтому Совет, который сначала успешно функционировал, через несколько лет под нажимом дирекции музея практически прекратил свое существование, поскольку научные рекомендации и профессиональный анализ ситуации, как показала практика работы, «ограничивают» действия как музея, так и реставраторов⁷².

Во всяком случае, думается, что те успехи, которые проявились сегодня в организации музея, это и есть результат работы всех специалистов в начальный период деятельности музея, когда формировался основной состав научных сотрудников, которые, при согласовании с архитекторами, разрабатывали тематико-экспозиционные планы – ТЭПы – как для секторов, так и для отдельных сооружений. И если в период творческого созревания и обучения коллектива складывались и видоизменялись формы и методы работы музея, то потом, к сожалению, дальше уже апробирован-

Рис. 74. Защита канд. диссертации О.Г. Севан в МАРХИ «Народное деревянное жилище Русского Севера (Архангельская и Вологодская области)». Фото Н.П. Бровченко, 1981

ных и устоявшихся норм деятельности коллектив музея не продвигался.

В течение обозначенного периода (1974–1986 гг.) основные разработки по ПДП секторов, представляющих искусственно создаваемые поселения (небольшие деревни), проводились при непосредственном участии и руководстве автора данного текста. Это были архитектурные, исторические и искусствоведческие исследования, обмеры и проекты реставрации, а также инженерные работы⁷³. Постоянно осуществлялся архитектурный надзор за ведением работ по перевозке и установке сооружений в музее в соответствии с чертежами. В 1974 г., т. е. в начальный этап работы специалистов института, в музее насчитывалось всего 20 памятников. Их проекты реставрации были выполнены как архангельскими специалистами, так и архитекторами из других городов⁷⁴. Среди них было 7 культовых сооружений, 4 жилых дома (плюс 4 в проектах) и 7 хозяйственных построек.

В середине 1986 г. уже были готовы все проекты секторов (исключая Поморский). Кроме того, были даны необходимые привязки для установки перевозимых памятников на территорию, выполнены проекты реставрации основных сооружений. Проектирование и реставрация проводились совместно с АСНРПМ и другими специалистами⁷⁵. Сегодня по результатам реализации генерального плана 1975 г. в музее насчитывается 120 сооружений. Несомненно, это самый крупный в России музей под открытым небом, куда перевезены и где сохраняются памятники деревянного зодчества. Другое дело – как они сохраняются и используются, каково качество их реставрации, ремонта и пр., но это специальная тема анализа.

В 1981 г. автор защитила кандидатскую диссертацию, где был проведен анализ и даны типологические обоснования жилого зодчества, хозяйственных построек и малых форм архитектуры по регионам областей⁷⁶. Эта работа стала основой для уточнения историко-культурного зонирования территорий ис-

Рис. 75. Архитекторы АРМ № 6 Г. Кашеярова, И. Полторжицкий, директор музея Л.А. Бострем, доктор арх. А.В. Ополовников, архитекторы АРМ № 6 В. Есин, О.Г. Севан, гл. инженер АСНРПМ В. Хомутов в Северо-Двинском секторе музея. Фото рук. АРМ № 6 Л.А. Ненаглядкина, 1982

следованных земель, что, в свою очередь, позволило скорректировать предлагаемые сектора-деревни как в музее «Малые Корелы», так и в музее Вологодской области, а также были даны научные обоснования к отбору перевозимых памятников на их территории.

Но в 1986 г. автор вынуждена была оставить мастерскую и перейти работать в Научно-исследовательский институт культуры – НИИК (сегодня Российский институт культурологии). Еще раньше Б.В. Гнедовский был смещен с должности руководителя мастерской и переведен в главные специалисты ИСПР, что сказалось на научной и проектной работе мастерской деревянного зодчества, в которой им было собрано более сорока специалистов разных дисциплин, имеющих отношение к реставрации деревянных сооружений. Не это ли уникальное явление в истории российской реставрации! Позже и другой руководитель, известный реставратор Л.А. Ненаглядкин, также был вынужден уйти из мастерской. Интриги, зависть, непрофессионализм со стороны руководителя «нового типа» (искусствоведа И.Г. Семеновой) сказались на уровне работ, а затем привели к развалу и исчезновению уникальной реставрационной мастерской.

К счастью, работа по архитектурному проектированию музея к 1986–1987 гг. в основном была закончена (не считая Важского и Поморского секторов, которых нет и сегодня), хотя реставраторы АРМ-6 в течение трех лет работали над музеем. Следовало ее продолжить уже сотрудникам музея – методика была отработана и предложена, механизмы реализации запущены, и многие проекты могли быть реализованы уже без участия московских архитекторов, с привлечением местных специалистов. В результате работа в сфере развития музея и авторский надзор за реставрацией памятников и в постперестроечный период легли на плечи сотрудников музея и его дирекции, что оказалось отнюдь не разумным решением. Московские специалисты более не привлекались к архнадзору за памятниками, за формированием секторов и пр. Началось, на наш взгляд, использование территории и сооружений в туристических целях, что давало средства и популярность музею как в нашей стране, так и за рубежом, но не позволило продвинуть его развитие в современном направлении, что можно видеть в европейских учреждениях такого типа.

Но наличие большого количества различных первоклассных сооружений, уникальная пространственная и ландшафтная среда, разнообразные экспозиции, известность музея позволили его

реорганизовать в 1986 г. из филиала областного музея изобразительных искусств в Государственный музей деревянного зодчества и народного искусства (АМДЗиНИ). Это придало музею новый импульс, должен был начаться следующий этап его развития.

1986–2011 гг.

В этот период завершалось строительство объектов на Пинежском секторе, продолжалась работа по формированию Важского сектора, который так и не был построен. Перемены в стране в 90-е гг. не лучшим образом сказались на деятельности музея, особенно в первые годы. Государственное финансирование резко сокращалось, и приказом Управления культуры Архоблисполкома в начале 1991 г. музей был переведен на новые условия хозяйствования. В результате музею пришлось зарабатывать продажей изделий народных промыслов, проведением ярмарок, праздников и пр. Но этих средств было недостаточно для поддержания большого количества деревянных памятников – они приходили в упадок.

Посещение музея президентом России Б.Н. Ельциным было важным событием как для г. Архангельска, так и для самого музея. Прием, который был оказан, с демонстрацией уникальных сооружений и ландшафтов, катанием на тройках и на качелях, чаепитием и пр., – все это транслировалось по всем СМИ, – повлиял на дальнейшую судьбу комплекса⁷⁷. Это изменило не только статус музея, но и улучшило его финансирование. Начиная с 1986 г. по сегодняшний день территория музея заметно увеличилась – с 75 до 139 га, как и количество памятников. Он приобрел большую известность, в среднем в настоящее время ежегодно его посещает 100 000 туристов, иностранные гости, а в праздники здесь ежедневно бывает до 8000 человек. Специалисты музея занимаются издательской деятельностью, проводят конференции, выставки, образовательные проекты и пр. Некоторые из бывших сотрудников известны в странах Европы (канд. ист. наук А.Н. Давыдов, В.Г. Кондратьева и др.), участвовали в международных проектах, в различных неправительственных организациях и пр.

В конце 2005 г. ветерана – директора музея Л.А. Бострем – руководство Федерального Агентства по культуре и кинематографии Министерства культуры РФ неуклюже отправило на пенсию. Она проработала на этой должности 30 лет. Появился новый специалист – бывший директор му-

зая-заповедника «Соловки» М.А. Лопаткина. Руководитель нового типа, менеджер, с ориентацией на технологии в сфере информации, рекламы, PR-компаний, с новыми идеями по использованию территории предложил разработать программу дальнейшего развития музея. Затем пришли новые руководители, и наступил новый этап в его истории, которая оценивается специалистами и общественностью по-разному⁷⁸. Но факт ухода из музея многих сотрудников, которые долгие годы работали в нем, очевиден. Как и то, что состояние памятников деревянного зодчества за последние годы заметно ухудшилось, многие из них находятся в катастрофическом состоянии. Авторы проектов реставрации не привлекались последние десятилетия к анализу и надзору за состоянием сооружений, а знаний и, возможно, заинтересованности у новых руководителей было недостаточно, да и приглашаемые местные специалисты не имели опыта работы в реставрации.

В 2006 г. был разработан проект программы «Стратегии сохранения и развития музея деревянного зодчества и народного искусства "Малые Корелы"»⁷⁹. Она определяет основные направления деятельности, исходя из новых задач, подходов и современного менеджмента в культуре. Следом был выполнен новый дополненный вариант генплана музея на 139 га⁸⁰. В нем были учтены предложения, которые были заложены в новой программе развития музея, но об этом мы будем говорить позже.

Вскоре был назначен новый директор, затем следующий... И можно лишь надеяться, что ряд идей по современной организации и развитию как европейских, так и российских музеев под открытым небом, которые были очерчены нами выше, будут использоваться в дальнейшей деятельности музея «Малые Корелы» его руководством и сотрудниками.

Рис. 78. Рук. АРМ № 2 В. Кеслер, арх. АРМ № 6 В. Муравлева, О. Севан, инженер В. Истюжнина во время празднования 25-летия ИСПР, 2002

Рис. 76. Арх. О.Г. Севан, В.А. Муравлева, И.Л. Полторжицкий с коллегами из ВПНРК в музее «Малые Корелы», 1984

Рис. 77. Арх. О.Г. Севан, этнограф Г.Г. Бабанская (Государственный музей этнографии, г. Ленинград), руководитель АРМ № 6 Б.В. Гнедовский, директор музея Л.А. Бострем во время осмотра памятников, 1982

Глава 2

Научно-методическое обоснование проектирования генерального плана и отдельных секторов-деревень, отбора памятников для перевозки в музей «Малые Корелы»

Село Погост, Каргопольский р-н. Рис. автора, 1982

Экспедиции по выявлению памятников Русского Севера. Рекомендации по перевозке сооружений в музей

Поскольку автор данного текста являлась архитектором и затем главным архитектором проектов при формировании Архангельского музея деревянного зодчества «Малые Корелы» – АМДЗ (1974–1986 гг.), то мною выполнялись основные научно-методические разработки по обоснованию генплана музея и его отдельных секторов, которые были в основном реализованы в названном музее. Под моим руководством проводились научные экспедиции по обследованию сельских поселений, памятников, их деталей, давались рекомендации к отбору и перевозке сооружений. По результатам обследований многих районов области были выполнены Научные отчеты. Проводились исследования и фотофиксация, обмеры построек и усадеб, выявлялись социокультурные основания развития жилищ, интерьеров, домовых росписей, конструкций. Позже эти материалы частично были опубликованы⁸¹ (Приложение 1).

Задания на обследование сооружений, поселений по различным районам (историко-культурным зонам) Архангельской области с целью отбора и перевозки памятников на территорию музея предлагались Заказчиком, коим в период формирования музея являлось Управление культуры Архангельского областного исполнительного комитета – Архоблисполкома. Сотрудники мастерской по исследованиям и реставрации памятников деревянного зодчества московского

Рис. 79. Арх. Л.А. Ткаченко и О.Г. Севан во время экспедиции по обследованию памятников Лешуконского р-на, р. Мезень, Архангельская обл. Фото Н.П. Бровченко, июль 1975

института «Спецпроектреставрация» проводили по несколько экспедиций в год на территории области. Кроме того, они выезжали на обмеры сооружений, а затем и на руководство по разборке и перевозке памятников на территорию музея. Как правило, исследования проходили в

Рис. 80. Арх. Н.П. Бровченко во время экспедиции по обследованию памятников Лешуконского р-на, р. Мезень, Архангельская обл. Фото Л.А. Ткаченко, июль 1975

летний период, отчеты, обмеры и проекты реставрации готовились в зимний период, как и транспортировка, поскольку по зимним дорогам было легче ее осуществлять. Это проводилось как бригадами плотников из АСНРПМ под руководством архитекторов из Москвы, так и местными реставраторами.

Экспедициям предшествовали исследования архивов различных реставрационных мастерских и институтов, где до этого проводились подобные экспедиции⁸², важным было изучение библиографии, что давало материал и наводило на поиски значимых и отмеченных ранее специалистами объектов. В первую очередь составлялись маршруты поездок, находились подробные карты районов и сельских советов, что в советское время было непростым делом, поскольку официально изданные карты могли быть лишь некоторым ориентиром на местности, а детальные дороги, переправы и многое другое, даже нежилые заброшенные деревни в большинстве своем были засекречены. Для получения карт требовался специальный допуск, которого у нас, естественно, не было. Но эти вопросы тем не менее решались. Кроме того, мы брали с собой письма-мандаты, с обращением ко всем

главам различных государственных инстанций, совхозов и колхозов за помощью в работе, жилье и транспорте. Такие письма подписывались либо представителями Министерства культуры РФ, либо руководством института или руководством Архоблисполкома. Эти документы давали полную легитимность работы нашим сотрудникам и «открывали двери» во многие инстанции на местах. К слову сказать, с самого начала наших исследований мы отмечали теплое отношение и понимание населением значения создаваемого под Архангельском музея под открытым небом. Вызывало повсеместное удивление, что молодые архитекторы оставили свои семьи, детей в далекой столице и приехали изучать, обмерять и фотографировать постройки, которые для них на самом деле были повсеместными ежедневно используемыми «предметами» и часто назывались «старьем».

Маршруты поездок складывались по-разному: либо это был районный центр, из которого на один или несколько дней расходились исследовательские группы, либо осуществляли сплав по рекам. В этой ситуации (например, на реках Пинеге, Мезени) самолет доставлял группу в верховье реки, где находилась старая лодка на берегу, она конопатилась, заказывались весла, ставился самодельный парус. И начиная с верховья рек, от деревни к деревне, исследовались все населенные пункты. Это было удобным методом передвижения, поскольку архитекторы ни от кого не зависели, не нуждались в бензине (постоянная сельская проблема) и можно было рассчитать время своего прибытия на определенное место. Конечно, это было ро-

Рис. 81. О.Г. Севан во время экспедиции по обследованию памятников и росписей в В.-Тоемском р-не, р. С. Двина, Архангельская обл., совместно с сотрудником музея. Фото Е.И. Фокина, 1977

Рис. 82. В.А. Муравлева, О.Г. Севан и Миша Севан во время обмера часовни Зосимы и Савватия в дер. Березник в Вельском р-не, р. Вага, Архангельская обл. Фото И. Л. Полторжицкого, 1982

мантично в хорошую погоду, но сложно в период дождей и в условиях резко меняющейся северной погоды (что было, например, на р. Мезени). Осложнением было и прохождение больших расстояний между группами деревень, и в такой ситуации, как и местные рыбаки и охотники, мы пользовались охотничьими избушками, стоящими по берегам рек и в лесах. Готовили еду, отдыхали и ночевали. Одна из таких построек перевезена в музей «Малые Корелы». Именно во время такой экспедиции по р. Пинеге, в ее верховье, по подсказке местных жителей, нами было обнаружено поселение Хорнемское, о котором мы писали и которое в виде трех разных типов сооружений и амбаров уже представлено в музее⁸³ (см. п. 3.3 и рис. 182).

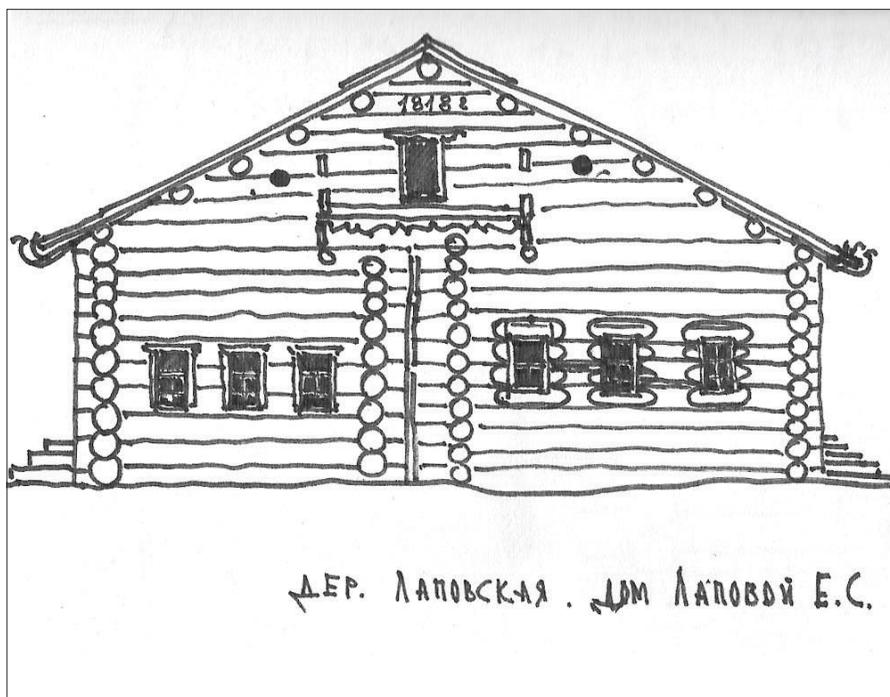
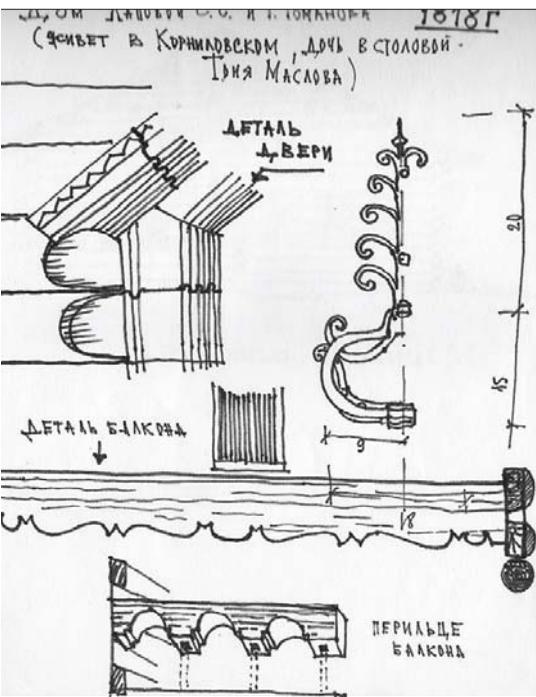
Иногда при исследовании и обмерах различных построек, предполагаемых к перевозу в музей, участвовали и наши дети, которые не только помогали нам в процессе работы, но и изучали культуру северных сельских поселений и их жителей. Это была не только определенная практика, но невольное постижение образа русской деревни. В дальнейшем такие поездки сказались на их восприятии мира, воспитав любовь к Русскому Северу, и, будучи очарованы им, как и памятниками и ландшафтами, они также стали профессиональными архитекторами⁸⁴.

Но в процессе экспедиции многие из отмеченных или рекомендуемых нами до поездки сооружений, к сожалению, уже не существовали. Поэтому становилось необходимым проводить «повальное обследование» и анализ различных видов всего наследия, что встречалось в деревнях, различных типов сооружений и их деталей. В процессе работы и это постепенно стало понятно, что необходимо не только изучать и фиксировать памятники, но и организовывать социокультурные исследования территорий – это опрос местных жителей, администраций районов и сельских советов, – проводить визуальное

наблюдение и пр. Фотофиксация осуществлялась поэтапно: от общих видов и ландшафтов поселения и его окружения, основных видовых точек поселения, культовой архитектуры, разных усадеб, жилого зодчества, хозяйственных построек, малых форм архитектуры, различных конструктивных и декоративных деталей. Важно

*Рис. 83. Миша Севан
на обмерах дома
В.Я. Клокотова
в дер. Заозерье
Мезенского р-на,
Архангельская
обл. Фото
И.Л. Полторжицкого,
1983*

было зафиксировать уникальные портреты местных жителей, которые нас дружески принимали в своих домах (гостиницы – «дома колхозника» – находились лишь в районных центрах), давали интервью, сообщали исторические данные о сооружениях, о «семейных древах». Этот материал впоследствии становился основой реставрации памятников в музее «Малые Корелы» (например, дома Клокотова). С таким же успехом этот подход предлагался в связи с организацией музеев «in situ» и в рамках программы развития, например, Кенозерского национального парка, что было сделано нами позже⁸⁵.

В процессе работы в экспедиции составлялись рабочие паспорта на памятники, в дорожные блокноты заносились шагомерные планировки поселений, сведения о сооружениях, их замеры, рисунки, фиксировались детали. Сведения о народных постройках крайне редко можно собрать на месте, но тщательный осмотр позволяет установить время их строительства – старожилы и хозяева также подсказывали сведения о сооружении, имя строителей дома и пр. Позже проводилась камеральная обработка материалов, составлялись списки рекомендуемых к перевозке памятников, которые обсуждались в музее, а по итогам решения Ученого совета приобретались рекомендуемые нами сооружения (Приложение 4).

Большая часть предложенных и уже стоящих домов были обследованы именно во время экспедиций. Один из таких объектов – дом Тропина – позже был обмерен, затем выполнен проект его реставрации (арх. Б.П. Зайцев), а затем в 1979–1980 гг. был разобран и перевезен на территорию С. Двинского сектора. Помимо обмеров

Рис. 84.
Схематический
рисунок деталей
и замеры дома
Лаповой Е.С. 1818 г.,
дер. Лаповская,
В.-Тоемский р-н,
р. С. Двина. Рис.
автора, 1975

Рис. 85.
Схематический
рисунок фасада
и замеры дома
Лаповой Е.С. 1818 г.,
дер. Лаповская,
В.-Тоемский р-н,
р. С. Двина. Рис.
автора, 1975

самого дома, уже позже, когда он стоял в музее, нам пришлось обследовать его усадьбу на месте его первоначального строительства в деревне Семунинская. Пришлось собирать информацию у местных жителей, обмерять остатки фундаментов всех построек усадьбы, их размещение в ландшафте, с тем чтобы восстановить этот комплекс в конкретном историческом виде. Было изучено и составлено древо семьи Тропиных, проводилась работа в архивах г. Архангельска, Москвы и пр. Вся эта дополнительная работа стала необходимой, поскольку в процессе работы над секторами изменилась методика представления жилых усадеб в музее: не только по типологическому принципу, но исходя и из образа жизни конкретных исторических семей. Автором этого текста был предложен проект восстановления усадьбы, но он, к сожалению, не был реализован в музее⁸⁶.

Некоторые экспедиции проводились нами совместно с музейными сотрудниками, и, как правило, это было полезным для понимания совместных задач формирования музея. Такие группы были междисциплинарными (архитекторы, этнографы, искусствоведы, фольклористы, инженеры). Кроме того, сообща проводился поиск движимого культурного наследия (прялок, мебели, деталей конструкций и пр.),

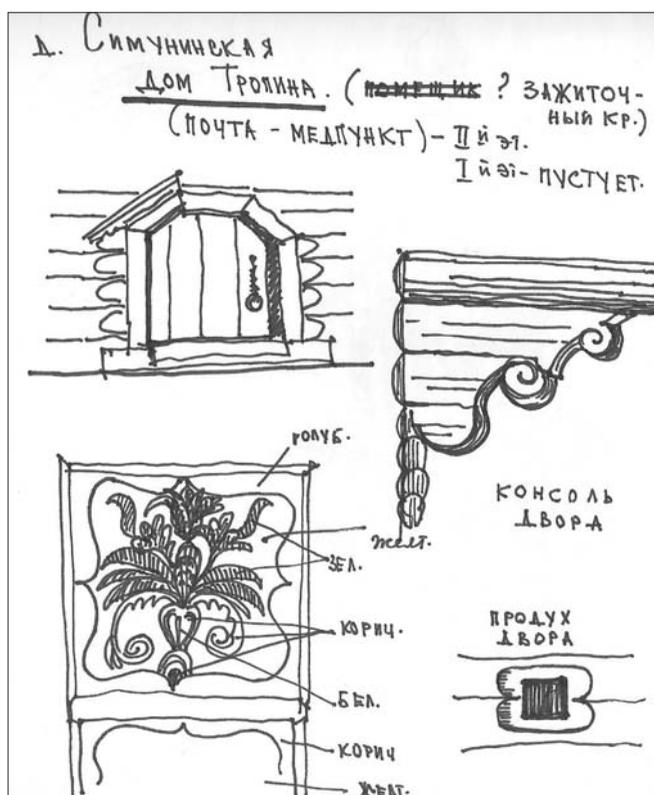

Рис. 86. Декоративные детали дома Тропина, перевезенного на территорию С. Двинского сектора музея в 1979 г.
Рис. автора, 1975

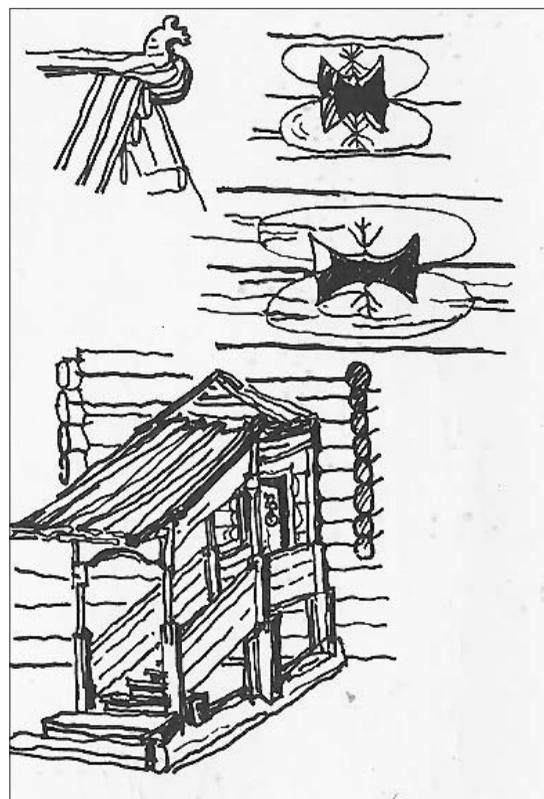

Рис. 87. Декоративные детали домов бассейна р. С. Двины, обследованных во время экспедиции.
Рис. автора, 1975

что сегодня находится в фондах музея. Ряд наших экспедиций имел определенную направленность – например, они ориентировались на поиски расписных домов в поселениях бассейна р. С. Двина⁸⁷ или обетных крестов по берегам р. Мезени в 1983 г. и позже они были перевезены в музей, как, например, столб основания деревни Березник на Мезени⁸⁸.

Научные отчеты по экспедициям представляют интерес и историческую научную ценность – ими пользуются сегодня сотрудники музея, поскольку их копии находятся в архиве. А.Б. Пермиловской совместно с музеем была издана книга, в которой использовались упоминаемые и другие наши материалы, на которые были поставлены архивные номера АМДЗ. Нет ссылок на первоисточники, которые хранятся в институте «Спецпроектреставрация», и без разрешения автора были опубликованы фотографии и прочее⁸⁹. «Закон об авторских и смежных правах» был нарушен, но доказать этот факт нам, к сожалению, не удалось.

Не каждый заслуживающий внимания памятник архитектуры был рекомендован для перевозки, поскольку он мог иметь важное зна-

Рис. 88. Схема плана дер. Кулига Дракованова, Красноборский р-н Архангельской обл. Арх. И.Л. Полторжицкий, В.А. Муравлева, О.Г. Севан. Обмер, 1983

Рис. 89. Замеры деталей жилого дома Докунина П.А. в дер. Ламлево В.-Тоемского р-на Архангельской обл. Рис. автора, 1975

Рис. 15. СХЕМА ГЕНПЛАНА.
д. Кулига Дракованова,
Архангельская обл. Красноборский Р-Он
Пермогорский с/с.

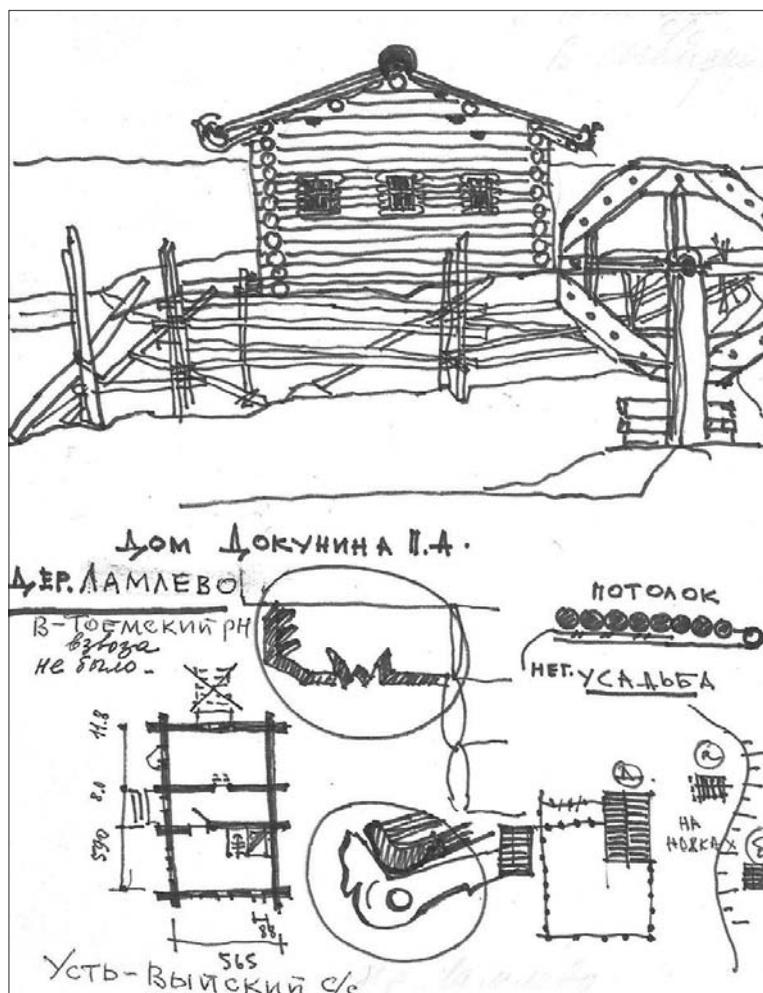
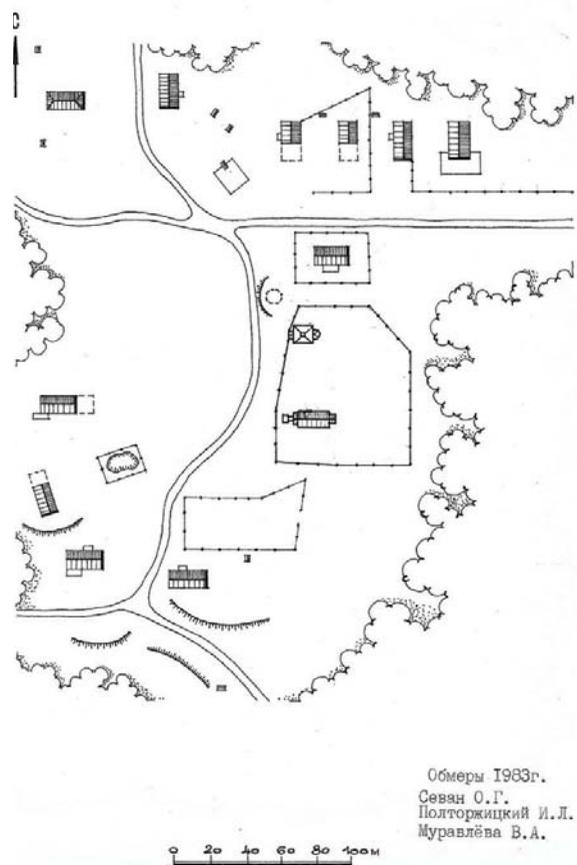

Рис. 90. Обследование памятников и поселений Архангельской обл. В.-Тоемский р-н, река С. Двина. Арх. Ольга Севан на коне (шеломе). Фото Н.П. Бровченко, 1976

чение в ландшафте данной местности, где проживают люди, которые могут его сохранить, поддерживать в хорошем состоянии, и имелась заинтересованность местных властей в этом, однако последнее встречалось, к сожалению, крайне редко. Поэтому если не было возможности приобрести памятник для перевозки в музей, например, жилых домов или хозпостроек, то проводилась работа с местными жителями, с учителями и школьниками о значении памятника для местной культуры, о возможности его сохранения и использования в будущем. Но средств, как правило, на их поддержание не было, да и отсутствие действующих законодательных норм не позволяло сохранять сооружения в местах их бытования. Особенно это касалось культовых сооружений. Мало что изменилось с тех пор и сегодня – ситуация лишь усугубилась, еще большее число уникальных и имеющих региональную специфику памятников исчезло, покинуты многие поселения и последние приходят в запустение. Публикации и обращения к руководству государства не имели успеха⁹⁰...

Таким образом, экспедиционная работа являлась одним из значимых аспектов работы архитекторов в рамках проектирования и создания музея под открытым небом (или архитектурно-этнографического музея) «Малые Корелы». Даже изымая памятник из его исторической среды, из присущего ему окружения, как бы обедняя исчезающие поселения, мы все же сохраняем его на новом месте – в музее. К со-

жалению, надо признать, что многие деревни, откуда были вывезены отобранные памятники, или уже совсем исчезли (д. Кулига Дракованова на р. С. Двине; д. Чурковская, р. Вага), или находятся на грани вымирания. И все меньше возможностей остается для сохранения уникальных сооружений на местах, хотя такие попытки осуществляются и имеют некоторый успех (д. Верхняя Уфтюга на р. С. Двине; д. Веркола, р. Пинега). Это заметно и в организуемых национальных парках (например, в Кенозерском). Методика исследования и сохранения исторических сооружений на местах их создания, организация их охраны и использования, в том числе в музеях «in situ», нами прорабатывалась в последние годы и частично представлена в публикациях⁹¹.

Выполнение рисунков поселений, памятников и их деталей стало особенностью и новым методическим направлением во время работы автора в ходе обследований. Участники экспедиций также делали собственные зарисовки. В этом процессе кроется, на наш взгляд, особенность представления духа места на новой территории искусственно создаваемых деревень-секторов, памятников и даже ландшафтов, откуда эти сооружения перевозились. На этом мы остановимся несколько подробнее, поскольку смысл такой авторской демонстрации кроется в последовательном процессе: «чувственное внедрение в среду» – ее изучение – фиксация – проектирование – реализация – контроль – презентация и, наконец, дарение и отчуждение.

Начальный этап описываемого метода задается в процессе рисования, т. е. «вхождения в среду» посредством архитектурного рисунка в натуре – как поселений, ландшафтов, так и сооружений. Местные жители, окружающий мир также становились участниками такого процесса «внедрения». Рисование и предлагаемый путь осознания места и его духа посредством рисунка резко отличается от фото- или кинофиксации или компьютерной графики, в том числе и нематериальных объектов, поскольку

*Рис. 91. Фрагмент часовни
в дер. Березник, XVIII в.,
Пинежский р-н Архангельской
обл. Фото автора, 1983*

здесь отсутствует важный элемент восприятия – время и память. Таким образом, метод «участия», вживания становится важным элементом осознания, т. е. понимания объекта и его запоминания (памяти)⁹².

Выражение «То, чего мы не знаем, – то не существует» можно видоизменить «То, что мы не прочувствуем, – мы не запомним». Поэтому, говоря о ландшафте, можно выделить также его важные элементы, как цветовые и пространственные характеристики, чему уделялось большое внимание как российских художников (Кустодиев, Поленов, Билибин), так и из других стран, о чем написано немало работ. Важные элементы ландшафта – это чувственные характеристики человека, связанные с природой, с ее состоянием, временем года и сменой температур, дождем или снегом и пр. Но кроме этого существенными оказываются звуковые составляющие окружающего мира, и очевидно, что в сельской местности или в любом городе (промышленном, приморском и пр.) такие характеристики будут различаться.

Запах также характеризует определенный ландшафт, будь это город или сельская местность с ее специфическими атрибутами – просторами полей и лугов, запахами трав, леса, животных. На городских улицах человек ощущает иные составляющие – запах бензина, духов, пыли и т. п. – или находит места, где можно отдохнуть и подышать в тиши парка. Известные писатели (Тургенев, Толстой) блестяще описывали природные или городские ландшафты, а другим удавалось передать ощущения их вкуса и запаха (М. Пруст). Это могут быть запахи интерьеров храмов, дворцов, усадеб. Поэт передал в стихах и в прозе дух своего любимого места – дачи в Переделкине (Пастернак).

Все эти элементы – важные составляющие ландшафта – влияют на наше восприятие. Проникая в пространственное строение места, его деталей, будь то памятник или ландшафт, «в тишину его разговора с тобой» (а только в тишине можно прочувствовать дух места, его особенность, звук), можно ощутить связь времен, наконец, космическое пространство мира. Это можно передать и в художественном исполнении – в рисунке, потом перенести в проект и затем реализовать в пространстве. Надеюсь, что это удалось сделать автору настоящих строк в музее деревянного зодчества «Малые Корелы», что и явилось реализацией предлагаемого метода работы, например в Мезенском секторе музея.

Итак, не только на основе изучения историко-культурных земель и памятников, региональных особенностей поселений архитекторы и сотрудники музея стремились перенести и представить образ жизни населения и ощущение места, откуда перемещались эти памятники (как

недвижимые, так и движимые). Воссоздаваемые в музее комплексы построек представляют интерпретацию реальной среды, поскольку в них восстанавливались не только сооружения культового и жилого зодчества, но и традиции и обычаи их жителей, проживающих в этих регионах и поселениях. Кроме того, нами изучались древа семей различных социальных групп населения, которые должны быть отражены в интерьерах построек, в усадьбах и в искусственно создаваемых поселениях – секторах, что-то из представленных данных использовалось экспозиционерами при их музеефикации.

Рис. 92. Дер.
Заручей,
Кельчемгора,
р. Мезень.
Рис. автора, 1982

*Рис. 93. Село Погост,
Каргопольский р-н
Архангельской обл.
Фото автора, 1983*

Выявление историко-культурных территорий и границ регионов Архангельских и Вологодских земель

На основе изучения значимых образцов культуры (народной архитектуры, росписей, фольклора и пр.) во время экспедиций и на основе библиографии проводилась работа по выявлению и уточнению историко-культурных территорий и границ регионов Архангельских и Вологодских земель. Целью ее было, помимо прочего, определение различных секторов – искусственно создаваемых деревень на территории музеев Архангельской и Вологодской областей в связи с проектированием их генеральных планов.

На примере конкретного анализа одного из важных элементов традиционной культуры – народного жилища, а также такого интересного вида искусства, как народные росписи, рассматриваются особенности формирования историко-культурных зон исследуемых областей. Работа базируется на осмыслении исторических, социально-культурных, этнографических и других сведений, а также на анализе большого материала по памятникам деревянного зодчества, собранного автором во время полевых исследований в период 1968–1981 гг.⁹³ и в более позднее время. Такой анализ становится основанием для решения многих вопросов, связанных с сохранением и развитием сельских поселений, малых городов и регионов, с формированием музеев под открытым небом – скансенов и «in situ».

Под историко-культурным регионом нами понимается территория, характеризующаяся известной общностью природных, исторических, социально-культурных, этнографических, архитектурно-пространственных и ландшафтных параметров, соответствующих определенному временному периоду развития этноса или иной территориальной общности людей. Основанием для выделения таких территорий являются пространственно-временные различия, свойственные определенным периодам жизни общества. В качестве одного из существенных показателей, учитываемых при подобном районировании, выступает общность этапов развития историко-культурного наследия в определенных ограниченных территориальных локусах.

Данный подход позволяет выйти на уточнение традиционного понятия культурного региона при решении проблем историко-культурного зонирования. Он отличается от стихийно складывающихся админи-

стративных областей, где порой трудно увидеть и проследить объективные закономерности естественного формирования культуры на определенной территории. Мы исходим из того, что сложение историко-культурных регионов происходит постепенно. В этой связи их границы оказываются весьма подвижными и зависят от социально-экономических, политических, культурных связей как внутри исследуемых земель, так и вне их. Внутри каждого историко-культурного региона могут существовать субрегионы. Они, в свою очередь, дифференцируются по более частным особенностям: географическим⁹⁴, экономическим, архитектурным, этнографическим⁹⁵ и т. д. В рамках основного региона такие различия заметны лишь при детальном исследовании, состоящем в выявлении локальных черт традиционной культуры, образа жизни местного населения, его национального самосознания, норм поведения, форм общения и т. д.

В зарубежных исследованиях, посвященных проблеме определения культурных районов, высказываются различные точки зрения на процессы их сложения и развития. Представляет интерес мнение американского ученого Д. Майнинга⁹⁶, разрабатывающего представление об «идеальном» регионе, состоящем из ядра, домена и сферы («периферии»). Ядро – это культурный центр, с высокой плотностью населения, с определенной однородностью ряда черт и характеристик данной культуры. Домен – срединная часть территории, где данная культура существует менее интенсивно, но здесь более четко проступают региональные особенности. Сфера – зона внешнего воздействия, где рассматриваемая культура представлена только отдельными элементами, рассеянными в других культурах. Такая модель историко-культурного региона может распространяться на территории, заселенные в течение длительного времени, достаточно замкнутые и относительно изолированные от влияния внешних социально-культурных систем. Центр такого региона (город или поселок городского типа) является носителем культурных инноваций, он более подвержен изменению своих социально-экономических и прочих характеристик.

Существенно расходятся с рассмотренной выше моделью результаты исследования В.П. Орфинского и Э. Хейкине⁹⁷, раскрывающие характер распространения культурных образцов в периферийной части культурных регионов. Исследователи обращают внимание на наличие своеобразных «символических» границ таких территорий, выявленных, например, в Карелии и в Финляндии. По мере продвижения от центра района к периферии при оценке памятников народного зодче-

ства, фольклорных традиций, различных этнографических материалов наблюдается не растворение их образных, символических и знаковых элементов в соседних культурах, а наоборот – активное усиление их специфической выразительности. Это может быть прослежено в декоративных элементах сооружений, в предметах прикладного искусства, в обрядах и т. д. Символический смысл, заложенный в рассматриваемых предметах, вблизи границ культурного региона приобретает наиболее яркие формы, что является, по-видимому, отражением внешних механизмов поведения, образа жизни, национальных особенностей народа, традиций, обрядов и т. д.⁹⁸

Упомянутые работы подтверждают тот факт, что границы историко-культурных зон могут иметь различный характер: либо это плавное, постепенное «перетекание» собственной национальной, этнической культуры в соседние, возможно близкие по своим качествам; либо фиксация, «утверждение» своего значения по отношению к соседним, примыкающим к границе национальным группам и территориям. В связи со сказанным остаются неясными механизмы образования таких границ, особенности их существования в настоящее время и тем самым их функционирование в системе развивающихся агломераций, транспорта и т. д. Неясны также и культурные процессы, протекающие на территориях историко-культурных регионов, попадающих в зону активных внешних влияний. Все это вопросы будущих исследований. В основе внутренних связей территориальных общностей лежит производственно-трудовая деятельность, которая обладает устойчивостью и относительной пространственной целостностью. При этом связь пространственного распространения культуры в пределах определенной территории с ее хозяйственной структурой проявляется во всех аспектах, характеризующих историко-культурные зоны: географическом⁹⁹, историческом, градостроительном, включая систему расселения, предметно-пространственном и т. д.¹⁰⁰ Несомненно, что климатические условия определенных территорий оказывают существенное влияние на формирование составляющих ее социально-культурных ее элементов. В этой связи при изучении историко-культурных регионов и установлении их границ необходимо выявлять как хозяйственные, так и социально-культурные факторы развития общества в прошлом: историю освоения, систему расселения, место жительства, характер землепользования и благоустройства территорий различными социальными группами населения, историю «места» на разные периоды его формирования и пр.

Для пояснения высказанных выше общих теоретических суждений по интересующей нас проблеме предлагается рассмотрение исследований, проводившихся по определению историко-культурного зонирования территорий Русского Севера (Архангельская и Вологодская области), в том числе в связи с работой в музее «Малые Корелы».

Уже с середины XIX в. в России стало проводиться экономическое районирование земель, различимое по географическому положению, социальной структуре, торговой специализации населения. Однако дореволюционные исследователи¹⁰¹ при изучении, например, северных районов страны (Поморья), за основу брали главным образом географическое, административное деление края, а социально-экономическим и культурным условиям отводилась второстепенная роль. В настоящее время основой такого районирования стали служить не только социально-экономические, но и другие параметры, осознаваемые прежде всего в виде архитектурных, этнографических, лингвистических и других характеристик соответствующих территорий¹⁰².

Формирование историко-культурных регионов на Русском Севере было длительным процессом. Северорусская зона, в прошлом называемая Поморьем, простирается от районов Крайнего Севера до бассейна р. Волхова, современной Тверской области, северных районов Ярославской и Костромской областей и доходит до Верхнего Поволжья и Урала. История ее освоения характеризуется двумя основными периодами: XII–XV и XV–XVII вв. В первый период, так называемый новгородско-верхневолжский, Север заселялся двумя миграционными потоками русского населения из Великого Новгорода и Ростово-Суздальских земель (так называемая низовская колонизация – снизу по отношению к Новгороду). Передвижение проходило по крупным рекам, являющимся основными транспортными магистралями края. Новгородцы заселяли Север главным образом с севера и запада, в то время как низовцы – с юга, из Костромского Заволжья. Уже в XII–XIII вв. на Двине и Сухоне новгородцы и суздальцы встретились. Однако основное заселение Севера осуществлялось в XV–XVI вв. преимущественно низовцами при утверждении власти московских князей¹⁰³. В течение XV–XVII вв. происходило стихийное передвижение населения на Север, связанное с различными социально-политическими, экономическими и религиозными причинами. Это были: опричнина Ивана Грозного, усиление феодального гнета, крестьянские войны, польско-шведская интервенция и, наконец, реформы Никона середины XVII в., вызвавшие значительное переселение старообрядцев.

Большая волна переселенцев объяснялась и строительством северных монастырей, а позднее – строительством крупных торговых городов – Архангельска, Колы и др.

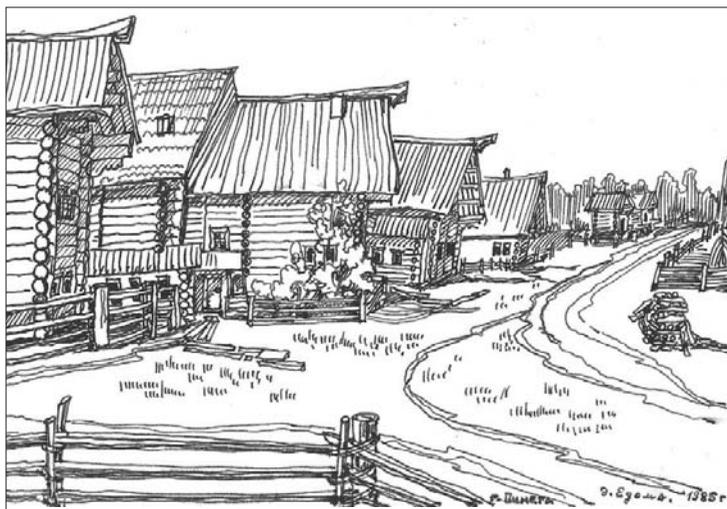
Таким образом, переселенцы из новгородских и ростово-суздальских земель ассимилировались с автохтонным населением, образуя своеобразный «сплав» культур. Хотя пришедшее с севера и с юга население было русским по происхождению, тем не менее оно имело собственные этнокультурные различия, проявившиеся во всех элементах территорий: языке, строительстве и т. д. Кроме того, в XVIII–XIX вв. на культуру в указанных землях оказали влияние развивающиеся города, испытавшие влияние крупных центров: Москвы, Петербурга и др. Носителями новых веяний в сельской среде были крестьяне, которые уходили из деревень на сезонные работы в различные города, что было вызвано большим спросом рабочей силы на развивающихся предприятиях и промыслах России в начальный период развития капитализма, а также нехваткой в этот период пахотных земель. Возвращаясь из крупных центров, «отходники» приносили с собой в сельские поселения новые образцы технологий одежды, языка, жилого зодчества, различные элементы конструктивных и декоративных форм.

Очевидно, что этнокультурную общность всего Русского Севера определили природные условия и хозяйственный уклад населения, а также близкие социальные условия, среди которых основным являлось отсутствие крепостного права практически на всей территории Севера. Чернососные (государственные) крестьяне составляли в пореформенный период 70,2 % населения, а дворцовые (приписанные к царскому двору), преобладавшие в Важском крае, частично в Каргопольском и Вологодском уездах, в Чарондском округе (в XVIII в. вошедшем в состав Новгородской губернии), в известном смысле были крепостными¹⁰⁴. Такие характеристики региона объясняют многие факты в развитии и изменении его культуры, включая и народное зодчество.

Поэтому при рассмотрении жилых построек в различных районах интересующих нас областей можно заметить на многих ее элементах влияние городской архитектуры различных стилей, встречающихся в столичных парадных дворцах, усадьбах, в оформлении интерьеров и т. д. Особенно четко такие явления можно проследить, например, в интерьерах, в наружных росписях домов¹⁰⁵. Художники, расписывающие такие постройки, часто, в той или иной степени, были связаны с городской культурой. Некоторые из них периодически работали в дворцовом хозяйстве в Петербурге (например, уроженцы важских земель),

что сказалось на их художественном почерке, сюжетах, отражающих городскую образ жизни и появившихся в элементах декора. Однако необходимо подчеркнуть, что при всей силе воздействия культуры города на сельскую жизнь искусство, ремесленные и декоративно-прикладные предметы в каждом историко-культурном регионе продолжали сохранять свои особенности, традиционный колорит, характерные лишь для данной местности. Это относится и к народной архитектуре, к декоративным и другим этнографическим элементам. На культуре в рассматриваемых историко-культурных зонах сказалось влияние различных народностей, населявших данные территории в разные периоды освоения земель: коми, вепсов, карелов, ненцев, украинцев. Последние ссылались на Север правительством из южных районов России в пореформенный период. Другие же люди стихийно переселялись на необжитые территории Вологодской губернии (в Никольский и Усть-Сысольский уезды) после издания в 1801 г. указа, разрешавшего купцам, мещанам и государственным крестьянам покупать незаселенные земли¹⁰⁶. В Никольском уезде, например, такое влияние

Рис. 94. Дер. Едома, бассейн р. Пинеги. Рис. автора, 1985

южных традиций проявилось в планировочных особенностях поселений и в постройках. Они походили более на хуторские населенные пункты в отличие от сел и деревень Севера, имеющих, как правило, рядный характер застройки. В жилых сооружениях также прослеживаются элементы конструкций и декора, распространенные в украинских и южнорусских памятниках народного зодчества.

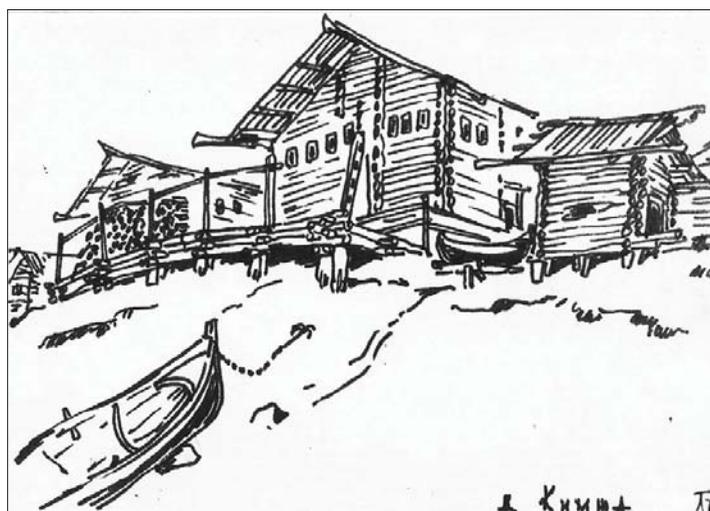
Социально-экономические, политические и культурные условия легли, с одной стороны, в основу историко-культурного единения Русского Севера, с другой – явились предпосылками к их различиям, прослеживаемым во всех регионах перечисленных земель. Помимо этих данных важны при таком рассмотрении и географические условия, существующие в рамках того или иного района, поскольку для формирования относительно устойчивой культурной общности необходима устойчи-

вая географическая среда¹⁰⁷. Есть определенная связь между очерта- ниями физико-географических границ и границ историко-культурных регионов. Так, например, географическая среда сказалась на крайних северных и южных районах Севера, поскольку последние находились в более благоприятных условиях для развития сельского хозяйства. В этой связи плотность населения районов растет от севера к югу и юго-востоку, и особенно большой она была, как, впрочем, остается и сегодня, вокруг городов Архангельска и Вологды¹⁰⁸.

В бассейнах, например, Пинеги и Мезени поселения размещают- ся только вдоль рек, поскольку территория на водоразделах занята лесами и болотами. В то же время в южных районах Архангельской области и во многих центральных районах Вологодской поселения размещаются именно на водоразделах, поскольку к ним примыкают благоприятные пахотные земли. Таким образом, географическая сре- да была существенным фактором в развитии аграрных, промысловых, строительных и других региональных особенностей населения; она сыграла важную роль в местоположении селений и их планировках, в строительных навыках крестьян- плотников, в архитектурных и худо- жественных традициях народа.

Определение территорий историко-культурных районов различных областей с выявлением их границ, возможно проводить по различным показателям и ориентироваться, на- пример, на исследование системы расселения, рассматриваемой в качестве материального воплощения определенных этапов заселения территорий, а также на структуру сельскохозяйственной, промысло- вой и другой деятельности населе- ния. Важным становится учитывать планировочные особенности посе- лений, а также элементы ремесленной, обрядовой и праздничной культуры. В качестве наиболее яркого и устойчивого элемента матери- альной культуры, идентифицирующего различные особенности куль- турных территориальных общностей, передаваемых традиционным образом в течение длительного периода истории с момента заселения территорий, нами рассматривается традиционная народная архитек-

Рис. 95. Село Кимжа, Мезенский р-н. Рисунок Л.А. Ткаченко, 1975

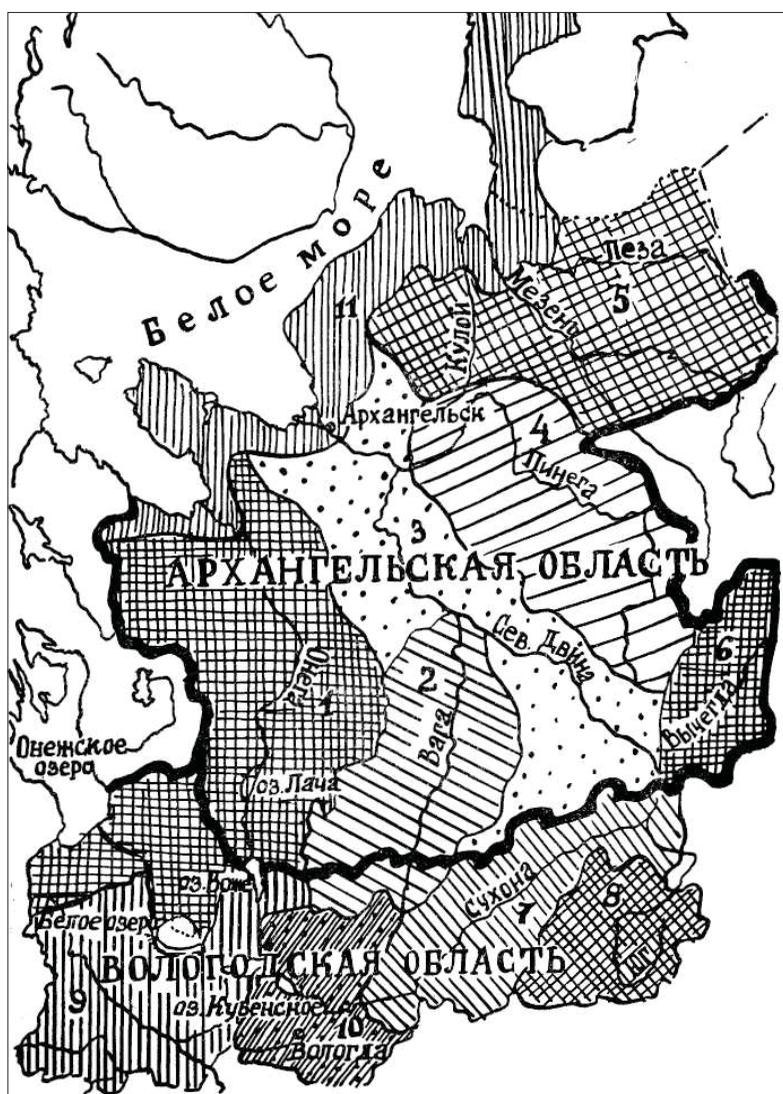

тура. Так, например, в памятниках жилого зодчества тех регионов, которые заселялись на ранних этапах новгородцами, сегодня можно увидеть элементы строительства X–XII вв., обнаруживаемые в новгородских археологических находках XX в.¹⁰⁹ В жилой архитектуре ряда районов низовской миграции встречаются декоративные и конструктивные особенности, характерные для архитектуры Костромского Заволжья.

Учитывая своеобразие и архитектурные особенности жилых домов, систематизированных по конструктивным, типологическим и прочим признакам, отчетливо прослеживаемым в различных районах, нами было предложено историко-архитектурное зонирование рассматриваемых территорий. Для подтверждения высказанной идеи совпадения границ историко-культурных и историко-архитектурных зон необходимо проведение дополнительных, перечисленных выше исследований. Анализ около полутора тысяч обмеренных жилых построек, о чем мы будем говорить ниже, позволил провести их картографирование, которое выявило на территории Архангельской и Вологодской областей следующие зоны с определенными характеристиками¹¹⁰.

Рис. 96. Карта-схема. Историко-культурное зонирование Архангельских и Вологодских земель

1. ***Западная зона Архангельской и Вологодской областей*** (б. Олонецкая губерния – Каргопольский, Плесецкий, Онежский р-ны Архангельской обл.; Вашкинский, часть Вологодского р-на Вологодской обл.).
2. ***Бассейн р. Вага*** (Вельский, Шенкурский, Коношский, Устьянский р-ны Архангельской обл.; частично Верховажский р-н, часть Сямженского, Вожегодского, Тарногского Вологодской обл. – б. Вельский и Шенкурский уезды Вологодской обл.)
3. ***Бассейн р. Северная Двина*** (низовье – Холмогорский, часть Виноградовского р-на Архангельской обл., б. Холмогорский уезд; среднее течение – Виноградовский, Верхнетоемский р-ны Архангельской обл.; верховье – Красноборский, Велико-Устюгский р-ны – б. Сольвычегодский уезд Вологодской губ.)
4. ***Бассейн р. Пинеги*** (Архангельская обл. – бывший Пинежский уезд Архангельской губ.)
5. ***Бассейн р. Мезени*** (Мезенский и Лешуконский р-ны Архангель-

ской обл., бывший Мезенский уезд)

6. **Бассейн р. Вычегоды** (Ленский, Яренский р-ны Архангельской обл., часть Коми АССР – б. Яренский и часть Усть-Сысольского уезда Вологодской губ.)

7. **Бассейн р. Сухоны** (Тотемский, Нюксенский, часть Тарногского, Бабушкинского, Сокольского, Междуреченского р-нов Вологодской обл.).

8. **Юго-восточные районы Вологодской обл.** (Никольский, часть Бабушкинского и Кич-Городецкого районов Вологодской обл.)

9. **Юго-Западные районы Вологодской обл.** (Белозерский, Устюженский, Чагодощенский, Бабаевский, часть Вожегодского и Кирилловского р-нов обл.)

10. **Центральные районы Вологодской обл.** (Вологодский, Грязовецкий, Сямженский, часть Сокольского, Харовского, Кубенского р-нов обл.)

11. *Поморье* – Береговая полоса Белого моря.

Такие исследования позволили уточнить наличие и последовательность демонстрации памятников и народной культуры на территории музея «Малые Корелы» во время разработки утвержденного его генерального плана и проектов планировки секторов, как и представить научно-методическое его обоснование (Приложение № 2).

Рис. 97. Дер.
Шеломя,
Красноборский р-н,
р. С. Двина.
Рис. автора, 1976

Типы расселения и планировочные особенности поселений. Приемы размещения культовых сооружений в селах и деревнях

В связи с проектированием отдельных секторов, т. е. различных социокультурных типов вновь создаваемых искусственных деревень в музее «Малые Корелы», как и с предстоящим позже формированием музея Вологодской области, стало необходимым изучить различные планировочные особенности поселений. Требовался анализ их природных и культурных ландшафтов, с учетом их размещения в различных историко-культурных землях Архангельского Севера. Поскольку заселение территорий Русского Севера происходило главным образом по рекам и частично – озерам, то поселения первоначально размещались по их берегам (приречный или приозерный типы селений). Когда же приречные земли были заняты под хозяйственный оборот, началось освоение водораздельных территорий, распространившееся в XIX – начале XX в. в наиболее обжитых местах¹¹¹.

Сельские поселения классифицируются по типам селений и расселений, а также типам планировок. Типами селений на Русском Севере являлись: починки, выселки, погосты («место» и «округ»), околы, деревни, села, слободы, хутора¹¹². Основной тип расселения в этих землях – гнездовое расположение селений, объединяющих несколько деревень и образующих группу (гнездо). Они, как правило, отстают друг от друга на несколько километров и имеют патронимические названия¹¹³.

Планировки поселений изучались этнографами и архитекторами, и связь планировок селений с географическими условиями сегодня очевидна¹¹⁴. Однако основную роль в их формировании играли социально-экономические причины: хозяйственная дифференциация регионов, характер их заселения, устройство северной сельской общины и пр. В объемно-планировочной структуре поселений учитывались как функциональные, так и художественные стороны их организаций. Немаловажное значение уделялось живописности местности, подсказывавшей композиционные приемы планировок селений и места размещения культовых сооружений¹¹⁵.

Известные этнографы считают свободную или беспорядочную структуру селений на Русском Севере наиболее древней, связывая ее возникновение с первоначальным захватным землевладением

и однодворным или малодворным (до десяти дворов) характером поселения (вплоть до XVII в.). В процессе эволюции однодворные деревни сменились многодворными. По мере развития экономических отношений и торговли возросло значение рек как основных транспортных «магистралей» Севера. Они-то и определили рядный характер поселений. В XVIII – начале XIX в. повсеместно возникают поселения уличного характера, которые к концу XIX в. стали их основными формообразующими элементами. Эти поселения получили большое распространение на водораздельных территориях. Планировочные структуры поселений, применительно к проектированию музея «Малые Корелы», было предложено рассматривать по пяти основным типам.

Рис. 98. Свободная планировка. Дер. Никитинская, Усть-Вья, Верховье р. Пинеги, Архангельская обл. Рис. автора, 1980

- Свободная или беспорядочная планировка, характеризующаяся отсутствием регулярности в постановке жилых домов и хозяйственных построек и их ориентации. Чаще главные фасады ориентированы к солнцу. Такие поселения распространены в местах, удаленных

от рек, – на водоразделах. Поселения беспорядочного плана характерны для районов с населением карелов и финнов¹¹⁶, в Каргопольском районе Архангельской области, в бассейне р. Онеги^{117, 118}, а также на территории Коми¹¹⁹. Они сохранились в старообрядческих районах верховья Пинеги и на р. Вые (дер. Гаврилово, Никитинская)¹²⁰.

- Замкнутая форма характеризуется обособлением селений от окружающей среды путем постановки жилых домов вокруг какого-либо центра – площади, церкви, часовни. (Подобные типы планировок распространены на водоразделах.) В Каргополье такая

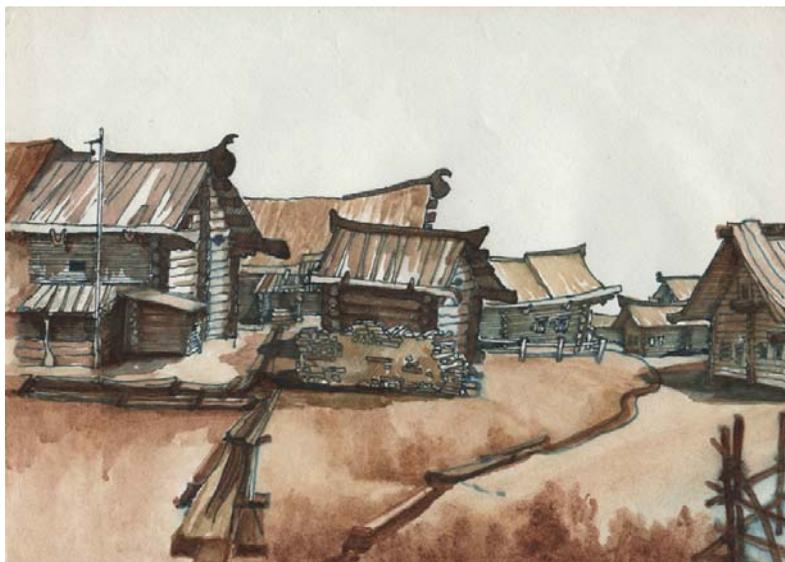

Рис. 99. Рядная планировка. Деревня в Усть-Выйском с/с, верховье р. Пинега, Архангельская обл. Рис. автора, 1976

система планировки, пришедшая из Новгорода, называется «кончанской»¹²¹. И так же, как вокруг центра Новгорода – «Детинца», размещались «концы» (районы), так и в этой планировке вокруг центра деревни размещаются «концы» с их улицами (дер. М. Халуй, дер. Гарь; частично встречаются на р. Двина, Вага, Сухона – дер. Липовка Вельского района).

- Рядовая планировка характеризуется линейной композицией селений, рисунок которой определяется особенностями рельефа местности. Ориентация главных фасадов, как правило, на юг (рядовая «на лето»), на реку или озеро (прибрежно-рядовая). Вариантность планировок может быть определена одно-, двух- или многорядными селениями (прибрежно-рядовые и сележно-рядовые). Эту планировку на Севере связывают со временем славянского расселения, и больше всего она распространена в местах новгородской колонизации, т. е. в бассейне р. Онеги, в Каргополье и низовьях и в среднем течении Двины, частично на Сухоне. Поскольку большинство рек Севера текут с юга на север, то иногда ряды домов располагаются перпендикулярно реке, что связано с ориентацией главных фасадов к солнцу.

- Уличная планировка определяется расположением застройки домов вдоль улицы, на которую выходят их главные фасады. Улично-однорядные селения внешне похожи на рядовые, отличаясь различной ориентацией домов. Для всех се-

Рис. 100. Уличная планировка. Дер. Кельчемгора, р. Мезень, Архангельская обл. Рис. автора, 1982

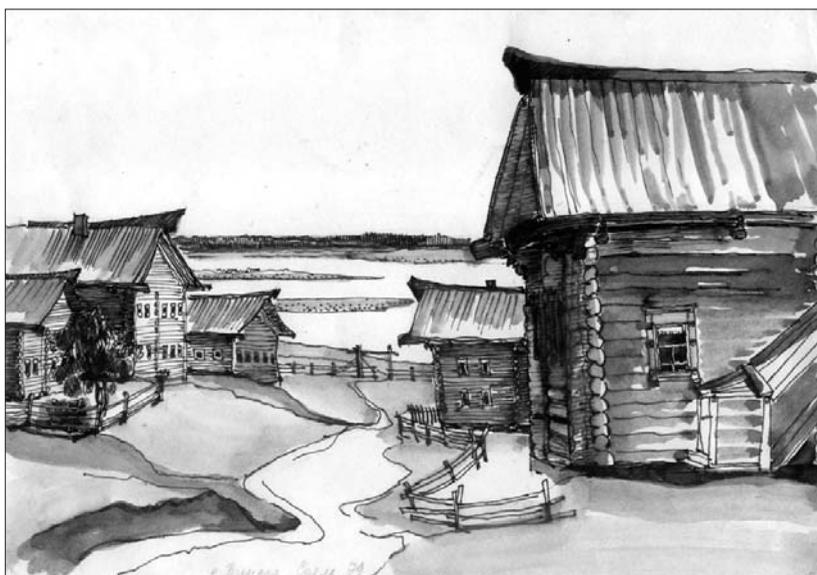

Рис. 101. Уличная планировка. Дер. Сояла, верховье р. Пинеги, Архангельская обл. Рис. автора, 1979

лений с уличной планировкой, исключая уличные с односторонней планировкой, присуща определенная замкнутость объемно-пространственной композиции. Вариантом уличной планировки могут служить деревни, где улицы пересекают дороги, хотя сами улицы идут параллельно реке (так называемые деревни-«крестовики»). Уличные планировки более распространены в местах, заселявшихся переселенцами низовской колонизации, с юга, и в бассейне Волги распространена именно такая форма поселений¹²². На территории Устюжского края эти планировки возникли раньше, чем в других уездах, и датируются концом XVIII – началом XIX в.¹²³ В конце XIX – начале XX в. уличные формы поселений получили большое распространение на всей рассматриваемой территории. Многие рядовые деревни превращались в уличные.

- Смешанная планировка объединяет в себе элементы различных планировочных структур. Они образовались в процессе разрастания деревень и распространились повсеместно, но в основном на водоразделах (на р. Ваге дер. Палкино, дер. Симаково).

Расслоение крестьянства в XIX в. сказалось на изменении планировок поселений. Рядом с крестьянскими домами появились лавки, амбары, трактиры и другие служебные постройки, принадлежавшие зажиточным крестьянам. Дифференцировалось местоположение крестьянских усадеб: ближе к общественному центру – торговой площади или церкви – ставились дома зажиточных крестьян. В большинстве крестьянских усадеб середины XIX в. имелась баня, которая ставилась ближе к воде (реке, озеру) или в глубине участка двора, за домом. Ледники размещались у входа в дом. Колодцы, иногда обслуживавшие несколько хозяйств, строились в различных местах поселений, чаще на дворовом участке. Амбары располагались на усадьбах или напротив окон дома – на улице, иногда группами в конце поселений. Овины и гумна строились в разных зонах по-своему, в зависимости от пахотных земель. В более урожайных местах они имелись почти в каждой усадьбе¹²⁴. А в менее урожайных, на севере (например, в Поморье), эти сооружения были редки, и тогда обслуживали несколько семейств одновременно. В этом случае они размещались в конце поселений. Мельницы строились вне поселений: ветряные – на открытых лугах и полях, а водяные мельницы – на речках или ручьях. Поварни, кузницы, смолокурни размещались на краю села и деревни. Официальные указы и проекты перепланировок поселений XVII–

XIX вв., несомненно, сказались на перестройке сел и деревень¹²⁵. В этих указах, насаждавшихся повсеместно в России, определялись расстояния между домами, узаконивались постановки амбаров и бань в глубине участков, а овины и риги выносились на линию дворов. Основным типом планировок была уличная. В XIX в. многие поселения приобрели четкие геометрические формы, порой не связанные с ландшафтом.

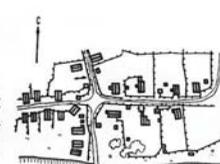
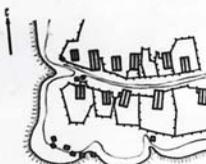
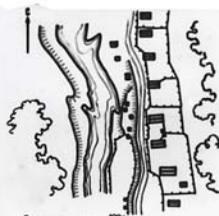
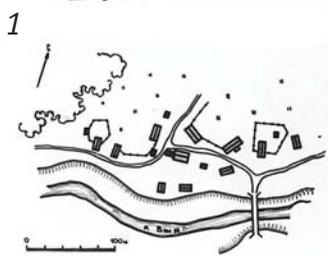
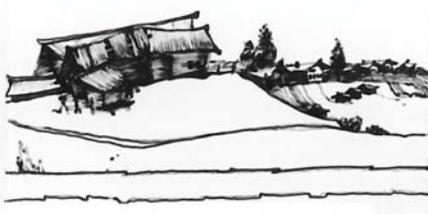
Рис. 102.
Планировочные особенности поселений на Русском Севере (Архангельская и часть Вологодской обл.). Предложения автора, 1981

ПЛАНИРОВКИ ПОСЕЛЕНИЙ РУССКОГО СЕВЕРА

СВОБОДНЫЕ

ОДНОРЯДНЫЕ УЛИЧНЫЕ

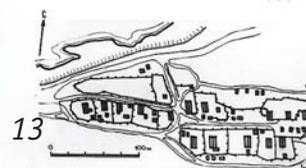
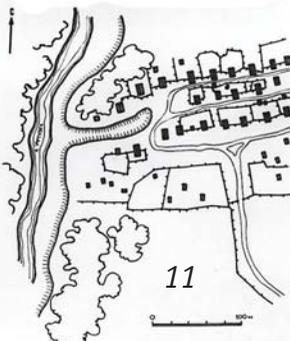
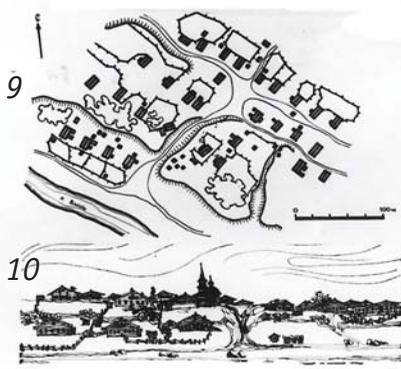
УЛИЧНЫЕ ДВУРЯДНЫЕ

ЗАМКНУТЫЕ

РЯДНЫЕ

СМЕШАННЫЕ

1. Дер. Гаврилово В.-Тоемского р-на Архангельской обл. (рис. автора 1979 г.)

2. Дер. Никитинская, верховье р. Пинеги, Архангельская обл. (рис. автора 1979 г.)

3. Село Союла Пинежского р-на Архангельской обл. (рис. автора 1979 г.)

4. Дер. Шелеховская Вельского р-на Архангельской обл.

5. Дер. Черная Слобода Вытегорского р-на Вологодской обл.

6. Дер. Шаромская В.-Тоемского р-на Архангельской обл.

7. Дер. Ежевская Вельского р-на Архангельской обл.

8. Дер. Липовка Вельского р-на Архангельской обл.

9. Дер. Отлы Княжпогостского р-на Коми АССР

10. Дер. Отлы Княжпогостского р-на Коми АССР (рис. автора 1971 г.)

11. Дер. Королевская Кюксенского р-на Вологодской обл.

12. Дер. Палкино Вельского р-на Архангельской обл.

13. Дер. Симаково В.-Тоемского р-на Архангельской обл., р. Выя

При перестройке поселений отводились места для общественных зданий (церкви, волостные правления, школы). В тех поселениях, которые получили значения ярмарочных (например, с. Никольское и с. Благовещенское в Вологодской губернии – теперь Архангельская область, с. Воскресенское в Архангельской губернии), устанавливались торговые ряды¹²⁶. Торговые лавки размещались и в оградах вокруг церквей и монастырей.

Приемы размещения культовых сооружений в селах и деревнях Русского Севера

В связи с проектированием генплана и секторов как искусственных поселений в музее «Малые Корелы» встала задача обоснования размещения различных культовых памятников на этих территориях.

На основании изученного нами большого числа планировок сельских поселений XIX–XX вв. Русского Севера, проводившихся во время экспедиций, можно было выявить их пространственные решения и приемы размещения культовых сооружений¹²⁷. Обычно эти сооружения ставились на возвышенности в самом селении или на некотором расстоянии от него и хорошо просматривались отовсюду. Они доминировали над однообразной сельской застройкой и играли существенную роль в объемно-пространственной композиции поселений, обогащая ее силуэт¹²⁸. Именно разнообразные церкви, погосты, часовни разных типов придавали сельским ландшафтам удивительное очарование и красоту. Приемы размещения культовых памятников в селах и деревнях Русского Севера можно представить следующим образом (Рис. 103):

1. Одним из приемов постановки культовых сооружений является расположение их вне жилой застройки: на погосте (кладбище), на краю обрыва реки или в поле. В этих случаях площади вокруг сооружений остаются открытыми. Вариантом размещения церквей и часовен является их постановка в лесу.
2. Размещение церквей и часовен в конце поселений объясняется развитием поселений, увеличением количества дворов и их большой кучностью. В этом случае улицы ориентированы на церкви или часовни, которые замыкают их перспективу.
3. Одним из типов постановки культовых памятников в системе поселений является их размещение в ряду жилой застройки или на перекрестке улиц, но также в ряду жилых домов. Местоположение сооружений вы-

биралось таким образом, что они были доминирующими постройками в объемно-пространственной и планировочной композиции поселений.

4. Размещение церквей и часовен на площадях, открытых лишь с одной стороны – к природному ландшафту – и застроенных с других сторон, является наиболее распространенной формой постановки культовых построек в поселениях Севера.

Рис. 103.
Приемы размещения церкви и часовен на Русском Севере (Архангельская и часть Вологодской обл.). Предложения автора, 1981

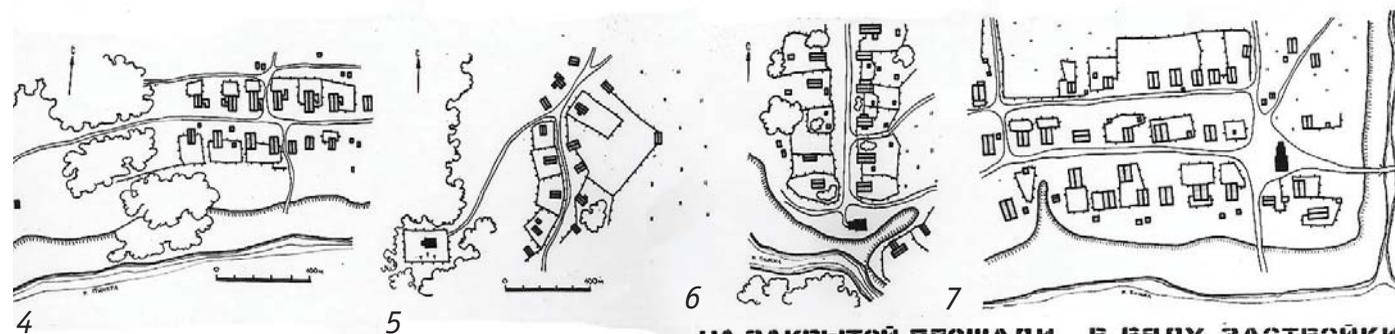

РАЗМЕЩЕНИЕ ЦЕРКВЕЙ И ЧАСОВЕН В ПОСЕЛЕНИЯХ РУССКОГО СЕВЕРА

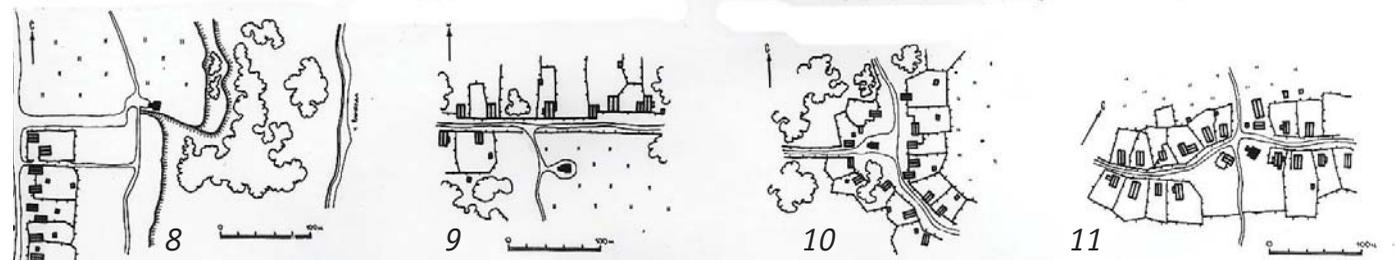
В СТОРОНЕ ОТ ПОСЕЛЕНИЙ

В КОНЦЕ

НА ПОЛУЗАКРЫТОЙ ПЛОЩАДИ

НА ЗАКРЫТОЙ ПЛОЩАДИ В РЯДУ ЗАСТРОЙКИ

1. Дер. Королевская Нюксенского р-на Вологодской обл. (рис. автора 1979 г.)
2. Дер. Палашелье Лешуконского р-на Архангельской обл. (рис. автора 1979 г.)
3. Дер. Зайцево В.-Тоемского р-на Архангельской обл., р.Выя (рис. автора 1979 г.)
4. Дер. Едома Пинежского р-на Архангельской обл.

5. Дер. Лема Вытегорского р-на Вологодской обл.
6. Дер. Берег Вельского р-на Архангельской обл.
7. Село Кимжа Мезенского р-на Архангельской обл.
8. Дер. Комсамас Усть-Вымского р-на Коми АССР
9. Дер. Сколмовская Вельского р-на Архангельской обл.
10. Дер. Тупицыно Вельского р-на Архангельской обл.
11. Дер. Поп-Керос Усть-Вымского р-на Коми АССР

5. На застроенных площадях культовые сооружения преимущественно ставились в центре или смещались от основного центра площади с учетом возможного обозрения со стороны улиц, оставляя место для жителей и установки торговых и административных построек.

На рассмотренных типах постановки церквей и часовен в селах и деревнях изучаемой территории Севера можно видеть, что в каждом отдельном случае сельские зодчие создавали индивидуальный, неповторимый архитектурно-природный образ, где культовые постройки неразрывно связаны ландшафтом, с крестьянскими усадьбами, образуя живописную панораму селений.

Итак, в процессе исследования территорий Русского Севера определены основные историко-архитектурные (а по сути историко-культурные) регионы изучаемых земель, соответствующие природно-экономическим зонам Архангельской и Вологодской областей и основным миграционным потокам населения, заселявшего исследуемые зоны в разные исторические периоды.

Определились пять основных типов планировок селений (свободная, замкнутая, рядовая, уличная и смешанная) и столько же приемов размещения церквей и часовен в этих поселениях (вне деревень и сел, на краю, в ряду застройки, на полузакрытых и закрытых площадях).

Проведенные исследования позволили уточнить размещение церквей и часовен в разных секторах музея «Малые Корелы», точнее спроектировать пространственный строй условных деревень с учетом уже стоящих культовых сооружений на период разработки генплана и затем секторов. Натурные рисунки помогли создать на территории музея северный образ поселений и учесть природный ландшафт, органично вписавшись в исторически существующее окружение и соседние деревни.

Рис. 104. Дер.
Целегора,
Мезенский р-н
Архангельская обл.
Рис. Л.А. Ткаченко,
1975

Социокультурная типология сельских поселений

*Рис. 105. Ландшафты близ
дер.Зехново, вид на дер. Спицыно.
Плесецкий р-н, Архангельская обл.,
Кенозерский национальный парк. Фото
автора, 2006*

Разработка социокультурной типологии сельских поселений стала необходимой в связи с проектированием музея «Малые Корелы», а позже в связи с исследованиями по историческим сельским поселениям России¹²⁹. В процессе работы требовалось представить разные их типы на музейной территории, исходя из их размещения в различных историко-культурных землях, и, соответственно, их образы должны были быть представлены в разных секторах музея под открытым небом. Помимо этих задач вставал вопрос об организации филиалов небольших музеев «in situ», которые имели бы определенную взаимосвязь по разным направлениям с основным комплексом – музеем «Малые Корелы» (поддержание памятников в отобранных поселениях, их ландшафтов, создание ремесленных мастерских, выставок, наконец, организация туризма и пр.). В настоящее время объектами музея являются Никольская церковь 1584 г. в с. Лявля и храмовый ансамбль села Ненокса XVII–XIX вв.

Но отдельные уникальные памятники не стали основой для создания музеев «in situ», поскольку это требовало специальных исследований, программ и проектов социокультурной направленности. Мы выполняли такие работы позже, и уже на других территориях, для чего требовалось создание междисциплинарного коллектива^{130, 131}, поскольку исследования проводились с учетом экономических, социальных параметров, национальных и локальных культурных особенностей поселений. Прежде всего, касаясь современного подхода к их сохранению и развитию, важно определить место таких поселений в регионах и их значение в рамках территориального планирования и влияние развития соседних поселений, городов разных типов. Далее, следует принять во внимание перспективу таких сел с точки зрения тенденций и планов регионального социально-экономического развития, предпосылок для дальнейшего хозяйственного функционирования поселения, в том числе наличие здесь рабочей силы или возможности привлечения ее со стороны. С этими параметрами соотносится возможность сохранения исторических ландшафтов, памятников архитектуры и этнографии, исторических планировок сел, природных, культурных и других составляющих. Относительно них оценивается реальность шансов поддержки и реконструкции исторических селений в качестве центров ремесел, промыслов, торговли (ярмарок), возрождения народных праздников, а также организации музеев под открытым небом «in situ», развития туризма и организации различных туристических маршрутов в регионе. Подобного рода хозяйственные,

экологические и культурные составляющие территории являются основой для целенаправленной организации современной социокультурной и хозяйственной жизни сельских поселений России.

Исследование исторически значимых поселений предлагается выстраивать на основе следующих показателей:

- выявление исторических причин и особенностей зарождения, формирования и затухания различных типов поселений;
- определение влияния различных географических факторов на структуру и формирование поселений (горные, лесные, равнинные и др.);
- определение качественных характеристик поселений, исходя из различного образа жизни местного или приезжего населения с определенными этническими признаками, особенностями освоения территории;
- анализ особенностей культуры в определенных географических и историко-культурных землях, исходя из наличия тех или иных типов поселений, их количественного состава в структуре региона;
- выявление преобладающих форм собственности и форм хозяйствования, отразившихся на культуре, на разных типах поселений, регионов;
- законодательные акты, другие нормативные, правовые документы федерального и регионального уровней, влияющие на формирование сельских поселений, а также на архитектурные и пространственные их характеристики.

Применительно к поставленным вопросам в рамках музейной деятельности мы предлагаем анализ социокультурной типологии сельских поселений (как и ландшафтов), которые в той или иной степени могут быть использованы и в современных условиях. Это такие села и деревни, как: сельскохозяйственные, сезонные, промыслово-художественные, торговые, рыбацкие, монастырские, военные, дачные, а также ведомственные и усадебные. Наиболее распространены поселения смешанного полифункционального типа – как более жизнестойкие.

Ряд примеров из перечисленных социально-культурных типов сельских мест в историческом аспекте демонстрирует определенные закономерности в освоении территории и ландшафтов России и решении их архитектурно-пространственной среды и сооружений. Этот аспект обсуждается не только архитекторами, но и другими известными исследователями¹³². И он, несомненно, должен учитываться как при со-

хранении и развитии сельских поселений, так и при проектировании музеев под открытым небом разного типа. Очевидно, что не все из перечисленных типов могут быть организованы в качестве музеев «in situ», как и то, что на территории музея «Малые Корелы» можно было представить только несколько вариантов из перечисленных. Некоторые из них мы вкратце проанализируем ниже.

Сельскохозяйственное поселение – это такой тип поселения, в котором преобладающая часть населения, проживающего на его территории, занята сельскохозяйственным производством: земледелием, животноводством, производством различных культур и т.д.¹³³ Это отражается соответствующим образом на его образе жизни, на природной и пространственной среде поселения, ландшафте. Главная функция таких поселений – использование природных ресурсов и производство сельскохозяйственной продукции, что достаточно жестко привязывает население к природе и территории и тем самым сдерживает концентрацию населения. Именно эти виды деятельности составляют основу рассредоточенного сельского расселения, в отличие от городских, не связанных непосредственно с природными ресурсами. Очевидна зависимость экономики и культуры нашей страны, многих социальных проблем от пространственно-географических характеристик территории. И именно сельскохозяйственные поселения в известном смысле олицетворяют проблемы, рассредоточенные вместе с населением на огромных российских землях¹³⁴.

Рис. 106. Дер.
Вершинино,
Плесецкий р-н,
Кенозерский
национальный парк,
Архангельская обл.
Фото автора,
2005

Для таких поселений характерным являлось групповое расположение деревень, тяготеющих к хозяйственному и административному центру – погосту (или в других местах боярскому или помещичьему двору). Центр частноговладельческого хозяйства, как оно представлено в писцовых книгах, – крупное село, обеспечивающее единство окружающих его деревень в хозяйственном, социальном, пространственно-географическом контексте.

В дальнейшем это был центр сельского общества или волости, а затем – сельского совета (сходную структуру имели некоторые монастырские поселения на Севере России). Поэтому экономическая обособленность и наличие натурального хозяйства сохранялись достаточно долго в таких группах поселений и служили одной из причин замкнутости не только хозяйственного, но и их социально-культурного пространства. Это заметно отличает селения рассматриваемого типа, например, от промысловых, торговых, дачных или ведомственных, ориентированных в своей жизнедеятельности на более широкие производственные и социокультурные связи с городом, регионом.

Развитие водных, железнодорожных и других транспортных путей также играло роль в превращении сельскохозяйственных поселений в торговые или промышленные. Близость к большим городам (Москве, Санкт-Петербургу, Архангельску), являвшимся центрами урбанизации, также сказывалось на процессе трансформации аграрных поселений (влияние климата, миграция рабочей силы, воздействие городской культуры и т. д.). Например, некоторые села Архангельской губернии превратились постепенно в торговые, специализирующиеся на производстве технических культур (например, льна).

В сельскохозяйственных поселениях постепенно развивались промыслы, ремесла, промышленность. При расположении сел на водных путях они становились торговыми селами, при наличии сырья (дерево, глина, песок) развивались промыслы, производящие на продажу всевозможные изделия из дерева, глины, стекла. Расположение вблизи реки, моря, озера, леса подразумевало ловлю рыбы, сплав леса и т. д. Такие поселения часто сочетали в себе смешанные функции, связанные с разными видами деятельности. Именно такие поселения были наиболее жизнеспособными, поскольку их население

Рис. 107. Дер. Зехнова. Плесецкий р-н, Кенозерский национальный парк, Архангельская обл. Фото автора, 2005

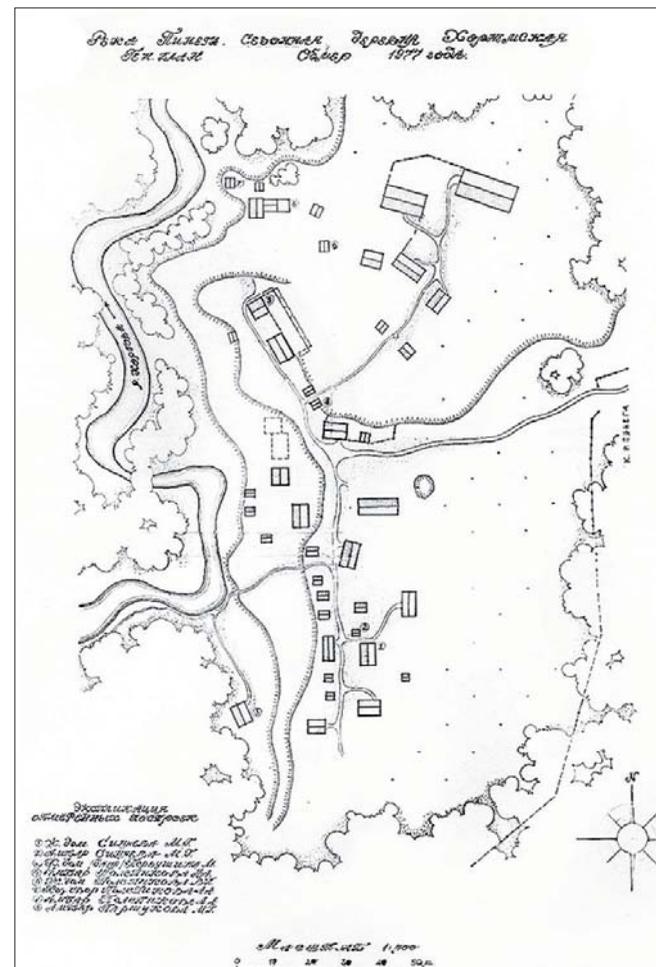
занималось собственным обеспечением и имело доходы от других видов деятельности.

На территории Архангельского севера сельскохозяйственных сел, где было развито животноводство, более всего, но во многих из них, не имея достаточно плодородной земли, население занималось ремеслами и промыслами, сбором ягод и грибов и пр. Такой тип поселений (или ее части) представлен в разных секторах музея «Малые Корелы».

Сезонные поселения Архангельской области. В конце XIX – начале XX в. на территории Русского Севера, помимо сел, деревень, погостов, слобод существовали починки, которые использовались крестьянами сезонно, почему и получили название сезонных. Этот тип селений также представляет интерес, поскольку является редким сохранившимся социально-культурным феноменом на исследуемой территории в бассейне р. Пинеги, требующим представления в музее «Малые Корелы» как образец культуры и образа жизни населения данных земель. Такое поселение Хорнемская было нами случайно выявлено во время экспедиции по Пинеге в 1976 г., затем были рекомендованы к перевозке три дома разного типа и амбары, а позже они восстановлены в музее «Малые Корелы»¹³⁵.

Починки были наиболее характерным типом поселений для начальных этапов Европейского Севера. В XVIII в. их было немного, что свидетельствовало о завершившемся в основном заселении края¹³⁶. Починки, как и выселки, образовывались из растущих селений и со временем превращались в самостоятельные деревни. Это было традиционным явлением для Севера, в отличие, например,

Рис. 108. Сезонное поселение Хорнемская.
Пинежский р-н
Архангельская обл.
Схема плана.
Обмеры автора, 1977

от Сибири. Здесь развитие населенных пунктов проходило от более крупных поселений – к более мелким, в том числе и к заимкам¹³⁷. В пореформенное время на Севере починки снова получили некоторое развитие в связи с предоставлением государственным крестьянам права покупать свободные земли. Подобные поселения существовали в Карелии и в Архангельской губернии и использовались только для ведения сельского хозяйства и заготовки леса для собственных нужд в отличие от сибирских заимок, часть которых имела промышленный характер.

Сохранившиеся сезонные поселения Севера (Улеша и Хорнемская) расположены в верховье р. Пинеги Архангельской области и отстоят, соответственно, на 12 и 30 км от основных деревень (Усть-Выя и Хорнема). Наименование второго поселения интересно тем, что в нем отразилось название постоянного населенного пункта, жителями которого оно основано. Деревня Улеша поставлена на реке Улеша и носит ее название. Подобная конкретность названий, отмеченная исследователями, характерна для начального периода заселения территории европейской части страны¹³⁸.

В этих поселениях до сих пор живут крестьяне летом во время сенокоса и зимой во время рубки леса. Они расположены в лесу, на берегах рек, среди сенокосных угодий, сюда же в любое время года приезжают охотники и рыболовы. В каком-то смысле они являются прообразами современных российских дачных поселков.

Хорнемская была основана в конце XIX в. Однако в начале XX в. после пожара некоторые дома были поставлены заново, но основные традиционные элементы построек при этом сохранились. Строительство велось сообща, в чем проявилась важная черта землепользования и промысловой деятельности северного крестьянства – складничество. Оно возникло в связи с огромными затратами труда в условиях сурового Севера¹³⁹. Эта своеобразная артельная организация труда

Рис. 109. Сезонное поселение Хорнемская в Пинежском р-не Архангельской обл. Рис. автора, 1977

нашла выражение в «помочах» крестьян при строительстве домов, в общественном строительстве часовен, церквей, общественных амбаров – магазинов, лавок, охотничьих и рыболовецких избышек, а также сезонных поселений.

Планировка селения Хорнемская весьма живописна и имеет смешанный характер. Основной порядок домов, разместившихся на высоком холме, вытянут вдоль русла реки Коргова и подчеркивает живописные очертания ее берегов. Лицевые фасады домов ориентированы в разные стороны, но в основном на юг (к солнцу) и юго-запад. Дома поставлены вперемежку с амбарами. Изгороди у домов отсутствуют. Ограждение сделано лишь в восточной части поселения, т. е. со стороны р. Пинеги и леса, поскольку сюда вплоть до самых заморозков до сих пор сгоняют телят. В северной части деревни расположены хозяйственные дворы и конюшни, построенные в 1920-х гг.

Жилые дома поселения представляют собой простейшие варианты изб, отапливаемых по-черному. «Черные», или курные, избы издавна вызывали интерес у исследователей как один из наиболее древних видов крестьянского жилища. В середине XIX в. во многих уездах Русского Севера черные избы составляли 50 % всех жилых изб, а к началу XX в. – лишь 10 %¹⁴⁰. Столь длительное бытование курных изб объясняется тем, что они долго держат тепло в отличие от изб, отапливаемых по-белому. Сохранению тепла способствовали малые волоковые окна и небольшие двери. В таких избах после топки воздух был сухим, благодаря чему сруб долго сохранялся. Для крестьян-кустарей подобное помещение было незаменимым при просушке необходимого сырья – дерева, кожи, а для рыбаков – сетей. Простота возведения срубов (окна без косяков), простое устройство печи, малый расход древесины при небольших размерах постройки также способствовали сохранению подобных изб в среде главным образом беднейшего крестьянства.

Основу интерьера курных изб составляла неподвижная, конструктивно связанная со срубом мебель – широкие лавки, проходящие вдоль стен сруба, вмонтированные в них во время строительства избы, полки, полки в стене у печи, божница в красном углу, «воронцы». Печи были глинобитные («битые») и ставились на деревянный опечек. Со стороны входа в избу в печи делались ниши – «печурки». Каждая печь имела «припечье». Дым выходил из устья непосредственно в жилое помещение и через систему волоковых окон, дымника и двери – на улицу. Для рассматриваемых домов сезонных поселений Се-

вера характерны все перечисленные элементы. При возведении изб использовался конструктивный единый принцип – рубка стен из бревен (диаметром 25–30 см) в «обло» с остатком. Поскольку постройки возводились быстро и носили временный характер, концы бревен оставляли неровными. Внутри помещений стены стесывались, поэтому углы были скругленными. Сами срубы ставились на землю без фундаментов. Подклеты, столь характерные для многих районов Севера, здесь отсутствуют, кровля двускатная, тесовая, с «курицами» и «потоками», с коньковым охлупнем. Дверные полотна одностворчатые: они состоят из двух или трех широких плах, соединенных шпонками с внутренней стороны. Дверь укреплена на «пяте» («на пальце»): она вращается вокруг верейного столба, вставленного в пазы нижнего и верхнего бревен проема.

В плане жилые дома сезонного поселения представляют собой одно-, двух- и трехкамерные постройки¹⁴¹ (рис. 288, 289). Первый тип – однокамерная постройка, где четырехстенный сруб избы имеет размеры 4,0 x 4,0 м. В избе – глинобитная печь, поставленная в углу на деревянный опечек; широкие, до 60 см, лавки расположены вдоль стен (вмонтированы в них); на них спят обитатели избы: против печи – стол, рядом полки для спичек, соли и продуктов, в углу божница. Несколько выше роста человека (от стены до стены) проходят жердины – «воронцы», используемые для сушки одежды охотников и рыболовов. Окна волоковые (порой растесаны). Волоковая доска (или рама) вставлена в углубленный паз стены и может закрывать окно, скользя вдоль него. Тес пола обычно врубается в нижний венец сруба, реже кладется прямо на землю. Дымовое отверстие устроено в стене над печью, поэтому дымарь (дымник) выходит прямо на улицу, на фасад дома. Сам дымоход имеет интересную конструкцию и выполнен в виде пологого бревна, опирающегося на консольную доску со стороны улицы или сеней. С избой он соединяется посредством отверстия с волоковой заслонкой, которое соответствует вырезу в вертикальной стенке дымохода. Со стороны улицы большой навес кровли защищает дверной проем и дымоход от осадков.

Второй тип курных изб отличается тем, что к жилой части (избе) примыкают сени, образуя двухкамерный дом двух видов (рис. 286, 287). Первый (а) имеет сени, застроенные снаружи вертикальными или горизонтальными жердинами по трем открытым сторонам, врубаемыми в бревенчатую обвязку навеса над входом и в нижние бревна сруба на уровне земли. Между жердинами на продольном фасаде дома

входная дверь. В этом случае дымоход выходит через сени описанным выше способом. Второй (б) вид отличается от предыдущего тем, что сени здесь – составная часть сруба всей избы, т. е. стена, разделяющая сени и жилье, является внутренней стеной дома. Иногда в сенях, напротив входа, устроен небольшой отсек для овец.

Третий тип курных изб подразделяется на три вида: первый – дом «брусом» (однорядная связь избы, сеней и двора; второй – ложно-однорядная связь «брусом», третий – ложнооднорядная связь жилья и двора Г-образной формы). Все дома с ложной связью – это двухкамерные жилые срубы с пристроенными несколько позже дворами. Хозяйственный двор может быть одно- или двухэтажным и соответственно иметь только хлев или хлев на первом и поветь на втором этажах. Связь между этажами осуществляется с помощью небольшой лестницы, проходящей внутри двора. Кровли дворов в основном двускатные, тесовые, но встречаются и односкатные («лабасом»), что более характерно для хозяйственных построек Севера: амбаров, ледников, бань, овинов.

Амбары, скомпонованные группами или рядами, порой, чуть ли не вплотную примыкают к домам. Все они очень малы (в плане 1,5 x 1,5 м) и соразмерны самим избам. Конструктивно амбары решаются в виде квадратного или прямоугольного сруба, стены которого рублены в «обло» с остатком, с тесовым покрытием по курицам и потокам, с коньковым охлупнем. Кровля на них двускатная, с двумя вариантами ската: с направлением скатов в сторону от входного фасада и к входу.

Амбары сезонного поселения приподняты над землей и поставлены на тесины, врубаемые в горизонтальные бревна основания. Перед входом устроено предмостье – площадка на пропусках нижних бревен боковых стен и бревенчатой стенки, выступающей вперед от дверного порога по всей длине главного фасада. Над площадкой навес («залобник»), полученный путем удлинения верхних венцов сруба. Он защищает площадку и дверной проем от атмосферных осадков. В некоторых амбарах сбоку площадки имеется ограждение в виде вертикальных стоек или досок, врубаемых в нижний венец навеса и в верхний венец предмостья. Подобное ограждение увеличивает полезную площадь амбара. Несколько усложняет объемно-пространственное решение построек навес на заднем фасаде амбара, за счет которого увеличивается используемая площадь; одновременно навес предохраняет стену амбара от атмосферных осадков.

Все описанные выше постройки сезонного поселения Хорнемская Пинежского района были выявлены, обследованы и детально замерены архитекторами в 1976–1977 гг.¹⁴² На них были составлены проекты реставрации¹⁴³, а позже три дома разного типа и амбары были перевезены и восстановлены на территории музея «Малые Корелы». И в настоящее время эти постройки представляют собой часть экспозиции сезонного поселения Пинежья.

Промысловые избы. Сезонные поселения были рассчитаны на более или менее долговременное пребывание крестьян. На пашнях, а порой и на сенокосах сооружались шалаши и балаганы, а также отдельные «сенокосные», так называемые «запольные» избы¹⁴⁴. Конструкции этих построек были такими же, как и домов первого и второго типа сезонных поселений, но решены они были более примитивно.

Помимо «сенокосных» строили рыболовецкие и охотничьи («боровые») избы, которые можно выделить в самостоятельную группу. Крестьяне по несколько человек, реже поодиночке, съезжались в места лова или охоты и располагались в этих избах. Многие из них и сегодня стоят по берегам рек или озер в отдаленных глухих местах Севера (р. Пинега, р. Мезень). Эти избы в конструктивном отношении решены так же, как и рассмотренные выше постройки, однако они имеют ряд элементов промыслового назначения. Внутри, на стенах, устроены полки для хранения постоянных запасов соли, сахара, сахарей, спичек, свечей; около печи всегда лежат сухие дрова. На подоконных бревнах для ориентации на местности вырезалась стрелка «север–юг». На кровле устанавливался флюгер, а под навесом на улице прибивалась еловая ветка – «коряковка», представлявшая собой своеобразный лесной барометр: если черенок ветки смотрел вверх, то погода должна была быть сухой, если вниз – то дождливой. Рядом

с «боровыми» избами строили амбары – «клетки», где охотники и рыболовы хранили запасы еды, пушнину, оружие, сети. Часто такие амбары ставились на высокие срубленные стволы деревьев.

На территорию музея «Малые Корелы» была перевезена охотничьи боровая

Рис. 110. Боровая изба на озере Уйтинском в Пинежском р-не до перевозки в музей. Фото И.Л. Полторжицкого, 1982

Рис. 111. Боровая изба в Пинежском секторе музея «Малые Корелы». Фото автора, 2006

изба и предполагается поставить амбары-клетки на ножках¹⁴⁵.

Промыслово-художественные поселения и их история во многом подчинены общим закономерностям становления и развития многих территорий страны – Русского Севера, как и Центральной России и пр. Но ряд их особенностей требует специального рассмотрения¹⁴⁶. Причины зарождения ремесла в той или иной деревне, формирование определенных его художественных качеств, этапы подъема и

упадка промысла, влияние различных государственных указов и постановлений на развитие ремесленных форм и в результате на развитие самого поселения – это круг вопросов, которые заслуживают анализа в историческом аспекте. Это, в свою очередь, поможет рассмотрению такого типа поселений с учетом сохранения или реконструкции на месте, как и для представления на территории музея под открытым небом.

Говоря о регионах, где значительная часть местных жителей занята художественным промыслом, следует иметь в виду, что под привычным названием поселения зачастую стоит не единичное село, а несколько населенных пунктов или даже целый район кустарного промысла и художественной промышленности. Это объясняется идентичностью художественных приемов; например, в подмосковном районе гончарного промысла поселение Гжель исторически объединило большое количество сел и деревень. Или наоборот – в соседних поселениях имеются принципиальные различия в манере художественного исполнения или даже разные виды промыслов, и каждый из промыслов остался в своей специализации и сохранил самобытность. Это можно заметить на территории С. Двины, где имелись различные центры народной росписи (пермогорская, верхнеуфтюгская, борокская, пучугская)¹⁴⁷. То же можно видеть на Мезени (Палашелье – это куст деревень), где развились известные «палашельские росписи». Очевидно, что общей основой для соотнесения поселений с тем или иным названием художественного промысла является единый вид

ремесла, общность проблем мелкотоварного производства, единый административно-хозяйственный статус соседних территорий.

С XVI в. и позже, то есть вплоть до начала XX в., в ряде мест существовал иконописный промысел, поддерживаемый монастырями – держателями этих земель. Иконы производились главным образом для церквей, купцов, мещан и реже – для рядовых крестьян. Значительное оживление торговли в таких поселениях позволило им в конце XVII в. стать крупными торговыми поселениями. Здесь проходил еженедельный торг и годовая ярмарка, что ясно прослеживается в их пространственных строениях, планировке, в жилых домах и их декоративном решении. Во многих из них можно видеть, например на С. Двине, огромные дома с полихромной росписью, как на фасадах, так и в интерьерах.

Такого типа постройки, мебель, образцы ремесел, живописи, как и образ жизни населения, представляются в музее «Малые Корелы», в частности в Мезенском и в С.-Двинском секторах.

Торгово-ярмарочные поселения, как и большинство других типов, имели смешанные, полифункциональные черты, то есть были, например, сельскохозяйственными или промысловыми одновременно¹⁴⁸. Эти селения располагались на пересечении административных и торговых путей – чаще всего по берегам рек или озер, являясь опорными центрами расселения. На северных территориях России они становились погостами – административным, религиозным и культурным центром округи, имели смешанные черты, что сказалось на их архитектурно-ландшафтной среде. В течение года в ряде районов страны количество ярмарок доходило до ста, что объяснялось не только культурно-экономическими условиями, но и природно-климатическими характеристиками России. Расстояния между поселениями, расположенными на огромных северных просторах, доходили до 80–500 км, что

Рис. 112. Дер. Палащелье, р. Мезень, Архангельская обл. Фото автора, 1975

*Рис. 113. Село
Большая Горка,
р. Сия,
Холмогорский р-н,
Архангельская обл.
Рис. автора, 1978*

Для появления ярмарок и организации периодического торгового рынка требовался ряд факторов. Это удобные и выгодные условия торговли, из которых главным были: небольшие проценты поборов с продаваемых товаров; гарантии безопасности торговли и хранения товаров; уверенность в наличии покупателей, что зависело от качества организации торговли и развлечений, а также от красоты и престижности места торгового рынка. И наконец, удобство расположения и наличие хороших подъездных путей.

Размещение торговли всегда связывалось с наличием определенного культового сооружения: храма или монастыря, которые, в свою очередь, имели определенное размещение в пространстве и своеобразное архитектурно-ландшафтное решение. Кроме того, ярмарки регламентировались и связывались с определенными церковными праздниками и торжествами. Аналогичную ситуацию можно видеть и в Европе, где монастыри часто являлись местом торговли. В феодальной России связь церкви с торговлей установилась очень рано и просуществовала вплоть до октябрьского переворота. Поскольку церковь как административный и общественный институт была в то время практически единственным местом сбора населения в определенные дни и часы, то и торговля около церкви приурочивалась именно к этому времени. С другой стороны, и торговля привлекала людей в церковь. Церковь же, сдавая свои помещения и территории для торговли, имела большие доходы, получая пошлину как с продавцов, так и с покупателей (за взвешивание товаров).

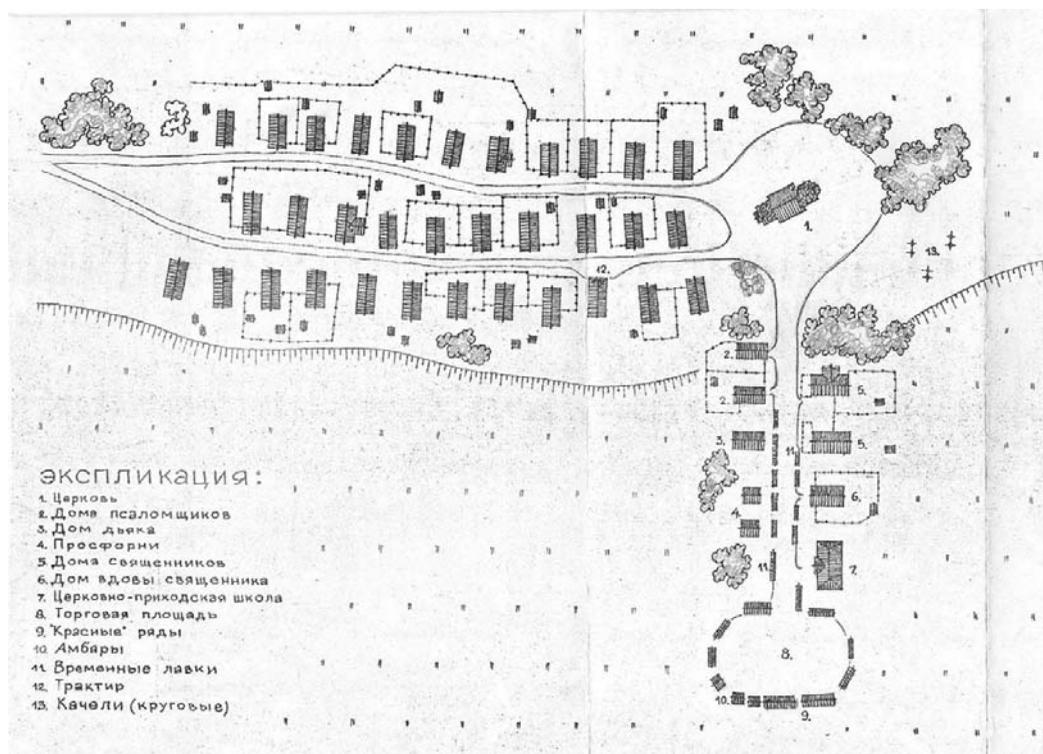
заметно усложняло сообщение между поселениями, сказывалось на качестве дорог и пр. и создавало условия для развития внутреннего рынка по отдельным регионам. Это явилось одной из причин замедленного процесса урбанизации и развития городов, а также рассеянного типа индустриализации и торговли. Именно поэтому многие селения были и до сих пор остаются «полугородами» – «полуселами».

Известно, что в России существовало несколько типов ярмарок, отличающихся по экономическому характеру, уровню торговли и ассортименту товаров: сельские (торжки), городские и всероссийского значения (Нижегородская, Маргаритинская в Архангельске, Благовещенская в Вологодской губернии и т. д.). Мелкие сельские ярмарки преобладали по всем территориям, и они составляли около 81 % всех ярмарок страны; 12 % ярмарок были средними по размеру оборотов, являясь одновременно оптовыми и розничными; и лишь 1 % составляли оптовые, крупные торги.

Образ жизни населения торговых сел различался в зависимости от региональной специфики культуры, от традиций и навыков местных жителей. Например, основным занятием многих крестьян окрестных территорий на С. Двине было животноводство, частично земледелие. Некоторые жители сел занимались также и ремеслами: кузнечным, сапожным, портным, мерным и пр. Но наличие этих промыслов явно не было достаточным для поддержания торгового дела. В XIX в. во многих селах (например, с. Черевково и др.) быстро растет торговля, появляется потребительское общество, строятся торговые лавки, трактир, различные малые формы, характерные для ярмарочных селений. Здесь устраивались всевозможные увеселения и отмечались народные праздники.

Уже на ранних этапах своего формирования торговые села России отличались характером застройки и более сложной планировкой от рядовых селений. Их пространственная организация имеет ряд особенностей, обусловленных направлением торговых дорог, влияющих на формирование уличной застройки и ее структуры. Необходима была организация базарных торговых площадей, планировки которых сложились ко второй половине XIX в. Площади

Рис. 114. Схема плана села Мола. Вологодская губерния. По описаниям Н. Миролубова 1899 г. Составлена автором, 1994

устроивались непосредственно в центре сел или выносились в конец поселения (с. Мола Вологодской губернии) или поодаль от него. Они могли иметь полукруглую форму или вытягивались вдоль улицы параллельно берегу реки и т. д. Жилые дома имели вид как сельских, так и городских строений.

Многие из торговых сел постепенно изменили свою функциональную и социально-культурную направленность. Они либо ориентировались на одну из имеющихся функций, например на сельскохозяйственную и животноводческую (села на р. Северная Двина, Вага), либо развивали новую обрабатывающую промышленность, либо сохраняли и продолжали развивать промыслово-художественные характеристики (с. Палащелье) и т. д.

Социальный состав населения отличался от состава других типов поселения: здесь преобладали, помимо мещан, купцы, священнослужители и дворяне. Наличие таких социальных групп в поселении формировало его структуру, влияло на образ и стиль жизни всего населения. Производственная деятельность людей была не только сельскохозяйственной, промысловой и пр., но и ориентировалась на торгово-коммерческие структуры. Социальное расслоение в таких поселениях прослеживалось в пространственном строе и планировке и представляет особый интерес. Например, в упоминаемом селе Мола, в домах, расположенных тремя рядами вдоль улиц, проживала основная часть крестьянства. Зажиточные крестьяне и торговцы селились в конце села, где стояла церковь. Перпендикулярно основным

*Рис. 115. Село
Черевково,
р. Северная Двина,
Красноборский р-н,
Архангельская обл.
Фото Н. Денисовой,
2008*

улицам шли два порядка домов, где жили служители церкви (священник, дьякон и пр.). Здесь же – церковно-приходская школа, далее – торговая площадь с рядами и лавками по периметру. В другом селе – Черевкове Архангельской губернии – торговые ряды и площади проходили вдоль дороги, находясь в центре села и параллельно берегу реки. Амбарами, лабазами и складами застраивали как берега, так и торговые улицы. Здесь же была пристань. Основной архитектурной доминантой селения была церковь (рис. 114).

Образ жизни населения и род занятий сказывался на его уровне жизни, который был заметно выше в сравнении с другими типами селений. Торговые функции сел оказывали влияние и на подвижность, изменчивость всей культуры в конкретном поселении, а затем и в регионе. Носителями новых культурных влияний были приезжие, мигрирующие купцы и торговцы, как из соседних районов, так и из других частей страны. Торговые поселения ближе всего по своей социально-экономической и культурной миссии стояли к городу, в них наиболее сильно сказывалось влияние городской культуры и образа жизни в разных аспектах. Это проявлялось в одежде, мебели, декоративном оформлении интерьеров, построек и пр.

Исчезновение торгово-ярмарочных поселений или их трансформация в иной тип зависели от социально-экономических условий, урбанизации и развития капиталистических отношений в конце XIX – начале XX в., от появления железных дорог и пр. После революции в 20–30-е гг. политическая ориентация государства на уничтожение зажиточного крестьянства, купечества и других социальных страт населения окончательно привела к уничтожению торговых и ярмарочных поселений, оставив место лишь государственному и колхозно-совхозному секторам торговли.

Возрождение и дальнейшее развитие рассматриваемого типа поселений зависит от развития аграрного сектора в стране в ближайшие годы, от экономического и социально-культурного потенциала в том или ином регионе и в конкретном поселении, от современных транспортных связей, жилья, социальных сил – энергичных деловых людей и пр. Одним из возможных, но сложных в наших условиях методов сохранения и развития некоторых исторических торговых поселений может выступать культурный и сельский туризм. В этом случае следует иметь в виду все вышеперечисленные условия для организации торговли, где, собственно, предметом торгов сегодня будет выступать историческое поселение, культурный и природный ландшафт, памят-

ники истории и культуры, т. е. вся историко-культурная среда поселений.

Представленный анализ торгово-ярмарочных сел поставил вопрос о необходимости демонстрации такого типа поселения в музее «Малые Корелы». Это предлагалось и генпланом музея и ПДП сектора, как и совпадало с концепцией Тематико-экспозиционного плана музейных сотрудников. Очевидно, что таким искусственным поселением стал Северо-Двинский сектор музея. Здесь могли быть воссозданы основные постройки, соответствующие торговым и ярмарочным функциям поселения, наиболее крупном на территории музея¹⁴⁹.

Рыболовецкие поселения. Такие поселения стояли по берегам рек и озер по всему Русскому Северу, поскольку лов рыбы был одним из важнейших промыслов местного населения. Некоторые села были ориентированы специально на заготовку рыбы и ее продажу на местных торжках или на больших ярмарках, в крупных городах страны.

Такие поселения, как и поморские, имели особенности и планировочную структуру, характерную для таких береговых сел, и, как правило, это могли быть рядные или уличные селения, которые выстраивались вдоль берегов, а их дома смотрели главными фасадами на воду. На берегу размещались лодки, рыбацкие баркасы, амбары, тони, что можно видеть

в том числе и по берегам р. Мезени. Спуски к воде имели ограждения или устраивались лестницы и подпорные стенки (рис. 183).

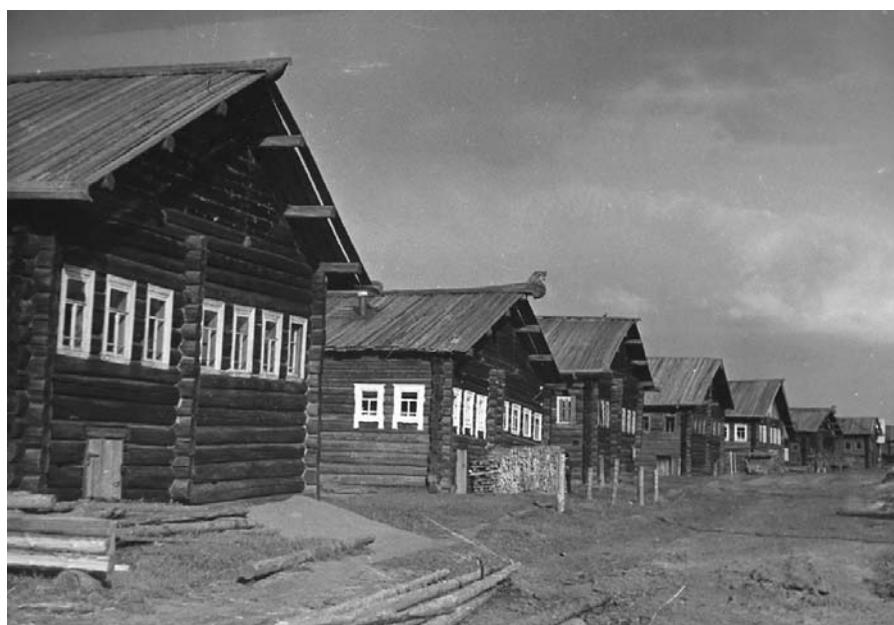
Усадьбы жителей имели свои особенности, в частности амбары разных типов, навесы для хранения лодок и сетей и пр. Такие поселения также представлены в музее «Малые Корелы», в частности в Мезенском и в предполагаемом Поморском секторе.

Рис. 116.
Рыболовецкое
поселение.
Кенозерский
национальный парк.
Фото автора, 2006

*Рис. 117. Дер.
Б. Нисогора,
Лешуконский р-н,
Архангельская
обл. Фото
Л.А. Ткаченко, 1975*

*Рис. 118. Дер.
Смольянец,
Лешуконский р-н,
Архангельская
обл. Фото
автора, 1975*

Культурная деревянная архитектура в системе поселений, основные типы храмов

Культурная деревянная архитектура Русского Севера привлекала внимание исследователей в течение последних полутора веков, и в том числе благодаря экспедициям конца XIX – начала XX в. художников, архитекторов, искусствоведов¹⁵⁰ и других специалистов. Искусствоведческий анализ архитектуры деревянных церквей, впервые осуществленный И. Грабарем в 1910-х гг., стал отправной точкой для многих исследований¹⁵¹. На протяжении 1920–50-х гг. Академией наук и Этнографическим отделом Русского музея был предпринят ряд экспедиций по Русскому Северу, что позволило собрать значительный материал по типологии культовых сооружений. Накопленные данные по деревянной архитектуре были систематизированы в монографии известных архитекторов¹⁵². Но в данном труде памятники рассматриваются изолированно от того природного окружения, в которое они были изначально «вписаны» плотниками-зодчими, а типологический анализ культовых сооружений не учитывает своеобразие ландшафта в конкретной историко-культурной зоне. К 1970-м гг., благодаря многочисленным экспедициям по линии Свода памятников истории и культуры в различных районах, в сферу искусствоведческого и архитектурного анализа было введено в научный оборот большое число новых сооружений. Исследования касались планировок и усадеб поселений, размещения культовых сооружений в пространстве и т. д. На анализ пространственной организации и ансамблевости сооружений было направлено внимание архитектора Ю.С. Ушакова, материалы которого стали важными в истории изучения деревянного зодчества¹⁵³. Автор подчеркнул структурирующую роль деревянного зодчества в отношении ландшафта и поселений, как и их окрестностей на Русском Севере.

В число важных работ, касающихся реставрации зодчества, вошли материалы исследований А.В. Ополовникова¹⁵⁴, столетие которого отмечалось в 2011 г. Однако автор придерживается типологии культовых деревянных построек, разработанной его предшественниками, классифицируя их главным образом по конструктивным и декоративным признакам, не акцентируя внимания на историко-культурном зонировании земель. Необходимо упомянуть работы Б.В. Гнедовско-

го, которым были разработаны проекты реставрации отдельных деревянных сооружений, а также предложена методика организации архитектурно-этнографических музеев под открытым небом, где культовая архитектура была представлена с учетом местных историко-культурных особенностей¹⁵⁵.

В 1980–2000 гг., благодаря работам философов, филологов, этнографов и других исследователей русской культуры, архитектурно-искусствоведческий подход в изучении культовой архитектуры был дополнен культурологическими методами¹⁵⁶. Тем самым были заложены основы для дальнейшего анализа философских, социокультурных, ландшафтных и сакральных функций храмов, в том числе деревянных на Русском Севере^{157, 158}. Однако все вышеперечисленные работы не дают на сегодня обобщающего представления о таких сооружениях (особенно часовен) в Архангельской и части Вологодской области – не уточнены их специфика и историко-культурные территории размещения различных их типов, место в социокультурной жизни общества. Хотя значительные типологические разработки проводились В.П. Орфинским¹⁵⁹, а позже по части западных территорий области – архитектором А.Б. Бодэ¹⁶⁰, однако остались детально не изученными сооружения других земель Архангельского Севера. Но поскольку ежегодно по разным причинам исчезали и разрушаются памятники деревянного зодчества во всех регионах, то проведение такого детального регионального анализа становилось все более актуальным. В 1960–70-е гг. важным стало сохранение небольшой часть исчезающего наследия, поэтому некоторые из храмовых сооружений и часовен были в первую очередь перевезены на территорию музея «Малые Корелы».

В будущем же предстоит изучить живописный и графический материал, явившийся итогом поездок в XIX–XX вв. художников, архитекторов и исследователей по Русскому Северу, в том числе из соседних европейских стран (Норвегии, Швеции). Он хранится в архивах и музеях как нашей страны, так и за рубежом. Ведь до сих пор неясно, каким современным сохранившимся (или уже утраченным) наследием мы владеем, особенно в том, что касается жилого зодчества, – как интерпретируются и используются современными архитекторами образцы исторических сооружений, в том числе в музеях под открытым небом, представляющих свои территории для демонстрации многих из них на одной ограниченной территории. В странах Европы такие работы уже имеются, что можно видеть в ряде зарубежных публикаций¹⁶¹.

Современным исследователям северорусской культуры представля-

Рис. 119. Дер.
Палащелье,
Архангельская обл.,
Лешуконский р-н.
Рис. автора, 1975

Рис. 120. Резной
обетный крест.
Дер. Кельчегора
Мезенский р-н
Архангельская обл.
Фото автора, 1975.
Перевезен в музей
«Малые Корелы»

ется уже недостаточным анализ памятников культового деревянного зодчества без их связи с социокультурным окружением. Они посчитали неправомерным рассматривать памятники в отрыве от той природной и архитектурной среды, где они когда-то были вписаны плотниками-зодчими¹⁶². Понятие «культурного ландшафта», ставшее в последние годы ключевым для архитекторов, географов, искусствоведов, экологов и других специалистов, подразумевает комплексное изучение той или иной территории. Особенно если она получила статус национального или всемирного наследия. Потребность в анализе культурных ландшафтов обусловлена необходимостью изучения и, что особенно важно, сохранения исторических территорий, поселений как уникальной пространственной среды, где различные элементы, ее составляющие (природа, архитектура, движимые памятники истории и культуры, традиции и сами люди), тесно взаимосвязаны.

Применение междисциплинарного подхода, учитывающего данные таких наук, как история, этнография, архитектура, семиотика, религиоведение, искусствоведение и др., позволяет представить северный деревянный храм, являющийся неотъемлемой частью северорусского культурного ландшафта, будь то часовня или приходская церковь,

как многогранное явление. Только при таком подходе можно осознать значение культового сооружения, на протяжении столетий удовлетворявшего различные духовные и культурные ценности северного крестьянина¹⁶³.

Русские переселенцы, занимаясь возведением деревянных церквей и часовен на Севере, в то же время «строили» свою христианскую общину, устанавливали сакральные и коммуникативные связи на огромном «диком, языческом» пространстве. До сих пор здесь повсеместно встречаются отголоски языческих верований¹⁶⁴. Существенным элементом духовной жизни и предметом поклонения, например, населения северо-западной части Архангельской области, вдоль берегов Кенозера – кенозерцев, были и остаются местные святыни: поклонные кресты, часовни, рощи и отдельные деревья, озера, ручьи, камни и другие ландшафтные объекты¹⁶⁵. Это можно встретить и по берегам рек Ваги, Пинегы, Мезени, Белого моря. Здесь поклонные кресты и часовни стоят в одном ряду со святынями природного происхождения, о чем давно известно и что характерно для этих районов: совмещение древних языческих верований, которых придерживалось местное, автохтонное, финноугорское население, и православия, которое несли в эти края переселенцы и служители церкви. Совмещение различных по своей сути «культурных программ» – язычества и православия – явилось одним из факторов превращения православия в северных деревнях в своеобразный сплав религиозных представлений, который в литературе получил название «народного благочестия»¹⁶⁶.

При освоении Севера церкви и часовни должны были заместить языческие святыни. Топография почитаемого места, как правило, складывалась из разных священных объектов. Это мог быть камень, дерево, родник и «сопутствующие» им поклонные кресты или часовни (иногда часовня-крест). Так христианская церковь стремилась изменить в сознании крестьян причины святости народных святынь¹⁶⁷. Исто-

Рис. 121. Обетный крест на берегу р. Мезень, дер. Кольшин Архангельская обл. Фото Н. Бровченко, 1975

рик И.Н. Данилевский также подчеркивает, что еще в Древней Руси наименование «русский» указывало не столько на государственную или национальную идентичность, сколько на религиозную, духовную общность: «русский» означало «православный»¹⁶⁸.

Причины постройки в том или ином месте деревянной церкви или часовни могли быть разные: по желанию местных жителей (строили «всем миром»), отдельной семьи, даже одного человека в честь какого-то события. Часто их строительство определялось руководством села или церкви. Храмы во многих районах создавались или на местах древних языческих святилищ, или на местах, связанных с деятельностью церковных подвижников. Это могла быть могила «человека божьего», место явления тому или иному подвижнику чудесного образа и т. д. Иногда роща становилась в глазах сельской общины «священной» при условии, что она выросла на месте разрушенной часовни (ранее, возможно, святилища) или на могиле «святого человека».

В некоторых территориях Русского Севера, например вокруг Кенозера, в Кенозерском национальном парке, обследованных нами в 2004–2006 гг., основную часть культовых деревянных построек составляют часовни – 65 часовен и только 3 храмовых комплекса¹⁶⁹. На такое распространение часовен оказал ландшафт местности: изрезанность береговой линии, удаленность от основных дорог многочисленных небольших поселений и их связь между собой в основном лишь по воде. То есть особенность расселения населения обусловила

распространение часовен, святых рощ и крестов. Деревни, которые могли состоять из 3–4 дворов, визуально составляли единое целое, поскольку так называемый «куст деревень» благодаря высотным доминантам в виде церкви и часовен был объединен в пространственный комплекс.

Основными святыми у северных крестьян были святые: Николай

*Рис. 122. Часовня
Иоанна Богослова
XVIII в. Дер. Зехнова,
Плесецкий р-н.
Кенозерский
национальный парк.
Общий вид. Фото
И. Краснобаева, 2006*

Чудотворец, Георгий, Илья Пророк, Флор и Лавр и др., которые со временем образовали самостоятельный «северорусский» круг. Так, в Кенозерье, к часовне св. Флора и Лавра в деревне Семеново в день памяти святых крестьяне приводили к покровителям для освящения своих лошадей¹⁷⁰. Повсеместно на Севере распространен обычай – вешать пелены в часовнях (чаще всего это домотканые полотенца, платки или привесы в виде больных частей тела). Старожилы деревни Зехнова, где находится часовня Ильи Пророка XVIII в., вспоминают, что до советской власти существовал обычай передавать пелену вместе со своей просьбой смотрителю часовни, а тот уже обращался к святому со «специальными» словами, известными только ему одному. Очевидно, здесь мы имеем дело с отголосками древних магических представлений.

Аналогичную ситуацию можно видеть по берегам р. Пезма в Вельском районе Архангельской области (ранее Вологодская губерния), где до 1917 г. стояло 64 часовни. И до сих пор сохранились многие из них, хотя сами деревни уже пустуют¹⁷¹.

Деревянные храмы на Русском Севере выполняли не только религиозную функцию, но также роль общественного центра поселения. Именно у часовни зачастую проходили мирские сходы и гуляния. В деревне Зехнова (Кенозеро) местные жители гуляли, плясали кадрили, пели частушки на небольшом пространстве перед часовней Ильи Пророка, несмотря на то что с 1930-х гг. по 1990 г. часовня была закрыта и не использовалась. До сих пор часовня является местом, где в летнее время по вечерам собирается местная молодежь, поскольку это единственное общественное здание в деревне. Старожилы помнят, что до 1930 гг. в праздничные дни памяти местных святых, которым посвящены часовни, в деревню еще в XX в. съезжались (точнее, приплывали) гости со всех окрестных поселений. По большим праздникам (Рождество, Пасха) в часовнях служили молебны священники из ближайших церквей или монастырей, а на Пасху всем желающим разрешали звонить в колокол.

Деревянные храмы, часовни, поклонные кресты служили и маяками, ориентирами для тех, кто отправлялся в лес или на рыболовный промысел, поскольку они строились на возвышен-

Рис. 123. Часовня Иоанна Богослова XVIII в. Дер. Зехнова, Плесецкий р-н. Кенозерский национальный парк. Западный фасад. Фото И. Краснобаева, 2006

*Рис. 124. Часовня
Флора и Лавра XIX в.
в дер. Семеново,
Плесецкий р-н.
Кенозерский
национальный парк.
Общий вид. Фото
автора, 2006*

ном месте, на «горе», или на мысу – в зависимости от расположения самого селения. Часовня в этих маленьких деревнях были их центральным элементом, а архитектурные ансамбли погостов (храмы – зимний, летний, колокольня) становятся крупными доминантами по берегам рек С. Двины, Пинеги, Мезени и пр., стоящими в больших торговых селах. Они становятся организаторами пространства, выходя за рамки собственного селения и распространяя свое визуальное влияние на соседние к комплексу поселения – на весь окружающий ландшафт.

В середине XIX в. появились живописные произведения, где впервые можно увидеть впечатления художников от русской природы¹⁷², а в архитектуру начала XX в. периода модерна были привнесены элементы древнерусского зодчества. Несмотря на то что долгое время это наследие оставалось вне поля зрения исследователей рубежа веков (в силу малодоступности самих памятников, а также недолговечности дерева), тем не менее именно деревянный храм со временем стал олицетворением русской души, той России, которой посвящали свои произведения А. Блок и С. Есенин. Деревянное зодчество хранит в себе наиболее архаичные черты – оно неразрывно связано с самой природой, на что обращали внимание все исследователи Севера, а также художники XIX и XX вв., на творческом пути которых важной вехой стали поездки по этим местам. В XX в. процесс изучения северного деревянного зодчества

активизировался, о чем мы уже говорили.

Касаясь рассмотрения памятников культового зодчества в музее «Малые Корелы», стоит упомянуть об их типологии, поскольку архитекторы уже на первых этапах стремились представить их разнообразные типы. Хотя ограниченность музейной территории в тот период, как и средств на реставрационные работы, не позволили продемонстрировать все имеющееся их региональное разнообразие, о чем можно лишь сожалеть.

Типология культовой деревянной архитектуры, с учетом размещения сооружений в разных историко-культурных регионах Русского Севера, заслуживает специального исследования, когда речь заходит о региональном своеобразии сооружений. Хотя по данной тематике опубликовано большое число работ, главным образом она касается памятников Карелии. Большой вклад в такое исследование внес В.П. Орфинский, А.Т. Яскеляйнен и др.^{173, 174, 175}

В этой связи мы представим краткий анализ и обобщение материалов, ориентируясь на множество публикаций, наши собственные обследования и материалы свода памятников по изучаемым землям. Существенным в нашем рассмотрении становится анализ не столько конструктивных и деко-

Рис. 125.
Шатровая церковь
в селе Волосово
XVII в.,
Каргопольский р-н,
Архангельская обл.
(не сохранилась).
Рис. автора, 1982

Рис. 126. Многоглавая
Богоявленская
церковь 1733 г.
в селе Палтога,
Вытегорский р-н
Вологодской обл.
Рис. А.Б. Бодэ,
2000

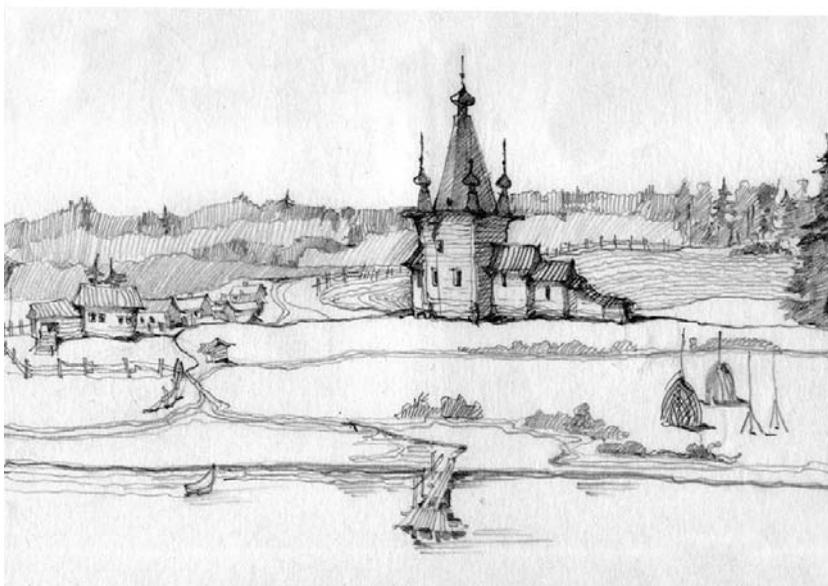

Рис. 127. Пятиглавая
многошатровая
Воскресенская
церковь 1763 г.,
село Ракулы,
Холмогорский р-н,
р. С. Двина. Рис.
автора, 1977

ся одним из важных факторов, подтверждающих предложенное историко-культурное зонирование территории Архангельской области, которая наметилась нами при изучении народного жилища¹⁷⁶.

Западная историко-культурная зона (западные районы Вологодской и Архангельской областей – в прошлом часть Олонецкой губернии). Для этих районов преобладающий тип планировок – приречный и приозерный, рядные, уличные, «кончанские», в них характерно размещение клетских часовен в лесу, в конце поселений, в рощах, а церквей – в стороне от деревень (погосты) или в центре поселений. Имеются обетные кресты и кресты-часовни. Распространенные типы храмов – клетские, шатровые, кубоватые, пятиглавые и с ярусным завершением, сочетающимся с многоглавием (согласно классификации, первоначально предложенной И.Э. Грабарем). Именно в этой зоне ранее стоял такого типа собор близ г. Вытегры, имеющий 25 глав, сгоревший в 1965 г., – предшественник известного Преображенского собора в Кижях, копию которого можно сегодня видеть под С.-Петербургом¹⁷⁷.

В бассейне р. Ваги (Вельский, Шенкурский, частично Устьянский, Коношский и Няндомский районы Архангельской области, частично Верховажский район Вологодской области – в прошлом Вельский уезд Вологодской и Шенкурский уезд Архангельской губерний) распространены приречные и на водоразделах рядные, уличные и смешанные планировки селений. Размещение часовен вне, на краю и внутри поселений, на кладбище (погостах) или в

ративных деталей сооружений, хотя они важны и значимы, сколько их своеобразии и особенности по типологическим показателям, поскольку этот фактор является важным при решении их репрезентации на территории музеев под открытым небом, и в частности в «Малых Кореллах». Кроме всего прочего такие особенности культовой архитектуры являются

Рис. 128. Ярусный тип храма с крещатой бочкой и тремя главами. Георгиевская церковь 1665 г., село Пермогорье, Красноборский р-н, Архангельская обл. Рис. автора, 1975

стороне от застройки. Тип храмов – с восьмигранным сомкнутым криволинейным покрытием и одной главой (в украинском зодчестве эта форма называется «баня»), что весьма редко можно встретить на территории Русского Севера и главным образом в этой историко-культурной зоне (редко на Двине). Интересным экспериментом можно назвать восстановление этого храма «новоделом» – копии церкви XVII в. на том же самом месте в с. Зачачье на р. С. Двина. Это было исполнено в начале XX в. по проектам и под руководством Императорской археологической комиссии.

Для поселений бассейна р. Северная Двина (низовье – Холмогорский и часть Виноградовского района Архангельской области – в прошлом Холмогорский уезд; среднее течение – Виноградовский и Верхне-Тоемский районы и верховье – Красноборский район и прилегающая территория – в прошлом Сольвычегодский уезд Вологодской губернии) характерны селения приречные и на водоразделах. Планировки имеют уличную и смешанную формы, с различными постановками церквей. Были распространены погосты, встречаются обетные кресты. Наиболее распространенный тип храма – с шатровым завершением, но встречаются и пятиглавые храмы и многоглавые с небольшими шатрами, а также ярусные деревянные культовые сооружения разных типов.

Рис. 129. Многоярусная церковь Петра и Павла 1722 г. в селе Ратонаволоке, Холмогорский р-н, Архангельская обл. Рис. автора, 1977

Рис. 130. Церковь с восьмигранным покрытием – «баней», распространенные на р. Ваге, а также в селе Зачачье, близ г. Емецка на р. С. Двина. Фото автора, 1977

*Рис. 131. Церковь Георгиевская
XVIII в. в селе Гридинское
Вельского р-на Архангельской обл.
Фото автора, 1977*

*Рис. 132. Шатровые храмы с разными
типами планов: Богородицкая
церковь 1726 г. и церковь Архангела
Михаила 1776 г. Село Яковлевское,
Верхне-Тоемский р-н,
Архангельская обл.
Фото автора, 1977*

Для бассейна р. Пинеги и Мезени, Архангельской области, характерны селения, расположенные главным образом вдоль рек; планировки – многорядные или рядные, а также уличные. Размещение церквей и часовен – вне или в конце поселений. Повсеместно распространены обетные кресты. Характерный тип храма – с завершением в виде шатра на крещатой бочке; имеются также клетские и шатровые храмы. Встречаются «часовни-амбаронки» (перестроенные из помещений амбаров).

В бассейне р. Вычегда (Ленский, Яренский районы Архангельской области, часть Республики Коми – в прошлом Яренский и частично Усть-Сысольский уезды Вологодской губернии) селения русских этого региона, как и народа коми, расположены вдоль рек. Имеют свободные, рядные, уличные и смешанные планировки. Постановка часовен – различна. Встречаются обетные кресты. Характерного типа деревянного храма нами не выявлено.

Исходя из представленной краткой типологии культовых сооружений, в музее «Малые Корелы» сохраняются разные типы как храмов, так и часовен, о чем мы будем говорить ниже, касаясь анализа ПДП секторов – искусственно создаваемых поселений.

*Рис. 133. Церковь
Одигитриевская 1709 г.
с покрытием «шатер
на крещатой бочке».
Село Кимжа, Мезенский р-н,
Архангельская обл.
Рис. автора, 1981*

Типология жилых домов Архангельских и Вологодских земель. Интерьеры и декоративные особенности

Северный крестьянский жилой дом представляет собой органическую взаимосвязь утилитарного и художественного назначения сооружения, что является особенностью народных деревянных построек. «Суровая простота их форм – сродни древним храмам, которые они напоминают всеми своими деталями»¹⁷⁸. Общность условий жизни крестьян Севера, хозяйственный уклад и другие причины обусловили единые принципы возведения жилища, их планировок, конструкций, декора. Жилые и дворовые постройки объединялись под одной крышей, образуя дом-двор (дом-комплекс). Однако при всей общности основных принципов строительства крестьяне по-разному подходили к решению основных элементов жилой архитектуры.

Типологические особенности и разнообразие жилого зодчества на территории Архангельской (и частично Вологодской) области становится одним из существенных аспектов при изучении народной архитектуры Русского Севера. Именно жилище, представляя собой наиболее устойчивый традиционный тип сооружений в крестьянской среде, дает возможность идентифицировать историко-культурные регионы, о чем мы говорили выше, касаясь выявления их границ.

Исследованию типологии жилых домов было уделено большое внимание многими специалистами. Имеются разные варианты их систематики, и наиболее разработанная и несколько усложненная система была предложена уже после наших исследований¹⁷⁹. Но предложенная нами систематизация, которая базировалась на собственных обмерах и анализе сооружений изучаемых областей, акцентировалась на размещении построек в различных районах областей¹⁸⁰. В натуре было обследовано в процессе экспедиций, проанализировано и систематизировано около полутора тысяч построек второй половины XIX – начала XX в. 10 % всех материалов было использовано из литературы. Схемы фасадов и планов построек были представлены в таблицах. Они проанализированы, исходя из их региональных особенностей, возникших в результате исторического развития и творческого изменения строительных традиций и приемов новгородцев, переселенцев из «низовских» земель и местного автохтонного населения, а также с учетом влияния климата и социально-экономических условий.

К этому времени на европейской территории расселения русского народа уже сложились основные типы комплексов крестьянского жилища: северорусский, среднерусский, западнорусский и другие^{181, 182}. На изучаемой территории Севера преобладал первый тип с характерными особенностями для каждой его зоны. Однако в его основе был заложен единый принцип: жилая и хозяйственная части соединялись в единое сооружение. Для Архангельской, как и Вологодской, области можно выделить следующие дома-дворы однорядной и двурядной связи (рис. 135 – 140):

1. Дом-двор однорядной связи – «брусом», где к жилой части дома и сеням примыкает хозяйственный двор, стены которого составляют продолжение жилой части, образуя большое удлиненное здание, перекрытое одной, как правило двускатной, кровлей. Возможны варианты этой связи, представляющие «ложно-однорядную» застройку, где хозяйственный двор не полностью примыкает к дому, а оставляет небольшой просвет между домом и двором (бассейн Пинеги). Дом-двор однорядной связью может быть представлен в трех вариантах: равноширокие «брусы», с симметрично или асимметрично уширенным хозяйственным двором (распространены повсеместно). Дополнением в данном типе являются зимние избы, пристраиваемые сбоку или сзади, образуя дом на «два фасада» (бассейн Ваги, Кокшеньги), либо поставленные «скотные» избы рядом с жилой частью (бассейн Пинеги, Сухоны).

2. Дома-«глаголи», в которых двор примыкает к боковой и задней стене сеней, образуя в плане сложную форму буквы «Г» (в других районах Севера встречаются глаголи неправильной формы – распространены на Онеге, в Каргополье, на Сухоне).

3. Дома с поперечной застройкой жилья и двора. Здесь двор и дом расположены под прямым углом. Двор примыкает к центральной части бокового фасада, образуя Т- или Г-образную форму (бассейн Онеги, в Каргополье, на Сухоне).

4. Сдвинутая застройка, являющаяся промежуточной формой между однорядной и двурядной сомкнутой застройкой. В этой застройке двор сдвинут в сторону относительно продольной оси дома-«бруса», образуя асимметричную композицию главного фасада (распространены на С. Двине, Сухоне).

Сомкнутая двурядная застройка имеет два основных типа домов-дворов:

1. Дома с двурядной связью, где сруб жилой части поставлен параллельно хозяйственному двору и разделен коридором. В этом случае изба и двор имеют самостоятельные перекрытия (р. Онега, редко бассейн Сухоны).

2. Дома-«кошели» со слитной связью, представляющие собой параллельно поставленные жилье и хоздвор с одной разделительной стеной и общим двускатным, чаще асимметричным покрытием (р. Онега, верховья Вычегды, Западные районы областей).

Помимо перечисленных типов домов-комплексов распространены сдвоенные дома, представляющие собой два дома однорядной связью – «двойные брусы» или дом «брусом» и избу с сенями, поставленные почти вплотную. Коньки крыш параллельны. Расстояние между домами используется как общий коридор для обоих домов (распространены в Тотемском, Кадниковском, Грязоветском, Никольском районах Вологодской области).

Типы жилой части дома¹⁸³

Для середины XIX – начала XX в. в северном крестьянском жилище были характерны одно-, двух-, трех- и четырехкамерные постройки¹⁸⁴. Однокамерная четырехстенная изба встречается на рассматриваемой территории в бассейне Пинеги.

Двухкамерный дом состоял из жилой избы и сеней, представляющих собой либо открытый, либо застроенный брусьями консольный навес при входе. Вариантом данного типа являются помещения с рублеными сенями, примыкающими к жилью (бассейн Пинеги, Сухоны).

Трехкамерное жилище можно классифицировать по трем видам:

1. Пятистенный сруб жилой избы и клетки (или горницы), объединенных сенями (распространен повсеместно).
2. Два поставленных рядом сруба жилых помещений – шестистеннок (изба и летняя изба; изба и горница и т.д.) с пристроенными сенями, так называемые «изба с прирубом» и «изба-двойня» (бассейн Мезени, Пинеги, Двины, частично Сухоны).
3. Два жилых помещения (изба и горница, изба и летняя изба и т.д.), поставленные рядом через сени, – так называемый тип «связь» (Каргополье, Онега, Сухона, Вычегда).

Четырехкамерное жилище может быть представлено в двух видах:

1. Шестистенный сруб, где два жилых помещения объединены «залком» (чуланом или комнатой) с пристроенными сенями (бассейн Пинеги, Мезени, Вычегды, частично Сухоны, верхнее и среднее течение Двины).
2. Пятистенный сруб жилой части, к которому приставлен четырехстенный сруб холодной клетки или избы, объединенные сенями (бассейн Ваги, верховье Двины).

Типы дворов

Крытый хозяйственный двор включает в свой состав дополнительные жилые клетки, мшаники, ледники, хлева. Иногда (бассейн р. Пинеги, Ваги) задняя часть двора – «озадок» – включала в свой состав зимнюю избу.

Двор может быть одноярусным и двухъярусным и соответствовать жилью, поставленному либо непосредственно на землю, либо на небольшой (~ 0,5 м), средний (~ 1–1,5 м) и высокий (до 2–2,5 м) подклеты. Первый ярус двора используется под хлева – помещения для скота; второй (поветь) служит для хранения сена, хозяйственного инвентаря. Здесь же имеются дополнительные клетки для жилья или кладовки. На поветь идет взвоз – пандус – для въезда телег с сеном в поветные ворота. В некоторых районах дворы решаются без взвоза, и сено забрасывают непосредственно с воза (бассейн Сухоны, Западные районы областей). В случае дома с однорядной связью с уширенным двором («с отполком») взвоз устраивается иногда на главном фасаде, что также может быть в домах-«глаголях» и «кошелях» (бассейн Онеги, Каргополье). Крайне редки соединения жилья с двором, являющимся одновременно и сенями (бассейн Пинеги) (рис. 138).

Таким образом, можно сделать заключение и представить обобщение типов жилища следующим образом.

Типы домов-дворов II пол. XIX – начала XX в. по регионам Архангельской (и части Вологодской) области

1. Дома сомкнутой однорядной застройки:
 - А – брус (с вариантами) – распространены повсеместно
 - Б – со сдвинутой застройкой хоз. двора к жилью – частично Сухона, Двина
 - В – глаголи – Запад областей, редко Сухона
 - Г – с поперечной застройкой («Т»-образные) – Запад областей
2. Дома сомкнутой двурядной застройки:
 - А – в чистом виде – Запад областей, редко Сухона
 - Б – слитная застройка (кошели) – Запад областей, верховья Вычегды
3. Сдвоенные дома (брус + изба с сенями) и двойные брус – районы Вологодской области

Типы жилищ по регионам областей

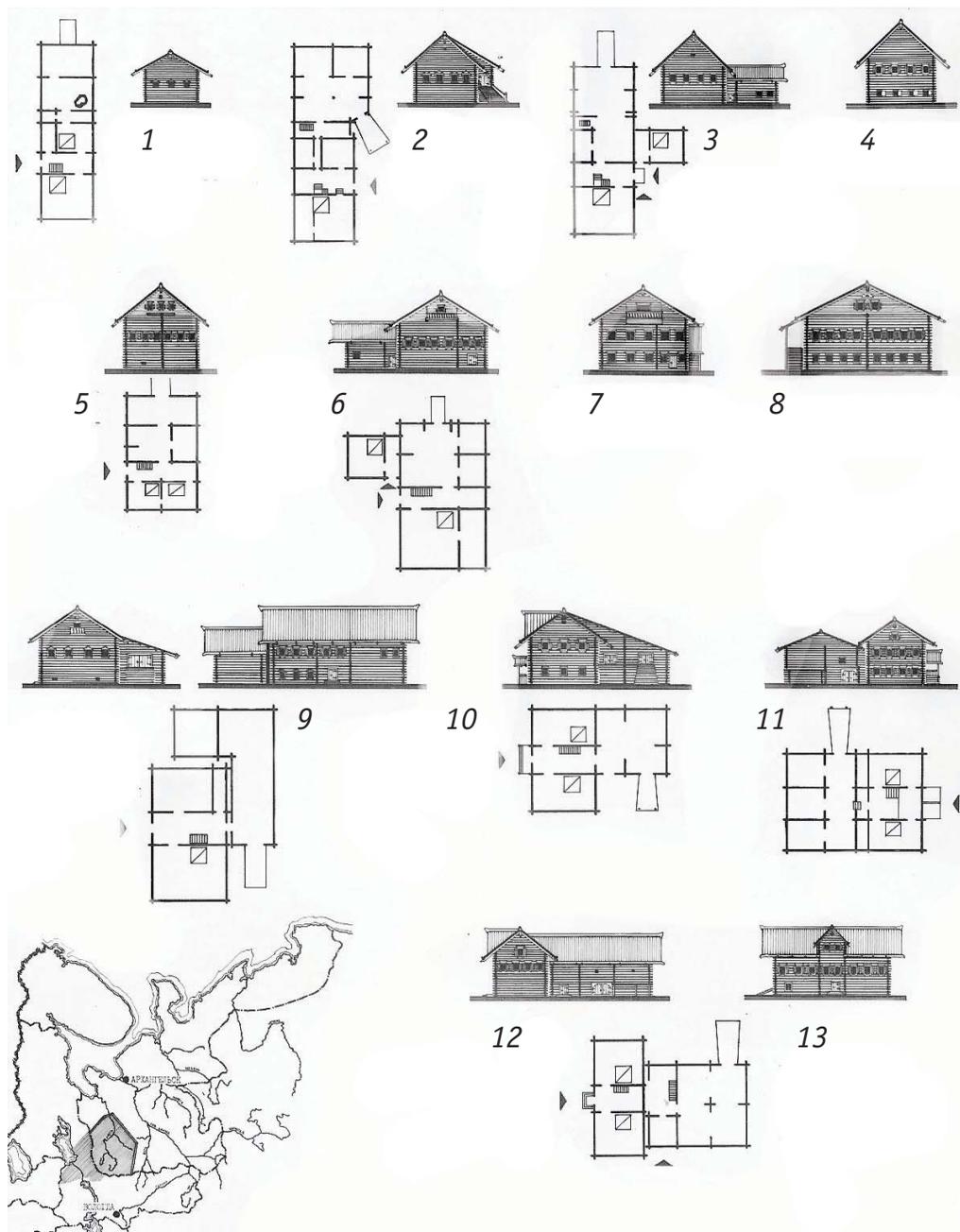
1. Однокамерные постройки (изба) – Пинега
 2. Двухкамерные постройки (изба + сени) – Пинега, Сухона
 3. Трехкамерные:
 - А – пятистенок (изба + горница + сени) – повсеместно
 - Б – шестистенок: изба с «прирубом» – Сухона, изба-двойня – Мезень, Пинега, Двина, Сухона
 - В – изба типа «связь» – Запад областей, Сухона, Вычегда
 4. Четырехкамерные:
 - А – шестистенок с заулком – комнатой (изба + заулком + горница + сени) – Пинега, Мезень, Вычегда, Сухона, Двина
 - Б – пятистенок с клетью – Вага, верховье Двины
- Представленные исследования и типологические основания жилого зодчества рассматриваемых областей легли в основу отбора и перевозки сооружений в различные сектора – деревни музея деревянного зодчества «Малые Корелы». Позже – в Музей деревянного зодчества Вологодской области (Приложение 4). Но многие из представленных в таблицах построек уже не сохранились.

*Рис. 134.
Пустующие жилые
дома. Дер.
Кельчегора,
Мезенский р-н,
Архангельская
обл. Рис. автора,
1982*

**Типологические таблицы памятников жилого зодчества
Архангельской области – основы отбора и перевозки сооружений
в музей деревянного зодчества «Малые Корелы»
(Материалы автора, 1981 г.)**

Рис. 135.
Северо-запад
области
(Каргопольско-
Онежская зона)

1. Дом Полуяновой из дер. Гарь Каргопольского р-на Арх. обл. (музей «М. Корелы»)
2. Дом Попова из дер. Гарь Каргопольского р-на Арх. обл. (музей «М. Корелы»)
3. Дом Хабарова в дер. Гарь Каргопольского р-на Арх. обл.
4. Дом в дер. Б. Халуй Каргопольского р-на Арх. обл.
5. Дом Дымова дер. Б. Халуй Каргопольского р-на Арх. обл.
6. Дом Чешиновых в дер. Толстая Коношского р-на Арх. обл.
7. Дом в дер. Гарь Каргопольского р-на Арх. обл.
8. Дом Сергеева в дер. Толстая Коношского р-на Арх. обл.

9. Дом Бибина в дер. Село Каргопольского р-на Арх. обл. (по Маковецкому)
10. Дом-кошель Костиной в дер. Кузьминская Каргопольского р-на Арх. обл. (предлагается в музей)
11. Двойной дом Кириллова из дер. Киселево Каргопольского р-на Арх. обл. (музей «М. Корелы»)
12. Дом Пухова из дер. Б.Халуй Каргопольского р-на Арх. обл. Боковой фасад (музей «М. Корелы»)
13. Дом Пухова из дер. Б.Халуй Каргопольского р-на Арх. обл. Главный фасад (музей «М. Корелы»)

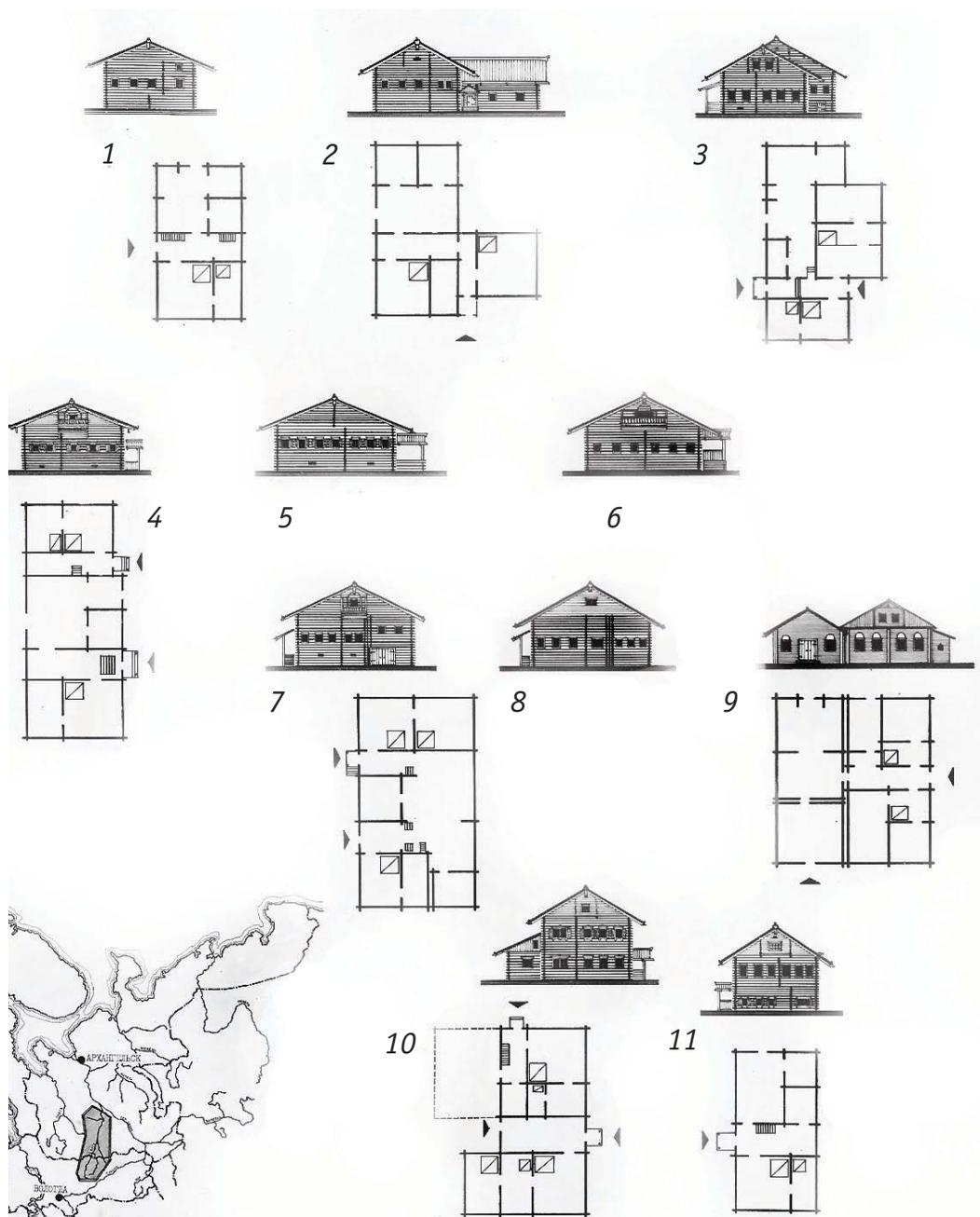
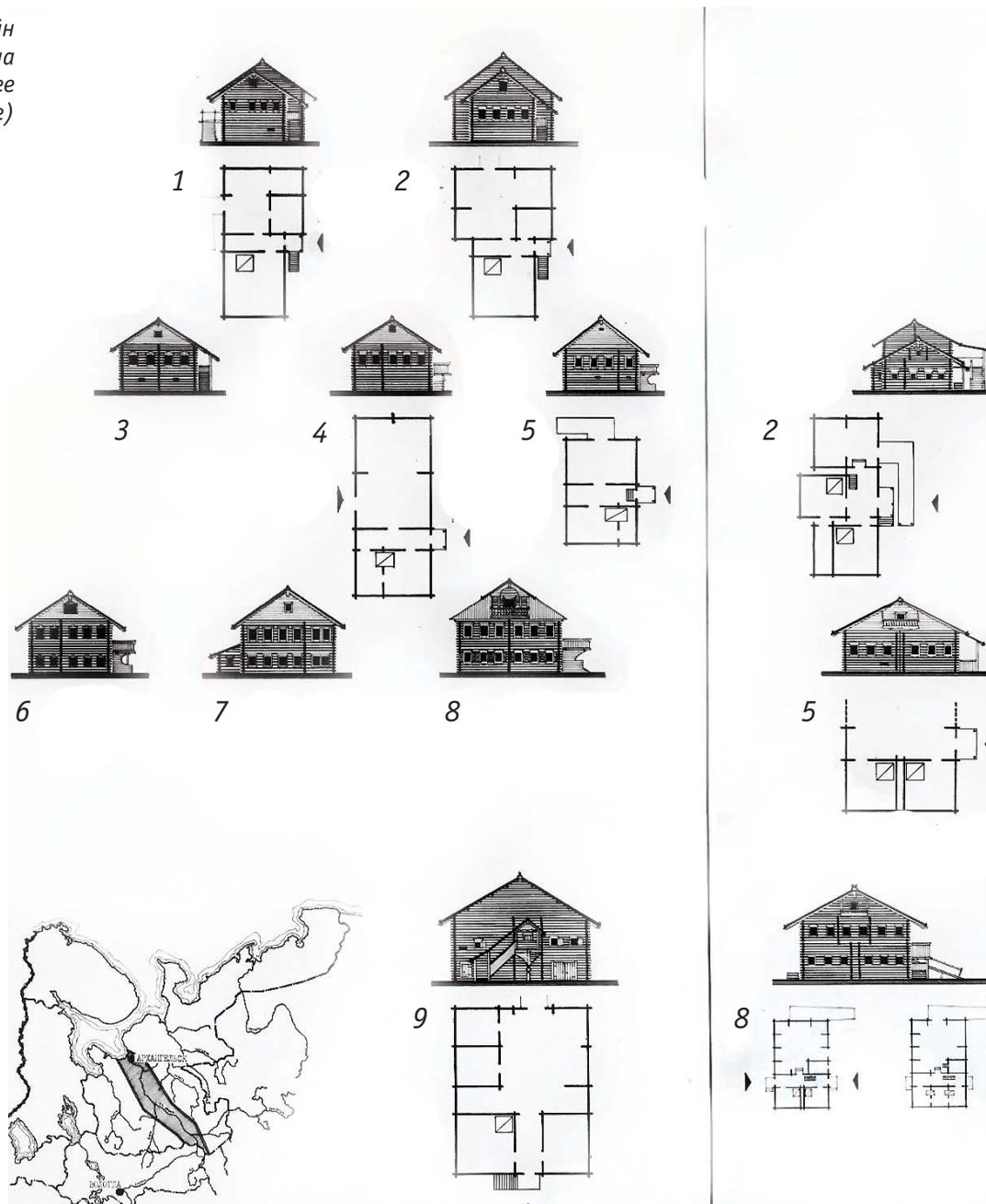

Рис. 136.
Бассейн
р. Вага

1. Дом Золотых в дер. Кишерма Вельского р-на Арх. обл.
2. Дом Трифонова в дер. Коренево Вельского р-на Арх. обл.
3. Дом Попова в дер. Пабережье Вельского р-на Арх. обл.
4. Дом Коровиной в дер. Палкино Вельского р-на Арх. обл.
5. Дом Дубининой в дер. Юшинская Шенкурского р-на Арх. обл.
6. Дом Голубцовой в с. Хозьмино Вельского р-на Арх. обл.

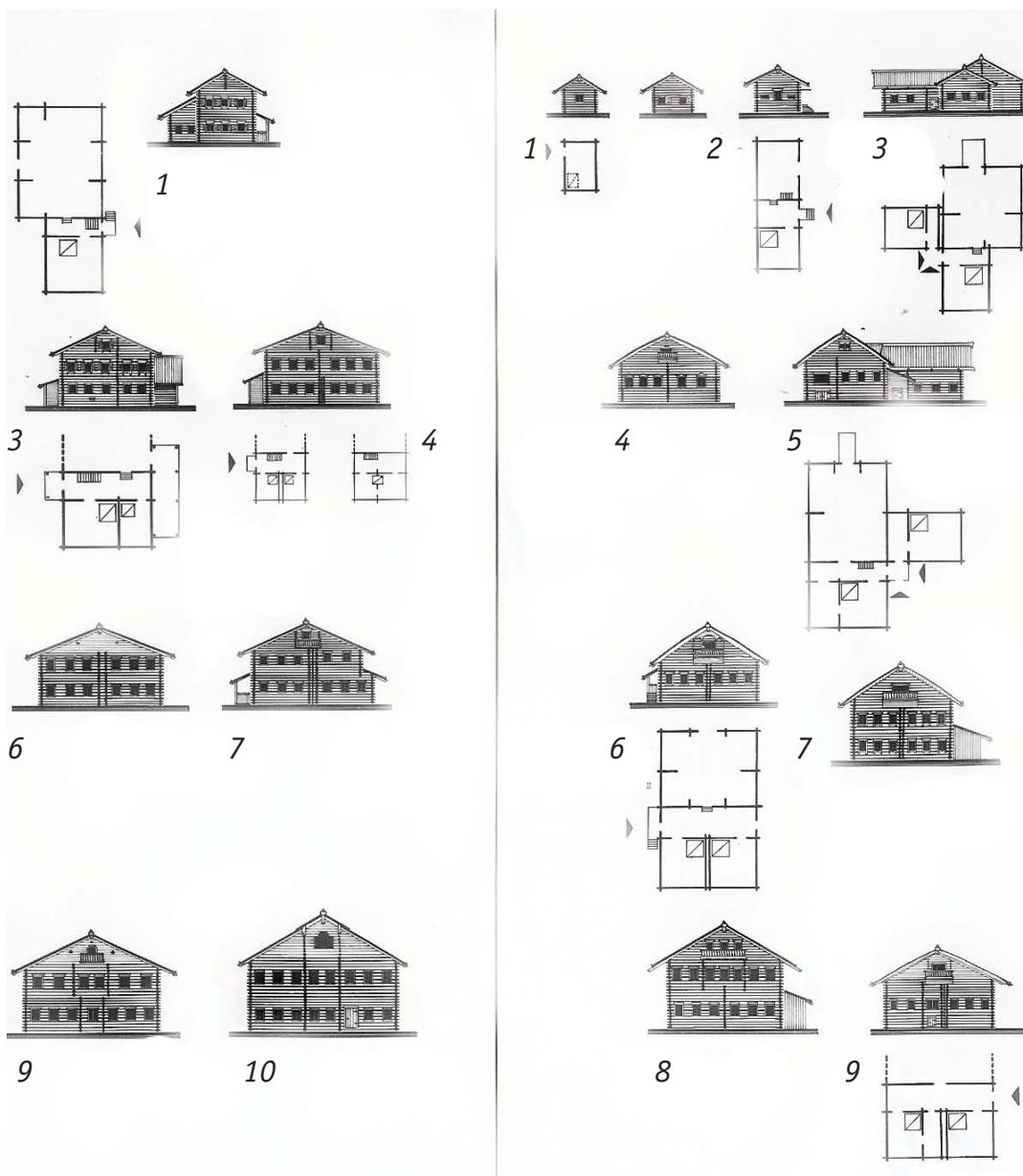
7. Дом Горбунова в дер. Бессониha Вельского р-на Арх. обл.
8. Дом Тетеревлевой в дер. Сметанино Шенкурского р-на Арх. обл.
9. Двойной брус Трапезникова в с. Пешма Вельского р-на Арх. обл.
10. Дом Кубенина в дер. Березник Вельского р-на Арх. обл.
11. Дом Богданова в дер. Кишерма Вельского р-на Арх. обл.

Рис. 137. Бассейн
р. Северная Двина
(низовье, среднее
течение, верховье)

1. Дом Лохова в с. Сельцо Холмогорского р-на Арх. обл.
2. Дом в дер. Кривец Холмогорского р-на Арх. обл. (р. Мехреньга)
3. Дом Вальной в дер. Кальи Виноградовского р-на Арх. обл.
4. Дом Ильиной в с. Сельцо Холмогорского р-на Арх. обл.
5. Дом Ермолиной в дер. Кривец Холмогорского р-на Арх. обл. (р. Мехреньга, музей «М. Корель»)
6. Дом Попова в с. Сельцо Холмогорского р-на Арх. обл.
7. Дом Семенова в дер. Усть-Мехреньга Холмогорского р-на Арх. обл.
8. Дом Пантелеева в дер. Б. Гора Холмогорского р-на Арх. обл.

9. Изба в с. Кошине Арх. губ. Холмогорского уезда (по Грабрю)
1. Дом Репниной в дер. Керга В.-Тоемского р-на Арх. обл.
2. Дом Русиновой в дер. Кондратовская В.-Тоемского р-на Арх. обл. (музей «М. Корель»)
3. Дом Постоева в с. Пучуга В.-Тоемского р-на Арх. обл.
4. Дом Бутакова в с. Пучуга В.-Тоемского р-на Арх. обл.
5. Дом Лапова в дер. Лаповская В.-Тоемского р-на Арх. обл.
6. Дом Шикурева в дер. Чащевица В.-Тоемского р-на Арх. обл.
7. Дом Угрюмова в дер. Волочек В.-Тоемского р-на Арх. обл.

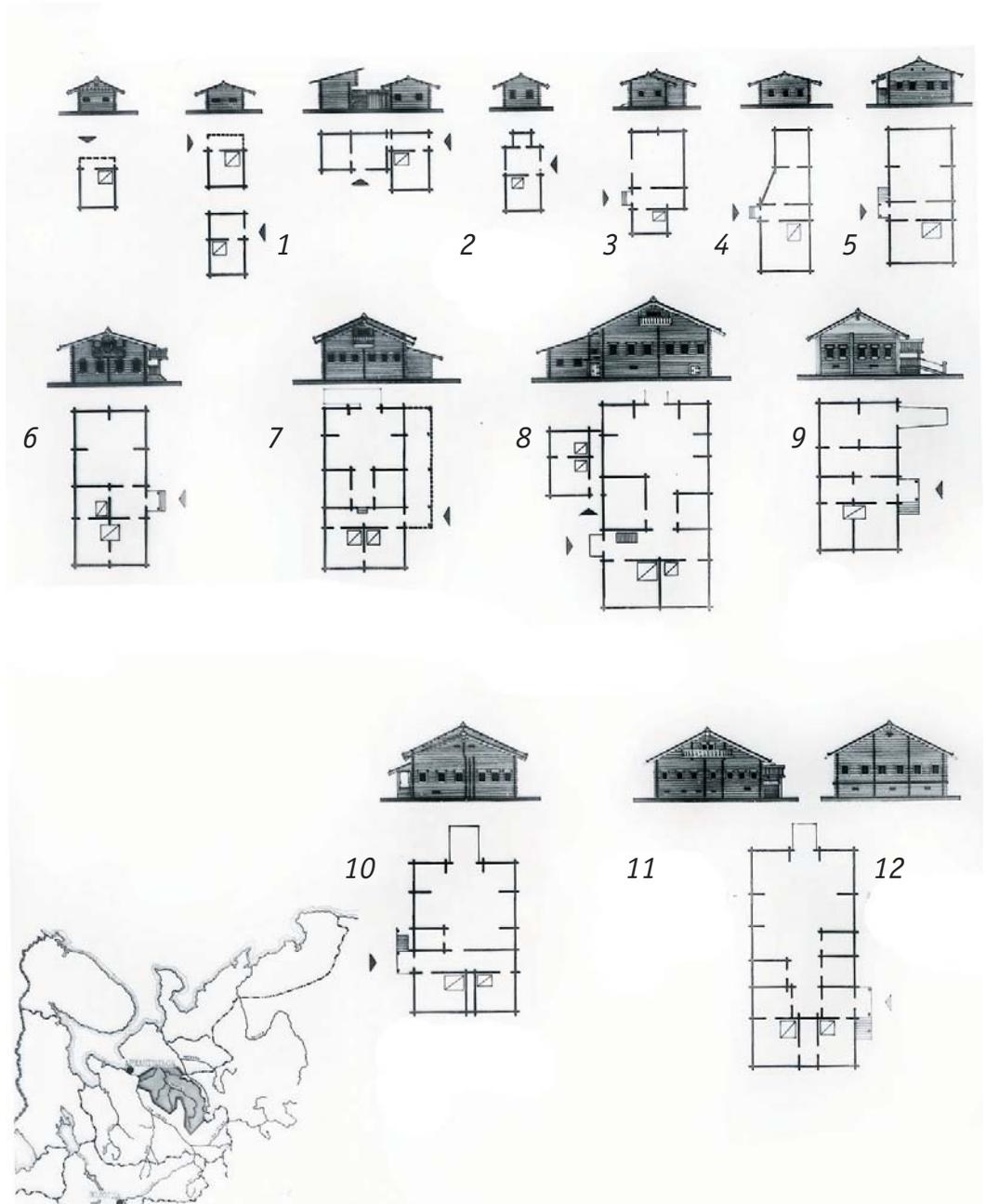

8. Дом Тропина в с. Цивозеро Красноборского р-на Арх. обл.
(музей «М. Корелы»)
9. Дом Уродкова в с. Ноза В.-Тоемского р-на Арх. обл.
10. Дом Анисимова в с. Пучуга В.-Тоемского р-на Арх. обл.

1. Дом Сметаниной в дер. Перекоп Красноборского р-на Арх. обл.
2. Дом в дер. Литва Красноборского р-на Арх. обл.
3. Дом в дер. У.-Маломса Красноборского р-на Арх. обл.
4. Дом Шестакова в дер. Холм Красноборского р-на Арх. обл.

5. Дом в дер. Усть-Маломса Красноборского р-на Арх. обл.
6. Дом Ишениной в дер. Демидовская Красноборского р-на Арх. обл.
7. Дом Макеевых в дер. Парфеновская Красноборского р-на Арх. обл.
8. Дом Леднева в с. Черевково Красноборского р-на Арх. обл.
9. Жилой дом в Красноборском р-не Арх. обл.

Рис. 138.
Бассейн
р. Пинеги

1. Дома сезонного поселения дер. Хорнемской Пинежского р-на Арх. обл.
2. Дер. Калосьнема В.-Тоемского р-на Арх. обл. (р. Выя)
3. Дер. Гора В.-Тоемского р-на Арх. обл.
4. Дер. Шеймогоры Пинежского р-на Арх. обл. (музей «М. Корель»)
5. Дер. Шеймогоры Пинежского р-на Арх. обл.
6. Дом Островского в дер. Сарчема В.-Тоемского р-на Арх. обл.

7. Дом Ситниковой в дер. Шеймогоры Пинежского р-на Арх. обл. (музей «М. Корель»)
8. Дом Рубцова в с. Немнюга Пинежского р-на Арх. обл.
9. Дом Чирцовой в с. Сояла Пинежского р-на Арх. обл.
10. Дом Кыркаловой в дер. Б. Кротово Пинежского р-на Арх. обл. (музей «М. Корель»)
11. Дом Рубцовой в с. Немнюга Пинежского р-на Арх. обл.
12. Жилой дом в Пинежском р-не Арх. обл.

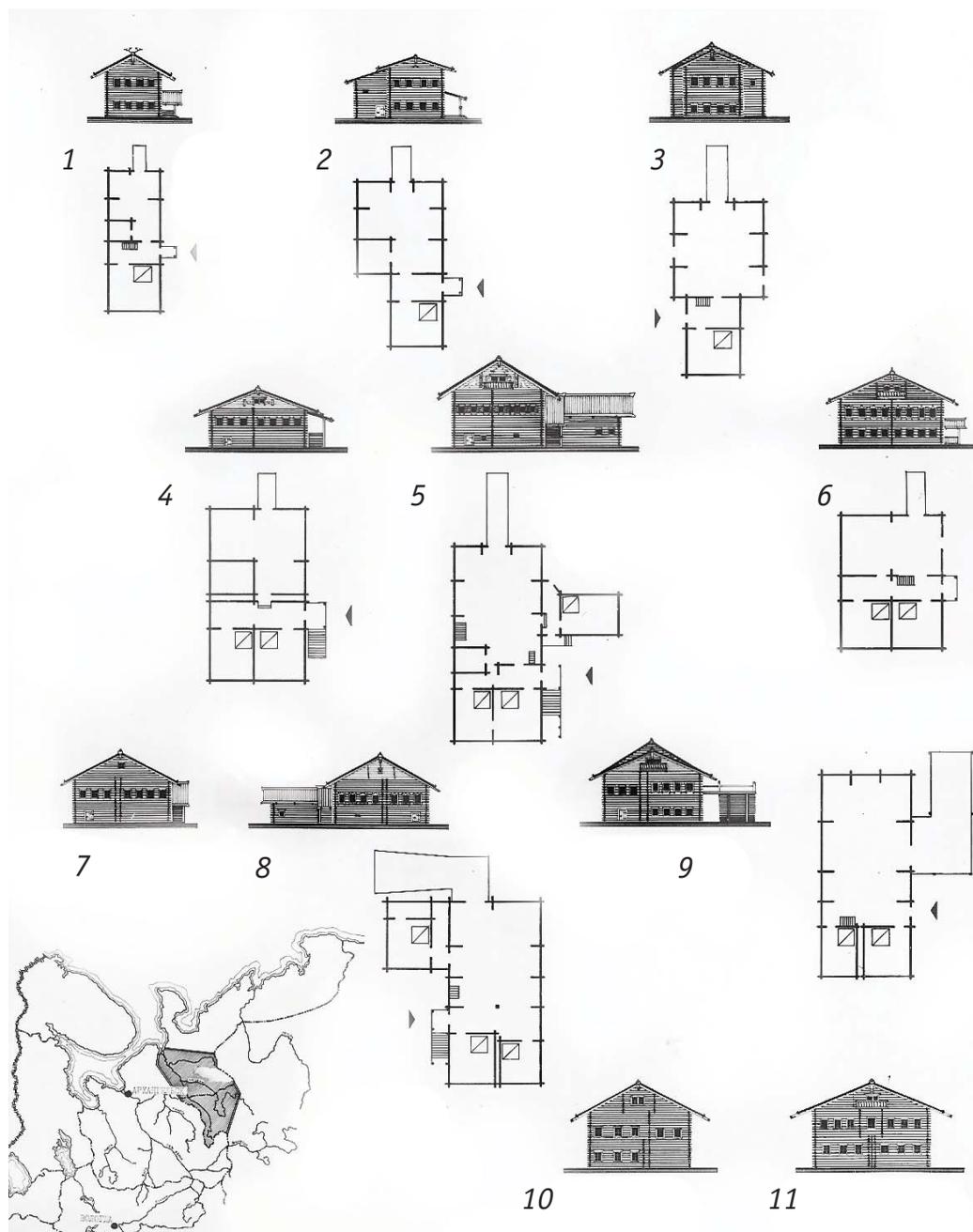
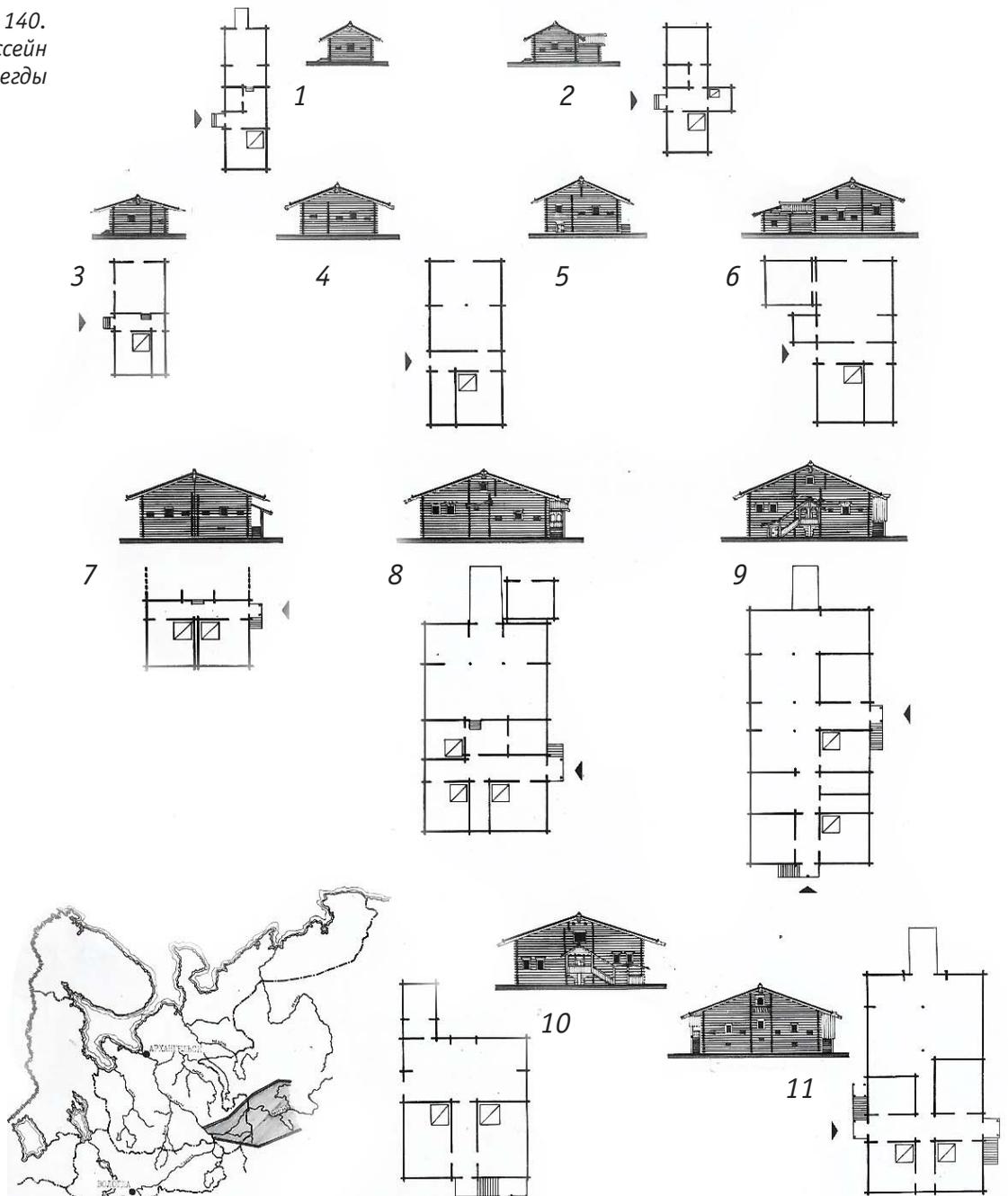

Рис. 139.
Бассейн
р. Мезени

1. Жилой дом в дер. Вожгора Лешуконского р-на Арх. обл.
 2. Дом Гольчикова в дер. Вожгора Лешуконского р-на Арх. обл.
 3. Дом Федотовой в дер. Лебское Лешуконского р-на Арх. обл. (музей «М. Корелы»)
 4. Дом Новиковой в дер. Конещелье Лешуконского р-на Арх. обл.
 5. Дом Клокотова в дер. Заозерье Лешуконского р-на Арх. обл. (музей «М. Корелы»)

6. Дом Малышева в дер. Едома Лешуконского р-на Арх. обл.
 7. Жилой дом в Мезенском р-не Арх. обл.
 8. Дом Лимонникова в дер. Елкино Мезенского р-на Арх. обл. (музей «М. Корелы»)
 9. Дом в дер. Едома Лешуконского р-на Арх. обл.
 10. Дом Пупцева в дер. Карьеполье (р. Кулой) Мезенского р-на Арх. обл.
 11. Жилой дом в дер. Едома Лешуконского р-на Арх. обл. (по Маковецкому)

Рис. 140.
Бассейн
р. Вычегды

1. Дом Колесникова в дер. Мыс Ленского р-на Арх. обл.
2. Жилой дом в дер. Берег Ленского р-на Арх. обл.
3. Дом Федуловой в дер. Загорье Ленского р-на Арх. обл.
4. Дом Николаевой в дер. Ирта Ленского р-на Арх. обл.
5. Дом в дер. Морготлуг Ленского р-на Арх. обл.
6. Жилой дом в дер. Б. Мыс Ленского р-на Арх. обл.
7. Дом Векшиной в дер. Княжинье Ленского р-на Арх. обл.

8. Дом Турובה в дер. Ирта Ленского р-на Арх. обл. (музей «М. Корелы»)
9. Дом Щеголева в дер. Ирта Ленского р-на Арх. обл. (музей «М. Корелы»)
10. Дом Ветошева в дер. Кони Княжпогостского р-на. Коми АССР
11. Дом Прошиной в дер. Верхний Конец Ленского р-на Арх. обл.

Интерьеры крестьянских домов заслуживают специального рассмотрения. В немногочисленных исследованиях народных жилищ не в полной мере освещены вопросы их формирования на Русском Севере¹⁸⁵. Натурные исследования автора показали, насколько разнообразными могут быть приемы объемно-планировочной организации северорусского жилища. Изучение этого вопроса актуально не только в историко-архитектурном отношении, но и применительно к современной архитектурно-строительной практике на селе, а также в связи организаций музеев под открытым небом (как скансенов, так и «in situ»). Конечно, подобный анализ необходимо осуществить и по многим территориям Архангельской области, но это требует новых экспедиций, времени и энергии, а также молодых специалистов, которые могут увлечься данной темой. Рассмотрение устройства крестьянских жилищ Русского Севера (как частный случай – верхнее и среднее течение Северной Двины, в частности Красноборского района Архангельской области) может быть в этой связи не только интересным, но и полезным. Они частично представлены и в музее под открытым небом «Малые Корелы».

Исследование таких интерьеров и, соответственно, памятников жилого зодчества было предпринято летом 1984 г. во время экспедиции по выявлению сооружений для их перевозки в музей¹⁸⁶. Обнаруженные нами жилые постройки в тот период в данном районе не привлекли к себе особенного внимания, исходя из их объемно-пространственной композиции. Но их уникальные не только для Архангельского Севера, но и Европы декоративные, конструктивные элементы и особенно интерьеры, встроенная мебель оказались поистине удивительными. Позже многие из них были опубликованы¹⁸⁷, и материалами этого издания мы воспользовались в данной монографии.

Крупные торговые города, такие, как Архангельск, Сольвычегодск, Холмогоры, Великий Устюг определяли культурную и экономическую жизнь Подвинья, издавна славившегося своими художественными и промысловыми традициями. Застройка сел велась по единому принципу – домами-комплексами с однорядной связью типа «брус», жилую часть которых составляли пяти- и шестистенки. Центром избы здесь, как и на всем Русском Севере, является глинобитная печь, до сих пор считающаяся в народе «святым» местом. Именно у печи стоят «обереги» – коньки припечной доски и лавок у входа, когда-то связанные с культом солнца и выполненные в виде

головой коня, птиц и других животных. На рассматриваемой территории Севера у русского населения наиболее распространенным является угловое расположение печи. Иногда она отодвигалась от стены, а образовавшееся между нею и стеной пространство (запечек) использовалось для хранения различной утвари. Если запечек имел достаточно большие размеры, то его закрывали дверкой и образовывалось пространство, называемое «шомныш».

Печное устье в домах Русского Севера может быть направлено под прямым углом к дверной или противоположной от входа стене. В рассматриваемом районе встречается лишь последний вариант (северо-среднерусская планировка избы). Красный угол расположен по диагонали от печи, в нем обязательно имеется треугольная полочка – божница. Как правило, печи в избах – глинобитные («битые») и поставлены на высокий деревянный опечек. Первоначально многие из них топились «по-черному», а затем стали топиться «по-белому». В конце XVIII – начале XIX в. в верховьях Северной Двины появились кирпичные и отделанные изразцами печи, поскольку в то время в Красноборске было налажено производство многоцветных изразцов, которыми торговали на местной ярмарке¹⁸⁸. В некоторых домах этого района до сих пор сохранились изразцовые печи.

Интерьер избы на Русском Севере условно разделяется на несколько частей воронцами – взаимно перпендикулярными полками, врубленными в печной столб и соответствующие стены: место хозяйки – напротив устья печи («бабий кут»), место хозяина – при входе в избу и парадный красный угол. Все эти внутренние пространства имели и различные смысловые значения¹⁸⁹. Во второй половине XIX – начале XX в. помещения изб стали разделяться по линии печи не воронцами, а заборками. Первоначально заборки появились у зажиточных крестьян, позже – у подавляющей части сельского населения. Иногда роль заборки выполняли шкафы-поставцы. В домах русского населения Севера расстановка мебели была традиционной, вдоль стен, с постановкой стола в красном углу, – центр при этом оставался свободным. Аналогичная расстановка встречается и в районах Подвинья. Над входом в избу устраивались полати.

В тех домах, где имелся высокий подклет, вход в него устраивался с улицы или из избы. В последнем случае в него спускались через голбец – небольшой шкаф высотой около 1,5 м, неподвижно

соединенный с печью, дверцей и лестницей. Во второй половине XIX – начале XX в. перегородки, шкафы-поставцы, опечья, воронцы часто украшались росписью¹⁹⁰. Сегодня уже редко можно встретить интересные образцы подвижной мебели – столы, стулья, скамейки, кровати и т. п., появившиеся в крестьянском быту в конце XIX в. Однако любопытны сохранившиеся в относительно нетронутом виде печи и связанные с ними конструкции опечья и голбца. В общей сложности на территории, например, верховья р. С. Двины, исследуемые нами интерьеры можно подразделить на пять основных типов решения печного угла, и в частности голбца, выстроив их в порядке усложнения конструктивных и декоративных элементов¹⁹¹.

1. Наиболее простой тип конструкций встречается в доме П.А. Вяткина в деревне Киселевская Черевковского сельсовета (рис. 141). Спуск в подклет осуществляется через невысокий ящик, расположенный у боковой стены печи со стороны входа в избу, с поднимающейся крышкой (называемой здесь «полотенышком») и лестницей под ней. Подобное устройство спуска напоминает распространенную в западных районах Севера конструкцию «каржины»¹⁹². Верхняя поверхность ящика служит лежанкой.

Место доски-коника у печного столба занимает здесь филенчатая стенка. Опечье в нижней части закрывается двумя филенчаты-

Рис. 141. Интерьер избы П.А. Вяткина в дер. Киселевская, Черевковского с/с, Красноборский р-н Архангельской обл. Обмеры И.Л. Полторжицкого и автора. Чертил В.В. Алипов, 1984

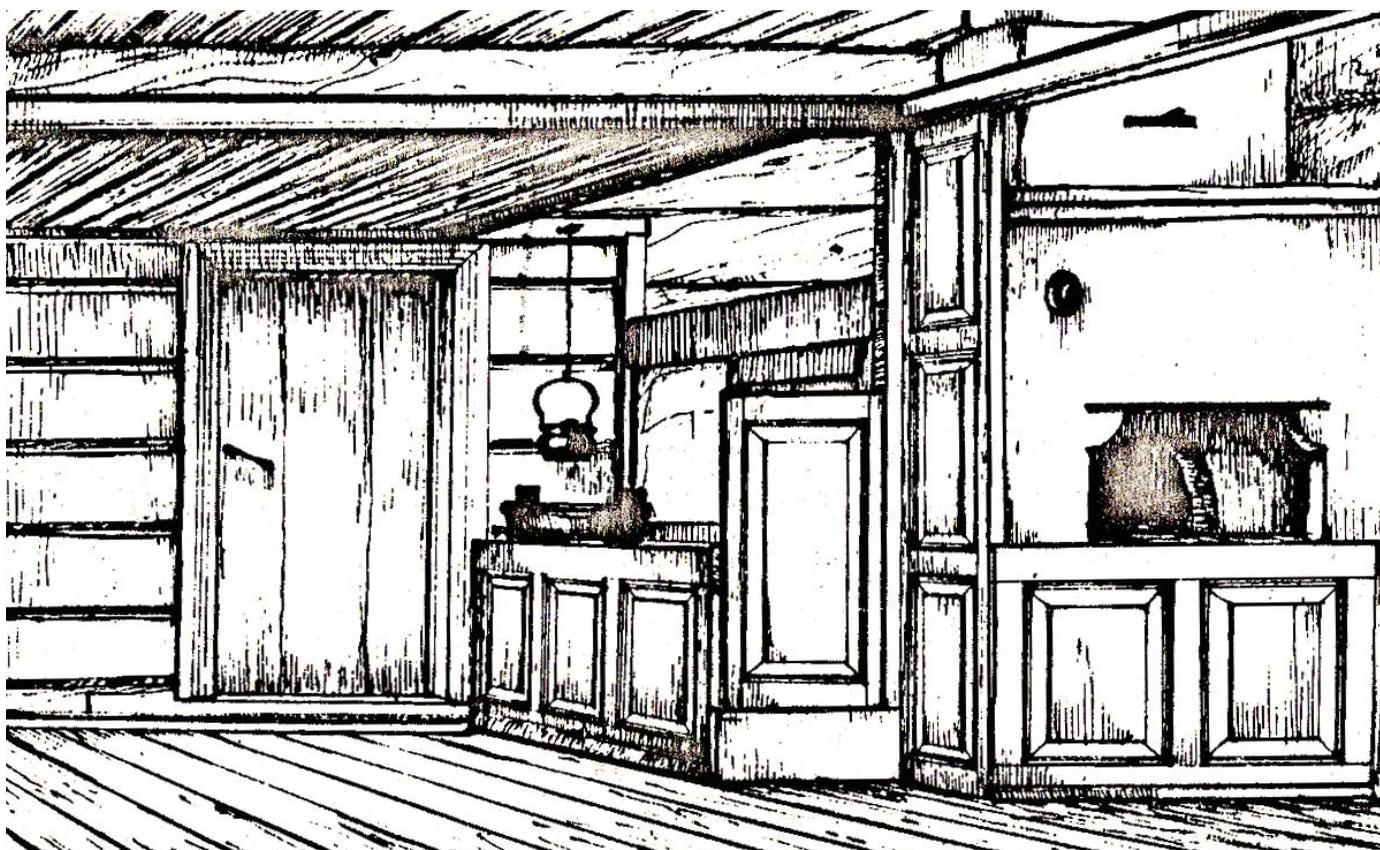
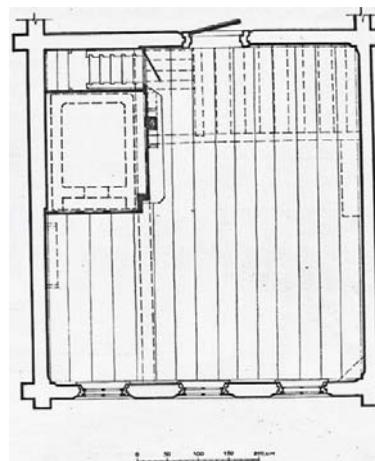

Рис. 142. План избы И.И. Заозерского
в дер. Чупровская, Белослудский с/с,
Красноборский р-н Архангельской обл.
Обмеры выполнены
И.Л. Полторжицким,
В.А. Муравлевой, 1984

ми дверцами. Небольшой шкафчик для посуды (судница), стоящий рядом с печью вдоль боковой стены избы, закрывается такими же дверцами. Залезть на печку можно с лежанки.

2. Пример более сложной конструкции печного угла можно увидеть в доме И.И. Заозерского (дер. Чупровская Белослудского сельсовета) (рис. 142, 143). Этот тип отличается тем, что вход в подклет расположен между печью и задней стеной избы. Лестница, идущая вниз, со стороны жилого пространства закрыта филенчатой дверью. Боковая стена печи декорирована филенчатой перегородкой, вдоль которой проходит невысокая лавка. Ее основание, выступающее за плоскость перегородки, также имеет филенчатую основу. Лестница, ведущая на печь, вырублена из единого куска дерева и опирается одним концом на лавку, другим – на специально сделанный для этих целей выступ перегородки. Коник несколько упрощенного рисунка выполнен традиционно из одной доски. Дверцы опечья украшены часто встречающейся в этих местах плоской геометрической резьбой, состоящей из ромбов и квадратов.

3. Третий тип конструктивного решения печных углов считается исследователями типичным для жилых построек Русского Севера. В доме Белоруковой А.С. в дер. Ергуз, Цивозеро, печь, поставленная

Рис. 143.
Интерьер избы
И. И. Заозерского
в д. Чупровская,
Белослудский с/с,
Красноборский р-н
Архангельской обл.
Обмеры выполнены
И.Л. Полторжицким,
В.А. Муравлевой,
1984

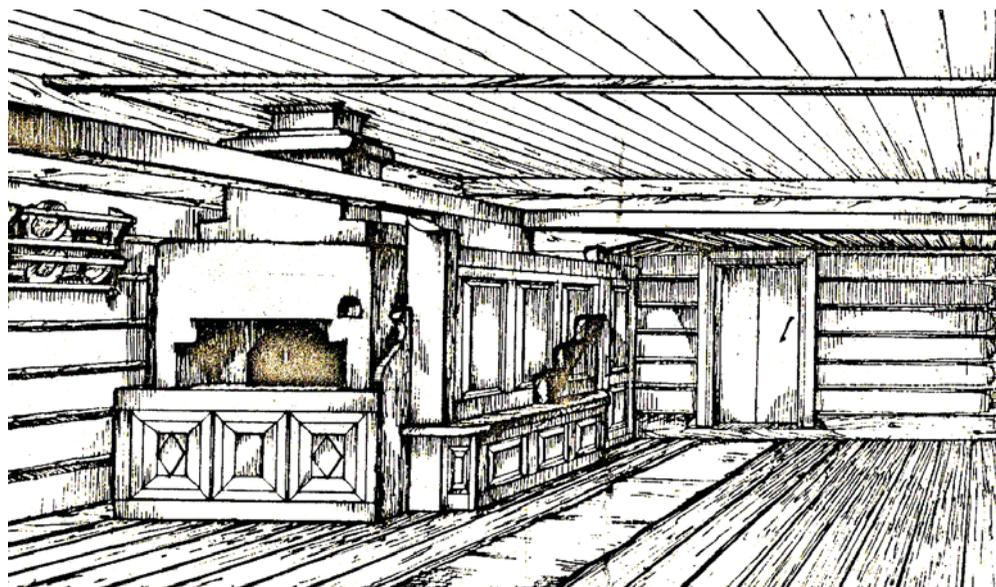
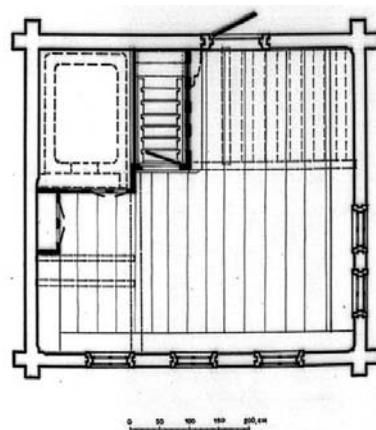

Рис. 144. План избы А.С. Белоруковой в дер. Ергуз, Цивозеро, Красноборский р-н Архангельской обл. Росписи филенок – мастер Юркин, 1913 г. Обмеры выполнены И.Л. Полторжицким, В.А. Муравлевой, чертил В. Алипов, 1984

в углу избы, имеет голбец с дверью на лицевой стороне, за которой находится лестница в подклет. Боковая стенка голбца – обычно филенчатая, с различными вариантами компоновки (рис. 144, 145). В первом случае ее обвязка образует шесть или восемь квадратных филенок, расположенных в два ряда, во втором – филенки выстроены в один ряд и имеют вертикально вытянутые формы. Характерным для таких интерьеров является устройство входа на печь и полаты: чтобы попасть туда, необходимо ступить на лавку-приступок, идущую вдоль голбца, а затем на фигурно вырезанную полочку, укрепленную в углу, между стенкой голбца и задней стеной избы. Иногда несколько таких полочек образуют своеобразную резную лесенку. В этом, вероятно, наиболее старом типе решения голбца встречаются как традиционные конструктивные приемы и элементы, так и новые, появившиеся в результате увлечения крестьян филенчатыми конструкциями – приемом, заимствованным из городского строительства. Во всех рассмотренных интерьерах полаты, расположенные над входом в избу, не доходят до голбца на 0,5 м.

4. В доме Ф.И. Тропиной (дер. Сенькинская Белослудского сельсовета) голбец имеет более сложную и разумную, чтобы не сказать уникальную, конструкцию (рис. 146, 147). По высоте он доходит до уровня полатей (1,7–1,8 м), примыкающих к нему вплотную. Внутри голбца, кроме лестницы, ведущей в подклет, находятся лестница на печь и полаты, а также умывальник с тазом. Вход в подклет может располагаться на традиционном месте – рядом с лицевой стороной печи или же на ее боковой стороне. В этом случае на боковую сторону голбца выходят подряд три двери, и умывальник в этом случае устраивается в верхней части одной из частей голбца. Соответственно, дверь, закрывающая пространство для умывания, превращается в короткую створку, а образовавшееся внизу пространство делает более удобным спуск в подпол.

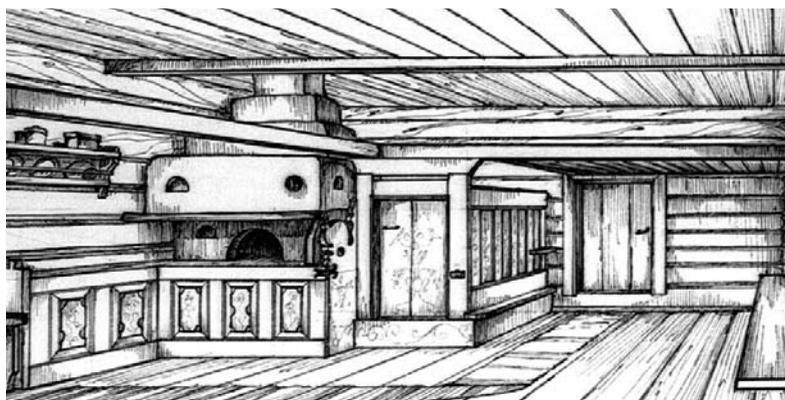
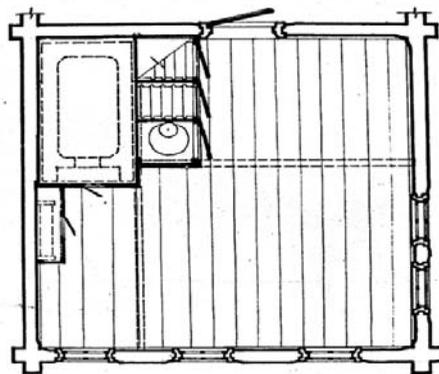

Рис. 145. Интерьер избы А.С. Белоруковой в дер. Ергуз, Цивозеро, Красноборский р-н Архангельской обл. Росписи филенок – мастер Юркин, 1913 г. Обмеры выполнены И.Л. Полторжицким, В.А. Муравлевой, чертил В. Алипов, 1984

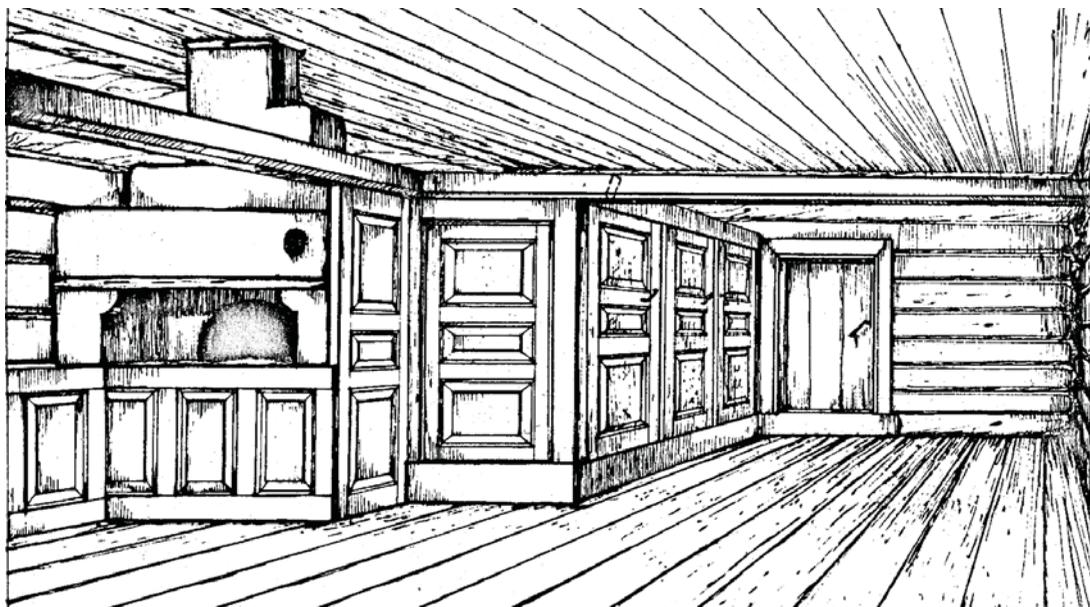
Рис. 146. План избы
Ф.И. Тропиной в дер. Сенькинская,
Белослудский с/с, Красноборский
р-н Архангельской обл.
Обмеры выполнены О.Г. Севан,
И.Л. Полторжицким,
В.А. Муравлевой, 1984

Иногда (как в доме однофамилицы А.И. Тропиной в дер. Ивакинская Белослудского сельсовета) трехчастная конструкция голбца сочетается со сплошной заборкой, отгораживающей «бабий кут». Вход в подклет устроен рядом с устьем печи. Таким образом пространство жилой избы конструктивно делится на две функциональные зоны – жилую и хозяйственную. В современном же крестьянском быту такое разделение осуществляется более простыми средствами – занавесками, что, несомненно, обедняет и упрощает жилую среду.

5. Пятый тип, наиболее сложный, отличается от предыдущего пристроенным к верхней стенке голбца шкафом для посуды, напоминающим трехчастные буфеты, встречающиеся в городских интерьерах того времени. Верхняя часть шкафа имеет остекленные дверцы, нижняя, выполненная заподлицо с опечьем, закрывается филенчатыми дверцами, в средней части имеется выдвижной ящик. С боковой стороны голбца расположены две двери, ведущие в подпол и наверх – на печь и на полати. Это можно видеть в доме М.Н. Малковой в дер. Толща-2 Цивозерского сельсовета, что мы рассматривали ранее¹⁹³.

Рис. 147. Интерьер
избы Ф.И. Тропиной
в дер. Сенькинская,
Белослудский с/с,
Красноборский р-н
Архангельской
обл. Росписи
филенок – мастер
Юркин И.С., 1927 г.
Обмеры выполнены
О.Г. Севан,
И.Л. Полторжицким,
В.А. Муравлевой, 1984

Большинство из обследованных и рассмотренных конструктивных элементов интерьеров были раскрашены «под мрамор» или украшены различным орнаментом орнитологического и растительного характера. Широко распространены филенки с резными геометрическими фигурами. Однако описание цветовых решений интерьеров и вариантов народных крестьянских росписей является самостоятельной темой исследования, и они подробнее рассмотрены автором в указанной монографии.

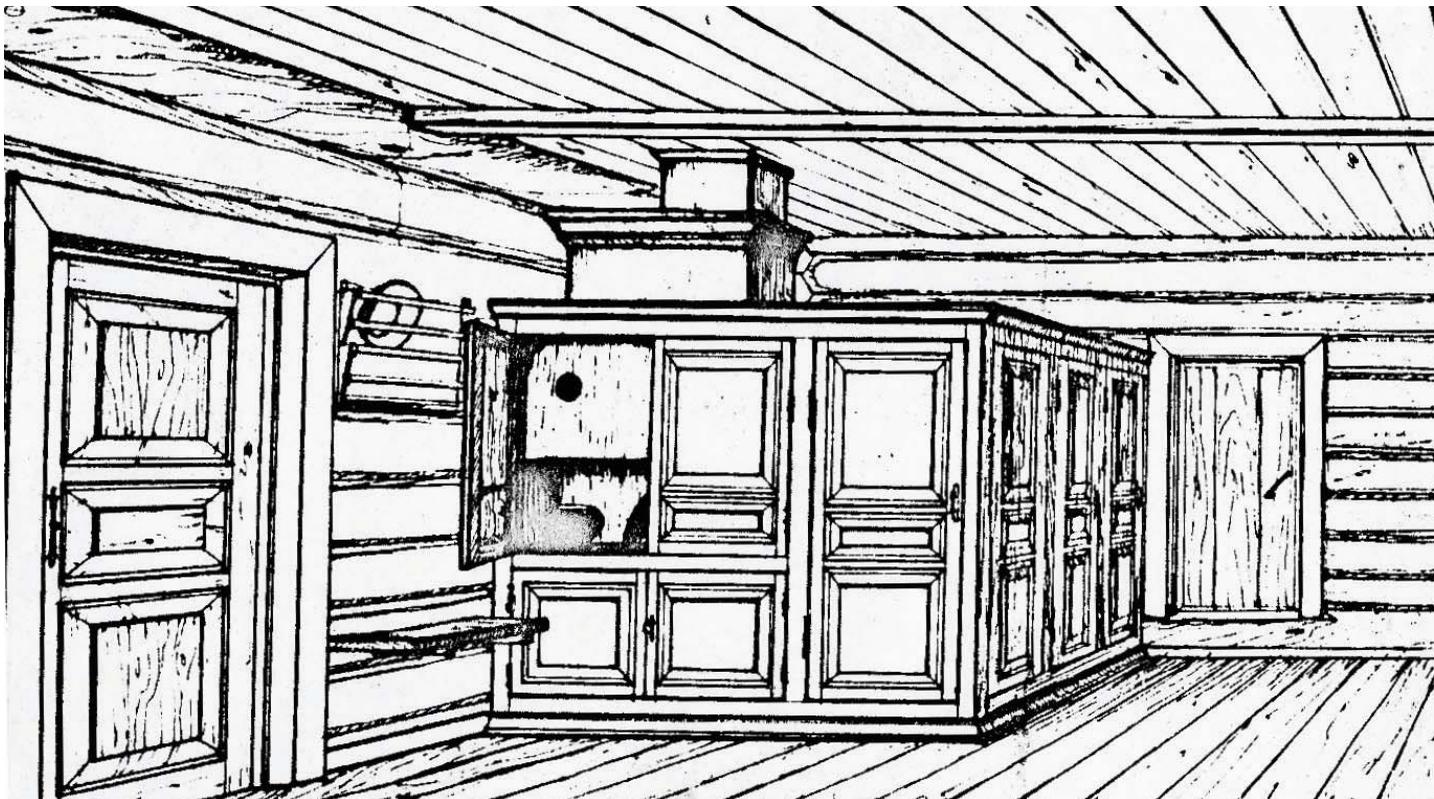
На примере представленных изб Красноборского района можно выявить основные тенденции развития крестьянского жилища Подвинья второй половины XIX – начала XX в. Так, первые два типа характеризуют тенденцию к упрощению декоративного решения интерьера, а последние типы – к усложнению, в то время как средний представляет собой наиболее типичный вариант, уравновешивающий описанные тенденции. Все они обусловлены социальным расслоением в крестьянской среде, усилившимся на рубеже веков. Для всех типов интерьеров характерны печи, не отличающиеся особой художественной выразительностью или сложностью конструктивных решений. Распространенные в других районах (на Пинеге, Ваге) приемы украшения глинобитных и кирпичных печей декоративными различными карнизами, рельефами, печурками и т. п. в обследованных районах на С. Двине почти не встречаются¹⁹⁴. Создается впечатление, что печь специально закрывают различными деревянными конструкциями. Наиболее полно эта тенденция отразилась в доме Г.П. Лаврентьевой (дер. Давыдковская Белослудского сельсовета), где к трехчастному голбцу добавлены две филенчатые створки с лицевой стороны печи. В результате образовалась поистине уникальная конструкция, состоящая из множества филенчатых створок, созвучная скорее современному городскому интерьеру, нежели крестьянской избе начала XX в. (рис. 148).

Декоративные акценты при устройстве печей, видимо, объясняются более высоким уровнем ремесла в Красноборском районе, в связи с чем филенчатые конструкции постепенно вытеснили многие традиционные рубленые элементы, став основным мотивом в оформлении жилища. Этому в большой степени способствовало подражание городскому стилю. Однако это не столько влияние моды, сколько желание населения усовершенствовать свой быт, придать ему новизну. В этом отношении любопытно выделение внутри голбца самостоятельного помещения умывальника в противополож-

ность распространенному во многих районах Севера открытому ручной топику, расположенному либо на печном столбе, либо на стене возле входа в избу. Аналогичными практическими соображениями вызвано стремление крестьян к устройству перегородок заборов, делящих избу на функциональные зоны.

В конце XIX в. в районах, где влияние городов было активным (например, в нижнем и среднем течении Северной Двины) и население в силу развития торговых отношений было более зажиточным, появились новые виды планировки изб, более современные типы печей, городская мебель. В верховьях же Двины этот процесс происходил значительно медленнее и проявлялся не столько в модернизации общих объемно-пространственных решений домов, сколько в декоративно-символическом оформлении интерьеров. Подтверждение тому – появление и широкое распространение изб с печным углом, застроенным трехчастным голбцем. Внешне он напоминает традиционный, но функционально отличается от него. Таким образом, анализ решений интерьеров жилых изб Русского Севера (на примере Красноборского района Архангельской области)

*Рис. 148.
Интерьер избы
Г.П. Лаврентьевой
в дер. Давыдовская
Белослудского с/с
Архангельской
обл. Обмеры
выполнены
И.Л. Полторжицким,
В.А. Муравлевой
и автором, 1984*

убеждает нас в том, что в начале XX в. крестьянское искусство не пришло в упадок под натиском городских влияний, как это обычно считается. В это время происходило переосмысление народными мастерами традиционной строительной культуры, вследствие чего появились новые самобытные формы и детали конструкций, органично вписавшиеся в крестьянский быт.

Начиная с первой трети XIX в., росписями покрывали как фасады, так и интерьеры северного крестьянского дома. В интерьере чаще всего украшались плоскости обшивки печи с голбцем, заборки, шкафы-поставцы и другие детали, иногда расписывали входные двери, столы, люльки. Чрезвычайно редки и нетипичны для северного дома росписи потолков и полов, единичны свидетельства росписи стен. Эта характерная для северного дома система расположения росписей в интерьере могла варьироваться в зависимости от района, местных особенностей и пристрастия жителей домов или самих художников. Хозяйки предпочитали светлые, промытые щелоком к празднику Пасхи бревенчатые тесаные стены. Полы для тепла и красоты укрывали сплошь расстеленными яркими половиками домашнего ткачества, что в свою очередь дополняло многоцветье интерьера жилища.

Становление и развитие самобытных форм художественной деятельности на европейской части Русского Севера тесно связано с историей этого края. Различия в культуре, истории, сельском хозяйстве, промышленности, а стало быть, и экономике уходят в глубь веков. Уже в XV–XVI вв. в искусстве крупных торгово-ремесленных и художественных центров Севера начинают проявляться специфически местные черты. В XVII в. хозяйственный и политический подъем Русского государства, сопровождавшийся расцветом культуры и искусства, сказался и в жизни северорусских земель, и именно в это время начинают складываться на основе экономических предпосылок историко-культурные регионы в исследуемых территориях Севера. Наряду с основными занятиями – земледелием и скотоводством – здесь развивались до-

Рис. 149. Интерьер избы В.В. Щапова дер. Вершина, Белослудский с/с, Красноборский р-н Архангельской обл. Росписи филенок выполнены И.С. Юркиным, 1927 г. Фото О.Севан, 1984

бывающие и обрабатывающие промыслы и ремесла, в том числе и художественные.

Во второй половине XVIII – начале XIX в. развивались локальные ремесленно-художественные центры, в которых занятие тем или иным видом подсобной деятельности становится общим не только для крестьян одной деревни, но иногда и для целой группы деревень. Крестьянские мастера развивают в своем творчестве художественные традиции, унаследованные от мастеров предыдущего периода. Процессы эти в полной мере относились и к крестьянской росписи по дереву, формируя художественные местные центры. Постепенно в каждом из них росписи получали свое самостоятельное выражение, собственную специфику приемов письма, ритмического строя композиций, колористики и трактовки мотивов.

Крестьянские мастера украшали росписями дома (на фасадах и в интерьерах), прялки и короба, дуги, сани, различную мебель, даже кладбищенские кресты. Порой они сами изготавливали утварь и орудия труда,

а затем их расписывали, и поэтому росписи северного крестьянского дома в различных районах области составляют единый стилистический комплекс. Эти же мастера зачастую украшали росписями интерьеры местных деревянных храмов: тьябла иконостасов, «неба» (потолка), двери и порталы, аналои и резные иконы.

В результате обследования территории Архангельской области нами было выделено несколько различных типов крестьянской домовой росписи. Географически границы их распространения совпадают с историко-культурными землями области, сложившимися в процессе социально-экономического развития, с особенностями природы и ландшафта. На их формирование оказали влияние культура этнического населения края, которое отличались своими методами ведения хозяйства, различными промыслами, ремеслами

Рис. 150. Ольга Юрикова за прялкой. Выставка народных ремесел. Музей Кенозерского национального парка. Фото автора, 2004

и, как следствие, различиями в быте и традициях, проявившихся в том числе в народном искусстве.

В разных районах Архангельской области складывались свои художественные центры – здесь работали как местные, так и приезжие мастера (чаще из костромского Заволжья). Основными региональными направлениями росписей можно назвать следующие: росписи западных районов Архангельской области, шенкурская и северо-двинские росписи (пермогорская, верхнеуфтюгская, борокская, нижнетоемская, пучугская), а также пинежская и мезенская росписи.

Несмотря на то что домовые росписи, как никакой другой вид традиционного крестьянского искусства, были связаны с тенденциями и влияниями современного им «городского» искусства, они продолжали нести в себе подспудные значения символического уровня. Различным орнаментам, зооморфным и орнитоморфным мотивам, другим изображениям придавался определенный смысл и значение. Эти значения наиболее распространенных образов, сберегавшиеся в народной памяти, связаны с обрядом, фольклором, песенным творчеством русского северного крестьянства. Многозначность символов в русском народном творчестве позволяет выявить глубину содержания северных крестьянских домовых росписей, функциональность которых, таким образом, не ограничивалась задачами чисто архитектурного декора.

Примеры решения интерьеров жилищ становится необходимым демонстрировать не только в музеях изобразительного искусства, но и в музеях под открытым небом разных типов. Частично они уже представляются в музее «Малые Корелы» или хранятся в их запасниках. Многие такие детали имеет смысл показывать непосредственно в местах их бытования для туристов, которые с удовольствием предпочтут такой деревенский стильный интерьер для проживания.

*Рис. 151.
Расписные прялки.
Няндомский р-н
Архангельская обл.
Архангельский музей
изобразительного
искусства. 2011*

Рис. 152. Филенка голбца
(«Лев Зверь») костромских
мастеров. Бассейн р. Вага,
Вельский р-н Архангельской обл.
Фото автора, 1981

Рис. 153. Филенка двери «Мужчина с бокалом» («Выпьем за праздник»). Вывезена из села Благовещенского. Бассейн р. Вага, Вельский р-н Архангельской обл. Роспись костромских мастеров. Фонд АГМДЗ кп № 6165/2

Рис. 154. Росписи фасадов дома 1913 г. западных р-нов Архангельской обл. Плесецкий р-н, село Конevo. Фото автора, 2005

Рис. 155. Фасад дома В.Я. Клокотова с расписным фронтоном. Дер. Заозерье, Мезенский р-н: до перевозки в музей «Малые Корелы». Фото автора, 1982

Рис. 156. Усадьба и дом В.Я. Клокотова Дер. Заозерье, Мезенский р-н: до перевозки в музей «Малые Корелы». Фото автора, 1982

Крестьянские усадьбы и дворы на Русском Севере, типологические и генеалогические исследования

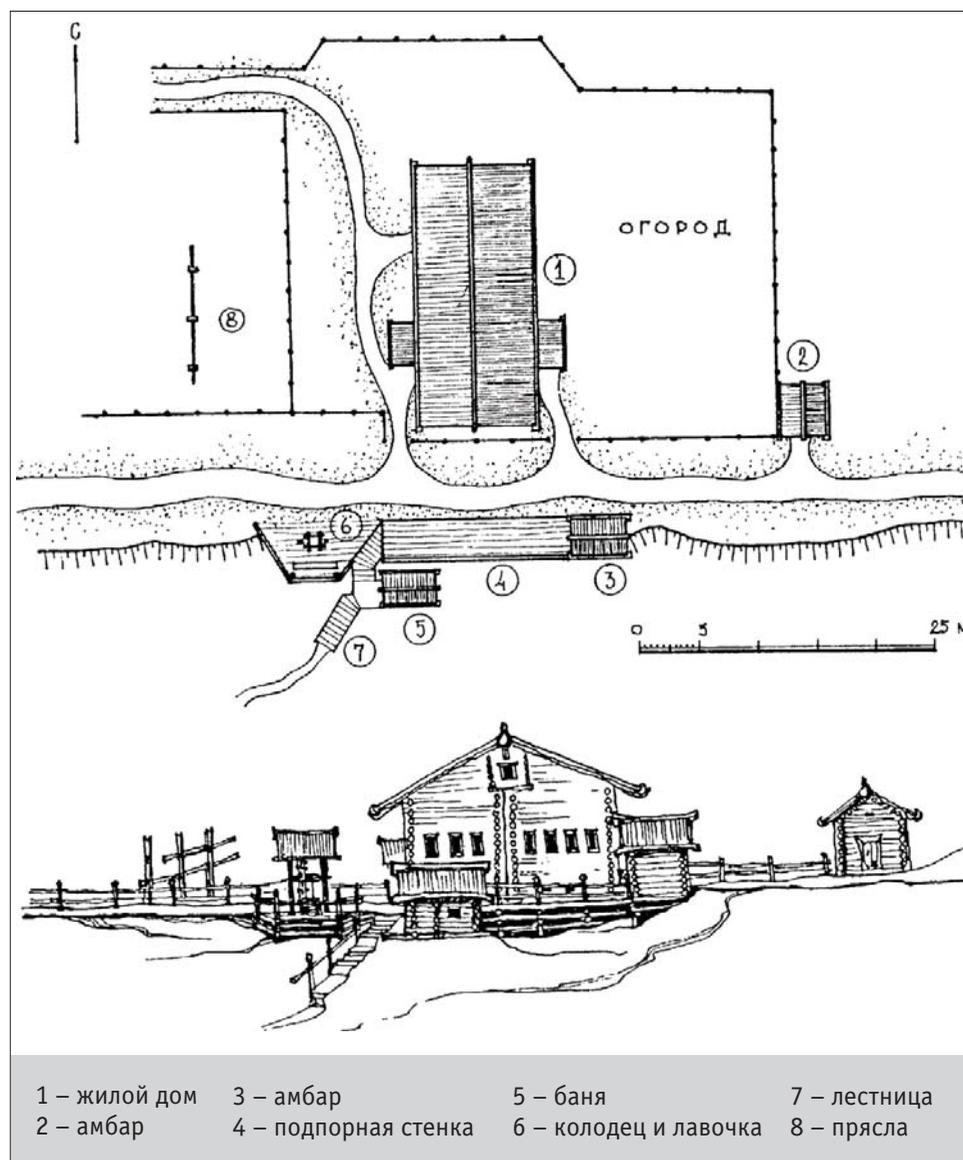
Уже в XVI–XVIII вв. усадьбы зажиточных северорусских крестьян включали помимо дома-двора множество отдельно стоящих построек¹⁹⁵. Число последних доходило до трех и более даже на усадьбах владельцев среднего достатка. И только бедняки или бобыли обычно довольствовались возведением избы с сенями¹⁹⁶. При этом первоначально только богатые хозяева обносили свой участок с надворными постройками изгородями. Но рост имущественного неравенства крестьян и разложение сельской общины привели к тому, что к середине XIX в. изгороди широко распространились во многих регионах Севера¹⁹⁷. Динамика изменений социального состава и положения крестьянских семей, влияния городской культуры на быт и уклад сельского населения – все это отразилось на объемно-пространственной организации усадеб.

Судя по сохранившимся усадьбам второй половины XIX – начала XX в., на последнем этапе эволюции крестьянские комплексы на Русском Севере помимо домов-дворов включали широкий круг надворных построек – амбары, бани, отдельно стоящие стойловые помещения, сараи и навесы для дров, поварни, ледники, рассадники¹⁹⁸, качели и другие малые формы. Часто на территории усадеб размещались колодцы индивидуального пользования. Впрочем, нередко колодцы были коллективными, и тогда их выкапывали вне усадебных участков у дороги или «проулка». Огороды, сады (палисадники)¹⁹⁹ размещались чаще всего напротив окон жилища или позади хозяйственных дворов и обычно, как и территории усадеб в целом, огораживались изгородями. В настоящее время размеры приусадебных участков в различных субрегионах Русского Севера колеблются в широких пределах – от 10x10 и 15x15 м. в северных районах Архангельской области до 30x30 м в южных районах Вологодской области. Это предопределяет отличие объемно-планировочной структуры как самих усадеб, так и формируемых ими поселений.

Нельзя недооценивать и влияния ландшафтного окружения и природно-климатических условий. Особенно показательны в этом отношении среднее течение и низовье реки Мезени, где из-за дефицита сельскохозяйственных угодий обживается неудобь – овраги и

крутые берега реки. В последнем случае для решения берегоукрепительных задач откос застраивается амбарами, банями, ледниками и колодцами, поленницами дров, покоящимися на субструкции подпорных стенок. Такая конструкция придает поселениям необычайно привлекательный и специфический облик, и это выделяет их из ряда аналогичных региональных крестьянских усадеб. Наши исследования таких конструкций проводились в период экспедиционного исследования районов р. Мезени, о чем мы уже писали ранее.

Рис. 157. Усадьба
Г.П. Порыгина,
дер. Усть-Нермацкая
Лешуконского р-на
Архангельской обл.
Обмеры автора, 1979 г.
Воссоздана в музее
в 1982 г.

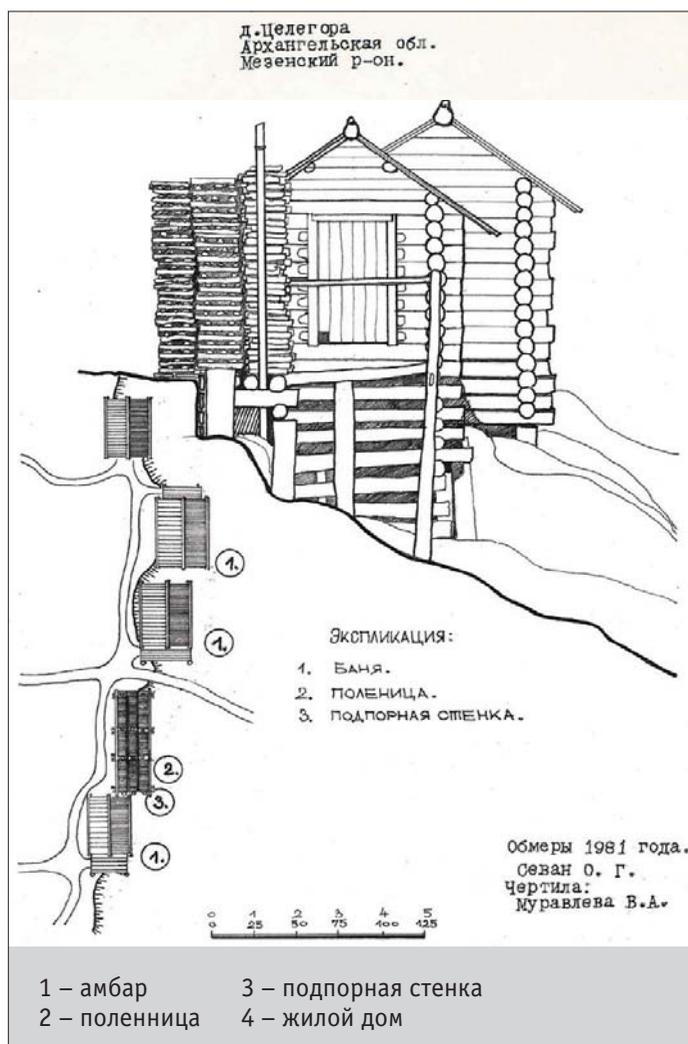

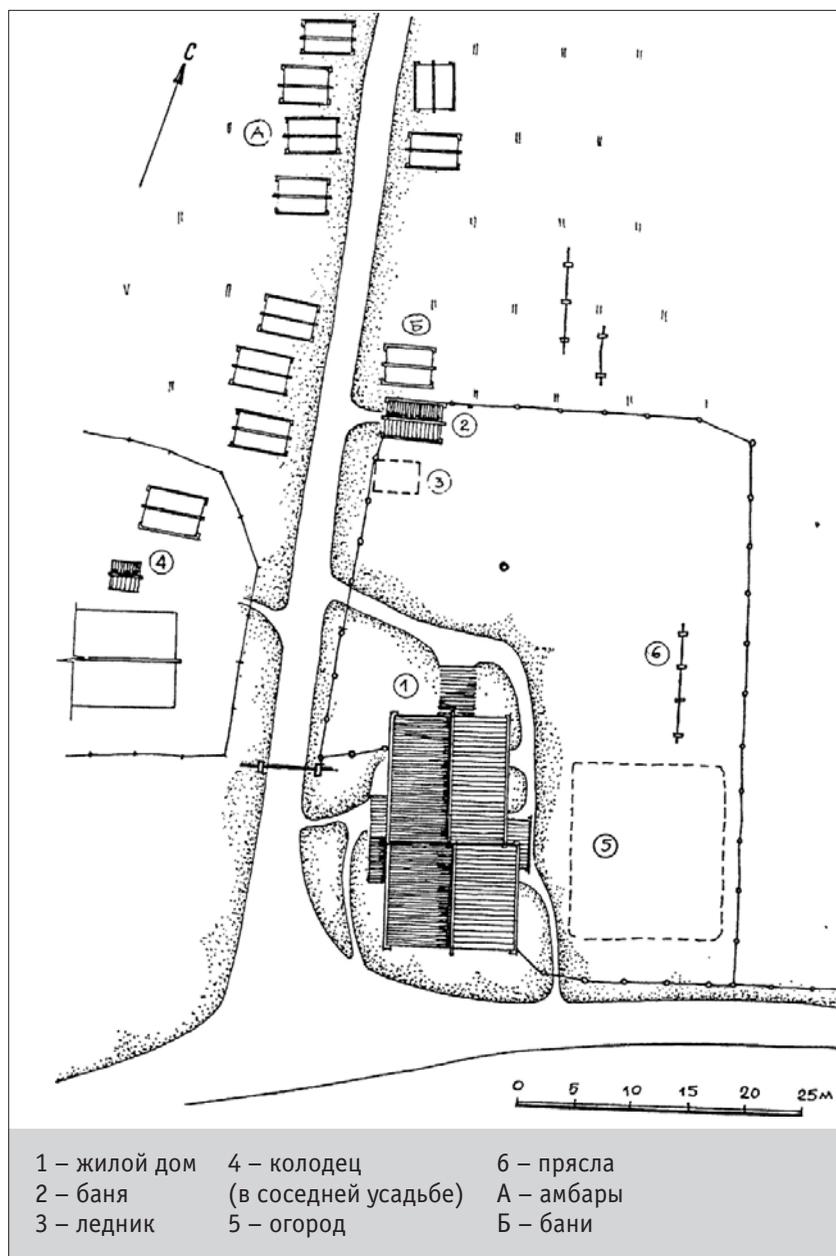
Рис. 158. Береговая подпорная стенка с амбаром и поленицами дров, дер. Целегора Мезенского р-на Архангельской обл. Обмеры автора, 1975 г. Воссоздана в музее «Малые Корелы» в 1982 г.

Специфика местоположения усадеб предопределяет возникновение различных приемов их объемно-пространственной организации. Один из таких приемов – размещение хозяйственных построек рядом с домом и вокруг открытого двора, огороженного изгородью. Такие усадьбы встречаются на р. Вычегде, Двине, изредка на Пинеге. Их планировка обеспечивала защиту от сильных ветров и снежных заносов, а также создавала уютное и сомаштабное человеку пространство.

Для мезенских и пинежских поселений характерна застройка усадеб домом-двором, к которому сзади и частично сбоку примыкает небольшой приусадебный участок с вешалами для сушки льна и сена, обнесенный изгородью. Здесь же мог размещаться амбар, в конце участка – баня. Однако часто бани выносятся за пределы усадьбы, располагаясь рядами между порядками домов или на краю поселений, образуя банные «городки». Например, на р. Пинеге (усадьба

Кыркаловой А.) (рис. 159) амбары традиционно строятся в стороне от жилых домов, во избежание пожаров, и также образуют «амбарные городки». Поэтому усадьбы имеют иной образ, а следовательно, и сами сельские поселения имеют иную историческую морфологию организации пространства и ландшафта. Такие «городки» могут иметь до десяти и более амбаров разных типов и назначений (для хранения вещей, хлеба, рыбы и пр.) и принадлежат нескольким хозяйствам.

Рис. 159. Усадьба
А. Кыркаловой,
дер. Большое Кротово
Пинежского р-на
Архангельской обл.
Обмеры автора,
1982 г. Воссоздается
в музее

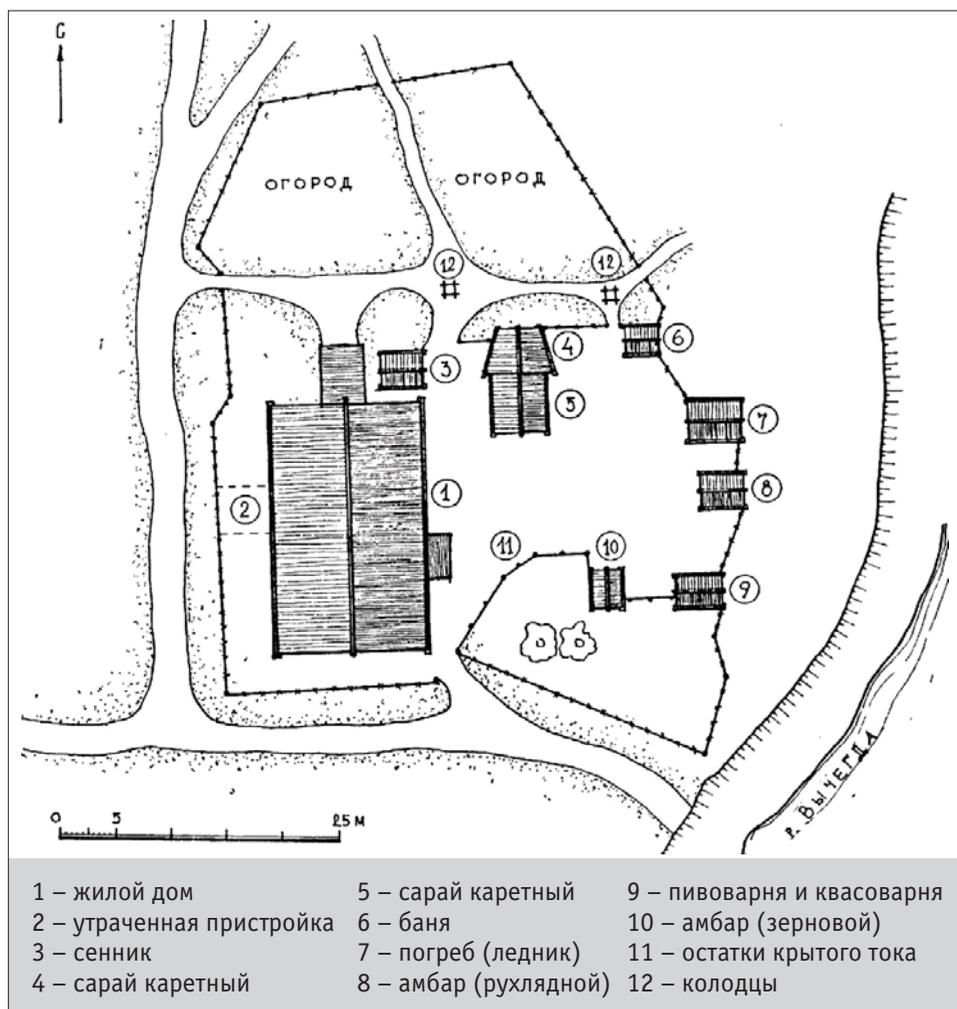

Рис. 160. Усадьба Турובה, с. Ирта Ленского р-на Архангельской обл. Обмер плана Б.В. Гнедовского, 1972 г. Воссоздается в музее

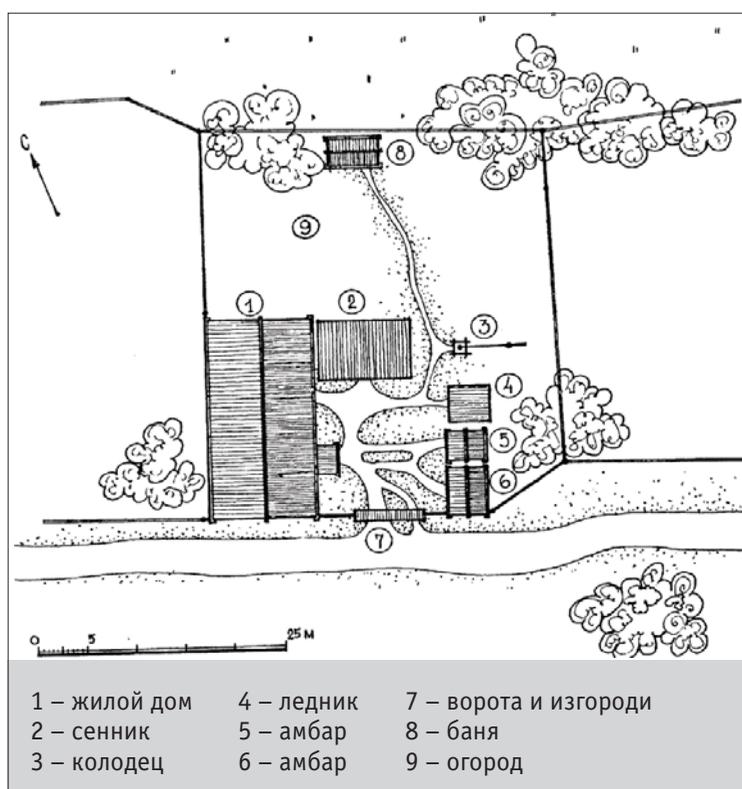
В юго-восточных районах Вологодской области, соседствующих с Вятским краем, наряду с усадьбами, подобными сохранившимся на Двине и Сухоне, встречаются усадьбы с замкнутой застройкой двора, а также переходные формы. Наиболее простые из них – это дом-двор с сенником, амбаром и воротами, выходящими на главную улицу поселения, затем дом-двор с замкнутой открытой застройкой, включающей амбар, ледник, баню, сенник, высокую ограду с воротами и калиткой. Бытует и замкнутая покоеобразная застройка с крышей-навесом над двором, отличающаяся от средне- и южнорусских сооружений формой покрытий. Характерна постановка двух домов-дворов на некотором расстоянии (4–5 м) друг от друга, связанная по линии дворов сенником и другими постройками и образующая П-образную форму. Встречаются дома, поставленные вплотную друг к другу. При этом пространство между срубами – коридор – застроено с торцов и имеет вход на главном фасаде²⁰⁰. Они размещаются в центре усадебного участка, ближе к дороге, с характерным размещением хозяй-

ственных построек вокруг открытого двора с одной стороны дома. Бани – в углах участков.

В бассейне р. Вычегды встречаются усадьбы (например, Туробова) (рис. 160), где объемно-пространственное решение усадебного комплекса отличается замкнутостью периметральной композиции двора. Жилой дом-двор играет основную роль, и ему подчинены и в пространственном, и в планировочном решении все прочие постройки, выстроенные вокруг открытого двора. Вместе с воротами и оградой дома и всеми постройками они создают замкнутый двор, противостоя ветрам и снежным заносам. Все постройки образуют единую композицию усадьбы, а группы таких усадеб, связанные между собой общим архитектурно-пространственным решением, создают композиционно целостную застройку улицы.

Нами намечена лишь самая общая картина распространения различных объемно-планировочных структур усадеб на Русском Севере, и в Архангельской области в частности. Эту картину можно конкретизировать на анализе некоторых распространенных вариантов группировки приусадебных участков, жилых и хозяйственных построек, отдельно стоящих и сблокированных, приведенных на рисунках ниже. Разнообразие планировочных структур северорусских усадеб в значительной степени предопределило и многообразие исторической среды сел и деревень в целом.

Рис. 161.
Крестьянская
усадьба
Никольского р-на
Вологодской обл.
Обмеры
Е.Ю. Барановского,
1982

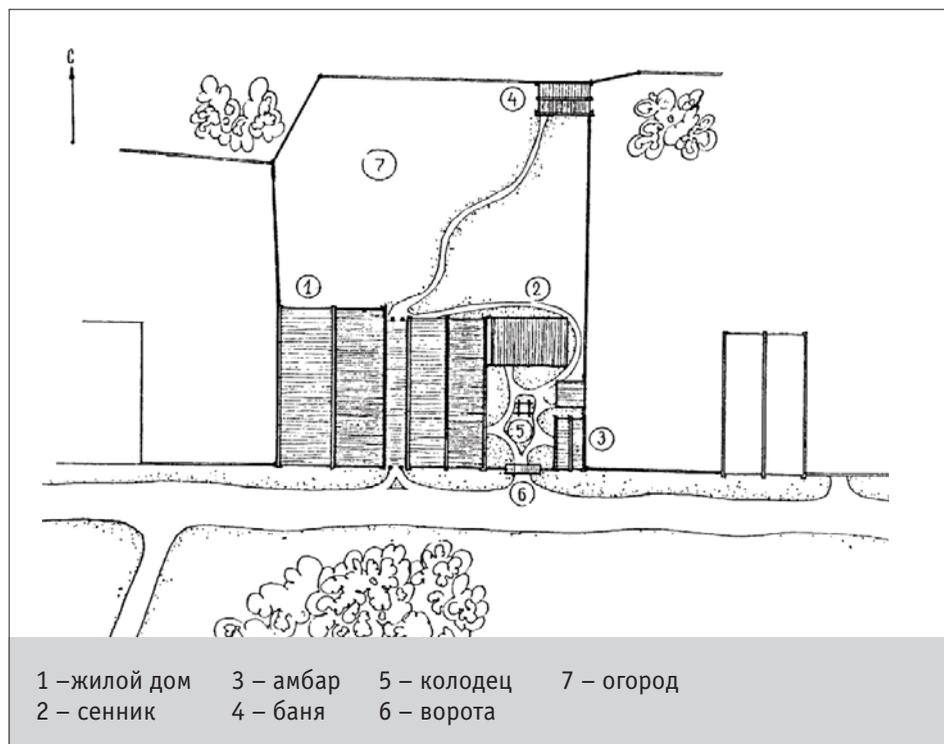

Рис. 162.
Крестьянская
усадьба
Никольского р-на
Вологодской обл.
Обмер
Е.Ю. Барановского,
1982

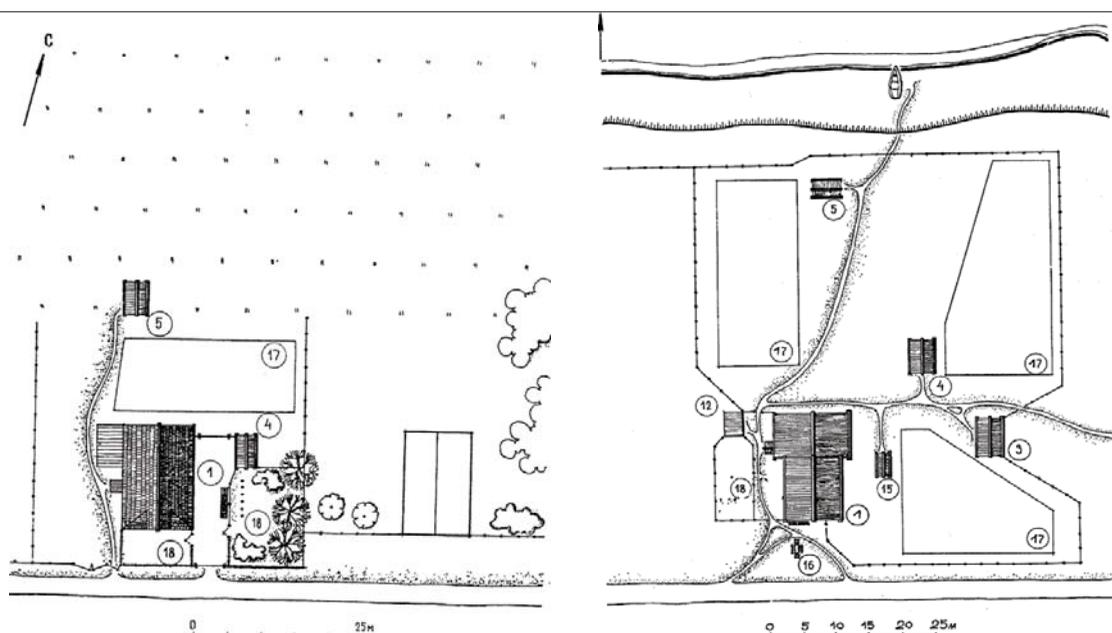

Рис. 163. Усадьба
К.К. Кудриной
в дер. Кишерма Вельского
р-на Архангельской
обл. – пример
расположения
хозяйственных
построек и участков
с трех сторон
дома-комплекса. Обмер
В.А. Кузьмина, 1982

Рис. 164. Усадьба
А.Я. Некрасовой
в дер. Пабережье
Вельского р-на
Архангельской обл.
Пример компактного
расположения
хозяйственных построек
с противоположной
по отношению к входу
стороны.
Обмеры автора, 1982

К рис. 163, 164, 165:

1 – дома-комплексы

2 – пристройки зимников

3 – отдельно стоящие избы

4 – амбары

5 – бани

6 – бани с поварнями;

7 – сенники

8 – конюшни-сенники

9 – овчарни и другие
стойловые помещения

10 – овины

11 – гумна

12 – сараи-дровяники

13 – навесы для дров

14 – рассадники

15 – погреба (ледники)

16 – колодцы

17 – огороды

18 – сады

и палисадники

19 – ограды из жердей
или плетни

20 – ограды в заплот

21 – ворота

22 – родники

23 – подпорные стенки

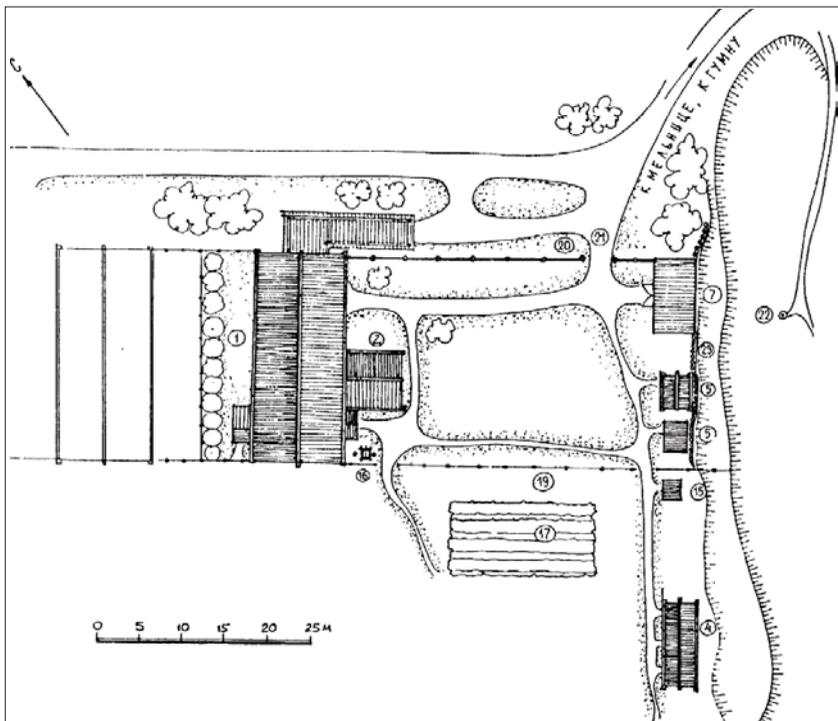

Рис. 165. Усадьба
А.М. Тропина
в дер. Семунинская
(Цивозеро)
Красноборского р-на
Архангельской обл.
Пример рядового
размещения
хозяйственных построек
параллельно дому.
Обмеры автора, 1982

Рис. 166. Усадьба
А.М. Тропина
из дер. Семунинская
Красноборского р-на
Архангельской обл. Фото
автора, 2011

Анализ структур и приемов организации крестьянских усадеб показывает, что архитектурно-пространственный контекст среды отражает социально-культурные аспекты жизнедеятельности населения, проживавшего в конкретных поселениях в разные периоды времени. Поэтому для культурологов, историков архитектуры и архитекторов-практиков, думающих о преемственности традиций, важно знание градостроительных эта-

пов развития каждого поселения и, более того, отдельных сооружений, а также изменения жизнедеятельности населения во времени – хозяйственно-бытового уклада, семейных отношений, социального положения, культурных ориентиров и ценностей селян.

Исследования процессов заселения Севера и разрастания отдельных населенных пунктов становятся необходимыми для понимания изменения жилых домов, усадеб и, соответственно, поселений. Он протекал по-разному в разных местностях, и анализ такой динамики представляет определенный интерес в связи с формированием усадеб и секторов на территории музея «Малые Корелы». Так, например, в процессе разрушения так называемой «большой семьи», как и при естественном отселении молодежи, происходило переселение части семьи на соседние земли, в пределах населенного места и пока это позволяло его ресурсы территории. Исследование такого процесса

(на примере села Веркола Пинежского района Архангельской области)²⁰¹ позволило проанализировать «генеалогические древа» по определенным семьям и их усадьбам в разных «околах» села (например, Ставровых, Абрамовых, Иняхиных и др.). Это, в свою очередь, показало постепенное изменение структуры и динамики раз-

вития поселения. Но для такого анализа требовался как начальный план заселения земель, так и планы усадеб на разных этапах их существования. В нашем исследовании был найден «План Веркульских селений» на 1797 г., а также посемейные списки местных жителей на вторую половину XIX – начало XX в. Эти исторические сведения, как и кропотливые полевые исследования архитекторов и историков, позволили восстановить генеральный план села на XIX век и уточнить его современное состояние.

Анализ развития поэтапных структур планов села проводился при частичном анализе «генеалогических древ» изменяющихся и разрастающихся семей начиная с конца XIX в. и по сегодняшний день. Выявились определенные историко-архитектурные зоны поселения, зоны исторического ландшафта и исторической среды. Уточнились «околы» и исторические усадьбы. При дальнейшей работе в этом направлении возможна разработка нового генерального плана села с учетом современных запросов и интересов конкретных семей, их места жительства в прошлом и в настоящее время с ориентацией на традиционные типы крестьянских усадеб^{202, 203}.

Такого типа исследования, как и знание генеалогии семей, может и должно стать составной частью широких комплексных исследований народного зодчества для выявления изменений и этапов перестройки крестьянских усадеб и построек. Подтверждение тому – работы, проведенные по ряду объектов, предлагаемых к перевозке в музей деревянного зодчества «Малые Корелы»²⁰⁴.

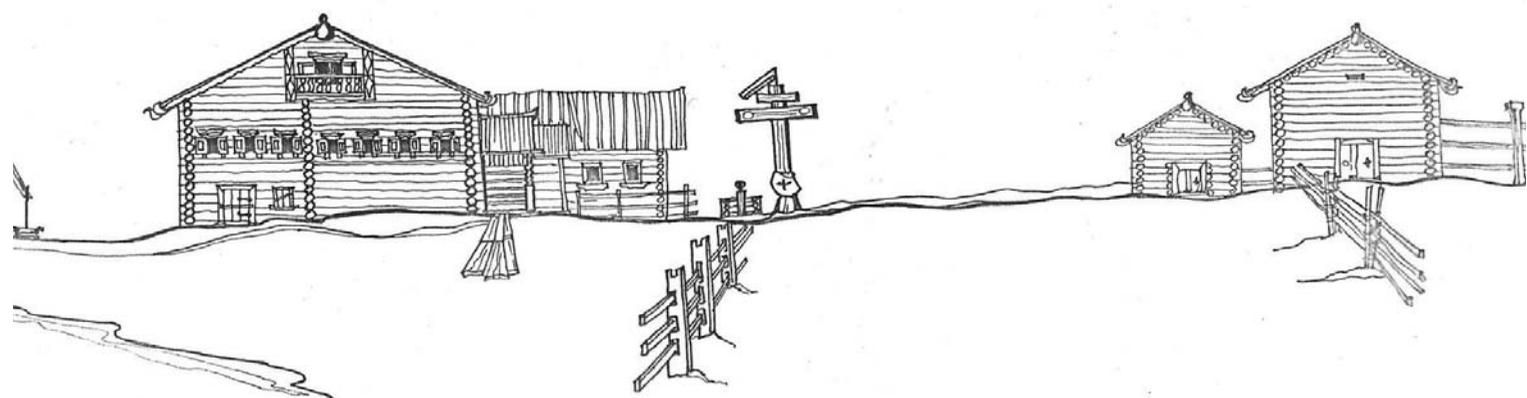

Рис. 167. Развертка усадьбы
Клокотова В.Я. Дер. Заозерье
Лешуконского р-на
Архангельской обл. Обмеры
автора, 1982

Сказанное можно проиллюстрировать на примере известного дома В.Я. Клокотова в деревне Заозерье Лешуконского района Архангельской области, выявленного много лет назад специалистами²⁰⁵ и подробно обследованного нами в 1983 г.²⁰⁶ (В 2005 г. был перевезен в музей Малые Корелы.) «Древо семьи Шарыгиных–Клокотовых», представленное даже не в полном объеме, при сопоставлении с изменением структуры сооружения дает возможность проследить эти взаимосвязанные процессы во времени.

Рис. 168. Усадьба
В.Я. Клокотова
Дер. Заозерье
Лешуконского р-на
Архангельской обл.
Фото автора, 1982

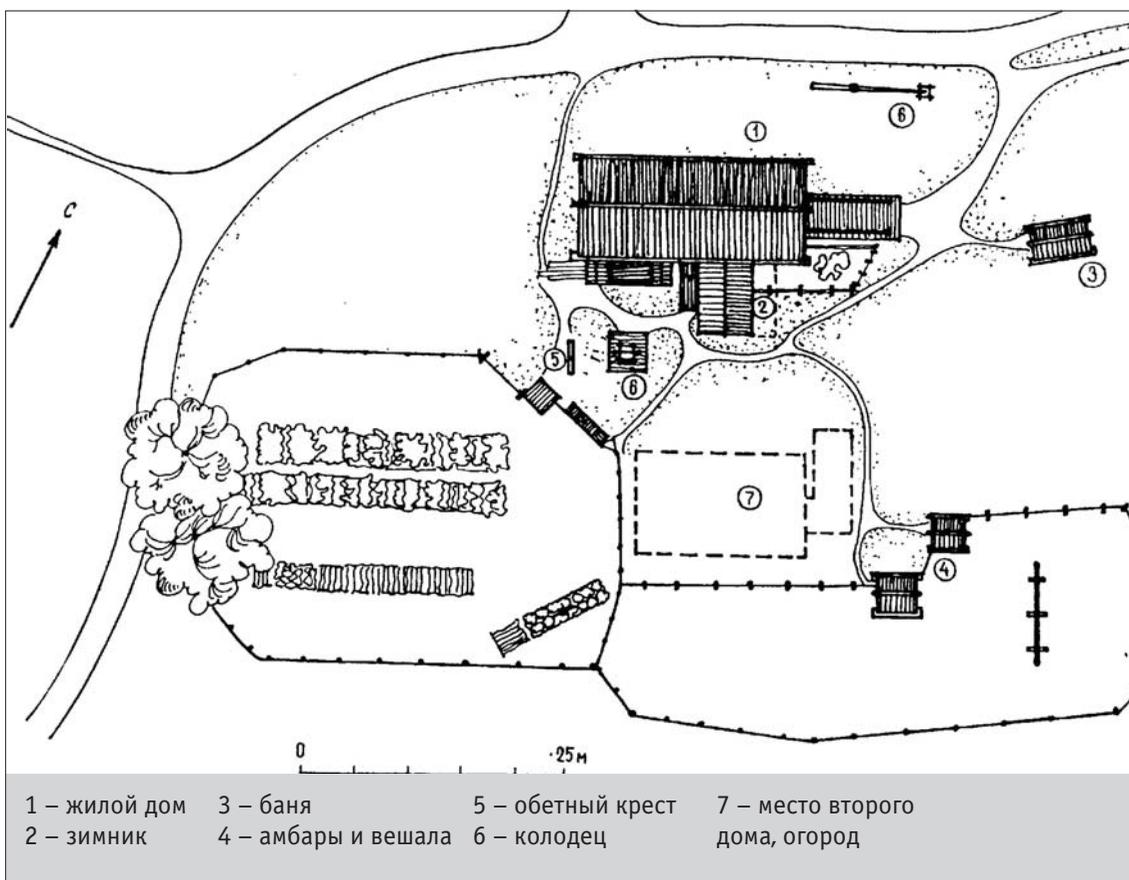

Рис. 169. Схема
плана усадьбы
В.Я. Клокотова
в дер. Заозерье
Лешуконского р-а
Архангельской обл.
Обмеры автора, 1982

Первоначальным хозяином дома был Петр Шарыгин, т. е. прапрадед последнего хозяина дома по материнской линии. Петр занимался торговлей и, как отмечают местные жители, редко бывал в деревне, т. к. ездил в Петербург, Архангельск и другие города России. Торговал он, как и его жена, Анна Федоровна Шарыгина, «мануфактурными товарами» в лавке, расположенной в подклете дома и выходящей своим входом и окном на «перед» дома. Дом был построен: «1879 года мая 16 дня». За его строительством следила Анна, она же решила поставить дом «лицом к природе», т. е. в сторону дальних холмов и лесов. Деверь хозяйки дома, художник-самоучка из этой же деревни Иван Кузьмич Орлов, выполнил уникальную на сегодня полихромную роспись на фронтоне дома, на подшивке выноса крыши и наличниках, а также в интерьере.

Следующим хозяином дома был Федор Петрович Шарыгин, т. е. сын строителей дома. Но после его неожиданной смерти дом перешел к его сыновьям – Артемию и Александру, которые долгое время жили вместе. Первый сын был старостой местной Никольской церкви, второй продолжал дело отца и деда, т. е. занимался торговлей. В этой связи интересно использование помещений дома: лавка все так же использовалась по назначению, а зимовка периодически отдавалась под начальный класс церковно-приходской школы.

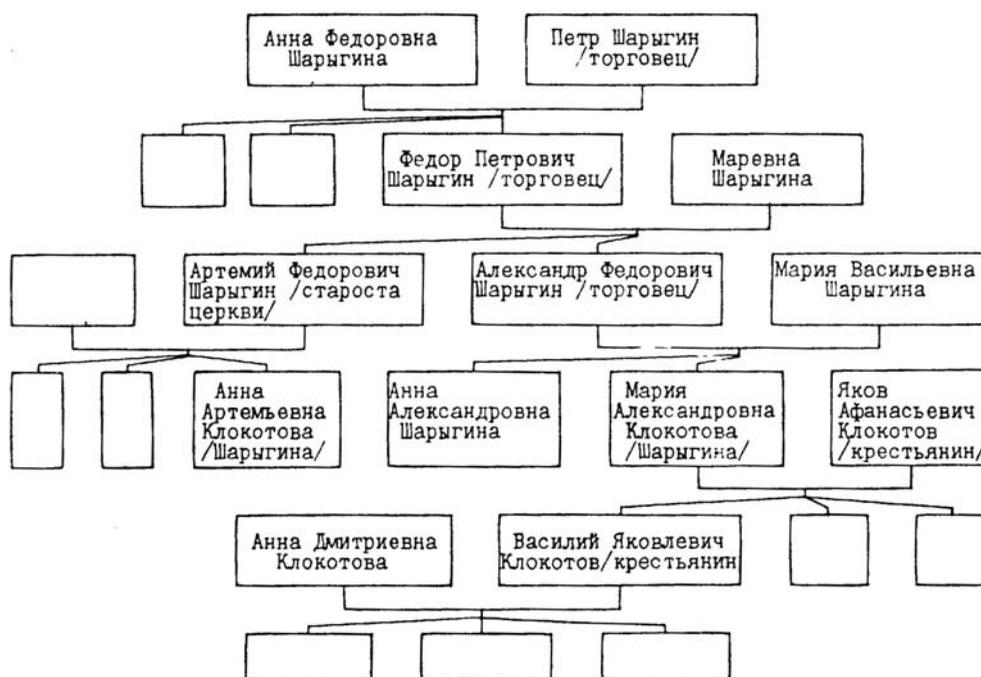

Рис.170. «Древо семьи» Шарыгиных–Клокотовых. Дер. Заозерье Лешуконского р-на Архангельской обл. (начиная со строительства дома в 1879 г.). Составлено автором со слов хозяев дома – Анны Дмитриевны и Василия Яковлевича Клокотовых в 1982 г.

Рис. 171.
Крестьянская
усадебная
в дер. Березник,
Пинежский р-н,
Архангельская обл.
Рис. автора, 1983

интерьера: расписные заборки печи, двери, столы и прочую утварь, что, в свою очередь, заставило перестроить интерьер основной избы дома Шарыгиных. В процессе раздела был поделен участок усадьбы, а также амбары, стоящие рядом. К настоящему времени наспех строченный дом разобран на дрова, а расписные интерьерные детали дома Шарыгиных были перевезены в другой конец деревни, куда переехала одна из дочерей Артемия.

Впоследствии Мария, дочь Александра, вышла замуж за Якова Клокотова, выходца из этой же деревни, который был, как называют их местные жители, «примаком» («животником») в доме Шарыгиных. Он занимался хлебопашеством, был плотником, сам следил за домом и постоянно его подновлял. В помещении торговой лавки он устроил в то время столярную мастерскую, убрав все элементы интерьера, относящиеся к торговле. В 30-х гг. Яков Афанасьевич перестроил хозяйственный двор, уменьшив его за ненадобностью. После революции здесь находился кооперативный магазин, позже, в 30-х гг., колхоз использовал помещение под склад лесопункта.

Последний хозяин дома, Клокотов Василий Яковлевич, 1924 г. рождения, всю жизнь работал в колхозе, на лесозаготовках. Имел троих детей, живущих вне дома. Поскольку хозяин понимал значение сооружения, а также ценил память своих предков, он с уважением относился и к дому, в котором жил, поддерживая его в хорошем состоянии²⁰⁷. Таким образом, беглый взгляд на представленное «древо семьи Шарыгиных–Клокотовых», как и уточнение занятости и деятельности отдельных ее членов (торговца, старосты церкви, крестьянина-

В процессе разрастания семей назрел раздел. Но поскольку к этому времени, т. е. к 1912 г., Александр был парализован, старшему брату Артемию пришлось построить на участке усадьбы, рядом с родительским домом, свой собственный дом. В него он перенес после раздела семьи декоративные элементы

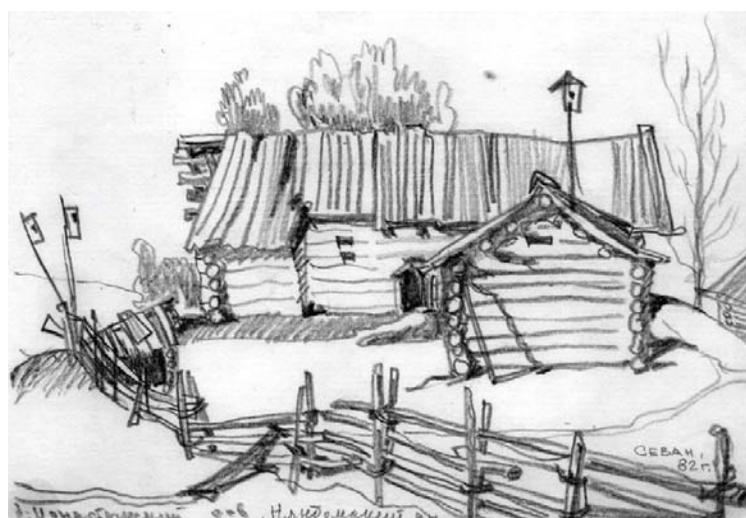
средняка), объясняет проведение в доме-памятнике и в усадьбе различных перестроек и соответствующее изменение использования помещений (под торговую лавку, под церковно-приходскую школу или складское помещение). Появление различных декоративных элементов в сооружении также объясняется изменением вкусов обитателей дома, их ценностными ориентациями, запросами, а также модой и влиянием городской культуры.

Описанное генеалогическое дерево семьи Шарыгиных – Клокотовых является результатом начального этапа исследования, как постройки, так и всей усадьбы. Сегодня дом перевезен в музей «Малые Корелы», но, к сожалению, дальнейшие исследования в этом направлении сотрудниками музея не проводились. Безусловно, исторические материалы, касающиеся различных сооружений, как и их усадеб, восстанавливаемые на территории такого крупного комплекса, должны базироваться не только на полевых материалах. Важно собирать архивные данные, касающиеся крестьянской семьи, как в XIX веке, так и в советский период их жизнедеятельности. Но, как показывает наш опыт, даже в незавершенном виде такие исследования позволяют понять историю формирования семьи и изменение структуры памятника архитектуры и, следовательно, стать составным звеном комплексного подхода к изучению архитектурного наследия и его презентации в музеях под открытым небом.

Такая работа требует активного участия сотрудников музея, однако в течение последних десятилетий подобные исследования ими проведены не были, хотя они позволяют представить крестьянские усадьбы и дома в большом разнообразии экспозиций. Каждая составная часть «древа семьи», как мы показали на примере дома Клокотова, позволяет представить сооружение и всю усадьбу в разных вариантах. Может быть выбран дом зажиточного крестьянина, торговавшего в своей же лавке в доме, или сельская приходская школа в зимовке, что реально имело место, или жизнь крестьянства северной деревни в советский период.

Мы предложили методику такого исследования еще в 1985 г., исследовали большое число сооружений и усадеб Северо-

Рис. 172.
Крестьянская усадьба
в дер. Монастырский
Остров, Няндомский
р-н Архангельская обл.
Рис. автора, 1982

Двинского региона, а также уже стоящих к тому времени домов в музее, но дальше наших пожеланий и рекомендаций, увы, дело не продвинулось²⁰⁸. Позже, разрабатывая Проект Важского сектора, мы также ориентировались на продвижение подобных исследований сотрудниками музея, штат которого всегда во много раз превосходил группу московских специалистов. Все наши предложения учитывать историю конкретных семей, живущих в том или ином доме, не имели поддержки. Продолжался и до сих пор наблюдается все тот же метод демонстрации в музее только типологических построек без конкретных исследований родов, семей, их состава, занятий в разные периоды истории, взаимоотношений в семье, общине и т. д.²⁰⁹

Предлагаемый план исследования и проектирования будет способствовать формированию разнообразных пространственных характеристик сектора и его отдельных сооружений, чему есть подтверждения из практик европейских специалистов. Например, анализ социальной структуры семей в Чехии и их разнообразие в архитектуре представлены в экспозиции музея под открытым небом в Рожнове под Радгоштем²¹⁰. К сожалению, отсутствие подобных исследований в нашей стране не позволяет проводить и восстановление интерьеров, о чем мы говорили выше, – нет оснований для демонстрации различных мастерских (гончара, мельника, кузнеца, торговца и пр.), поскольку для типа деятельности необходим особый подбор помещений, деталей, мебели и пр. Невозможно все придумать и типологически обосновать, не имея реальной картины жизнедеятельности людей и их образа жизни. Кроме того, такие материалы становятся важным источником для сохранения и развития исторических сельских поселений и сохранения памятников на местах их создания. Во время наших исследований в Кенозерском национальном парке был частично использован данный метод работы²¹¹.

Рис. 173.
Крестьянские
усадыбы
в дер. Середняя,
Вельский р-н,
Архангельская обл.
Фото автора, 1982

Хозяйственные постройки и сооружения, малые формы. Опыт классификации

Социально-экономические и культурные процессы, имевшие место в России в последние десятилетия XX и начале XXI в., заметно изменили жизнь и быт сельских жителей, повлияли на застройку поселений и ландшафтов, оказали заметное влияние на перестройку и привели к утрате традиционного жилища и хозяйственных сооружений. В современных условиях перестройки сельскохозяйственного производства, организации семейных ферм, увеличения значимости личных подсобных хозяйств и прочего возврат к использованию ряда традиционных хозяйственных и инженерных сооружений оказывается актуальным.

Многие культовые, жилые, хозяйственные постройки Русского Севера были систематизированы достаточно подробно, им было уделено внимание как этнографов, так и архитекторов²¹². Однако предлагаемые ниже материалы, выполненные еще в конце 1970-х – начале 1980-х гг. и опубликованные недавно, представляют иного типа систематизацию подобных сооружений²¹³. Она касается памятников, расположенных в поселениях Архангельской и Вологодской областей²¹⁴. Уже позже была уточнена региональная принадлежность многих из перечисленных ниже построек. Ряд из них был предложен для перевозки в музей деревянного зодчества Вологодской области и в музей «Малые Корелы» близ Архангельска²¹⁵. Была опубликована методика проектирования и формирования музеев, в которых представлены многие из описываемых хозяйственных, инженерных сооружений и малых форм архитектуры²¹⁶.

Не останавливаясь на детальном анализе и на описаниях представленных ниже сооружений, отметим особенности предлагаемой систематизации. Она имеет практическое значение, поскольку разрабатывалась ввиду необходимости отбора сооружений для перевозки в музей «Малые Корелы» и ориентирована на региональную специфику. Несомненно, она проще, доступнее и нагляднее для отбора памятников и их представления в различных секторах (или искусственно создаваемых деревнях), чем классификация, предложенная В.П. Орфинским. По определению О.И. Пруцына, «это своеобразная "таблица Менделеева"» памятников хозяйственного

назначения, где по горизонтали представлены планы сооружений (амбаров, бань, ледников), а по вертикали – особенности устройства покрытий. В незаполненных клетках могут быть добавлены не выявленные на период исследования, но, возможно, обнаруженные позже уже другими исследователями сооружения.

В работе проанализированы и систематизированы амбары, ледники, бани, овины и риги, гумна, мельницы – ветряные и водяные, – мосты, подпорные стенки, колодцы, рассадники, качели, ворота, изгороди. Некоторые сооружения не представлены в таблицах, но также рассматриваются, поскольку являются составной частью крестьянских усадеб и традиционных сельских поселений. Это магазины, поварни, кузницы, смолокурни. Особняком стоят малые культовые архитектурные формы – кресты, которые автор посчитал необходимым вкратце описать, поскольку их можно встретить не только на кладбищах, но и внутри поселений, в т. ч. на крестьянских усадьбах. Это обетные кресты, т. е. кресты, поставленные по обещанию. Рассматриваемая территория включает Архангельскую и Вологодскую области. Хронологические границы систематизируемых объектов – вторая половина XIX – начало XX в.

Амбар был одной из необходимых и распространенных в крестьянском хозяйстве построек, входящих составной частью в усадебный комплекс. Амбары имеют различное назначение для хранения зерна (житница), рыбы и рыболовецких принадлежностей, для соломы (при гумнах), а также разнообразной утвари и одежды. Они занимают различное положение в усадьбах. В поселениях на реках Пинеге, Мезени и Сухоне они стоят не только в усадьбах, но и в стороне от жилой застройки. Они группами или рядами выстраивались на краю поселений, образуя так называемые «амбарные городки». На Ваге – напротив окон дома, за дорогой. Рыбные амбары, как правило, ставятся у самой воды.

Многообразно объемное решение амбаров, особенно интересных тем, что они сохранились до наших дней практически без перестроек, в отличие от часто перестраивавшихся жилых домов. Амбары воздвигают подобно простейшей избе в виде квадратного или прямоугольного сруба, стены которого рублены в «обло» с остатком или в «лапу», с покрытием в более ранних постройках по курицам и потокам, с охлупнем. Распространенная форма кровли на амбарах – двускатная, с двумя вариантами направлений скатов. Односкатной кровлей («лабасом») перекрывают небольшие одноэтажные по-

стройки, а сегментной формы редки (встречаются в северных районах Вологодской области, в Республике Коми). Покрытием является, как правило, двухслойный тес, который иногда прижимается к основанию бревнами – гнетами, попарно связанными горизонтальными досками-огнивами. Такой амбар можно видеть стоящим на подпорной стенке в Мезенском секторе музея «Малые Корелы» (рис. 175). Амбары можно подразделить на несколько типов: четырех-, пяти- и шестистенные («двойни», «тройни» и с «заулком»), в которых, в свою очередь, можно выделить виды с их вариантами. Вид определяется особенностями архитектурного решения сруба – основного конструктивного элемента постройки: 1) простой прямоугольный сруб, поставленный на землю; 2) сруб с открытым предместьем и навесом над входом; 3) сруб с открытым предместьем или с навесом, поставленный на отдельный сруб в «реж» или отдельный нижний венец; 4) с открытым предместьем или с навесом, поставленный на «ножки» – столбики; 5) двухэтажные амбары.

Рис. 174.
Типологическая
таблица амбаров,
встречаемых
в Архангельской
и Вологодской обл.
Предложения
автора, 1981

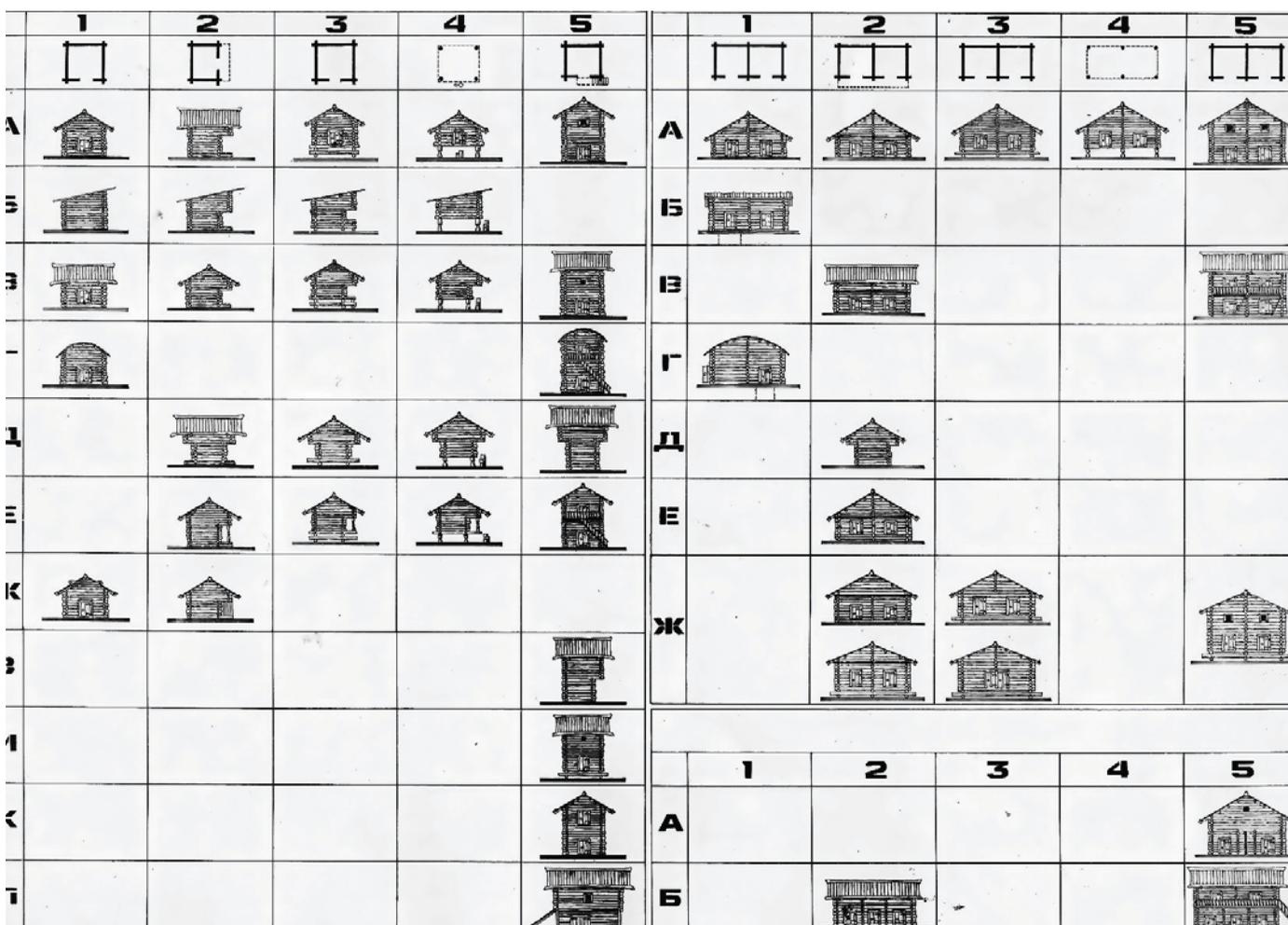

Рис. 175. Амбары и бани на подпорной стенке Мезенского сектора музея «Малые Корелы». Фото автора, 1990

Вариантность внутри данного вида возможна по характеру устройства кровли и элементов, с ней связанных: А – двускатная с направлением скатов в стороны от лицевого фасада; Б – односкатная, скат направлен в сторону от входа; В – двускатная с направлением скатов в сторону от входа и противоположного фасада; Г – сегментная; Д – с двумя навесами (залобниками); Е – по наличию столбов, поддерживающих свесы или галереи; Ж–Л – прочие варианты с конструктивными элементами, характерными для определенного типа и вида, не представленные выше.

Простейшие амбары, поставленные на землю, имеют небольшие размеры. Перед входом устраивается открытая площадка (предмостье), выступающая вперед нижняя часть сруба по всей длине главного фасада. Над площадкой имелся навес («залобник» или «кошель»), защищающий предмостье и проем двери от атмосферных осадков. Он устраивался путем удлинения верхних бревен сруба. Иногда углы навеса опираются на столбы, которым придается различная декоративная обработка, или по внешнему периметру площадки делается ограждение в виде парапета с резными или точеными балясинами. Порой этими ограждениями служат стойки или вертикально поставленные доски, врубаемые в нижний венец навеса и в бревенчатую обвязку площадки при входе. Подобные ограждения увеличивают полезную площадь амбара (они распространены повсеместно). Некоторым усложнением объемно-пространственного решения построек является устройство навеса на заднем фасаде амбара, что служило увеличению используемой площади внутри сооружения и одновременно предохраняло заднюю стену от атмосферных осадков (Сухона, Мезень).

Постройки на столбах представляют древнейшую форму амбаров (лабазы) для хранения дичи, пушнины, а иногда и продуктов. Они поставлены на высокие, в рост человека, столбы, дабы предохранить содержимое от проникновения животных (реки Пинега, Мезень,

Вариантность внутри данного вида возможна по характеру устройства кровли и элементов, с ней связанных: А – двускатная с направлением скатов в стороны от лицевого фасада; Б – односкатная, скат направлен в сторону от входа; В – двускатная с направлением скатов в сторону от входа и противоположного фасада; Г – сегментная; Д – с двумя навесами (залобниками); Е – по наличию столбов, поддерживающих свесы или галереи; Ж–Л – прочие варианты с конструктивными элементами, характерными для определенного типа и вида, не представленные выше.

Сухона, верховье Вычегды). Этот принцип постановки складского помещения на столбы-«ножки» широко используется до сих пор и имеет разновидность в опорной конструкции, состоящей из круглых столбиков, вырезанных в виде гриба – усеченного конуса с горизонтальной подрезкой, преграждающей путь грызунам, или соединения конструкции в «реж» с тесинами-стойками, опирающимися на горизонтальные бревна основания. Порой амбары строились и на подпорной береговой стенке, где прочная конструкция представляется важным элементом всего берегового укрепления, что можно видеть на Мезени и в соответствующем секторе музея «Малые Корелы» (рис. 307).

Наиболее развитую форму представляют двухэтажные амбары, поставленные на землю или на стойки и в редких случаях – на ряжевую конструкцию основания, с галереей или балконом, с наружной лестницей на второй этаж. На лицевой стене на первом этаже имеется дверь и может быть окно на втором этаже, используемом летом под жилье (Вага, Мезень, Пинега). Возможны варианты с дверями на обоих этажах амбаров (Мезень). Сегментная кровля двухэтажных амбаров встречается в районах бывшей Вологодской губернии (сегодня в Республике Коми).

По берегам Ваги были распространены двухэтажные амбары – конюшни, в которых первый этаж представлял собой сарай для хранения повозок и одновременно конюшню с широкими воротами и земляным полом. Второй этаж, консольно нависающий над первым, являлся сеновалом и имел закрома для хранения зерна. На сеновал вел деревянный взвоз. Кроме того, можно встретить объединение амбара и ледника в пятистенном срубе. Или в двухэтажном сооружении на первом этаже располагается ледник с полками для продуктов и ледниковая яма, а во втором – амбар (Двина, Мезень, Пинега).

В тех случаях, когда в центре амбара проходит переруб, то есть помещение становилось пятистенным, количество дверей, окон, столбов галереи соответственно увеличивалось. Переруб

Рис. 176. Амбары и вешала в амбарном городке Пинежского сектора музея «Малые Корелы». Фото автора, 2006

на главном фасаде может доходить до конька амбара или до нижней части «залобника». Для пятистенных амбаров характерны все основные конструктивные элементы, присущие четырехстенным сооружениям. Среди шестистенных амбаров встречаются амбары-двойни и амбары-тройки, т. е. имеющие три помещения с самостоятельными входами. В выпуски бревен торцевых стен над входами иногда врубали дополнительное бревно для просушки вещей или сетей (в рыбных амбарах). Амбары-двойни имеют две двери с лицевой стороны, а между ними две капитальные стены, доходящие до потолка первого этажа в двухэтажных или до конькового бруса в одноэтажных амбарах. Второй этаж, если он имеется, может быть четырехстенком или пятистенком.

Таким образом, в архитектурных решениях амбаров различного рода выступы, свесы, пристройки на столбах перед входом, галереи с лестницами, кронштейны и прочие элементы чисто служебного назначения одновременно являлись и украшениями постройки. Декоративная обработка на амбарах встречается редко. Иногда концы верхнего косяка дверного проема имеют небольшую порезку. Замочная оправа может иметь различные витиеватые формы. Многие из рассмотренных типов амбаров можно видеть в музее «Малые Корелы».

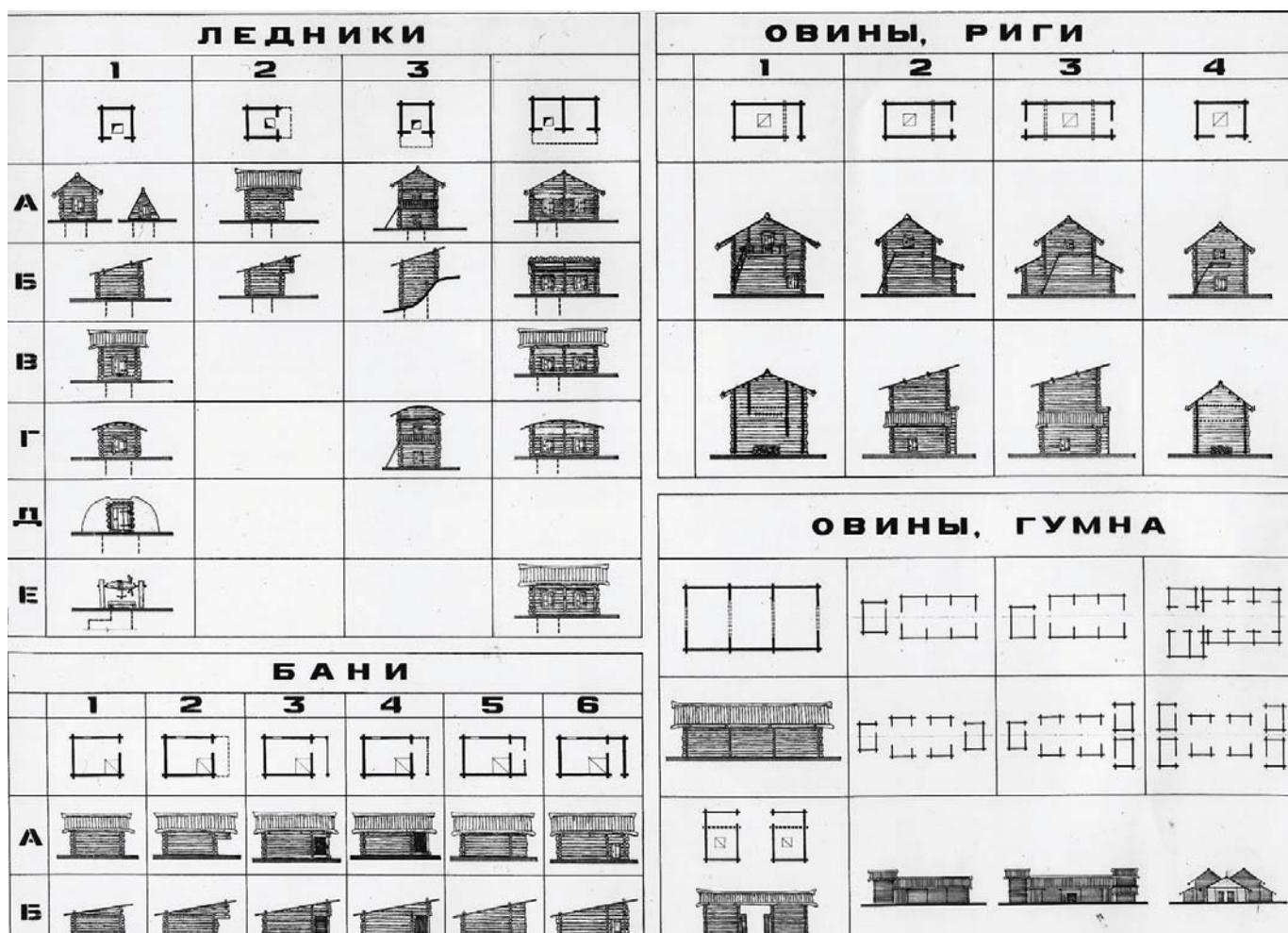
Для исследуемых территорий были характерны часовни, перестроенные из амбаров, так называемые «часовни-амбаронки». Поскольку в народных представлениях амбар считался «чистым» помещением, то в нем могли висеть иконы – здесь же хранили наиболее значимые предметы культа и документы. Встречаются соединения амбара с часовней: пристроенное к амбару помещение молельни или их совмещение в двухэтажном срубе – на первом этаже находился амбар или складское помещение, а наверху – часовня. «Часовни-амбаронки» были как мирские (строенные на средства общины), так и вотчинковые (построенные крестьянами по собственному желанию)²¹⁷. Они были распространены на Пинеге, Мезени, Сухоне, в Кирилловском районе Вологодской области. От амбаров их отличает лишь наличие креста на коньке кровли.

Магазеи могли быть большими сооружениями или средних размеров. Как правило, это двухэтажные амбары, приспособленные для хранения зерна, игравшие роль больших складов на случай неурожая или каких-то неблагоприятных событий (пожаров, войн и пр.). Они до сих пор сохранились в селениях по берегам Ваги, Двины, Вычегды и Сухоны, стоя в стороне от жилых построек. Магазины как

общественные магазины на Севере появились под официальным государственным влиянием²¹⁸ и строились главным образом на общественные средства («складничеств»), но часто самостоятельно каким-нибудь зажиточным крестьянином.

Все эти постройки чрезвычайно близки между собой по конструкции, отличаясь своими размерами и пропорциями. В основном магазины представляют собой вытянутый в длину двухэтажный сруб, имеющий внутренние стены-перерубы и перекрытый двух- или четырехскатной кровлей, с окошками-продухами в обоих этажах. В первом этаже на торцевом фасаде магазина, как правило, устроены ворота, – на второй этаж подвода с зерном могла подняться по взвозу. Над воротами устраиваются специальные щели (или двери), предназначенные для проветривания и освещения второго этажа. Вдоль стен на обоих этажах устроены сусеки для хранения зерна, а связь между этажами осуществляется по внутренней лестнице. Четырехскатное покрытие, которое можно сегодня видеть на некоторых магазинах, как правило, более позднее и характерно для построек, возводимых в конце XIX – начала XX

Рис. 177.
Типологическая таблица
разных
вариантов ледников,
овинов, гумен, риг, бань
Русского Севера.
Предложения автора,
1981

более позднее и характерно для построек, возводимых в конце XIX – начала XX в.

Ледник (погреб, напогребница) (рис. 177) занимает значительное место в ряду хозяйственных построек, поскольку многие запасы продовольствия необходимо было сохранять довольно продолжительное время в особых температурных условиях. Ледники ставятся недалеко от входа в дом. Если в данной местности уровень грунтовых вод находится значительно ниже поверхности земли, то ледник (собственно ледохранилище) устраивается в земле; в противном случае – над землей²¹⁹. Ледник должен удовлетворять многим условиям: температура внутри ледника должна быть постоянной, стены ледника не должны пропускать воду, выход делается с северной стороны, и т. д. Сохраняемые припасы в помещении ледника, как правило, размещаются на каменном полу или на полках, устраиваемых вдоль стен.

Наиболее распространенным вариантом ледников в Архангельской и Вологодской областях (помимо их размещения в подклетах домов) являются деревянные постройки, наземная часть которых рублена в «обло», а подземная – «в лапу»; их глубина доходит до 2–2,5 м, а поперечные размеры до 2 м. Кровля может быть односкатная или двухскатная, иногда дугообразная и, как правило, тесовая.

Ледники, как и амбары, можно подразделить на четырех- и пятистенные. Последние являются комбинациями ледников и амбаров в одном строении. Оба типа ледников, в свою очередь, подразделяются на виды, определяемые основными конструктивными элементами срубов: 1 – с открытым предместьем; 2 – с навесом над входом; 3 – двухэтажные: первый этаж – ледохранилище, второй – наземная часть ледника или же первый этаж – ледник, а второй – амбар.

Вариантность внутри данного вида возможна по различиям в устройстве кровли: А – двускатная с направлением скатов в стороны от лицевого фасада; Б – односкатная с направлением ската в сторону от входа; В – двускатная: первый – ледохранилище с направлением скатов к входу и в противоположную от входа сторону; Г – сегментная; Д, Е – все прочие варианты.

Поскольку пятистенные срубы ледников-амбаров представляют небольшую вариантность архитектурно-конструктивных решений, то они могут быть условно объединены в один типологический ряд. Больше всего их встречается на Пинеге и Мезени. Встречается объединение ледника и амбара с колодцем (бассейн Ваги). А для

районов Мезени, где крутые берега укрепляются подпорными стенками, распространенным вариантом ледников является включение их рубленой конструкции в субсрубцию стенки. Сруб ледниковой ямы проходит ниже уровня настила стенки, а наземная часть ледника базируется на ее ряжевой конструкции (рис. 177, Б-1, 2, 3), что также можно видеть в музее «Малые Корелы».

Разновидностью ледников являются погреба в виде прямоугольного сруба с дверью, засыпанные землей таким образом, что открытыми остаются лишь потолок и дверь, а порой – только одна дверь. Подобные ледники встречаются в западных районах Вологодской области, на Двине (рис. 177, Д). В верховье Двины встречаются погреба, где наземная срубная часть отсутствует и заменена конструкцией, похожей на колодец-ворот, с той только разницей, что к веревке, опускаемой в ледниковую яму, привязывается не ведро, а коромысло для ведра. Хозяин, стоя внутри ледника, накладывает в него продукты, а затем воротом с земли ведро вынимается из ямы. Подобные ледники могут размещаться и группами между порядками домов деревни (рис. 177, Е-1).

Баня является необходимым элементом северорусской усадьбы второй половины XIX – начала XX в., и только бобыли (одинокие жители) и беднейшая часть крестьянства не имели собственных бань и пользовались соседскими. Как правило, они ставились по берегам рек или озер, недалеко от дома, но часто и в глубине дворового участка, за домом. На Пинеге и Мезени они размещались группами, образуя так называемые «банные кусты», в стороне от домов в целях пожарной безопасности и в связи с рядом народных поверий и обрядов. В отличие от амбара баня считалась «грязной» постройкой, поскольку в ней не только мылись и стирали, но и рожали, гадали и пр.

В Вологодской и Архангельской областях бани встречаются трех типов (шести разновидностей) (рис. 177). Первый весьма редок и имеет четырехстенное помещение без предбанника, т. е. является однокамерным строением. При пользовании ими раздевались снаружи. Мыльное помещение включает печь (в банях «почерному» – каменку), полати и лавки вдоль стен. Пол со щелями для стока воды между пластинами-половицами был настелен по лагам, лежащим прямо на грунте. Такие бани встречаются на Пинеге, Мезени, в западных районах Архангельской и Вологодской областей. Они характерны и для карел и для финнов²²⁰.

Бани второго типа (рис. 177–2, 3, 4, 5) имеют навес над входом смешанной рубленой и каркасной конструкции, который иногда зашивается горизонтальными досками или ограждается вертикальными стойками по трем открытым сторонам предбанника. Стойки врубаются в бревенчатую обвязку навеса и в нижние бревна сруба на уровне земли, оставляя неоткрытым вход. Так образуется помещение предбанника, которое является элементом двухкамерных бань.

Наиболее распространенным во всех исследованных районах является третий тип бань – пятистенный сруб с внутренней разделительной стеной между предбанником и собственно мыльным помещением (рис. 177-6).

Вариантность рассматриваемых сооружений возможна, как в амбарах и ледниках, в связи с различным устройством кровли – односкатным или двускатным, в более старых постройках – по курицам и потокам с охлупнем. Очень редки сегментные покрытия. В настоящее время бани, отапливаемые по-черному, встречаются так же часто, как и бани «по-белому», получившие распространение в более населенных районах областей.

Овины и риги были распространены в крестьянском хозяйстве во второй половине XIX – начале XX в. на всей территории Архангельской и Вологодской областей. Овины считались местом пребывания душ умерших, и в них происходили различные священнодействия, связанные с поклонением огню. Эти постройки служили для сушки снопов и представляли собой двухъярусные постройки: в первом размещалась печь, а во втором – снопы. Овины могут быть ямными и верховыми. В первом случае нижний ярус целиком или частично углублен в землю, во втором – на поверхности земли. В Архангельской области чаще распространены верховые овины, в Вологодской – и те и другие²²¹. Принцип просушки снопов, неоднократно описывавшийся исследователями²²², состоит в следующем. В нижнем ярусе овина (в подовине) расположена печь-каменка (или глинобитная), дым от которой выходит через дверь и небольшие продухи или окна. Горячий воздух поднимается вверх и проходит через бревна перекрытия и в специальные проемы (пазухи) пола в помещении второго яруса (садило), где находятся жердины-колосники, на которые укладываются снопы для просушки.

Конструктивно овины решаются просто (рис. 177). Это одно-, двух- или трехкамерные срубы, стены которых рублены «в обло» и перекрыты одно- или двускатной тесовой кровлей (реже – четырехскатной). В центральных районах Вологодской области встречалось покрытие

соломой с жердинами, укладываемыми сверху. Подобные покрытия характерны для более южных районов России. Поперечные стены основного помещения – садила – не доходят до земли, образуя так называемые подлазы (рис. 177, разрез). С торцовой стороны овина помимо двери в первом ярусе имеется небольшое посадное окно со ставнем и с приставной лестницей. Окно служит для входа в садила и для подачи снопов. В старых овинах это окно задвигалось досками.

Рис. 178. Овины и гумно в Каргопольском секторе музея «Малые Корелы». Фото автора, 2006

Риги, получившие большое распространение в конце XIX – начале XX в. в крестьянском хозяйстве, отличаются от овинов более простым устройством топки и меньшей стоимостью при строительстве, хотя они и более пожароопасны. Если в овине печь размещается в особом помещении, то в риге – в том же, где устанавливаются снопы, т. е. в садиле (рис. 177). И если в верхнем ярусе овинов потолок отсутствовал, то в ригах он имелся и устраивался из бревен, укладываемых внакат²²³. На рассматриваемой территории, например в поселениях на Сухоне, распространены сочетания двух срубов овинов или риг, поставленных рядом и перекрытых общей двускатной кровлей. Однако в конструкциях этих сооружений не встречаются навесы, присущие, например, аналогичным постройкам в Карелии²²⁴. Их заменяет общая кровля. Снопы, привезенные с поля или вынутые из

овинов, складываются или в низких боковых камерах сооружений, или в больших помещениях – гумнах.

Гумна предназначены для обмолота зерна (рис. 177). Они бывают открытые (ток), но чаще это закрытые большие рубленые помещения с поперечными перерубами, двускатной тесовой или соломенной кровлей. Между перерубами устраиваются засеки, с глиняным или деревянным полом, где складывают снопы или остатки соломы после обмолота. С двух или трех сторон гумна делали большие двустворчатые или одностворчатые ворота для проветривания.

Крытые гумна принадлежали зажиточным хозяевам или строились в складчину несколькими крестьянами. Они могли стоять в усадьбах, но чаще на окраине поселений, иногда группами, примыкая к овинам или ригам, а иногда и к водяным мельницам, образуя разнообразные объемно-пространственные композиции.

Мельницы (рис. 179). Помимо ручных мельниц (это были жернова) в конце XIX – начале XX в. в крестьянских хозяйствах были распространены ветряные и водяные. «Ветряки» бывали двух типов: столбовые и шатровые. На Русском Севере ветряные мельницы получили распространение ранее XVII в., а на территории юга России уже в X–XI вв.²²⁵ Появление же шатровых (голландских) мельниц относится ко второй половине XVIII в. Основное распространение такие мельницы получили в наиболее богатых и оживленных в торговом и экономическом отношении районах страны. В конце XIX в. в отдельных деревнях Севера количество мельниц доходило до тридцати-сорока. Большую часть описываемых мельниц можно увидеть в музее «Малые Корелы» – некоторые из них работают и демонстрируют посетителям процесс получения муки.

В Вологодской и Архангельской областях мельниц-столбовок насчитывается пять видов: на рамах, на стойках, на ряжах, на срубах или в сочетании ряжа и сруба. Принципы устройства подобных мельниц были неоднократно описаны в литературе²²⁶. Основной центральный неподвижный столб вкопан в землю, вокруг него (на стойках, ряжах и т. д.) вращается клеть амбара с мельничным оборудованием, в состав которого входит горизонтальный вал, представляющий собой толстое бревно из крепкой породы деревьев (кондовой сосны), к которому крепятся крылья-махи, имеющие четыре либо шесть, реже восемь лопастей. К задней стенке клетки прикрепляются бревна («воротила»), при помощи которых клеть амбара поворачивается вокруг основного столба крыльями-махами к ветру. Для уменьшения веса

амбара его стенки рубили, как правило, не из бревен, а из брусьев. Кровля сруба – двускатная.

Первым видом столбовых мельниц (рис. 179) являются мельницы на рамах, распространенные в бассейне Ваги, Двины, Сухоны, Онеги, где единый с высокими вертикальными стенами прямоугольный объем полностью используется для мельничного оборудования. Нижняя часть объема базируется на продольных и поперечных слегах, просто связанных между собой в раму. Центральная часть рамы свободно лежит на второй, аналогичной конструкции, укрепленной в земле, и при вращении амбара верхняя рама скользит по нижней. Вход в мельницу осуществляется с земли.

В мельницах на небольшом пирамидальном основании или на столбах (второй и третий вид) мельничный амбар приподнят высоко над землей. Чаще всего столбов бывает восемь, иногда в комбинации со срубной верхней частью основания. Подобные мельницы распространены в селениях бассейна Двины, Онеги, в Кирилловском и Белозерском районах Вологодской области.

Рис. 179.
Типологическая
таблица ветряных
и водяных мельниц
и колодцев.
Предложения автора,
1981

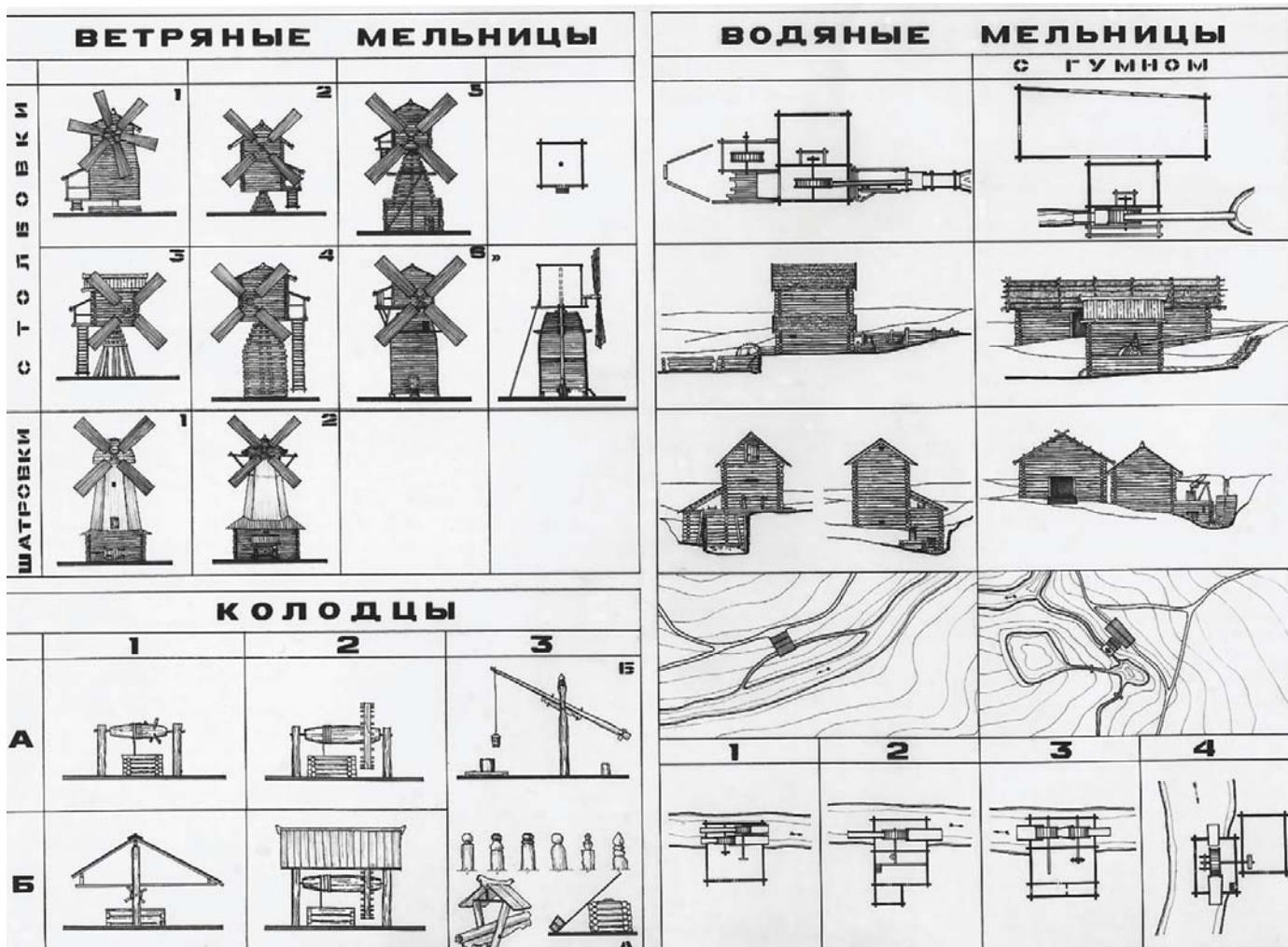

Рис. 180. Мельница-шатровка в Каргопольско-Онежском секторе музея «Малые Корелы». Фото автора, 2006

Четвертым видом являются мельницы на ряжах, распространенные на Севере в бассейне Пинеги, Мезени, Сухоны (рис. 181). Они имеют мельничный амбар, поставленный на высокий ряж – бревенчатую клетку. Верх срубного основания резко сокращается, образуя у основания мельничного амбара узкую шейку с поворотным механизмом. Подобная конструкция сруба придает большую устойчивость всему сооружению. При экономичном использовании материала обеспечивается постоянное проветривание ряжа. При входе устроен небольшой балкон с висячей лестницей.

Рис. 181. Мельницы на ряжах в Мезенском секторе музея «Малые Корелы». Фото автора, 2006

Пятым видом являются мельницы с амбаром, поставленным на ряж. Последний базируется на срубе нижнего яруса мельницы, представляющего собой отдельное помещение, используемое под складские нужды (амбар). В срубе основания устроены сусеки вдоль стен. В одной из стен – входная дверь.

Последний вид – это развитый вариант предыдущего, где сруб основания доходит до мельничного амбара, имея все ту же усеченную форму в верхней части. Все внутреннее пространство срубного основания (рубка «в лапу») используется под склад и имеет два яруса, связанные внутренней междуэтажной лестницей. Вход в первый этаж – с земли; на уровне пола второго этажа устроен выход на наружную площадку, с которой, в свою очередь, можно попасть в мельничный амбар. Срубное основание мельницы может стоять непосредственно на земле или на небольших столбиках, поставленных по углам сруба.

Последние два вида мельниц были распространены в Холмогорском уезде Архангельской губернии, в то время как шатровые мельницы – вокруг Архангельска, Вологды, Устюга и других крупных центров Севера. Они отличаются от рассмотренных выше мельниц как своим объемным, так и конструктивным решением.

Большой, как правило восьмигранный, сруб усеченной пирамиды поставлен либо непосредственно на землю, либо на четвериковое или восьмериковое основание с помещениями, которые использовались как амбары или сторожка мельника. Завершением основного сруба рассматриваемых мельниц-шатровок является подвижная верхняя часть с различной конструкцией покрытия, в которой находится горизонтальный вал с крыльями. Таким образом, подвижная часть базируется на устойчивом основании и лишена тяжелого оборудования, размещенного в основном срубе мельницы. Поворот достаточно легкого навершия, лопастями к ветру, осуществляется аналогично мельницам-столбовкам с земли при помощи длинных бревен. Существенным конструктивным моментом, отличающим шатровые мельницы от столбовых, является то, что центральный вертикальный столб здесь не закреплен намертво в землю, а вращается по всей длине. Он принимает движение от горизонтального вала верхней части и передает его на жернова, находящиеся внизу мельницы.

Водяные мельницы строились на небольших речках и, как правило, в стороне от поселений. В зависимости от размеров реки изменяют-

ся и размеры самой мельницы и ее механизмов. Восстановленную и работающую такого типа мельницу можно видеть на территории Кенозерского национального парка в Архангельской области.

Возможны варианты четырех-, пяти- и шестистенных срубов мельниц, стены которых рубятся в «обло» или в «лапу» и перекрыты двух- или четырехскатными кровлями. В любом случае водяные колеса, диаметр которых достигает 6 м, вынесены в самостоятельные помещения, называемые колесницей. Оно может быть открытым или иметь односкатную кровлю. Иногда помещение входит составной частью в объем всей постройки. Сруб, в котором находятся все рабочие механизмы мельницы – жернова, бункер, закрома и т. д., – называется «толчеей». Иногда внутри него выделяется амбар. В больших мельницах эти помещения размещаются на разных этажах. Со стороны входа к рабочему помещению пристраивается жилая клеть мельника. В южных районах Вологодской и в соседней Костромской области встречается объединение сруба мельницы и крытого гумна, образующих единый производственный комплекс. Водяным мельницам обычно сопутствует система запруд, рубленых из бревен и используемых иногда в качестве моста через реку. Кроме того, встречаются водяные мельницы, состоящие из двух самостоятельных, примыкающих друг к другу помещений. Рабочее колесо в этом случае заключено в один объем, нависающий над рекой, а жернова, бункер и закрома находятся в соседнем.

Описываемые ниже хозяйственные сооружения не представлены в таблицах, но не остановить на них внимание невозможно, поскольку они играли значимую роль как в хозяйственной, так и в социально-культурной жизни сельских территорий.

Поварни (пивоварни) в настоящее время встречаются очень редко. Обычай варить пиво на праздники существовал в России исстари. Он наблюдался как в начале XX в., так и в советское время. Многие хозяева строили собственные пивоварни на своих усадьбах или объединялись и возводили общую поварню. Их ставили поблизости от рек или у колодцев, иногда в поле, в стороне от жилых домов. Поварни представляли собой рубленые постройки, без пола и потолка, со съемной крышей или неполной крышей над костром, над которым вешали чан для варения пива²²⁷. Встречаются рубленые объемы помещений, в которых поварни и бани объединены под одной крышей. Такие сооружения стоят, как правило, на задворках крестьянских усадеб и принадлежат одной семье (Вага, Вычегда)²²⁸.

Кузницы являлись необходимыми сооружениями деревень, ставились на окраинах поселений и внешне были похожи на бани, но больших размеров. Иногда при входе кузница имела заборку из досок, что также встречается и в банях. Дверь во время работы, как правило, бывает открыта. Внутри кузницы стоял большой пень толстого дерева с наковальней, основанием вкопанный в землю. Здесь же было горно, ручные мехи для раздувания огня, бочка с водой. Перед кузницей или рядом с ней обычно устраивали коновязь или стойло для подковывания лошадей. Такого типа кузницу можно увидеть в Северо-Двинском секторе музея «Малые Корелы».

Смолокурни (смоляная избушка) имели распространение в районах, где был развит смолокурный промысел (Вага, Мезень, частично Пинега). Смолокурни ставились где-нибудь на косогоре, в стороне от поселений. Они представляли собой постройки достаточно больших размеров, с перерубами продольных стен, перекрытые двускатной или четырехскатной тесовой кровлей. В торцовых стенах смолокурен имелись сквозные ворота для въезда подвод, а внутреннее пространство постройки было занято, как правило, кирпичной печью.

Пожарные каланчи (пожарки) получили распространение в сельском строительстве в конце XIX – начале XX в. Они располагались, как правило, на перекрестке улиц села или деревни или в ряду жилых домов с небольшой площадью при входе. Встречается два типа пожарок, отличающихся наличием или отсутствием вышки со смотровой площадкой. Основание каланчи может быть образовано двумя клетями со входами, разделенными между собой перерубами: в одной из них помещаются телеги, шланги, бочки с водой; во второй – склад. В четырехскатную или двускатную кровлю основного сруба врезается сужающаяся кверху смотровая вышка, опирающаяся на две продольные балки. Внутри башни находится лестница, а наверху – квадратная смотровая площадка с колоколом. Пожарки без вышки встречаются чаще, так как их конструкция более проста. Как правило, это простые клетские постройки, квадратные или прямоугольные в плане, с большими воротами и с пологим взвозом для въезда подвод. Рядом с ней или на некотором расстоянии вкапывались столбы, к поперечной перекладине которых подвешивали колокол. Чаще же колокола подвешивали к столбам-звонницам, стоящим, как правило, у часовен. Они имели небольшое двускатное покрытие с декоративным коньком. Одну из таких

пожарных каланчей предлагалось перевезти на территорию музея «Малые Корелы».

Мосты являются неотъемлемыми элементами сельской среды. В основном мосты строились из дерева, но в начале XX в. они заменялись на металлические (вантовые) конструкции. Самая простая деревянная структура моста – так называемого козлового типа, однако она весьма непрочна во время весенних паводков. Они представляют собой ряд X-образных опор с досками хода, с прикрепленными вертикальными стойками и с ограждениями. Козловые мосты выглядят достаточно живописно²²⁹.

Большинство мостов обладают одинаковым набором конструктивных элементов, основными из которых являются опоры – рубленые устои с перерубами пролетов поверху, образуя единую жесткую систему переправы²³⁰. Возможен вариант конструкции основания, рубленного в «реж» со свободным пространством между бревнами. Его покрытием является сплошной бревенчатый накат, уложенный поперек моста (центральные районы Вологодской области).

Интересными образцами рубленых мостов представляются такие, в которых опоры-срубы имеют в плане форму вытянутого пятиугольника (мост через реку Кену). Внутреннее пространство в срубах и

устроенные трехгранные «карманы»-ледорезы заложены камнями для большей устойчивости. Срубы в верхней части имеют повалы, на которые опираются пролеты. Мост с такой конструкцией опор противостоит ледоходу и весенним паводкам, т. к. острые углы его опор обращены против течения реки. Количество пролетов моста зависит от ширины реки и ее течения.

Мост более сложной конструкции до сих пор стоит на реке Индоманке (Вытегорский район Вологодской области). Он – деревянный, трехпролетный, общей длиной 60 м и имеет в основании конструкцию, описанную выше. Два меньших пролета (по 12 м) имеют стоечно-подкосную

Рис. 182.
Пожарная каланча
в дер. Кишерма,
Вельского р-на.
Архангельская
обл. Фото
Н.П. Бровченко,
1979

систему конструкций, а большой – третий – пролет (24 м) имеет бревенчатую пространственную треугольную шпренгельную ферму. На пятиугольные ряжи положены продольные прогоны, на которые укладывается сплошной накат из бревен с мостками для пешеходов. Ограждение – деревянное. Узлы бревенчатой фермы в местах пересечения ряда направляющих декорированы накладными дощечками, прикрывающими торцы бревен²³¹.

Подпорные стенки строились для предотвращения оползней грунта крутых берегов, а также от их разрушения во время ледохода и сплава леса. В XVI–XVII вв. подобными стенками укреплялись берега Сухоны в Великом Устюге, о чем говорят документы, повествующие о бунте посадских людей в 1648 г., где упоминаются укрепления берега срубами. На гравюрах XVIII в., изображающих города Тотьму и Устюг, хорошо заметны рубленые укрепления берегов²³². Срубами-ряжами в Вологодской губернии на Кубенском озере укреплялись берега острова Каменного, где находился Спас-Каменный монастырь²³³. Подобного типа рубленые

Рис. 183. Типологическая таблица вариантов подпорных стенок, мостов, малых форм. Предложения автора, 1981

Рис. 184. Ряжевый мост на р. Кене в дер. Измайловская. Фото А.В. Лапина, 1970-е гг.

укрепления применялись в фортификационном строительстве, обладая при этом более сложными конструкциями. Они существовали, например, в XVIII в. в Новодвинской крепости Архангельской губернии²³⁴.

Подобные стены сохранились и сегодня вдоль берегов рек, их много на Мезени, встречаются они в западных районах Вологодской области. Помимо береговых укреплений эти стены служат и продолжением улиц, идущих вдоль берега, являясь основанием для размещения многих хозяйственных построек: амбаров, бань, ледников, колодцев (рис. 183). Наиболее распространенным типом (тип А) является рубленая в «обло» система с частыми перерубами, заполняемыми против смещения по откосу булыжником. Для зацепления бревен применяются и врубленные в перерубы

Рис. 185. Ряжевый мост на р. Кене в дер. Измайловская. Фото автора, 2005

коротыши. Сверху накладывается бревенчатый накат хода. Более сложная стена (тип Б), являющаяся одновременно и бревенчатой, представляет собой пространственную структуру с внутренними треугольными ячейками, между которыми насыпан булыжник.

В конструкцию сруба может быть снизу введен шпунтовый ряд свай (тип В). Возможны варианты срубов с поперечно уложенным накатом на вентилируемом ряже (тип Г). Шпунтовый ряд свай (тип Д) в чистом виде встречается редко. В этом случае сваи, прежде подвергшиеся обжигу, опускаются на глубину промерзания грунта. Этот тип стенки является лишь ограждением от земляных оползней. В Приморском районе стенки (тип Д) представляют комбинацию вертикальных стоек, в которые врубались в «шип» горизонтальные бревна. Их чередование образует жесткую и прочную структуру берегового укрепления.

Одним из приемов укрепления откоса является несложная свайная конструкция с бревенчатым настилом (тип Ж). Продолжения свай возвышаются над поверхностью наката, образуя с помощью пронизывающих их жердей ряд «вешал» для сушки сена. Ограждения на всех типах подпорных стенок выполняются на врубках в столбы, опирающихся на перерубы стен, и могут иметь различные декоративные завершения.

*Рис. 186.
Подпорная стенка.
село Кимжа,
Мезенский р-н
Архангельская обл.
Фото автора, 1975*

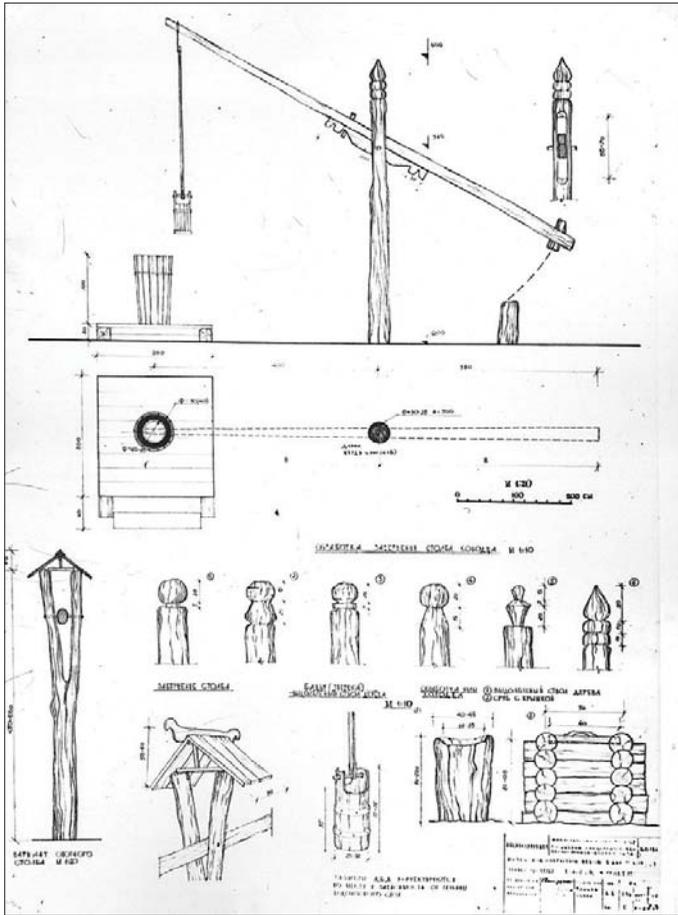

Рис. 187. Проект вариантов колодца «журавель» для секторов музея «Малые Корелы». Предложения автора, 1976

Колодцы предстают необходимым элементом сельских усадеб. Их основой является скважина в грунте, доходящая до водоносного слоя, с укреплениями стен в виде бревенчатого сруба или долбленного ствола дерева, предохраняющего источник воды от оползней грунта. Подъем воды из колодца осуществляется несколькими способами. Наиболее простой из них – рычаг, распространенный в тех местах, где уровень грунтовых вод настолько высок, что воду черпают плетеными берестяными ковшами, прикрепленными к тонким жердинам. Наиболее древним типом колодца является колодец-«журавель». Здесь рычаг – это качающаяся жердина-«журавель», опирающаяся на столб или на расщелину ствола дерева. К рычагу прикреплена «типушка» (бадья) или ведро. Место максимального напряжения качающейся стрелы иногда усилено в центре брусом, имеющим криволинейный обрез нижней части, прикрепленным к стреле деревянными клиньями. Верхний конец вертикального столба имеет различную декоративную обработку. Наземная часть колодезной ямы решается в виде долбленного ствола дерева, максимальный диаметр верхней части которого достигает до 40–45 см. Эти наиболее древние типы колодцев сохранились в селениях на Вычегде, Ваге и Мезени. В районах Пинеги и Мезени распространены колодцы, у которых в опорный столб равномерно врубаются горизонтальные планки, являющиеся удобными ступеньками для установки или замены жердины.

Распространенным способом подъема воды из колодца является также устройство вращающегося ба-

Рис. 188. Восстановленная береговая подпорная стенка в музее «Малые Корелы». Фото автора, 2006

рабана с ручкой (колодец-ворот). К барабану привязывается веревка с ведром или «типушкой». Чаще всего над колодезной ямой устраивают навес. В тех случаях, когда уровень грунтовых вод низок, для облегчения вращения барабана в него врезаются перекладыны-спицы большого колеса-маховика (колодец с колесом). Такие колодцы распростране-

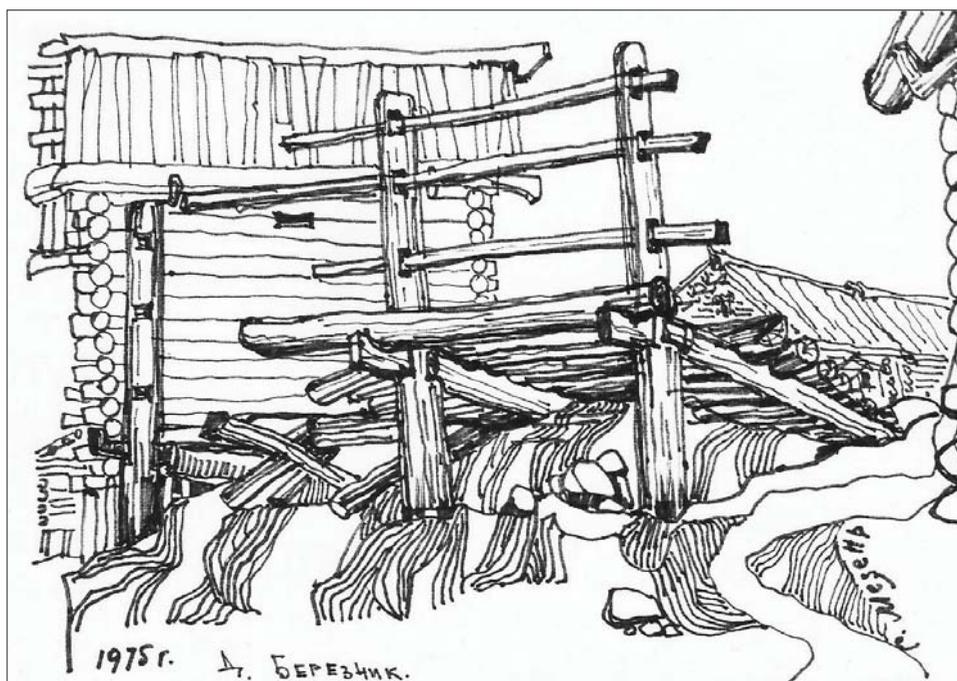

Рис. 189. Конструкция береговой подпорной стенки в дер. Березник, р. Мезень. Рис. автора, 1975

ны на территории многих районов России. Отличительные особенности колодцев могут быть выражены в конструкциях, пропорциях и декоре. В мезенских деревнях традиционно решались береговые укрепления в виде подпорных стенок, на которые, помимо амбаров и бань, устанавливали и колодцы. Интересен вариант постановки колодца на мостике, перекинутом над оврагом, где конструкция моста частично базируется на субструкции колодца, естественно и живописно вписывающейся в сельский пейзаж. На Сухоне, Пинеге, Двине кровля навесов низко посажена над колодцем и закрывает барабан-колесо наполовину его диаметра. Наземная часть сруба колодца может быть рублена из бревен в «обло», в «лапу» или из тесин, соединенных шпонками по четырем сторонам ямы с декоративным решением завершений.

Рассадники (рис. 183) – распространенные хозяйственные сооружения, входящие составной частью в усадебный комплекс северных поселений. Рассадник (на Пинеге – «вырец») предназначен для выращи-

вания рассады в весенне-летнее время. Место постановки рассадника выбирается крестьянами по собственному усмотрению: либо в огороде, либо у амбаров или у стены дома – с южной стороны. Они могут быть двух типов: первый – деревянный сруб (в «обло» или в «лапу» 1,5 x 1,0 м), состоящий из четырех или пяти венцов, поставленных на землю; второй – это сруб, состоящий из трех венцов бревен или тесин, поставленный на «ножки» высотой около 1 м. В обоих случаях между вторым и третьим венцами проложены несущие землю доски; толщина земли для рассады равна 30–40 см. На ночь такая конструкция закрывается досками или застекленными рамами.

Качели (рис. 183) встречаются в настоящее время повсеместно – как в сельской местности России, так и в городах. В деревнях они стоят в крестьянских усадьбах или между домами непосредственно на улицах. Качели главным образом рассчитаны на одного – четырех человек²³⁵. Наиболее простым типом являются такие, где на опорное бревно или пенек прикрепляется качающаяся длинная тесина (толстая доска) и на их концы садятся молодые девушки или парни²³⁶ (нет в таблице).

Следующим типом можно назвать также весьма простой вариант – когда к двум вертикальным столбам привязывается веревка (или канат), на которую укладывается доска-сиденье, и за другие привязанные концы «дружки» раскачивают девушку или друг друга²³⁷ (нет в таблице).

Другой распространенный тип, когда во вращающееся бревно, положенное на два столба, врубаются вертикальные брусья, укрепленные деревянными нагелями (клиньями). В нижней части в брусья вбиваются деревянные бобышки, которые поддерживают доску сиденья. Разновидностью подобной конструкции являются качели, опорные столбы которых имеют углубления или развилки дерева. В них вложено враща-

Рис.190. Качели на 2-х человек, воссозданные в музее «Малые Корелы»

ющееся бревно, на которое «надеты» вертикальные раскачивающиеся брусья (или тесины), сиденья которых обрамлены ограждениями. Такие конструкции рассчитаны, как правило, на одного или двух человек.

Другим вариантом описанных выше качелей могут быть такие, где к длинно-

му вращающемуся бревну попарно крепятся вертикальные брусья или привязывается веревка – канат. В этой ситуации качающаяся длинная тесина (толстая доска) направлена в перпендикулярном направлении к основному бревну, и на нее по концам, как и посередине, могут садиться, но чаще стоят, молодые люди²³⁸.

Круговые качели встречаются двух типов. На таких качелях может качаться большее количество человек. Прежде всего это так называемые «гигантские шаги». Их конструкция проста, но требует умения и сноровки во время движения. Здесь на вершину большого опорного столба вбивается металлический штырь, и к нему прикрепляются канаты, которых может быть не более четырех. За них можно держаться и, бегая по кругу вокруг столба, раскачиваться. Такой вариант качелей, как и другие, можно видеть в различных секторах музея «Малые Корелы».

Наиболее сложным типом качелей являются круговые – «кочуля» или «чертово колесо», которые ставили на площадях как в городах, так и в сельской местности, специально для праздников. Поскольку во второй половине XIX в. летние праздники повсеместно (Троица и Духов день) отмечались проведением хороводов и катанием на качелях, то около селений выстраивались «городки» качелей (по типу банных или амбарных «городков»). Парни и девушки, как и другие жители, катались вчетвером, часто «откупали» их и на гумнах, на поветях или в больших сараях. Такие качели можно было видеть на улицах пинежских деревень. В «кочулях» два опорных столба сверху имеют углубления, в которые укладывается вращающееся бревно, а в него, в свою очередь, врезаются попарно и

перпендикулярно друг другу параллельные брусья, образующие большую крестовину вращающегося «колеса» качелей. Концы параллельных брусьев соединены горизонтальными планками, на которые свободно подвешиваются вертикальные стойки с досками-сиде-

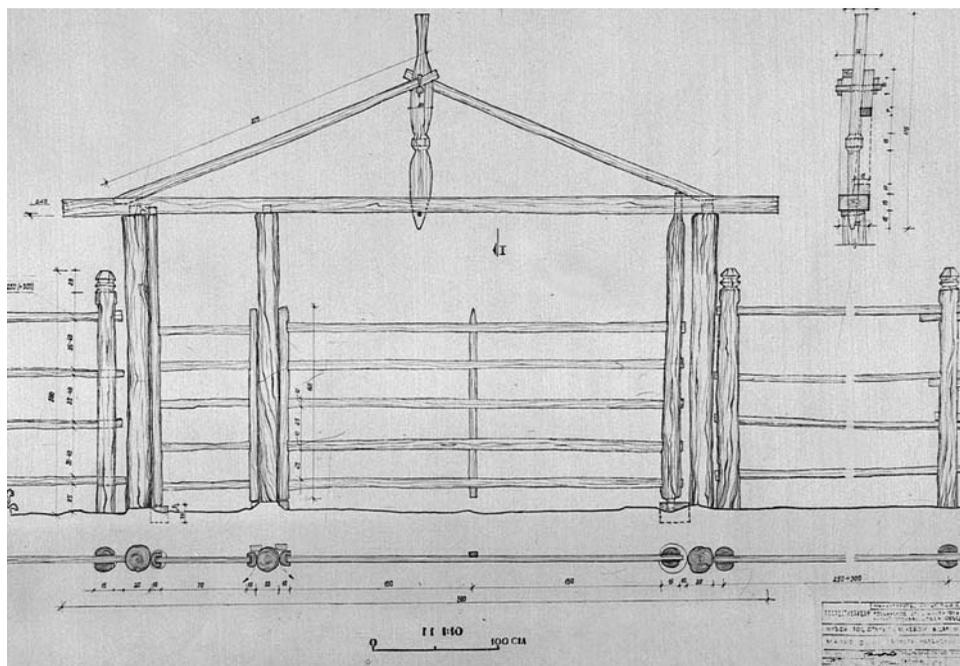
Рис. 191. Качели на 4-х человек «чертово колесо» в деревне Вологодской губернии. Фото начала XX в. Архив ВОКМ

нями и ограждениями. Высота опор в таких качелях может достигать до 4,5–5 м. Можно себе представить, какие чувства испытывали те, кто находился на такой высоте от земли во время катания! В городах (в Москве, Санкт-Петербурге) на ярмарках для таких целей использовали механические приспособления, за которыми присматривали специально приставленные смотрители.

Ворота (рис. 183) и калитки во второй половине XIX – начале XX в. можно было редко встретить на территории Русского Севера, но позже они стали существенной деталью усадеб, располагаясь, как правило, со стороны главных фасадов домов. В основном был распространен асимметричный тип ворот с проезжей частью и калиткой. Для южных районов Вологодской области характерны глухие заборы вокруг усадеб с такими же глухими асимметричными воротами и калиткой, перекрытыми общей двускатной кровлей.

При въездах в деревню ворота устраиваются больших размеров. В северных районах рассматриваемой территории конструкция таких ворот крепилась на трех столбах. Опорные столбы связаны между собой сверху перекладиной-притолокой. К одному из столбов приставлена вращающаяся вертикальная стойка, ее нижний конец упирается в «пята» – деревянную колоду, а верхний конец – в отверстие перекладины. Стойка несет основное полотно ворот из тонких горизонтальных жердей, прочно связанных между собой диагональной планкой. Конструкция калитки, находящейся рядом, аналогична воротам. Иногда ворота в верхней части имели треугольное навершие, конструктивно связанное с горизонтальной перекладиной вертикальным резным брусом.

Рис. 192. Проект
ворот для
Мезенского сектора
музея «Малые
Корелы».
Воссозданы
по предложению
автора. 1976

Помимо декоративного значения наверху имеет и конструктивное значение – поддерживает горизонтальную перекладину, имеющую достаточно большую длину – около 6 м, образуя треугольную ферму (Мезень). Такой вариант ворот можно видеть в Мезенском секторе музея «Малые Корелы». Для бассейна Сухоны характерен иной тип въездных ворот.

Калиткам, поставленным в оградах вокруг домов, придавалось немаловажное значение. Их столбы имели наверху в виде скульптурных фигур, напоминающих шары, луковицы, листья. Остовом калитки могли быть искривленные стволы деревьев, естественно вписывающиеся в изгороди и заборы. Столбы ворот были резные или украшались всевозможными плоскими накладными узорами.

В разных районах встречаются различные типы изгородей. В зависимости от места их установки изменялись размеры по высоте, характер конструкций, свойственный той или иной местности. Иногда завершениям ограждений придавали декоративную форму, например в виде птичьей головы.

Обетные кресты привлекали внимание многих исследователей народного деревянного зодчества (М.В. Красовского, И.Э. Грабаря, И.В. Маковецкого и др.). Подобные кресты встречаются во многих районах Севера: в Каргополье, на Пинеге, Мезени, Вычегде, реже на Сухоне и Двине, а также в Карелии, в Мурманской области. Они рубились из дерева и часто покрывались резьбой. Поставленные по обету (обещанию), они имели символическое значение, и их можно подразделить на несколько типов: а) поставленные в знак особо памятных событий – войн, эпидемий, голода, болезней и т. д. В этом случае постановка креста имела охранительное значение. Они ставились на околицах селений, на открытых холмах или на основных улицах деревень. На них набрасывались платы, шитые самодельные пелены, являющиеся магическими охранительными знаками для местных жителей. Такие кресты были декорированы рельефной резьбой, иногда

Рис. 193. Дер. Козьмогородское, на р. Мезени с подпорной стенкой и обетным крестом. Рис. автора, 1981

Рис. 194. Обетный крест.
Деталь. Дер. Едома,
Лешуконский р-н,
Архангельская обл.
Фото автора, 1975

расписывались; б) кресты, поставленные кем-то из жителей селения как просьба об исполнении какого-либо желания – избавления от болезни, возвращения с войны родных, рождение ребенка и т. д. Эти кресты могли быть поставлены в любом месте усадьбы или напротив окон домов, на улице. Они имеют резьбу (часто фигуру Христа); в) установленные на бывших местах отправления древних языческих культов (например, на Пинеге): у истоков ручьев, на развилках дорог и на лесных полянах, иногда по соседству с часовнями.

Помимо символического смысла обетные кресты нередко несли иное назначение. Они служили ориентирами для обозначения высот, особенностей течения реки, мелей, излучин и т. д., почему и ставились часто на крутых склонах рек и на песчаных отмелях (в Поморье). Они лишены декора. Иногда постановка креста была связана с основанием поселения. На них вырезались лишь начальные буквы молитв, символов и т. д. В этой связи интересен столб основания деревни Березник на реке Мезени, форма которого имеет антропоморфные черты, с нишей для иконы и надписью: «Сия дере основан 1879 Ф А С». Он был обнаружен нашей экспедицией в 1975 г., перевезен в музей «Малые Корелы», и позже его копия восстановлена в Мезенском секторе²³⁹.

Среди мезенского населения была довольно устойчива древнейшая традиция свободного захоронения. Такое захоронение происходило по наказу умирающего человека. Крестьян, умерших не своей смертью, хоронили таким же образом. Местом такого захоронения являлась иногда крестьянская усадьба или площадка при входе в дом (рис. 119). Ставившиеся над захоронениями кресты порой украшались резьбой. Аналогичные сооружения были и на мезенских кладбищах. В других регионах Архангельской

Рис. 195. Столб
основания дер.
Березник,
Лешуконский р-н,
Архангельская
обл., выявленный
экспедицией ИСПР.
Фото автора, 1975

губернии кладбища устраивались совершенно иначе – с деревянными срубами или гробницами на могилах²⁴⁰. Для юго-восточных районов Вологодской области характерны надмогильные деревянные столы с лавками. В последних стадиях обрядов, связанных с почитанием душ предков, происходило угощение умерших непосредственно на кладбище, где и собирались родственники. В некоторых районах до сих пор сохранились старообрядческие кладбища с характерными сооружениями – голубцами в виде столбика с миниатюрной кровлей и резными причелинами.

Кроме того, «часовни-кресты» строились там, где могла бы быть срубная часовня: в лесах, на дорогах, в полях – около них служили молебны во время жатвы. Иногда кресты являлись одновременно и пограничными уездными или губернскими столбами. Их могли заменять «голубцы». Как кресты, так и голубцы нередко окружались оградой.

В заключение можно отметить, что хозяйственные и инженерные сооружения, а также малые формы народной архитектуры Русского Севера представляют самобытный комплекс явлений традиционного строительного искусства. В своей основе оно отражает и сохраняет общие тенденции развития русской многовековой культуры, которая, к сожалению, утрачивается на наших глазах. Систематизация таких построек, помимо исторического и научного значения, имеет и практический смысл, как при реставрации подобных сооружений, так и в современном строительстве в сельской местности. Многие из них уже находятся в музее под открытым небом «Малые Корелы» под Архангельском или восстанавливаются в музее деревянного зодчества Вологодской области.

Рис. 196. Обетный крест. Дер. Едома, Лешуконский р-н, Архангельская обл. Фото автора, 1975

Глава 3

Исследования и проектирование музея «Малые Корелы»

Город Каргополь. Рис. автора, 1982

Обобщение проведенных исследований памятников по историко-культурным регионам

Материалы предварительных исследований, проходивших во время экспедиций (Приложение 1) с использованием архивов различных мастерских, библиографии, с учетом материалов сотрудников музея, архитекторов-реставраторов, как и собственных исследований автора²⁴¹, стали основой проектирования утвержденного в 1975 г. генерального плана музея «Малые Корелы» и вплоть до 1986 г. проектов детальных планировок секторов – ПДП. (Рис. 96. Карта-схема. Историко-культурное зонирование Архангельских и Вологодских земель.)

Западная историко-культурная зона (западные районы Вологодской и Архангельской областей – в прошлом часть Олонецкой губернии) заселялись новгородцами. Преобладающий тип планировок – приречный и приозерный, рядные, уличные, «кончанские». Характерно размещение часовен в лесу, церквей – в стороне от поселений (погосты). Существуют обетные кресты. Характерный тип храма – кубоватый с несколькими главами или с шатровым завершением. Дома-дворы с однорядной завязью «брусом» Т-образные и редко «глаголи»; двухрядной связью – в «чистом виде» и слитной «кошелем». Жилая часть – двухкамерная (изба и сени); в конце XIX – начале XX в. распространилась трехкамерная – пятистенок (изба и сени) и жилище типа «связь». Постройкам присущи высокие подклеты, крутые подъемы кровель, три или четыре окна на главном фасаде, резные детали декора и цветочные и зооморфные росписи в интерьерах и на фасадах. В пропорциях главных фасадов преобладает вертикаль. В интерьерах изб

встречается западнорусская планировка. Жилища этого региона имеют черты сходства с традиционными постройками соседних районов Карелии. Характерны взвозы.

Бассейн р. Ваги (Вельский, Шенкурский, частично Устьянский, Коношский и Няндомский районы Архангельской области, частично Верховажский район Вологодской области – в прошлом Вельский уезд Вологодской и Шенкурский уезд Архангельской губерний). Первоначально заселялся новгородцами – с севера, позже – низовцами – с юга. Распространены приречные и на водоразделах рядные, уличные и смешанные планировки селений. Размещение часовен – вне, на краю и внутри поселений, на кладбище (погостах) или в стороне от застройки. Тип храмов – с восьмигранным покрытием и одной главой. Характерные дома – «брусы» с их вариантами, для верховья и среднего течения – с пристроенными боковыми зимовками. Наиболее распространен тип дома на «два жилья» с зимовкой на заднем фасаде. Жилая часть дома главным образом трехкамерная – пятистенок; в низовьях Ваги – шестистенок (изба – «двойня»). Встречаются четырехкамерные жилища (пятистенок, клеть и сени). Дома на высоких и средних подклетах, со средним уклоном кровли, с рублеными приставными крыльцами или на столбах. Окон на главном фасаде – чаще пять и более, в пропорциях этих фасадов преобладает горизонталь. Дома декорированы пропиленной резьбой (городковая резьба, кресты, пики), расписаны в интерьерах и на фасадах зооморфным и травным орнаментом, портретами хозяев. Взвозы у домов не характерны.

Бассейн р. Северная Двина (низовье – Холмогорский и часть Виноградовского района Архангельской области – в прошлом Холмогорский уезд; среднее течение – Виноградовский и Верхне-Тоемский районы и верховье – Красноборский район, прилегающая территория, в прошлом Сольвычегодский уезд Вологодской губернии). Низовье и часть среднего течения заселялись новгородцами, верховье и часть среднего течения – низовцами. Селения – приречные и на водоразделах, с уличной и смешанной планировкой, с различными постановками церквей. Встречаются обетные кресты. Распространенный тип храма – с шатровым завершением. Для низовья Двины характерны одно- и двухэтажные дома – «брусы» с двух- и трехкамерной жилой частью на высоком подклете, с четырьмя или пятью окнами на главном фасаде; в пропорциях фасадов преобладает вертикаль. Крыльца – прирубом; распространены взвозы. Декор деталей скромный; цветочные росписи – главным образом на свесах кровель.

Для среднего течения Двины характерны одно- и двухэтажные дома – «брусы» с трех- и четырехкамерной жилой частью различных вариантов, с большим количеством окон главного фасада; крыльца прирубом, реже – на двух столбах. Существует характерный декор деталей; цветочные росписи зооморфного и травного рисунка на фронтонах и свесах кровель фасадов. Повсеместны взвозы.

В верховье Двины двухэтажные дома встречаются реже. Жилая часть – двух- и трехкамерная (пятистенки и избы-«двойни»), реже – четырехкамерные жилища (пятистенки, клеть и сени). Распространены дугообразные кровли. Дома со средними и низкими подклетами. В пропорциях главных фасадов преобладает горизонталь; характерно размещение волоковых и «красного» центрального окна. Бытуют зимовки. Цветочные росписи – только в интерьерах; распространены изразцовые печи. Взвозы встречаются редко.

Бассейн р. Вычегды – приток С. Двины (Ленский, Яренский районы Архангельской области, часть Республики Коми – в прошлом Яренский и частично Усть-Сысольский уезды Вологодской губернии). Заселялся низовцами. Селения расположены вдоль рек, со свободными, рядными, уличными и смешанными планировками. Постановка часовен различна. Встречаются обетные кресты. Характерного типа храма не выявлено. В жилище русских этого региона, как и народа коми, преобладают трех- и четырехкамерные постройки (пятистенки, избы с «заулками» и «связью»). Двухкамерные постройки встречаются реже. В избах «связью» примечательны двух- и одностолпные резные крыльца на главных фасадах; характерна система двух волоковых и центрального «красного» окна. Уклон кровли – пологий; подклеты имеют низкую и среднюю высоту. Распространены боковые зимовки. У домов характерны взвозы. Декор деталей имеет витиеватый рисунок и городковую резьбу. Росписи не выявлены. В жилищах встречается восточно-южнорусская внутренняя планировка.

Бассейн р. Пинеги (Архангельская область). Низовье и среднее течение заселялись новгородцами, верховье – низовцами. Селения расположены вдоль рек; планировки – рядные и уличные. Размещение церквей и часовен – вне или в конце поселений. Распространены обетные кресты. Характерный тип храма – с завершением типа «шатер на крещатой бочке». В верховье реки распространены небольшие одно-, двух- и трехкамерные жилища в системе домов «брусом». Подавляющая часть жилья – трехкамерная (пятистенки), реже – избы-«двойни»; встречаются избы с «заулком». В основном дома имеют низкие, средние и

реже – высокие подклеты, для верховья характерны постройки без подклетов. В верховье и среднем течении распространены боковые зимовки. Характерны крыльца на ряжах, одно- и двухстолбные с приставной крытой галереей. Встречаются консольные галереи на фасадах. Взвозы распространены главным образом в низовьях и в среднем течении. Двухэтажные избы редки. Кровля домов имеет пологие и средние уклоны. Количество окон на главном фасаде различно, чаще – пять-шесть. В основном пропорции главных фасадов имеют горизонтальную направленность. Декор построек сосредоточен на крыльцах, галереях; росписи редки; детали украшений кровель имеют пропильную резьбу.

Бассейн р. Мезени (Мезенский, Лешуконский районы Архангельской области). Первоначально заселялся новгородцами (с севера), позже – низовцами (с юга). Селения – вдоль реки и притоков, чаще – рядного характера. Распространенная постройка храмов типа «шатер на крещатой бочке» – вне и на краю поселений. В низовье бытуют четырехстенные двухэтажные избы в домах «брусом»; для всего региона характерны трехкамерные жилища (пятистенки, избы-«двойни») и четырехкамерные (шестистенки с «заулками») с семью (и больше) окнами на главном фасаде. Пропорции фасадов имеют вертикальную направленность. Подклеты в постройках низовья реки высокие, а в верховье используются под жилье или вообще отсутствуют. Кровля имеет средний уклон. Распространены консольные галереи на главных фасадах. Крыльца – на одном или двух столбах. Характерны взвозы. Декор деталей имеет мелкий прорезной характер (городковая резьба причелин, полотенца и подзоры с солярным орнаментом). Росписи в интерьерах и на фасадах растительного и зооморфного рисунка. В постройках верховья заметно влияние культуры удорских коми.

Поморье. Береговая полоса Белого моря. Первоначально территория Русского Севера, начиная от Костромского Заволжья, включая Архангельские, Вологодские земли, Коми, Вычегды и др. назывались Поморьем. В настоящее время в науке принято обозначать этим термином лишь земли вдоль Белого моря²⁴². Это Зимний, Летний, Терский берег, Кандалакша и пр. Основным промыслом в этих территориях была рыбная ловля. Основным типом усадеб был северорусский комплекс жилища и хозяйственные постройки с развитой рыболовецкой частью усадеб. Характерны для этих местностей промысловые избы²⁴³.

Разработка Генерального плана музея «Малые Корелы», маршрута движения туристов

Проектирование генплана и детальных разработок секторов проводилось в параллельном режиме с исследованием регионов во время экспедиций по области, с обмерами памятников в натуре и их перевозкой в музей. Это была не только научная работа, но ориентированная на прикладные задачи формирования и строительства музея. Научные и проектные исследования были объединены в единый процесс. Такая счастливая возможность предоставляется судьбой, временем нечасто! В этом смысле можно сказать, что автору данного текста как одному из авторов генплана и всех проектов секторов и ряда памятников действительно повезло. Конечно, это требовало энергии и времени, но приносило положительные творческие удачи, как и отрицательные результаты – зависть коллег по цеху, постоянное отсутствие дома, вне семьи и растущего с бабушкой и дедушкой сына и другие проблемы²⁴⁴.

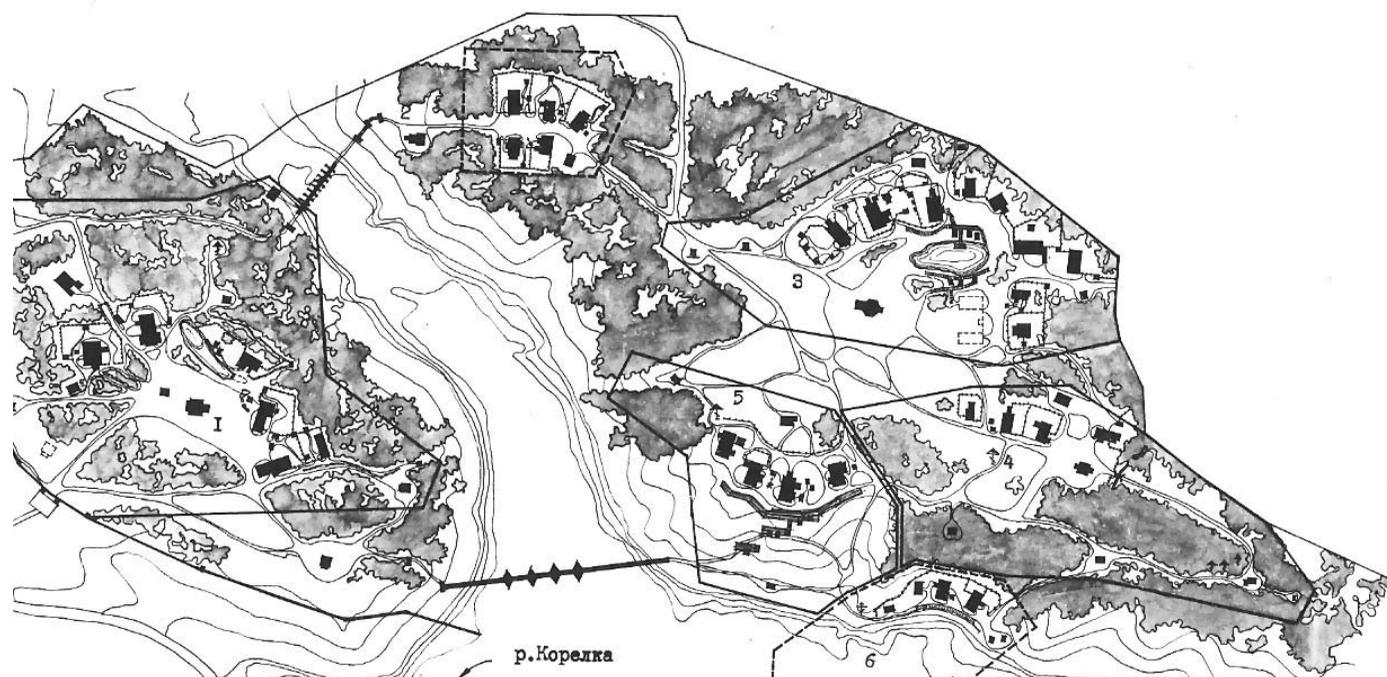
Но очевидно, что это был интересный и уникальный период работы мастерской, специализирующейся не столько на отдельно стоящих «деревяшках», сколько на музеях под открытым небом. Такие музеи, проектируемые и восстановленные сегодня, рассматриваются в качестве экспериментальных площадок для возможных и действенных форм адаптации культуры. Это не только охрана культурного наследия, презентация его образцов в прошлом и в настоящем, но и включение их в современную жизнь. Такая музейная деятельность, будучи задействована в широком культурном контексте, в образовании, в структурах хозяйствования может стать важным звеном в поддержании и распространении наследия, в восстановлении некоторых традиционных форм строительной и ремесленной культуры, ныне утерянной.

Архангельский музей деревянного зодчества «Малые Корелы» – АМДЗ – начал создаваться в 1968 г., мы же приступили к формированию в 1974 г., о чем уже писали выше (см. главу 1). Тогда в музее насчитывалось около 20 объектов, сегодня уже 120. Музей расположен в 25 км от Архангельска, ранее занимал 75 га, а сегодня его площадь 139 га на берегу р. Корелки – небольшого притока Северной Двины. Утверждение варианта генерального плана му-

зая состоялось в 1975 г. (авторы – Б.В. Гнедовский и О.Г. Севан), и начиная с этого времени разрабатывались проекты секторов – ПДП как самостоятельных «искусственных» моделей поселений. В тот же период началась работа над методическими принципами и научным обоснованием его формирования, которые затем легли в обоснование его проектирования и строительства²⁴⁵.

Исследования разнообразия отдельных регионов, этапов заселения на Русском Севере, с опорой на особенности типологических характеристик и методы строительства памятников деревянного жилища уточнили историко-культурные зоны изучаемых территорий. В соответствии с таким зонированием (см. главу 2) были уточнены архитектурно-этнографические секторы музея и последовательность их презентации на территории музея: Каргопольско-Онежский, Важский, Северо-Двинский (низовье, среднее течение и Вычегодская зона), Пинежский, Мезенский и Поморский. В каждом из них можно увидеть различные планировки поселений, различную постановку культовых памятников архитектуры. При составлении проектов детальных планировок секторов музея учитывались различные типы крестьянских усадеб, отображавшие не только различные социальные структуры общества, но и образ жизни населения, традиции, отношение к окружающей среде. Изучение их и систематизация по регионам области проводились во время экспедиционного обследования, что было детально описано выше. Осмыслению и анализу их особенностей, пространственному своеобразию и композиции сооружений способствовали многочисленные авторские рисунки, замеры, фотофиксация.

В процессе работы над генпланом архитекторы ставили задачу восстановления не только памятников народного зодчества, но и исторического ландшафта, а по возможности и культурной среды определенных зон Архангельской области в соответствующих секторах. Одновременно решались задачи организации объемной композиции памятников на отведенной территории, их пространственная и ландшафтная взаимосвязь. То есть средствами экспозиции авторы стремились восстановить архитектурную среду в комплексе с природной средой, создать экологический ансамбль. В этой связи размещение отдельных секторов и их взаимосвязь подчинены главным образом характеру ландшафта, присущего той или иной зоне области. И изменение расположения секторов, к счастью, соответствовало такой ландшафтной ситуации на территории музея.

1. Каргопольско-Онежский сектор	3. Северо-Двинский сектор	5. Мезенский сектор
2. Важский сектор	4. Пинежский сектор	6. Поморский сектор

Рис. 197.
Утвержденный
и реализуемый
генплан музея
«Малые Корелы».
Авторы
Б.В. Гнедовский,
О.Г. Севан, 1975

Маршрут движения посетителей предлагается совершать с запада на восток области (см. карту-схему области, рис. 68): от Каргопольско-Онежского сектора, далее к Важскому, потом к Северо-Двинскому, Пинежскому, Мезенскому и, наконец, к Поморскому сектору. Логика такого движения была оправдана, что потребовало изменения в старом варианте генплана расстановку секторов. Кроме того, в процессе наших предварительных исследований территории Архангельской области по Своду памятников истории и культуры и по данным этнографов музея (А.Н. Давыдов, В. Любимов, Мовша Г.Я. и др.) стало очевидно, что в структуре музея должна быть представлена культура Важских земель. Это были земли, в прошлом относившиеся к Вологодской губернии и имевшие собственные социокультурные характеристики.

Изучение и систематизация памятников деревянного зодчества, отбираемых к перевозке в музей, основывались на комплексном обследовании в натуре с последующим обобщением собранных сведений, с привлечением архивных и литературных материалов. Все эти материалы дополнили первоначальный генеральный план и нашли отражение при детальном проектировании отдельных секторов в проектах реставрации сооружений. На основе разработанной классификации домов-дворов и их жилых частей постройки, с ак-

Рис. 198. Макет музея «Малые Корелы». Восточное плато музея: вид на Северо-Двинский, Пинежский и Мезенский сектора, 1975

центом внимания на их техническом состоянии, рекомендовались для перевозки на территорию музея. Однако с целью показа сильно перестроенных или даже исчезнувших типов сооружений, например культовых или торгово-ярмарочных и др., в дидактических целях методически оправданным и целесообразным становится восстановление в музее их копий.

В музее демонстрируются хозяйственные, производственные и промышленные постройки. Это амбары, бани, рига, кузница, ветряные мельницы (и водяная), поварня, пожарная каланча, торговые лавки. Кроме того, представлены инженерные сооружения – мосты, подпорные береговые укрепления-стенки, переходы и т. д. Все они отражают производственную и хозяйственную деятельность северного крестьянства, разнообразные конструктивные традиции. Многие малые формы (колодцы, качели, изгороди, калитки, ворота, вешала, как и обетные кресты) уже восстановлены в музее. В Пинежский сектор перевезена небольшая часть сезонного поселения из дер. Хорнемская верховья р. Пинеги – три уютных маленьких дома, отапливаемые по-черному, и амбары. Такие поселения были предназначены для временного пребывания крестьян на сенокосных работах летом и рубки леса зимой. Сюда же в любое время приезжали охотники и рыболовы²⁴⁶. Этот тип поселения не был представлен в генплане, поскольку он был выявлен лишь в 1980 г. (рис. 288). Культовые постройки архангельского севера (церкви, часовни, колокольни, обетные кресты), часть из которых – жемчужины русского деревянного зодчества, также уже восстановлены в разных секторах музея. Они представляют основные типы церковной архитектуры, соответствующие историко-культурным зонам области.

Тем самым предполагалось, что в основном общем туристическом маршруте, расчетное время которого составляло 4 часа, будет пред-

ставлена архитектура и культура Архангельской земли. Общая протяженность пути составляла 4 км. Однако как типового единого маршрута не планировалось, предлагались различные тематические экскурсии, которые разрабатывались сотрудниками музея. Если в тот период (т. е. в 1975 г.) программировалось ежедневное среднее число посетителей около 1500 человек, то сегодня эта цифра, озвучиваемая руководством музея, – уже 8000–10 000 посетителей в праздничные дни. Основные маршруты предполагались и проходят вдоль объектов, расположенных на сравнительно ограниченной территории (около 35 га). Но сегодня, в связи с увеличением территории музея до 139 га, маршруты будут иметь большую вариантность и протяженность. Сюда включается осмотр природных уголков музея, береговой полосы р. Корелки, вдоль которой размещается музей, лесных уголков и пр.

Планировалось, что перед входом в музей обязательным будет строительство административно-хозяйственного комплекса, где будут размещаться все необходимые помещения для туристов (кафе, магазин для сувениров, а также помещения сотрудников музея и пр.). Но такому комплексу не суждено было появиться, хотя авторами выдвигались подобные предложения еще в 1978 г., и только в 2006 г. реально встал вопрос о таком объекте. Первоначально планировалась автостоянка для 30 автобусов и 15 (!) частных машин. Сегодня эти цифры кажутся наивными, и новое руководство музея планирует уже около 1000 машин одновременного пребывания около музея.

Рис. 199. Макет музея «Малые Корелы». Вид на Мезенский сектор. 1975

Это, в свою очередь, ставит вопрос о наличии соответствующих площадей для стоянок автотранспорта, торговых и других объектов отдыха близ музея.

Но несомненно, что благодаря представленным памятникам музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» является своеобразным «банком данных» историко-культурного наследия Русского Севера. Это источник информации для последующих поколений людей. Однако для решения задач адаптации традиционных форм культуры к современному образу жизни, т. е. организации полноценной «живой» среды музея, необходима разработка и реализация социально ориентированных проектов. Успех музея и сохранность памятников связаны не столько с его государственным финансированием, сколько с социокультурной составляющей его деятельности, привлечением специалистов, фондов, частных структур, населения, наконец, с совершенствованием его менеджмента и организацией партнерств. А главное – это сохранность уникального деревянного наследия края.

Проекты планировок отдельных секторов-деревень

Каргопольско-Онежский сектор

Исходя из особенностей территории и различных элементов наследия, Каргопольско-Онежский сектор, находясь при входе в музей и открывая экспозицию всего комплекса памятников, расположен на доста-

точно ровном плато, отделенном от остальной территории музея крутой, лесистой лощиной. Здесь представлена культура населения западной части Архангельской области.

Поонежье и Каргополье – это исторически сложившиеся культурно-географические понятия, их земли, расположенные вдоль реки Онеги и вокруг Онежского озера, входили некогда в зону торгово-промышленного и культурного влияния города Каргополя. Он упоминался в летописях начиная с XII в., долгое время был важным экономическим, политическим и торговым центром на северо-западе Поморья. Часть поселений, входящих в настоящее время в соседние районы Архангельской области, в прошлом веке входили в состав большого Каргопольского уезда. В этих поселениях сохранились интересные приемы строительства культовой и жилой деревянной архитектуры, свои обычаи и обряды, что свидетельствует о существовании здесь самобытной народной культуры.

В селениях Поонежья и Каргополя были распространены уникальные

Рис. 200. Общий вид центральной площади Каргопольско-Онежского сектора музея «Малые Корелы». Фото автора Лето и зима, 2006

культовые ансамбли погостов, состоящих из двух храмов с шатровым и кубоватым покрытием и колокольни, как и приходские деревянные церкви. Встречается множество часовен, расположенных по берегам рек или озер, в поле, на околицах селений или в лесу. Обилие часовен на Севере объясняется преобладанием здесь в XVII–XIX вв. старообрядческого населения, а также особенностями ландшафтов и разбросанностью поселений вдоль озер на большом расстоянии друг от друга.

Из-за множества имеющихся здесь озер и рек каргопольскую землю называют «озерным краем». Большая часть деревень расположена по берегам многочисленных озер (Кенозеро, Лекшмозеро, Воеозеро и т. д.) или вдоль Онеги. Географические условия местности повлияли на особенности планировки поселений. Здесь значительно чаще, чем в других районах Русского Севера, встречаются деревни со свободной или произвольной постановкой построек, а также замкнутые формы деревень. Селения, расположенные вдоль дорог, имеют, как правило, уличную планировку, то есть у реки – рядную, а каргопольские деревни имеют и так называемую редкую «кончанскую» планировку.

Жилые дома Каргополья разнообразны по архитектуре. Здесь можно встретить, помимо традиционного дома-двора «брусом» еще «Т-образные дома», «дома-глаголи» и дома-«кошели». Это можно объяснить наличием в этих местах различных этнических групп населения: карелов, финнов, вепсов, русских, имеющих собственные традиции и строительную культуру. Жилая часть может быть одно- или двухэтажной и состоит чаще из четырехстенной или пятистенной избы. Для домов этого края характерны высокие подклеты, крутые подъемы кровель, наличие ставен на окнах и другие черты, сходные с крестьянской архитектурой соседних районов Карелии и новгородских земель. В этих районах получили широкое бытование домовые росписи: до наших дней дошло много строений, украшенных и фасадной, и интерьерной росписью (рис. 135).

Планировка Каргопольско-Онежского сектора в музее «Малые Корелы» в первоначальных проектах имела иную структуру и разные варианты. Но во всех из них центром сектора был культовый комплекс и веерная застройка поставленных вокруг площади домов, с добавленными с северной стороны круговой системой отдельно стоящих памятников. Или от церкви отходила улица с набором жилых усадеб²⁴⁷. Отдельно стоящая колокольня из села Кулига-Дракованова Красноборского района первоначально ставилась на территории

Рис. 201. Крестьянская усадьба и дом с двурядной связью Кириллова Е.И. конца XIX в., где жилая часть поставлена параллельно хозяйственному двору, из дер. Киселево Каргопольского р-на. Проект. Рис. Л.А. Ткаченко, 1975

Рис. 202. Крестьянская усадьба и дом с двурядной связью Кириллова Е.И. конца XIX в., из дер. Киселево Каргопольского р-на. Фото автора, 2011

Северо-Двинского сектора (о чем мы упоминали ранее), который в процессе работы над генпланом 1971 г. был перемещен в другое место. Оставшись на прежнем месте, она присутствует сегодня как символ музея. В двух вариантах генплана рассматривалась возможность установки Никольской церкви 1748 г. из того же села, но от нее отказались из-за плохого технического состояния²⁴⁸.

В последнем утвержденном варианте генплана 1975 г. за основу планировки Каргопольско-Онежского сектора была взята и реализована в натуре условно «кончанская» планировка, где от центра поселения рас-

*Рис. 203.
Крестьянская усадьба
и дом Пухова
конца XIX в.
из дер. Гарь
Каргопольского р-на
и мостик через
искусственное озеро,
2011*

*Рис. 204.
Мостик через
искусственное озеро
в Каргопольско-
Онежском секторе
при переходе
к Важскому, 2006*

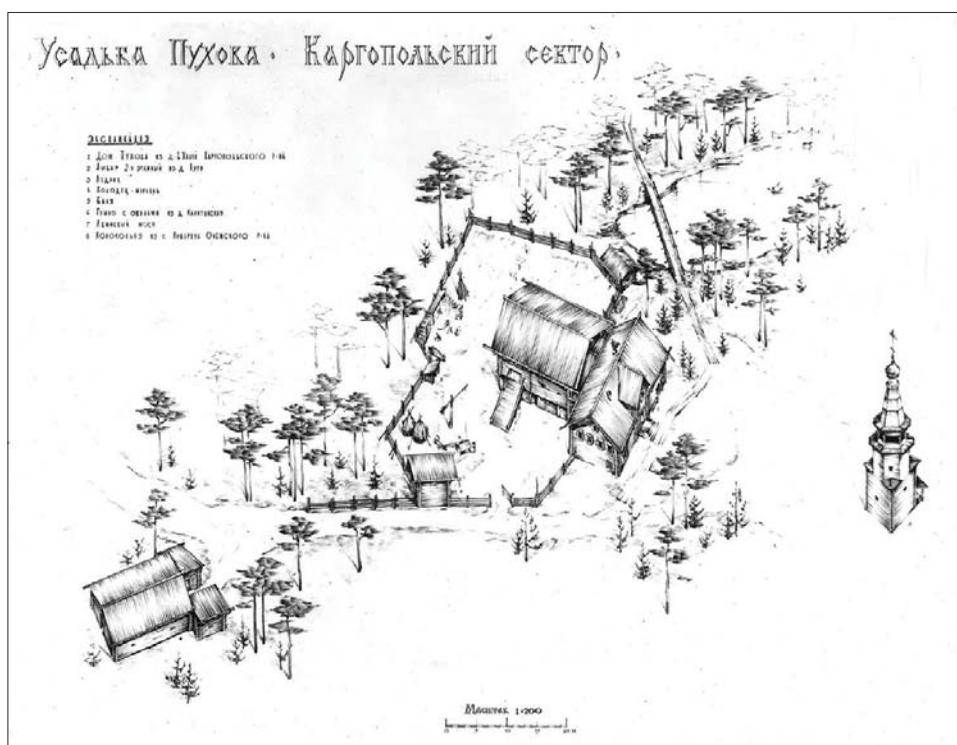
ходятся улицы («концы»), подобно тому как вокруг центра Новгорода (вокруг «Детинца») расположены районы. Улицы, как правило, не связаны ни с рекой, ни с дорогой и имеют собственное направление и значение внутри поселения. Такого типа планировки можно видеть в дер. Гарь, М. Халуй под г. Каргополем. Возможно, такой тип поселения сложился в

период, когда эти земли находились под юрисдикцией Новгорода, – позже они видоизменялись. В центре Каргопольско-Онежского сектора, искусственно созданной деревни (или села) находится площадь, открытая лишь с одной стороны – ландшафта и входа – и застроенная с других сторон. На площади поставлен значимый культовый комплекс, состоящий из церкви и колокольни.

Наличие небольшого озера (искусственного происхождения) на территории сектора позволяет разместить крестьянские усадьбы в природной среде, имитирующей озерный край: с лодками, мостами и пр.

Культовые памятники представлены на территории сектора ансамблем пятиглавой Вознесенской церкви «кубоватого» типа 1669 г. и шатровой колокольни из села Кушерека Онежского района, которые организуют площадь. Они являются важной доминантой, которая объединяет

в единый ансамбль все гражданские постройки сектора. Кроме того, именно эти сооружения становятся значимыми в структуре панорамного восприятия не только сектора, но всего музея. Основные дороги направлены на эти памятники, создавая замкнутые локальные точки обзора и камерные зоны отдыха и осмотра сооружений. Силуэт же всего сек-

тора со стороны главного входа и при подъезде к музею со всех сторон уравновешен прекрасной шатровой колокольней из села Кулига Дракованова. В последние годы в Вознесенской церкви проходит служба, отмечаются основные церковные праздники. Из малых культовых сооружений в секторе представлены клетского типа Пятницкая часовня из дер. Федоровская и часовня из дер. Мамонов Остров Плесецкого района. Обе они стоят в стороне от основных дорог и от поселения, почти в лесу, что характерно для представляемых в музее территорий. Предполагалось установить обетный крест недалеко от последней часовни. Жилые сооружения представлены в секторе 5 усадьбами (два дома-бруса, Т-образной связью и дом-двойня), которые распространены в представленном культурном ареале. Хозяйственные и инженерные сооружения, малые формы архитектуры также разнообразны: это амбары разных типов, ветряные мельницы (2 столбовки и 1 шатровка), гумно с двумя овинами.

Рис. 205. Крестьянская усадьба и дом с поперечной застройкой жилья и двора Пухова конца XIX в. из дер. Гарь Каргопольского р-на и мостик через искусственное озеро. Проект. Рис. Л.А. Ткаченко, 1975

Рис. 206.
Крестьянские усадьбы
конца XIX в.
из Каргопольского
р-на в Каргопольско-
Онежском секторе.
Проект. Рис.
Л.А. Ткаченко, 1975

Рис. 207. Интерьер
избы М.А. Третьякова
из дер. Гарь
Каргопольского р-на
Архангельской обл.,
Фото автора, 2011

*Рис. 208.
Каргопольско-Онежский
сектор. Общий вид
Вознесенской церкви
1669 г. из села Кушерека
из Каргопольского р-на.
Фото автора, 2006*

*Рис. 209. Кубоватое
покрытие кровли
Вознесенской церкви
1669 г. из села Кушерека
Каргопольского р-на.
Фото автора, 2006*

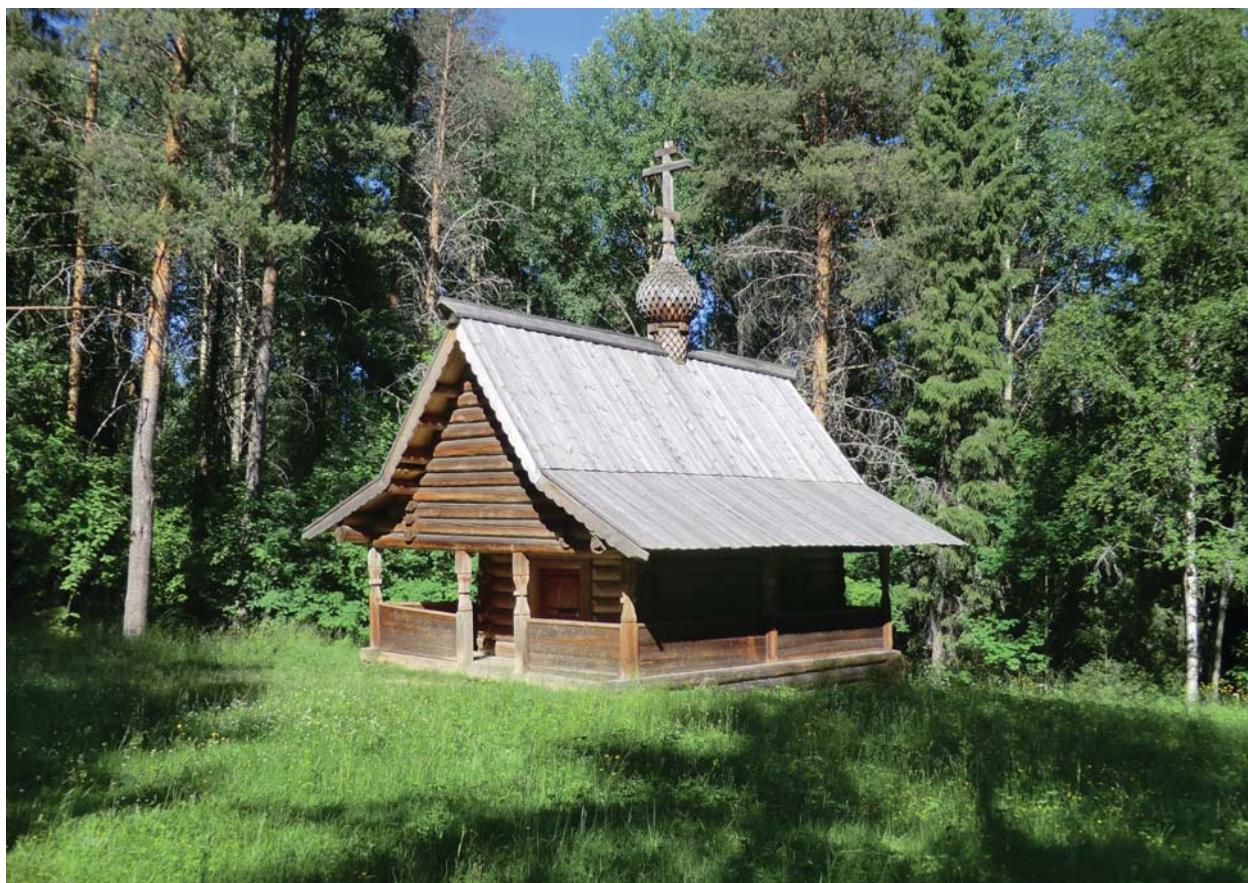

*Рис. 210. Дом-двор
Третьякова конца
XIX в. из дер. Гарь
Каргопольского р-на.
Фото автора, 2005*

*Рис. 211.
Мельница-шатровка
из села Кожпоселок
Онежского р-на
1902 г. Фото автора,
2006*

*Рис. 212. Часовня Ильи
Пророка XVIII в. из дер.
Мамонов Остров
Плесецкого р-на
Архангельская обл.
Фото автора, 2011*

*Рис. 213. Часовня XVIII в.
из дер. Мамонов Остров
в Каргопольско-Онежском
секторе после перевозки
и во время реставрации.
Фото Б.В. Гнедовского, 1972*

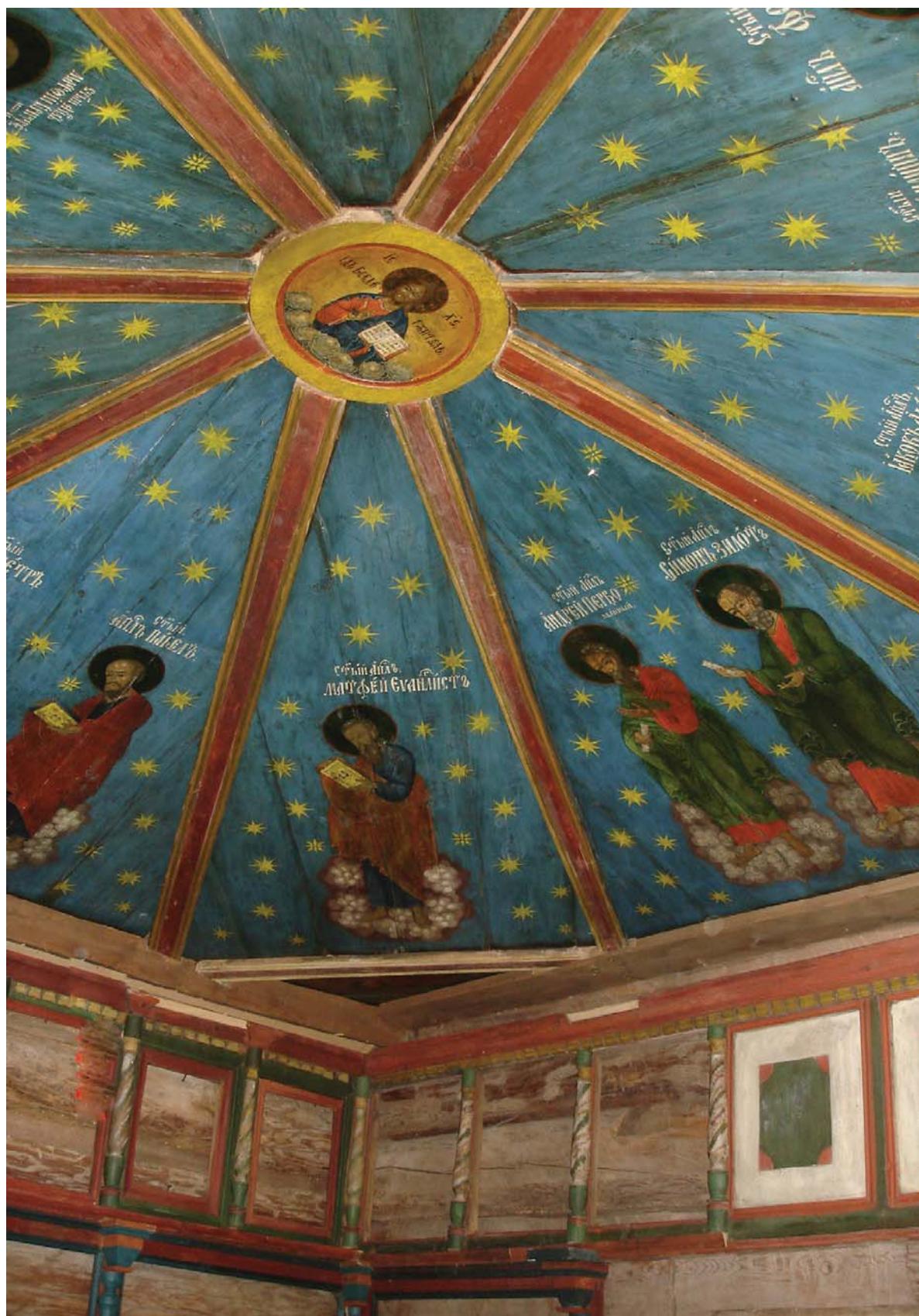

Рис.214. Расписное небо
в часовне Макария Унженского
и Желтоводского чудотворца
XVIII в. из дер. Федоровская
Плесецкого р-на. Фото автора, 2007

*Рис. 215. Часовня
Макария Унженского
и Желтоводского
чудотворца XVIII в.
из дер. Федоровская
Плесецкого р-на.
2007*

*Рис. 216. Зимний
ландшафт
Каргопольско-
Онежского
сектора на
закате. 2006*

Важский сектор

Рис. 217.
Мост-переход между
Важским
и Каргопольско-
Онежским секторами
музея «Малые
Корелы». 2006

Важский сектор был запланирован генпланом музея, но так и не восстановлен, поскольку в конце 1980-х – начале 1990-х гг. приостановилось финансирование музея, а средств хватало лишь на поддержание сооружений, уже перевезенных в музей. Этот сектор должен был стать следующим «сельскохозяйственным поселением» по пути следования посетителя в музей, где среди прочего предполагалась демонстрация различных ремесел и промыслов, включая роспись по дереву. Здесь должна быть представлена культура населения бассейна р. Вага – са-

мого крупного из левых притоков Северной Двины. Она берет начало в болотах Вологодской, протекая затем по Архангельской области. С XIII в. Важская земля находилась под властью Великого Новгорода и входила в так называемую Обонежскую пятину. В конце XV – начале XVI в. существовал Важский уезд в составе русского централизованного государства. К XVII в. следует отнести начало складывания единого самостоятельного историко-культурного региона в бассейне реки Ваги. Дальнейшие неоднократные изменения административного статуса различных частей Поважья привели к тому, что теперь карта этих некогда единых земель выглядит довольно пестро. В соответствии с современным административным делением на территории Поважья находятся районы, культуру которых требуется отразить в музее²⁴⁹.

Красивы ландшафты в этих местах: холмистые берега притоков Ваги

Рис. 218. Деталь моста-перехода между Каргопольско-Онежским и Важским секторами музея «Малые Корелы». 2006

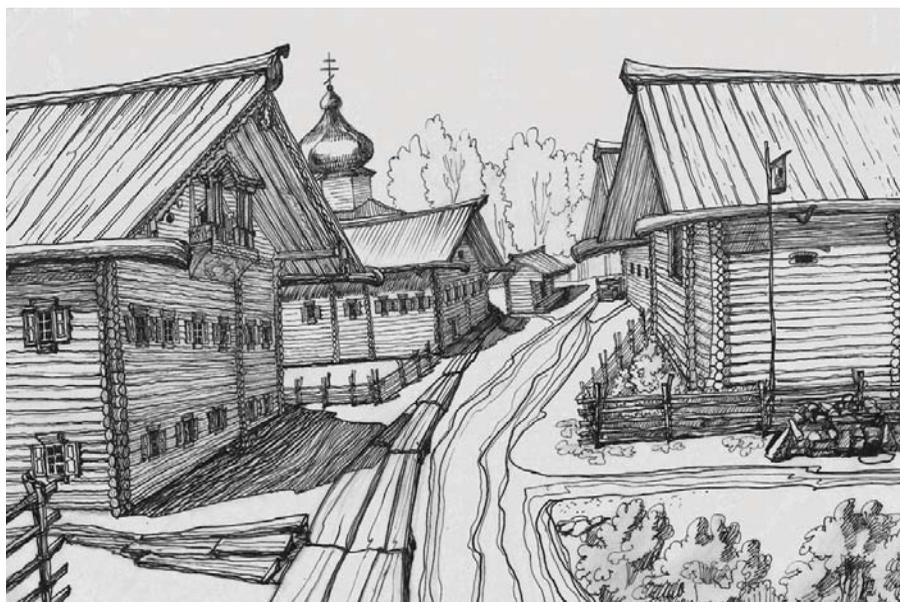
(Пежда, Пуя, Кокшеньга и другие) покрыты в основном хвойными лесами. Группы сел и деревень живописно раскинулись по берегам озер и рек и на их водоразделах. Планировка поселений – одно- и двухрядная, идущая вдоль дорог. Большое число часовен и деревянных храмов являются визитной карточкой важских земель (рис. 220).

В Поважье распространены дома, строенные «брусом». В низовьях Ваги и на востоке края чаще встречаются дома с жилой частью с пятью стенами – пятистенные избы, одно- и двухэтажные, а на западе – четырехстенные жилища на пятистенном подклете. Встречаются дома «на два фасада», что характерно именно для этих земель. Кровли довольно пологие, декорированы пропиленной резьбой, состоящей из многорядных порезок-«городков», «сердец», волнистого рисунка, окна обрамлены филенчатыми ставнями. Для перевозки в сектор предлагаются разные по типу дома с особенностями застройки их усадеб, которые были описаны выше (гл. 2).

Интерьеры изб отличаются художественной обработкой деталей мебели и всей утвари. Недаром плотники Ваги считались лучшими на Севере. Декоративная резьба домов часто в середине XIX – начале XX в. сочеталась с росписью. Это один из значимых регионов на территории Архангельской области, где была развита местная народная живопись (известные мастера Петровские и др.)^{250, 251, 252}.

Планировка сектора в проекте была выбрана двухрядной уличной, что весьма распространено в поселениях на этой территории, где дома смотрят своими фасадами на дорогу. Дома размещаются в шахматном порядке. Одноглавая Георгиевская церковь XVIII в. из села Гридинское, с восьмигранным покрытием (типа «баня»), должна быть поставлена на кладбище, в стороне от деревни. На высоком холме, на переходе к Каргопольскому сектору проектировалась часовня или часовня-крест. Хозяйственные постройки могли бы стоять напротив фасадов или образовывать

Рис. 219. Проект Важского сектора музея «Малые Корелы», Рис. автора, 1985

дворовые пространства. Хозяйственные и инженерные сооружения, малые формы архитектуры имеют разнообразие в этих землях, и предлагается восстановление большого их числа. Однако если в ближайшее время не будет начата перевозка сооружений на территорию музея и их реконструкция, то большая их часть, запланированная детальным проектом планировки сектора еще в 1985 г., вряд ли будет вообще сохранена в исследуемых нами поселениях²⁵³.

Жилые дома и хозяйственные постройки планируются к установке, исходя из представленных сооружений в разработанных типологических таблицах (рис. 136). Это дома-«брусы» с их вариантами, поскольку для верховья и среднего течения реки характерны дома с пристроенными боковыми зимовками, следовательно, такой жилой комплекс также должен быть в секторе. Наиболее распространен тип дома на «два жилья» с зимовкой на заднем фасаде. Жилая часть дома трехкамерная – пятистенок; в низовьях Ваги – шестистенок (изба-«двойня»). Интересны интерьеры домов на два фасада, детали конструкций и решения встроенной мебели и иконостасов на стене при входе в избу в сенях (коридоре). Предлагались к перевозу дома с росписью, что уникально для данной территории. Амбары, бани, малые формы могут быть представлены в большом количестве для демонстрации строительной культуры населения этого региона.

Думаю, что за те 25 лет – с того времени, когда нами были исследованы названные и предлагаемые к перевозке постройки, – многие уже исчезли или находятся в аварийном состоянии²⁵⁴. Проект детальной планировки, как и тематико-экспозиционный план, разработанный со-

*Рис. 220. Часовня
Зосимы и Савватия
Соловецких XVIII в.
в дер. Середняя.
Вельский район, река
Пежда, Архангельская
обл. До обмеров
предполагалась
к перевозке в Важский
сектор музея.
Фото автора,
1982*

Рис. 221. Георгиевская церковь XVIII в. в дер. Гридинская, Вельского р-на Архангельской обл. Характерный пример культового сооружения в бассейне р. Ваги, предлагаемого к перевозке в Важский сектор музея «Малые Корелы». 1975

трудниками музея, уже устарели в части рекомендованных построек как культового, так и жилого зодчества. А при необходимости воссоздания такого сектора требуются новые экспедиции, дополнительные исследования, обмеры, средства и пр., на что сегодня можно лишь надеяться.

Рис. 222. Жилой дом брусом А.А. Богдановой (жилая часть – двух-этажный пятистенок) в дер. Кишерма Вельского р-на Архангельской обл. как пример жилого комплекса в данном районе. 1982

Рис. 223. Жилой дом брусом Коровиной (жилая часть – одноэтажный пятистенок) дер. Палкино. Вельский р-н Архангельской обл. Пример жилого комплекса в данном районе, предлагаемого к перевозке в Важский сектор. Фото Н.П. Бровченко, 1979

Рис. 224. Жилой дом брусом Дроздовой из дер. Нечаево (жилая часть – одноэтажный пятистенок). Вельский р-н Архангельской обл. Пример жилого комплекса в данном районе для перевозки в Важский сектор. Фото автора, 1979

Рис. 225. Жилой дом брусом (жилая часть – одноэтажный пятистенок). Вельский р-н Архангельской обл. Фото автора, 1979

Рис. 226. Интерьер сеней (коридора) жилого дома на два фасада (жилая часть – двухэтажный пятистенок). Вельский р-н Архангельской обл. Пример уникального жилого комплекса в данном районе. Фото автора, 1979

*Рис. 227. Амбары и малые формы.
Вельский р-н Архангельской обл.
Пример хозяйственной постройки,
возможной к перевозке в музей
«Малые Корелы».
Фото автора, 1982*

*Рис. 228. Жилой дом
брусом (жилая часть –
одноэтажный
пятистенок).
Вельский р-н
Архангельской обл.
Пример конструктивных
особенностей
и их сохранности.
Фото автора, 1979*

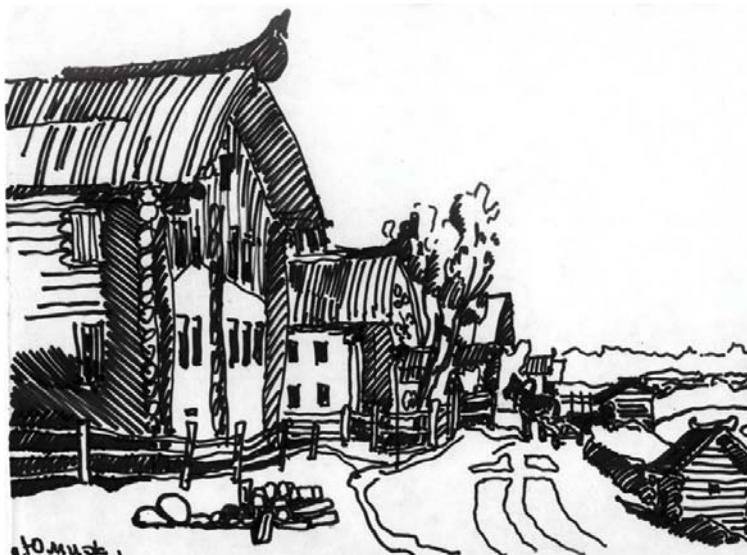

Северо-двинский сектор

Река Северная Двина – самая большая и значимая река со своими притоками в Архангельской области. Поэтому сектор соответствующего названия представляет собой самое крупное «торгово-ярмарочное поселение» в музее, состоящее из нескольких составных частей – улиц. С. Двина является основной транспортной магистралью Архангельского Севера и начало свое берет из слияния двух крупных рек – Сухоны и Юга, протекающих по землям Вологодской области. В XII–XV вв. территории вдоль этой реки заселялись выходцами из новгородских земель – с севера и из ростово-суздальских – с юга. Позже большая волна переселенцев двинулась с московских земель. Здесь, в Подвинье, строятся северные монастыри и растут крупные торговые города – Архангельск, Холмогоры, Сольвычегодск, Великий Устюг и другие.

Именно эти города и монастыри определяли культурную жизнь края, развитие самобытных художественных традиций. Здесь трудились кузнецы, серебряники, иконописцы. На Двине, особенно в среднем и нижнем ее течении, появлялись крупные торговые села, в которых устраивались местные ярмарки и торжки. Среди них были села Краснорборск, Черевково, Верхняя Тойма, Борок, Пермогорье. Уже в XVII в. процветает крупное производство деревянной посуды, а в XVIII–XIX вв. изделия этих промыслов продавались на местных ярмарках и в крупных городах.

*Рис. 229. Деревня Юмж
Верхнее-Тоемского р-на,
Архангельской обл.
как образец поселения
на р. Северная Двина.
Рис. автора, 1977*

Рис. 230. Улица Северо-Двинского сектора, дома Туробова и Цигарова из Архангельской обл. обращены главными фасадами к озеру. Фото автора, 2011

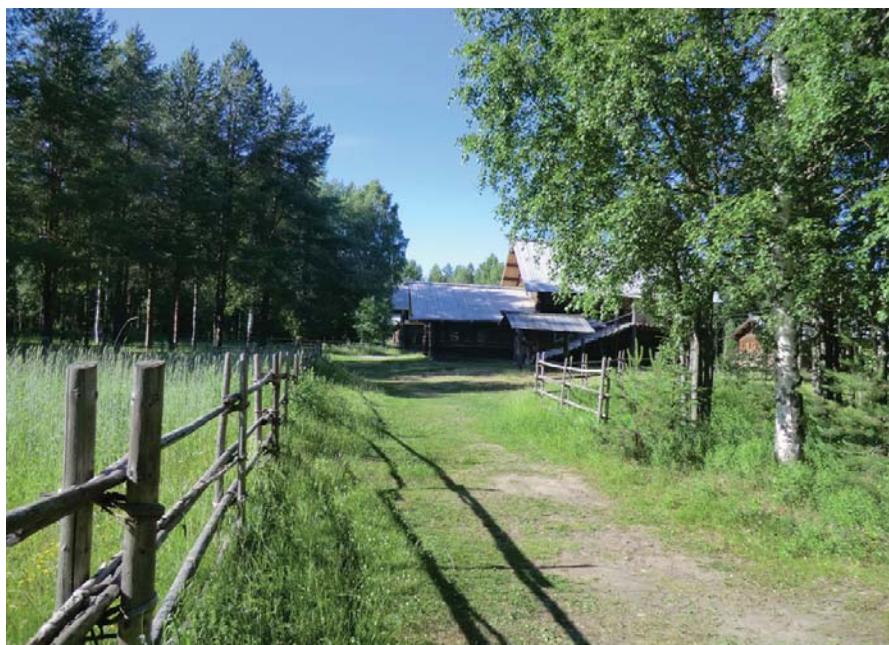
Рис. 231. Озеро на территории Северо-Двинского сектора. Фото автора, 2011

Рис. 232. Улица Северо-Двинского сектора и дома Русиновой со стороны Пинежского поселения. Фото автора, 2011

Местность в окрестностях р. Двины в целом равнинная, и, пожалуй, здесь ее рельеф значительно спокойнее, чем в других регионах Севера. Край этот заселен был достаточно густо, отмечен множеством поселений, вытянувшихся вдоль реки. Села и деревни расположены по двум берегам Двины, а также вдоль многочисленных ее притоков. Все селения подчиняются в основном единым принципам застройки. Они, как правило, имеют уличный или рядный характер.

Преобладают в этом районе дома-«брусы», с жилыми частями пяти- и шестистенных срубов. Конструкции фасадов и их декоративное решение весьма своеобразны, что и представлено сегодня в музее «Малые Корелы». Иногда на задних фасадах домов, т.е. на дворах, а иногда и на их боковых стенах два-три верхних венца поперечных стен выступают на полметра по отношению ко всей плоскости. В эти остатки перерубов врубаются продольные бревна, являющиеся горизонтальными связующими брусьями, придающими конструктивную прочность огромным хозяйственным дворам. Интересны криволинейные формы кровель на домах, напоминающие перевернутые лодки и противостоящие снежным заносам, распространенные в постройках деревень по р. Уфтюге (рис. 137).

Декоративные решения главных фасадов почти одинаковы – это сочетание городковой резьбы рядов причелинных досок с волнистой резьбой и таким же волокнистым завершением кистей ограждения балясин балконов, как и резьбы обрамления продольного бруса. Порой рисунок обрамления восходит к традиционному декору элементов культового деревянного зодчества Севера XVII–XVIII вв. Характерна уникальная обработка конца наверхия кровли – охлупня – в

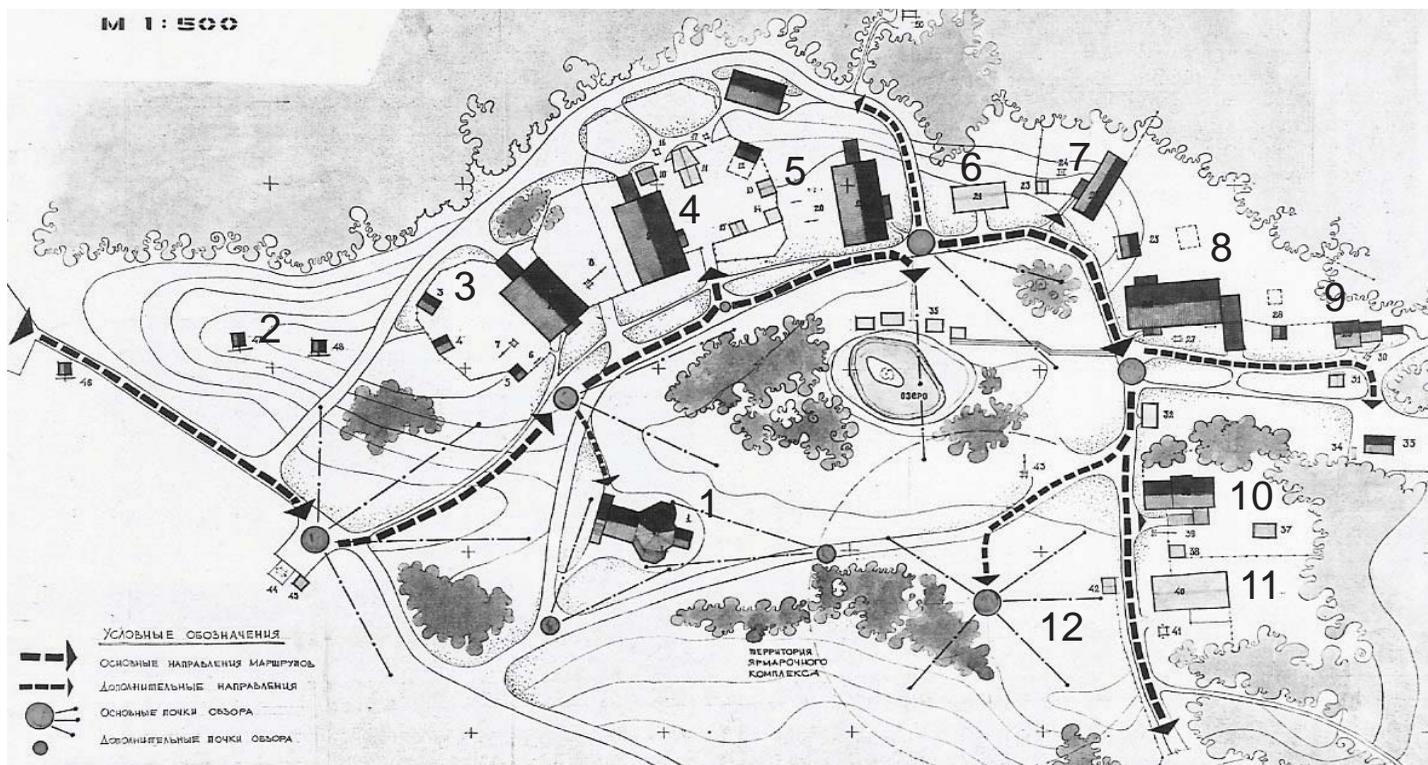

виде одной или двух голов коней или птицы, резные ставни на окнах и наличники разнообразных форм.

Примечательной особенностью жилых домов этого региона являются росписи, встречающиеся главным образом в интерьерах и детально обследованные нами ранее. По воспоминаниям старожилов, они располагались на фронтонах главных фасадов и выполнялись как местными художниками-«красильщиками», так и приезжими – вятскими и костромскими мастерами. Фасады домов раскрашивались цветочным орнаментом – «цветами в вазонах», иногда фигурами львов и других животных, а также шашечным рисунком на свесах кровель. Раскрашивались и конструктивные элементы построек – потоки, причелины и т. д. Подобные росписи встречаются как в Красноборском, так и в Верхне-Тоемском районах Архангельской области²⁵⁵.

К этому же региону можно отнести культуру населения бассейна р. Вычегды, которая также представлена в секторе.

Северо-Двинский сектор занимает основное плато на территории музея в его восточной части. В структуре музея это «торгово-ярмарочное село», которое должно представлять собой центр волости, где размещаются общественные сооружения сельской округи: волостная изба, школа, пожарная каланча, кузница, шинок и т. д., включая ярмарочные постройки и пр. Его формирование в 1974–1975 гг. оказалось достаточно сложным, поскольку, когда мы приступили к работе, на территории сектора уже стояла Георгиевская церковь из С. Вершины XVII в., устанавливался первый дом из Вычегодской территории Архангельской области – дом Щеголева из села Ирты и готовился к перевозке дом Турובהва из того же села. Проекты их реставрации были разработаны ар-

1. Шатровая Георгиевская церковь из села Вершины В.-Тоемского района, 1672 г.
2. Ветряные мельницы-столбовки
3. Усадьба Вычегодского крестьянина-середняка Щеголева из с. Ирта
 - Дом-двор (жилая часть типа «связь»), 1826 г.
 - Баня, амбары, ледник
4. Усадьба Вычегодского крестьянина Турובה из с. Ирта Ленского р-на, сер. XIX в.
 - Дом-двор (жилая часть – шестистенок с заулком)
 - Хозяйственные постройки
 - Баня у озера
5. Усадьба Вычегодского крестьянина Цигарова из дер. Выемково Ленского р-на, конец XIX в.
 - Дом-двор (жилье – двухэтажный шестистенок)
 - Амбар
 - Баня у озера
6. Пожарная каланча
7. Усадьба крестьянина-бедняка (Верховье С. Двины) Шестакова из дер. Цивозеро Красноборского р-на
 - Дом-двор (жилье – четырехстенек)
 - Амбар
8. Усадьба зажиточного крестьянина Тропина из дер. Семунинская, Цивозеро, Красноборского р-на, вторая пол. XIX в.
 - Дом-двор (двухэтажный шестистенок)
 - Хозяйственные постройки
 - Баня на берегу озера
9. Усадьба-кузнеца Ермолина из дер. Кривец Холмогорского р-на
 - Дом-двор (жилье – пятистенек)
 - Кузница, амбар
10. Усадьба крестьянина-старообрядца из дер. Кондратовская В.-Тоемского р-на
 - Дом-двор Русиновой (жилье – пятистенек), конец XIX в.
 - Амбар, баня
11. Жилой дом с расписным интерьером или фасадом из Красноборского или В.-Тоемского р-на
12. Территория ярмарочного комплекса

Рис. 233. Проект
детальной
планировки Северо-
Двинского сектора
АМДЗ
Автор О.Г. Севан,
1984

хитекторами АСНРПМ (А. Гребенев, В. Суслин). Озеро, которое сегодня является основным природным ядром сектора и вокруг которого формируется все поселение, было нами неожиданно обнаружено во время исследования территории музея. Оно не было указано на топографической съемке, как и отсутствовало в предыдущих вариантах генплана. В этой связи приходилось на ходу, быстро решать планировку сектора, давать привязки объектов для их установки и срочно формировать списки будущих памятников для обмеров и перевозки (рис. 140). Было принято решение: планировка Северо-Двинского сектора – «торгово-ярмарочного поселения» – будет размещаться вокруг озе-

ра, поскольку большинство деревень и сел размещались вдоль берегов рек и озер. За его основу была достаточно условно взята структура деревни Березовый Наволок, с ее лучеобразной планировкой улиц, расходящихся в стороны от центральной площади. Такая композиция позволила использовать лучи-улицы для размещения экспозиций отдельных микрорайонов, зон Подвинья, входящих в состав сектора. Площадь была создана весьма условно, примыкая к озеру, а с другой его стороны уже поз-

же была запланирована другая – ярмарочная площадь с торговыми лавками, качелями, игровыми установками и пр. Однако пространство ярмарочного комплекса не организовано до сих пор, поэтому образ предполагаемого в проекте торгового поселения с соответствующими общественными функциями – центра волости, – к сожалению, так и не сформирован²⁵⁶.

Первая улица, идущая с запада на восток сектора с поворотом на север, представляет культуру Ленского района (р. Вычегда), затем улица, с

северо-запада на юго-восток сектора, сформированная из построек Верховья Двины (Красноборский район), затем низовья и среднего течения реки (Холмогорский и Верхне-Тоемский районы). Шатровая Георгиевская церковь из села Вершина стоит несколько в стороне от застройки. Предполагается установка рядом звонницы и демонстрация памятников на приходском кладбище, которых пока нет в музее. Хотя символические и

Рис. 234. Георгиевская церковь 1672 г. из села Вершина Верхне-Тоемского р-на Архангельской обл. Восстановлена в Северо-Двинском секторе. Фото автора, 2006

Рис. 235. Георгиевская церковь из села Вершина. Крыльцо и галерея. Фото 2011

Рис. 236. Улица и ограда Северо-Двинского сектора и дом Русиновой. Осень, Фото автора, 2006

Рис. 237. Главный фасад с наличниками над окнами типа «очелье» жилого дома Русиновой в дер. Кондратовская Верхне-Тоемского р-на Архангельской обл. до перевозки в музей. Фото Н.П. Бровченко, 1975

архитектурные формы захоронений, крестов и их детали заслуживают такого представления.

Жилые, хозяйственные и инженерные сооружения, малые формы архитектуры представлены разными типами, отобранными в соответствии с разработанными типологическими таблицами, рассмотренными выше (рис. 137, 174). До сих пор не восстановлены крестьянские усадьбы, создающие представление о жилой среде и комплексе различных сооружений, образующих пространственный строй поселения. Отсутствуют необходимые малые формы, что должно создать картину многообразия торгово-ярмарочного поселения и его ландшафта, не воссозданы приусадебные огороды, малые формы (калитки, телеги, навесы, лавки у домов и пр.). Ярмарочная площадь с проектируемыми торговыми рядами, палатками, навесами для отдыха и питания посетителей²⁵⁷ и прочим также отсутствуют в музее.

Рис. 238. Улица и ограда Северо-Двинского сектора и дом Русиновой. Зима, 2006

Рис. 239. Северная староверка. Фото автора, 1975

Рис. 240. Дом Щеголева
в дер. Ирта Ленского
р-на Архангельской обл.
Главный Фасад.
Реконструктивный
обмер Б.В. Гнедовского,
1963–1964

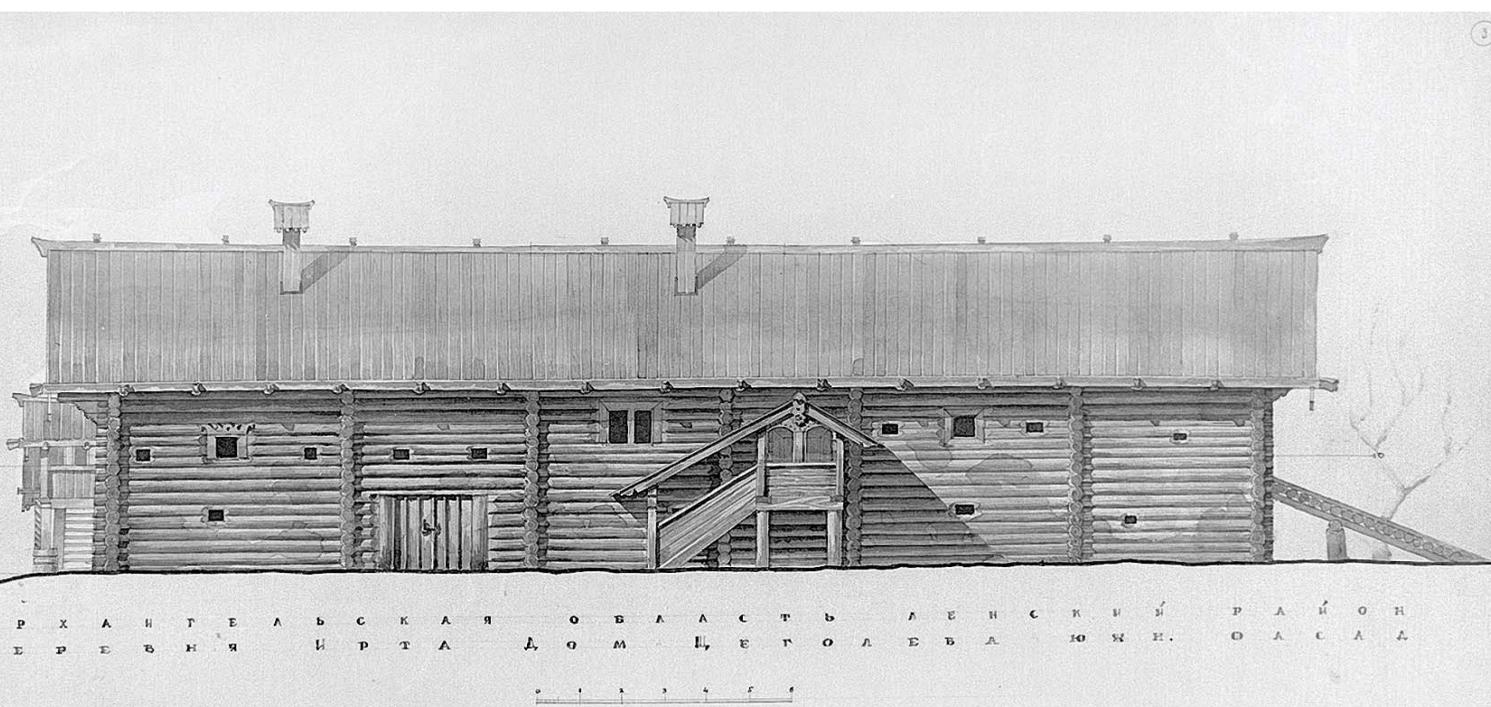
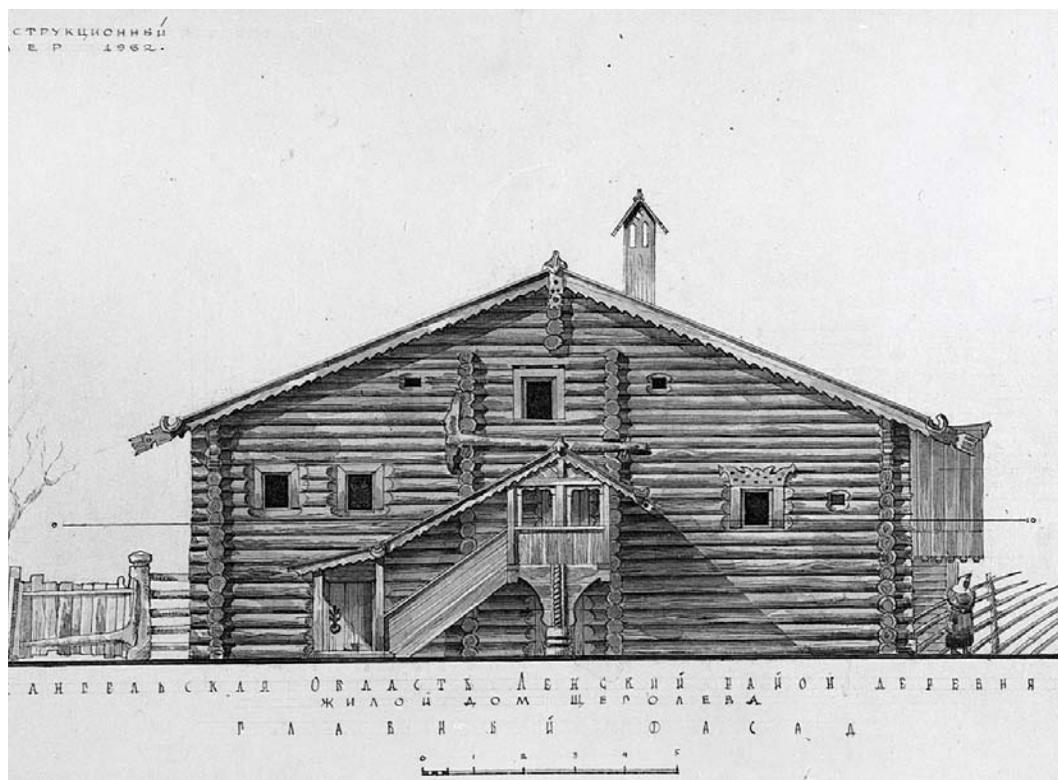

Рис. 241. Дом Щеголева в дер. Ирта
Ленского р-на Архангельской обл.
Боковой фасад. Реконструктивный
обмер Б.В. Гнедовского, 1963–1964

Рис. 242. Дом Щеголева в дер. Ирта Ленского р-на Архангельской обл. Боковой фасад. Крыльцо. Фото Б.В. Гнедовского, 1963

Рис. 243. Дом Щеголева из дер. Ирта в Северо-Двинском секторе музея «Малые Корелы»

Рис. 244. Дом Турובה
до перевозки в селе
Ирта. Ленский р-н
Архангельской обл.
Фото Б.В. Гнедовского,
1963

Рис. 245. Жилой дом
Турובה из села Ирта
Ленского р-на
Архангельской обл.
Главный Фасад.
Реконструктивный
обмер Б.В. Гнедовского,
1963–1964

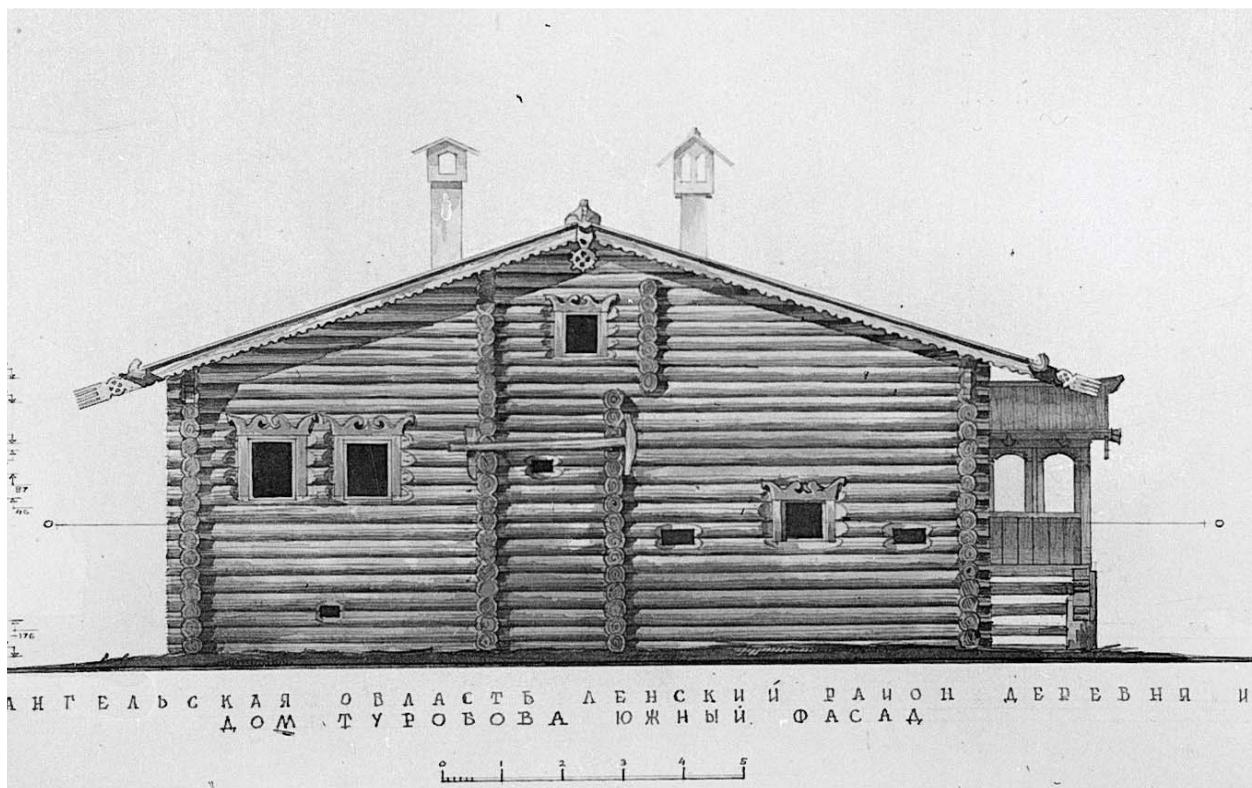

Рис. 246. Дом Турובה из села Ирта
Ленского р-на Архангельской обл.
Боковой Фасад. Проект Б.В. Гнедовского,
1963–1964

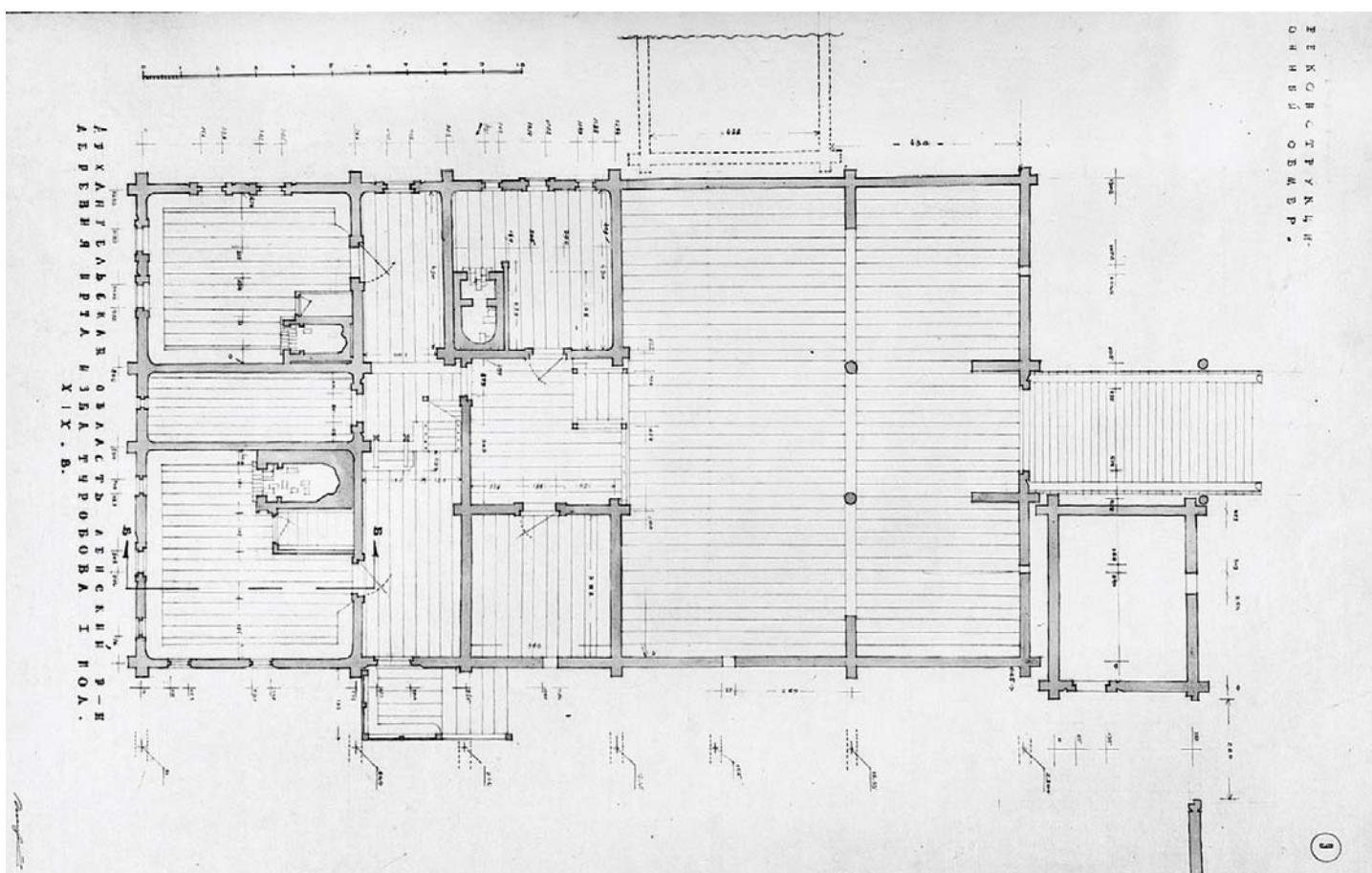

Рис. 247. Дом Турובה из села Ирта
Ленского р-на Архангельской обл.
План. Реконструктивный обмер
Б.В. Гнедовского, 1963–1964

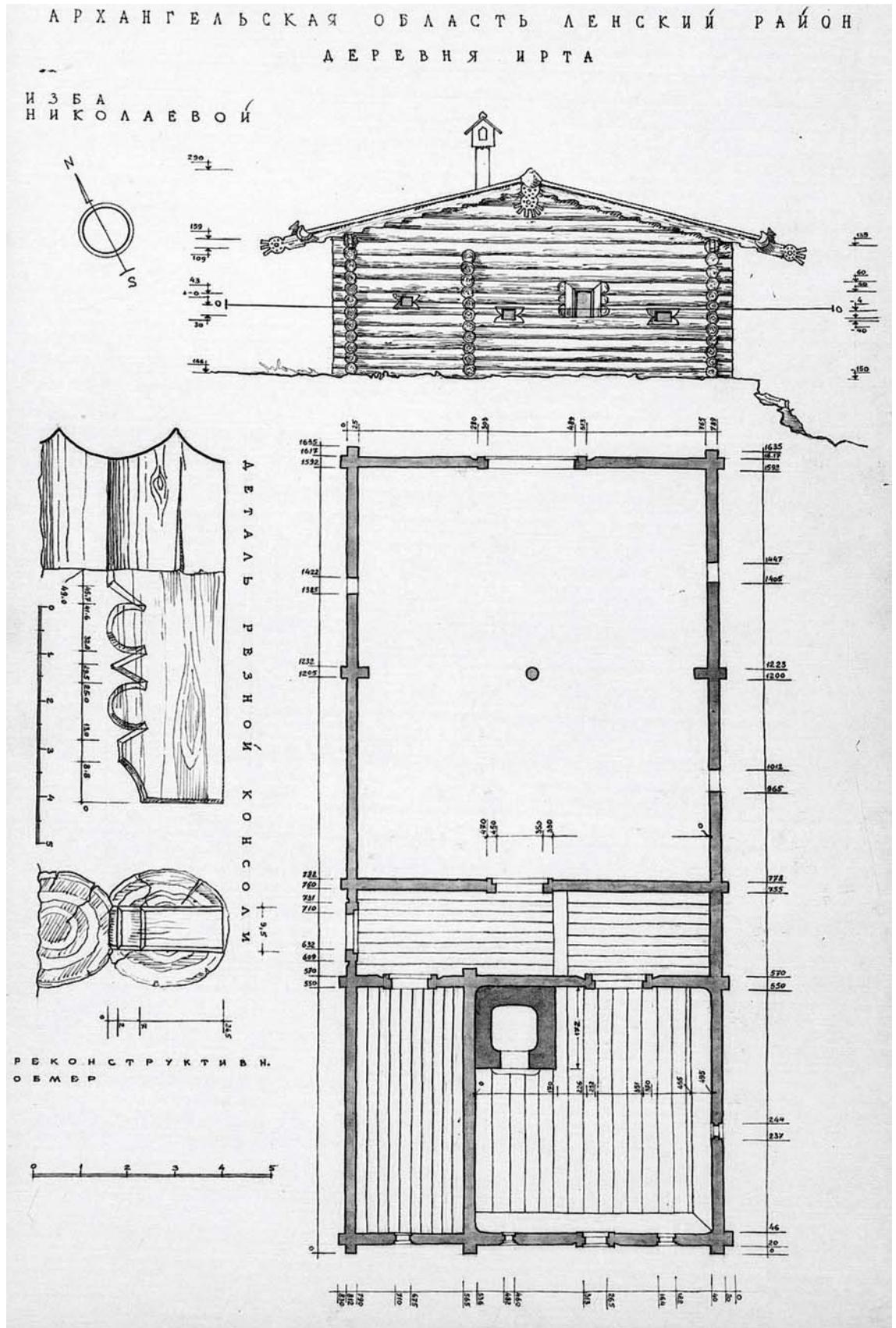

Рис. 248. Дом Николаевой. Село Ирта Ленского р-на Архангельской обл. Фасад и план. Реконструктивный обмер Б.В. Гнедовского, 1963–1964

Рис. 249. Дом Цигарова до перевозки. Село Выемково, Вычегодский р-н, Архангельской обл. Фото Калининой З.О., архив АСНРПМ, 1973

Рис. 250. Дом Цигарова после перевозки и реставрации в музее. Фото автора, 2011

Рис. 251. Северо-Двинский сектор.
Дом Тропина
из дер. Семунинская,
Красноборского р-на
Архангельской обл.,
Фото автора, 2011

Рис. 252. Усадьба
и дом Тропина
из дер. Семунинская,
Красноборского р-на
Архангельской обл.
Обмер автора, 1981

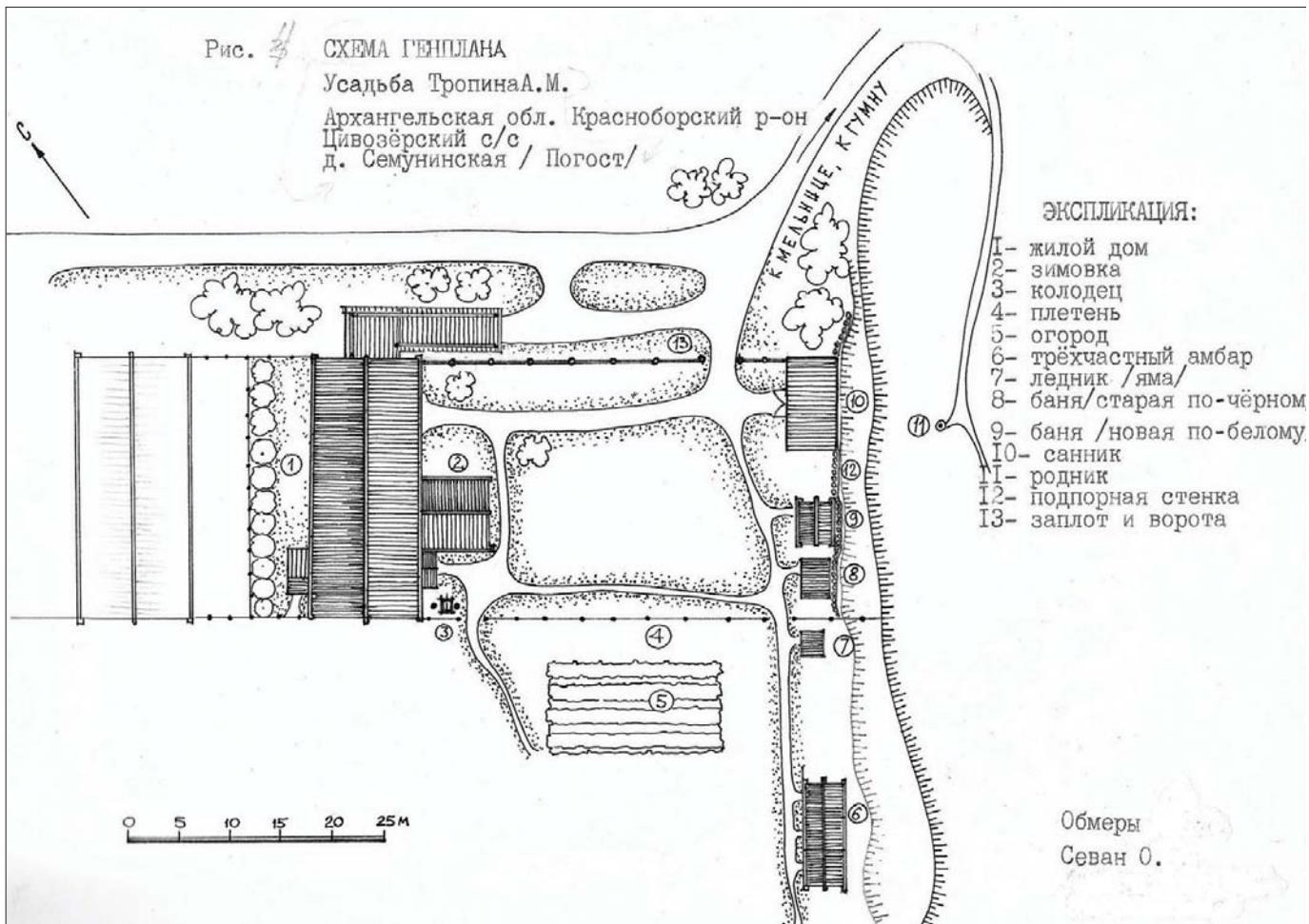

Рис. 253. Северо-Двинский сектор. Дом Тропина. Деталь фасада. Фото автора, 2011

Рис. 254. Северо-Двинский сектор. Дом Тропина из дер. Семунинская, Красноборского р-на Архангельской обл. Интерьер избы. Фото автора, 2006

Рис. 255. Северо-Двинский сектор. Дом Шестакова из Цивозера Красноборского р-на Архангельской обл. Фото автора, 2011

Рис. 256. Северо-Двинский сектор. Дом Шестакова из Цивозера Красноборского р-на Архангельской обл. Проект реставрации. Авторы Н.П. Бровченко и О.Г. Севан, 1976

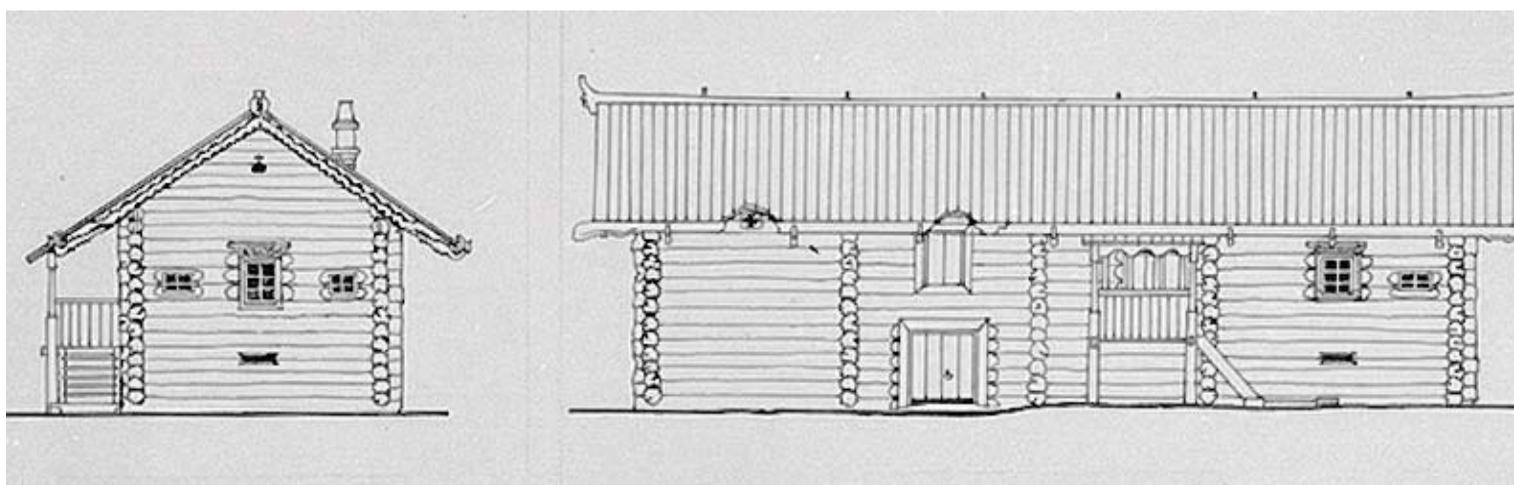

Рис. 257. Расписная
филенка.
Красноборский р-н.
Фонд АГМДЗ кп № 7888/2

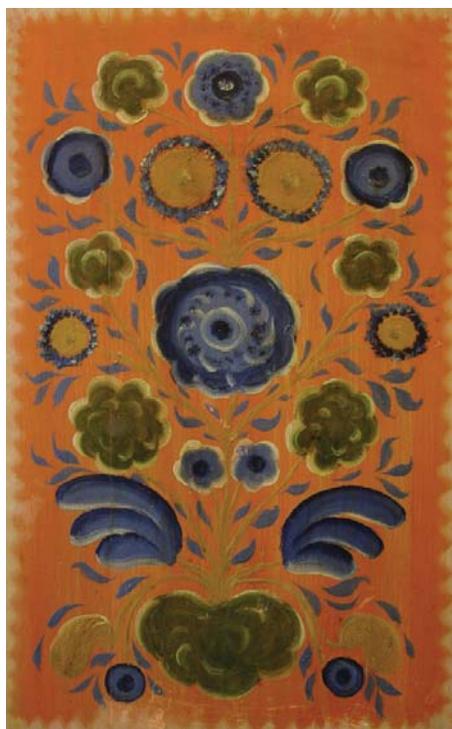

Рис. 258. Филенка голбца
с фигурой льва. Росписи
костромских художников.
Вывезена
из дер. 1-я Фоминская,
Черевковский с/с,
Красноборский р-н. Фонд
АГМДЗ кп № 4087

Рис. 259. Жилой дом Бечиной с росписными
фронтоном и балконом 1910 г. Село Горка
(Керас), Верхне-Тоемский р-н. Мастер
Тимофей Макаров («Калец»). Вывезен
в др. область в 2010 г. Фото автора, 1977

Пинежский сектор

Пинежский сектор расположен в самом конце восточного плана музея. По отношению к утвержденному генплану музея «Малые Корелы» ПДП сектора был изменен, отодвинут в восточном направлении, поскольку во время его проектирования стало очевидно, что близость сооружений этого сектора к другим соседствующим секторам в пространственном и ландшафтном отношении может оказать неверное представление об образе поселений р. Пинеги.

*Рис. 260. Дер. Едома,
р. Пинега.
Никольская церковь
1700 г. Фото
автора, 1980*

Река Пинега – один из крупных притоков Северной Двины. По пинежской земле начиная с XII в. прошли три основных волны русских переселенцев в северный край: новгородская, ростово-суздальская, а позднее московская колонизация. До прихода русского

населения эти земли занимали племена угрофинской языковой группы. На формирование культуры Пинежья оказывали влияние контакты с населением соседних земель – Коми, Северной Двины и Мезени.

Пространственный облик деревень Пинеги, имеющих, как правило, в планировке рядный или уличный характер, определяли большие дома-дворы с шести- и пятистенными избами. В верховьях реки распространены небольшие четырехстенные постройки (д. Шеймогоры). Архитектурный ансамбль села организовывала церковь или группа церквей шатрового и так называемого «пинежско-мезенского» типа, где шатер стоит на так называемой «крещатой» бочке. В деревнях до сих пор стоят часовни XVIII–XIX вв., с несомнен-

*Рис. 261. Дер. Едома,
р. Пинега. Панорама
деревни с Никольской
церковью и колокольней.
Фото автора, 1980*

ным своеобразием и колоритом. Многие из них были разрушены: либо временем, из-за отсутствия населения, либо просто сгорели. Деревни, состоящие из отдельных «околков», свободно расположены по берегам реки, придавая сельским ландшафтам очарование. Между домами рядами и в большом количестве стоят амбары, иногда в стороне от домов. Бани же образуют «банные городки». Здесь можно встретить особые типы деталей построек, например крылец, отличающиеся своим разнообразием и специфическими конструкциями.

Большую роль в формировании этого района играли многочисленные домашние ремесла. Их появление было связано с наличием болот и малым количеством пахотной земли. Конструктивно жилые дома Пинеги возводились по тем же основным принципам, что и жилые дома других районов Архангельского Севера. Их своеобразие определялось особенностями декоративных элементов – резных крылец, наличников и ставен по всем фасадам дома, резных кронштейнов на главном фасаде домов и коней – охлупней, имеющих многообразные очертания и формы, о чем мы писали ранее²⁵⁸. Помимо декоративной резьбы пинежские жилища имеют некоторую цветовую орнаментацию. Роспись домов встречается

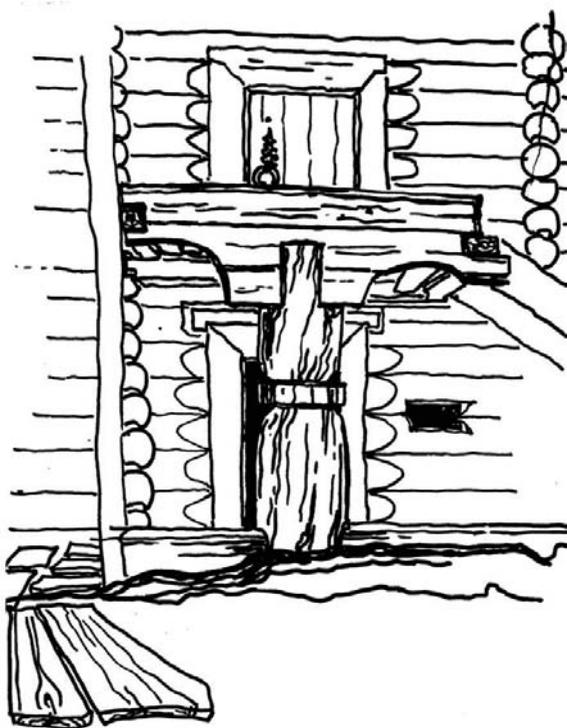
Рис. 262.
Улица в селе
Веркола,
Пинежский р-н.
Фото автора, 1986

главным образом в деревнях нижнего и среднего течения реки. Это отмечал и известный исследователь К.К. Романов, проводивший в 1927 г. в этих местах обследование памятников архитектуры²⁵⁹.

Рис. 263.
Одностолпное
крыльцо.
Село Веркола,
Пинежский р-н.
Рис. автора, 1979

Учитывая особенности рассматриваемых земель, как и размещение в пространстве ландшафта музея деревянного зодчества, Пинежский сектор представляет сельское поселение, население которого ориентировано на животноводство,

а поскольку земли для ведения сельского хозяйства не хватало, то местные жители занимались промыслами и ремеслами. Именно такой тип деятельности демонстрируется в Пинежском секторе²⁶⁰. Его планировка представляет собой однорядную систему застройки поселения, с разными типами усадеб с жилыми и хозяйственными постройками, характерными для Пинежья, что было изучено в процессе экспедиций. За основу был взят обобщенный образ пинежского поселения, вобравший в себя различные элементы (например, д. Волость, рис. 273). Рисунки, обмеры, фотофиксация стали основой проектирования сектора – искусственно

созданной деревни.

Жилые сооружения, хозяйственные и инженерные сооружения, малые формы архитектуры в бассейне р. Пинеги представляют собой большое разнообразие, что было нами показано в представленных выше типологических таблицах (рис. 138). В верховье реки распространены небольшие одно-, двух- и трехкамерные жилища в системе домов «брусом». Подавляющая часть жилья – трехкамерная (пятистенки), реже – избы-«двойни»; встречаются избы с «заулком», но также в верховье встречаются маленькие избы бедняков, что в целом редко для Русского Севера. Но для этих территорий достаточно характерны такие постройки, поскольку земли, удобной для ведения сельского хозяйства, было недостаточно, и был распространен отхожий промысел в крупные села и города. Дома имеют низкие подклеты, для верховья также характерны постройки без подклетов. В верховье и среднем течении распространены боковые зимовки, где крестьяне порой жили вместе со скотиной в холодные зимы – телятами или овцами («скотные избы»). Двухэтажные избы на Пинежье редки.

На территорию Пинежского сектора перевезены 4 разного типа жилых дома-двора, усадьбы которых имеют собственную систему планировки, декор и интересные конструкции. В стороне от домов и их усадеб стоит амбарный городок, а также амбары поставлены напротив домов, что мы рассмотрели ранее при анализе крестьян-

*Рис. 264.
Одновходное
крыльцо жилого
дома в село Веркола.
Фото автора, 1985*

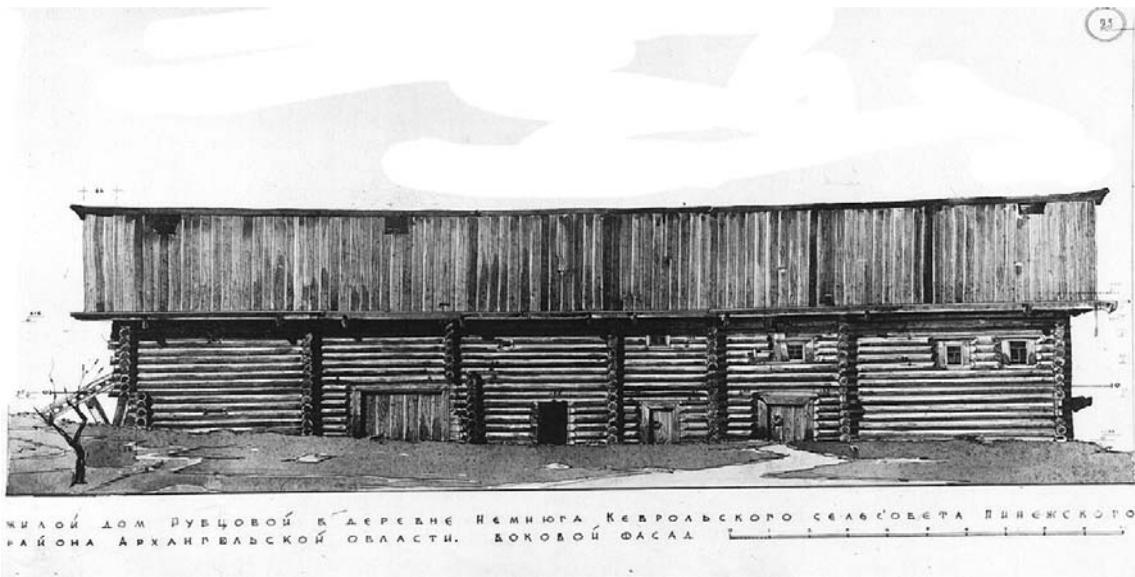

Рис. 265. Обмер жилого дома Рубцовой в дер. Немнюга Кеврольского с/с Пинежского р-на Архангельской обл. Боковой фасад. Автор Б.В. Гнедовский, 1964

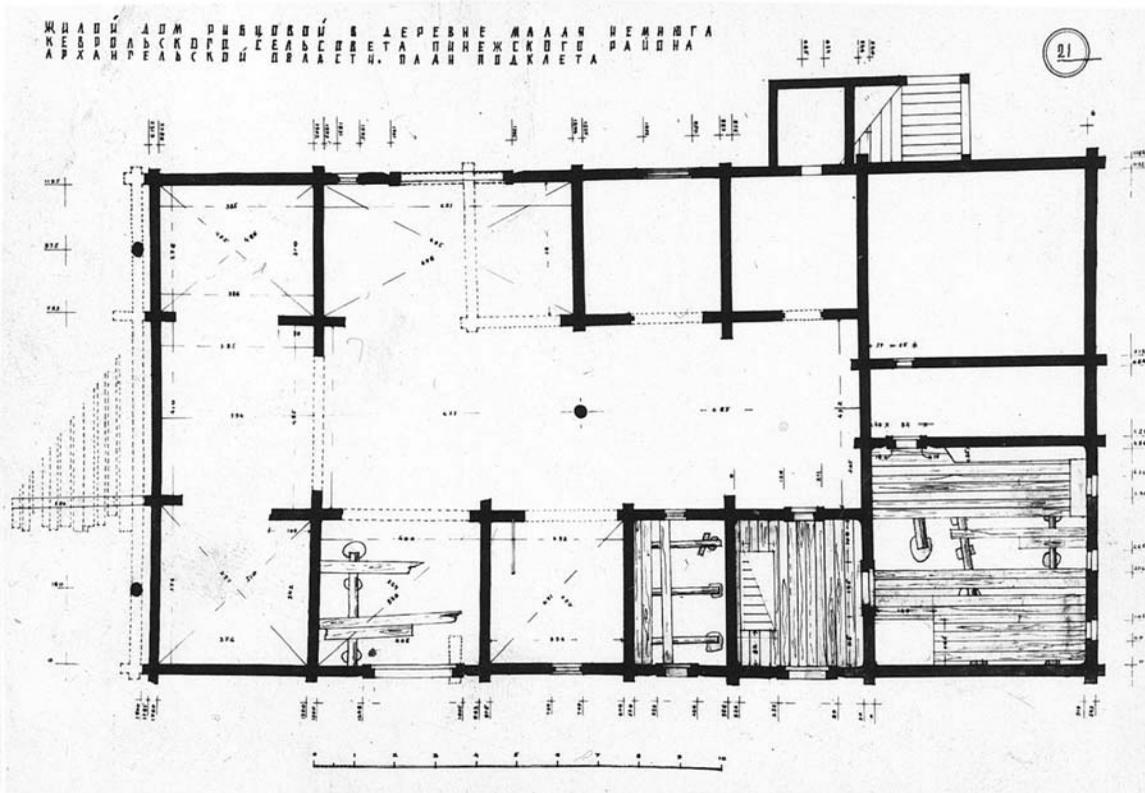

Рис. 266. Обмер жилого дома Рубцовой в дер. Немнюга Кеврольского с/с Пинежского р-на Архангельской обл. План. Автор Б.В. Гнедовский, 1964

ских усадеб Пинежья. Здесь учитывались жители как среднего достатка этого притока р. Северной Двины, так и бедняцкая часть верховья Пинеги (изба-четырёхстенок из дер. Шеймогоры). Зажиточная крестьянская семья (например, из дер. Городец) могла иметь большое число построек на усадьбе, что и представлено в секторе, а среднего достатка усадьбы были более скромными.

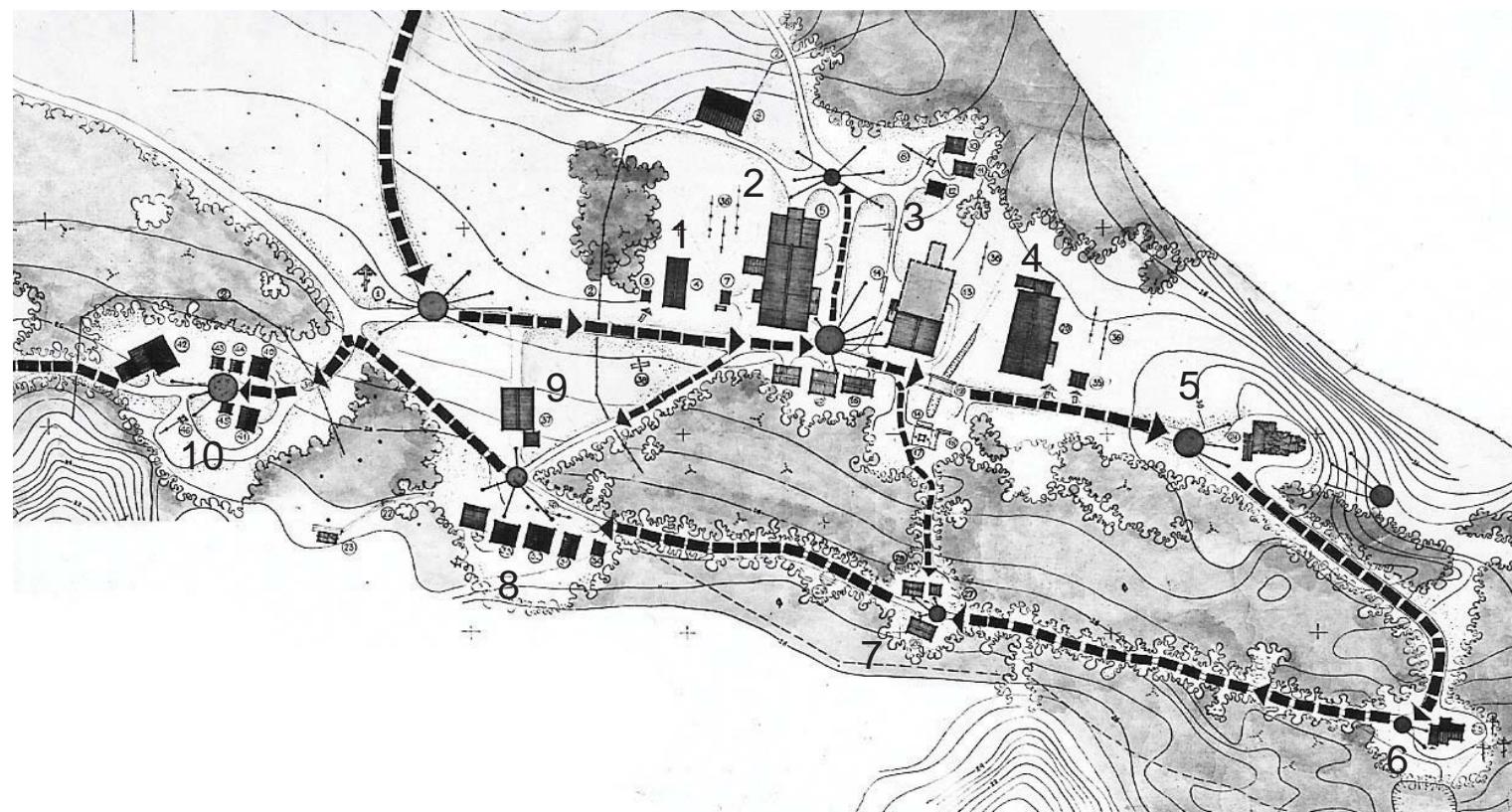
Отдельно от поселения стоит «амбарный городок», а при переходе к Мезенскому сектору, в перелеске – сезонное поселение (рис. 288), в лесу также можно видеть боровую – охотничью избу. В конце деревни, как бы замыкая основную пространственную ось всего сектора и панорамы музея в восточном его направлении, предполагается восстановление церкви пинежско-мезенского типа.

Поскольку основными типами культовых сооружений на Пинеге были не только часовни разных вариантов, клетские и шатровые церкви, но главным образом постройки типа «шатер на крещатой бочке», то именно такой храм предполагается восстановить – Ильинскую церковь XVII в. Веркольского монастыря. Предлагалось построить ее новоделом, оставив старый перестроенный храм на месте, в с. Веркола. Были проведены обмеры памятника, выполнен эскизный проект реставрации (рис. 277, 278)²⁶¹. С целью демонстрации исчезающих типов храмов Архангельской области, в образовательных целях и с целью максимально полного представления различных сооружений на территории музея восстановление данного сооружения в Пинежском секторе кажется необходимым. Помимо сказанного требуется визуальное завершение пространственного образа Пинежского сектора шатра вертикалью, на которую должен ориентироваться посетитель, входя в сельское поселение. То есть дорога, идущая от Сезонного поселения, как и от Ярмарочного комплекса, должна вести к храму.

Во время исследования и работы над проектом Ильинской церкви XVII в. Веркольского монастыря были восстановлены перестроенные в конце XIX в. церковными властями навершие храма, главы, восстановлена галерея, опоясывающая памятник с двух сторон, одномаршевое крыльцо. В авторских рисунках 1979 г., касающихся восстановления сектора и церкви (рис. 271), еще не были учтены новые данные о памятнике, которые открылись в процессе обмеров и реставрации несколько позже. В работе использовались методы пропорционирования, применяющиеся на памятниках деревянного зодчества и зарекомендовавшие себя как научно обо-

снованные метрические системы²⁶². Кроме того, с целью отбора аналогов для последующей реставрации храма было проведено большое сравнительное исследование по анализу подобного типа сооружений и их деталей. Все эти материалы были представлены в пояснительной записке и научно-методическом обосновании проекта реставрации. К сожалению, до сих пор в Пинежском секторе стоит лишь Троицкая ча-

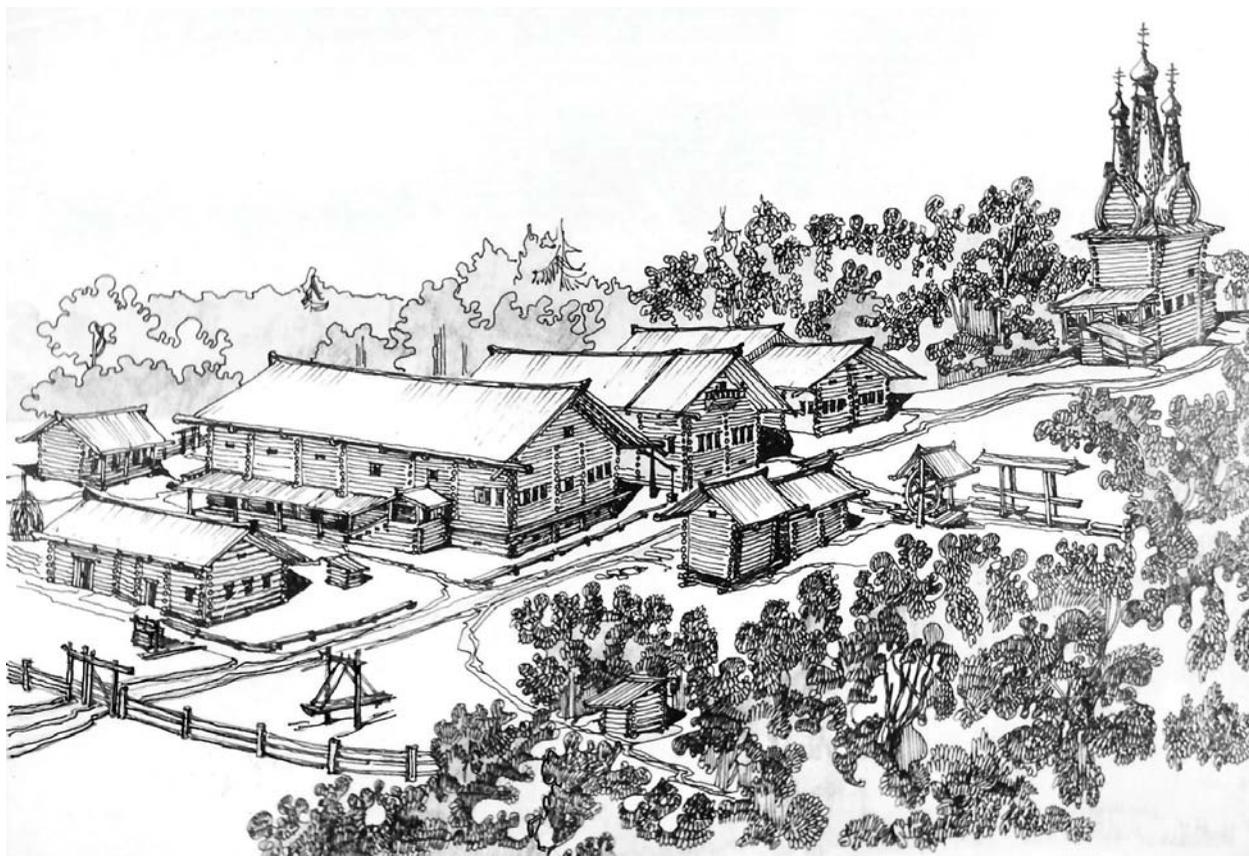
Рис. 270. Проект
детальной планировки
Пинежского сектора
музея «Малые Корелы».
Автор
О. Г. Севан, 1981

1. Усадьба крестьянина-бедняка из дер. Шеймогоры Пинежского р-на, начало XX в.,
Дом-двор четырехстенки
Амбар-клетка
2. Усадьба богатого крестьянина Филина из дер. Городец Пинежского р-на, 1876 г.;
Дом-двор (жилая часть – шестистенки с заулком)
Амбары (в городке и на улице)
3. Усадьба крестьянина Кыркалова из дер. Большое ротово Пинежского р-на, конец XIX в.
Дом-двор (жилая часть – шестистенки-двойня)
Амбары (в амбарном городке и на улице)
4. Усадьба крестьянина-середняка Ситникова из дер. Шеймогоры Пинежского р-на, 1893 г.;
Дом-двор (жилая часть – пятистенки)
Амбары (в амбарном городке и на улице)

5. Копия Ильинской церкви Веркольского монастыря XVII в. (тип «шатер на крещатой бочке»)
6. Троицкая часовня из дер. Вальтево Пинежского р-на, 1728 г.
7. Охотничья «боровая» изба (озеро Уйтинское) Пинежского р-на, начало XX в.
8. Амбарный городок (амбары из дер. Едома, Ваймуша, Сарчема Пинежского р-на, XIX в.) и прясла
9. Гумно из дер. Городец Пинежского р-на, начало XX в. Овин из дер. Кучкас В.-Тоемского р-на, начало XX в.
10. Сенокосное поселение из дер. Хорнемская В.-Тоемского р-на, начало XX в.
- Избы «по-черному» (четырёхстенки трех типов)
- Амбары, колодец

совня из дер. Вальтево в конце поселения, на опушке леса (рис. 276). И не воссоздан почти исчезнувший и ранее столь распространенный на Пинежье и на Мезени тип храма с «шатром на крещатой бочке», который мы исследовали и предлагали к демонстрации. Очевидно, что такой тип культового сооружения нельзя встретить в другом регионе России или Европы, поэтому они и считаются уникальными. Воссоздание такого памятника в новом материале, с правильной заготовкой леса, с использованием старых технологий рубки и прочим станет важным реставрационным образцом на территории музея и в целом в Архангельской области.

*Рис. 271. Панорама
будущего Пинежского
сектора. Проект.
Рис. автора, 1981*

Рис. 272. Улица
Пинежского сектора
музея «Малые
Корелы».
Фото автора, 2005

Рис. 273. Общий вид
дер. Волость
бассейна р. Пинеги.
Рис. автора, 1976

Рис. 274. Вид будущего
Пинежского сектора.
Проект. Рис. автора,
1981

Рис. 275. Обследованная
и обмеренная
в Пинежском р-не
Вознесенская часовня
в дер. Березник, XVIII в.
Рис. автора, 1982²⁶³

Рис. 276. Троицкая
часовня XVIII в. из дер.
Вальтево в Пинежском
секторе музея.
Фото автора, 2006

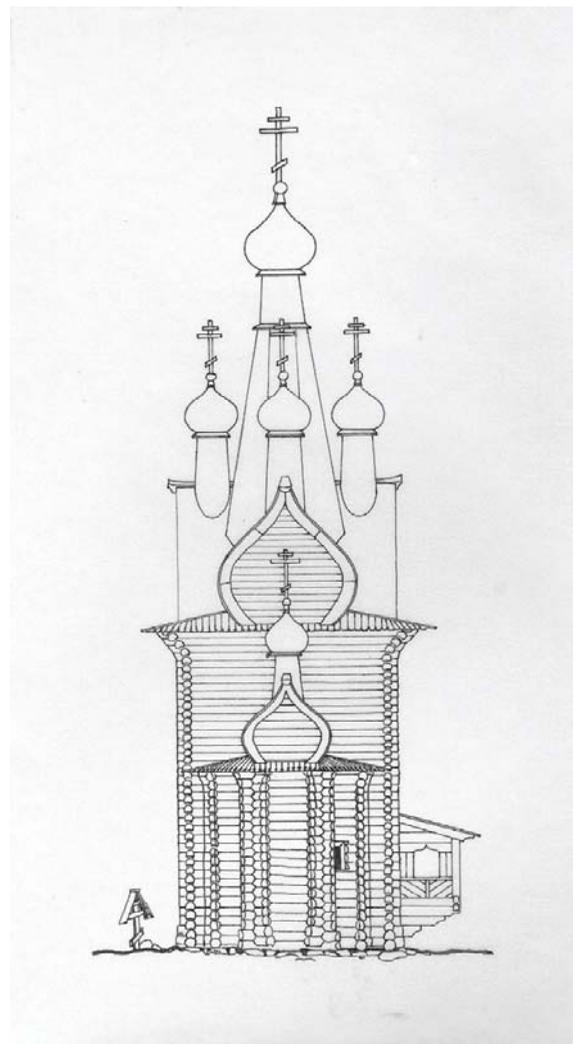

рис. 277. Проект реставрации
Ульянской церкви XVII в. Веркольского
монастыря, Пинежский р-н.
Северный и восточный фасады.
авторы О.Севан, Н. Бровченко, 1978

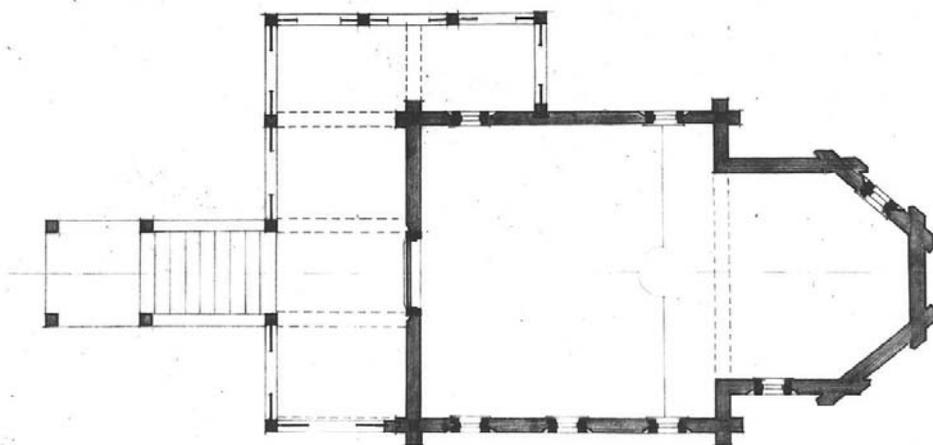

рис. 278. Проект реставрации
Ульянской церкви XVII в. Веркольского
монастыря, Пинежский р-н. План.
авторы О.Севан, Н. Бровченко, 1978

*Рис. 279. Улиц
Пинежского сектор
со стороны часовни
из села Вальтевс
Осень, Фот
автора, 200*

*Рис. 280. Жилой дом
А.И. Ситникова 1893 г.
в дер. Шеймогоры
Пинежского р-на
до перевозки в музей.
Фото автора, 1979*

Рис. 281. Жилой дом
А.И. Ситникова 1893 г.
из дер. Шеймогоры
Пинежского р-на. Вид
Пинежского сектора
со стороны часовни
из села Вальтево. Зима.
Фото автора, 2006

Рис. 282. Дом
Кыркаловой конца
XIX в. в дер. Большое
Кротово Пинежского
р-на. До перевозки.
Рис. автора, 1984

Рис. 283. Дом
Кыркаловой
из дер. Большое
Кротово
в Пинежском
секторе музея.
Фото автора, зима
2006

Рис. 284. Бедняцкий
дом в дер. Шеймогоры,
верховье р. Пинеги.
Рис. автора, 1979

Рис. 285. Бедняцкий
дом-двор Дородной из
дер. Шеймогоры в
Пинежском секторе музея.
Фото, 2006

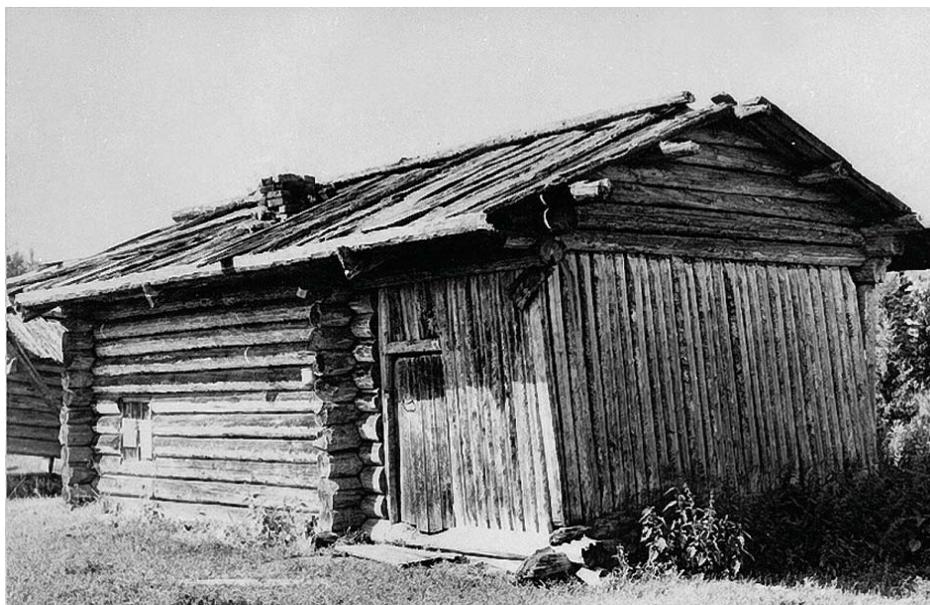

Рис. 286. Жилой дом Тип II.
Сезонное поселение
Хорнемская, Пинежский р-н,
Архангельская обл.
Фото автора, 1977

Рис. 287. Обмеры жилого
дома Тип II. Сезонное
поселение Хорнемская,
Пинежский р-н,
Архангельская обл.
Архитекторы Н.П. Бровченко,
О.Г. Севан, В.С. Зенкина, при
участии Андрея Севан. 1977

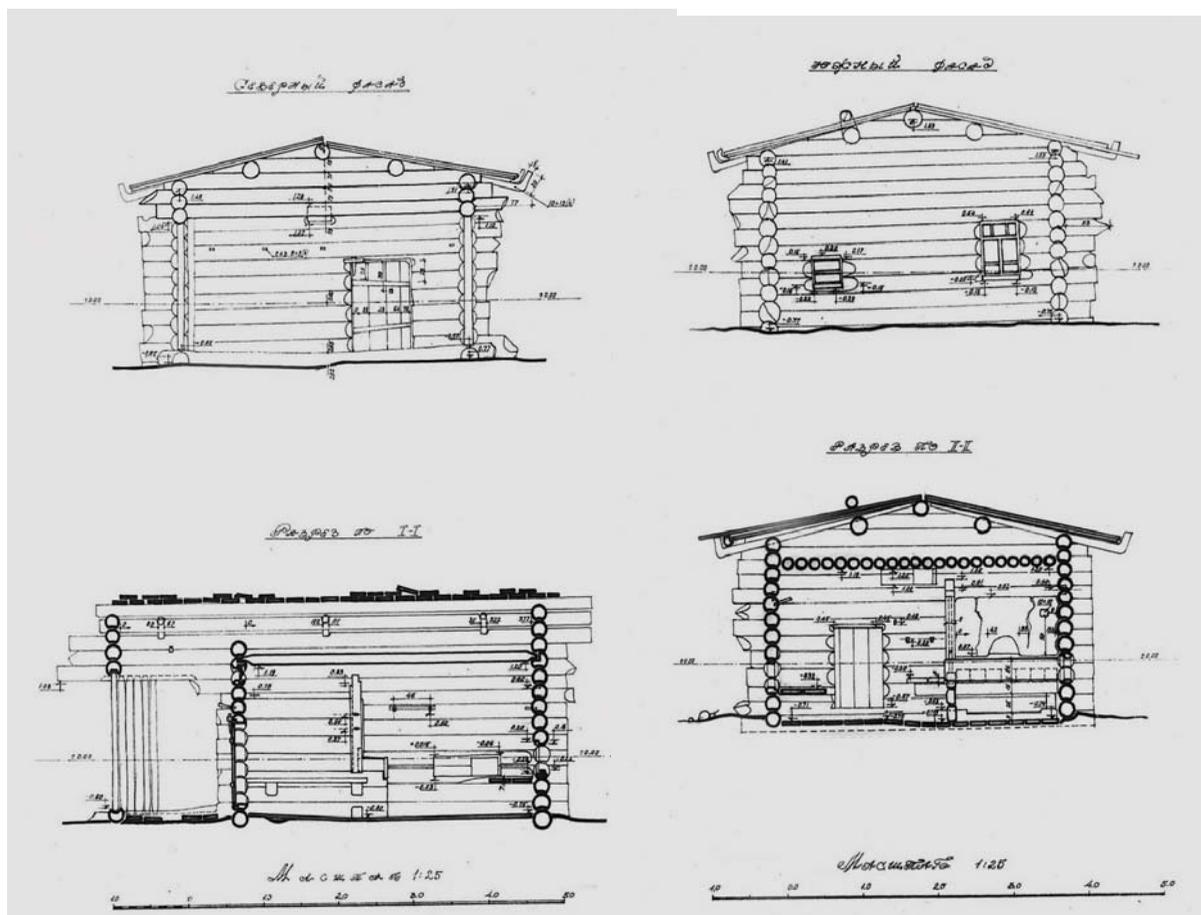

Рис. 288. Сезонное поселение Хорнемская на территории Пинежского сектора музея после перевозки и восстановления трех типов домов по-черному и 2-х амбаров. Фото автора, 2006

Рис. 289. Сезонное поселение Хорнемская на территории Пинежского сектора музея зимой. Фото 2006

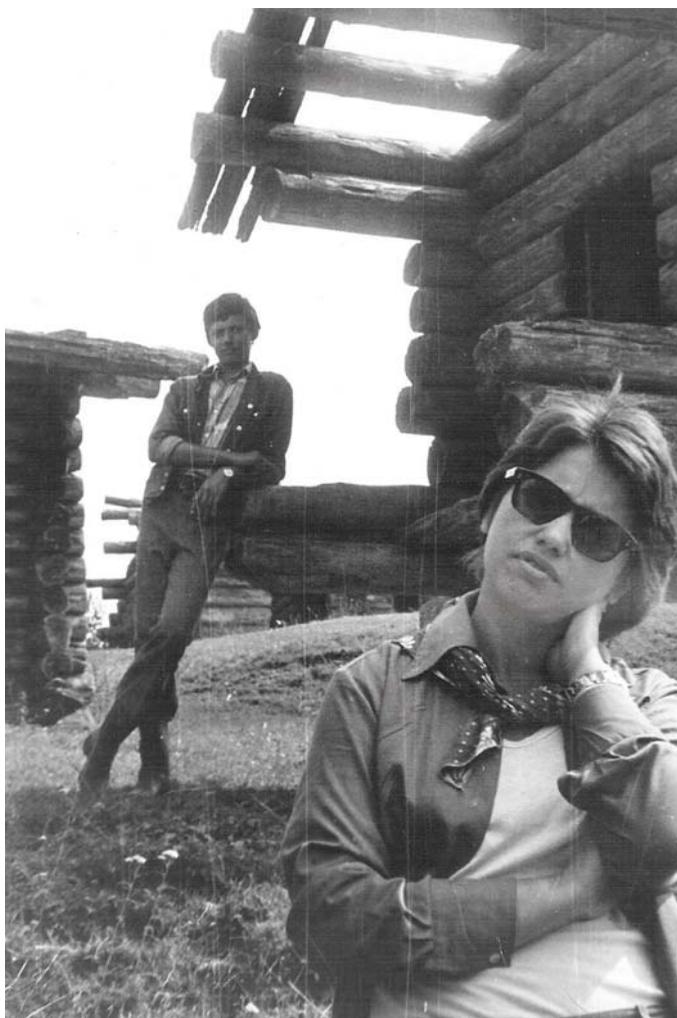
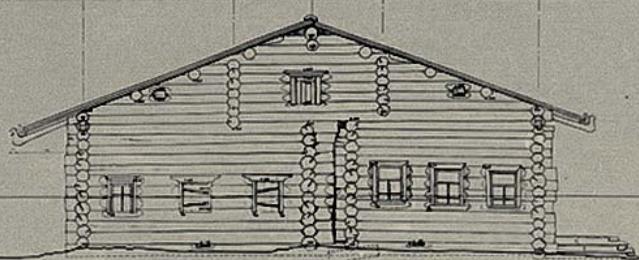

Рис. 290. Ольга и Андрей Севан на обмерах построек Сезонного поселения Хорнемская. Фото Н.П. Бровченко, 1977

Рис. 291. Архитектурный надзор за реставрационными работами в Сезонном поселении Хорнемская после перевозки в музей. Инженер музея З.М. Кузнецова, главный арх. проекта О.Г. Севан и плотники АСНРПМ, 1980

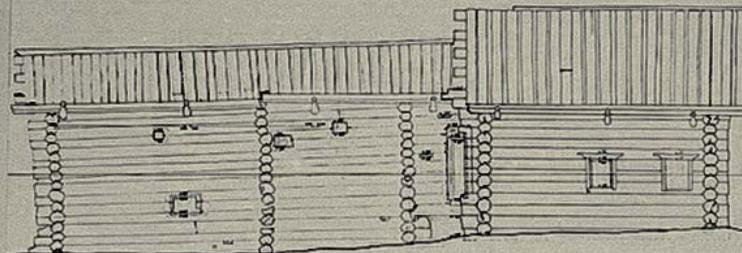

О Б М Е Р

МАСШТАБ 1:25

ГЛАВНЫЙ ФАСАД

МАСШТАБ 1:25

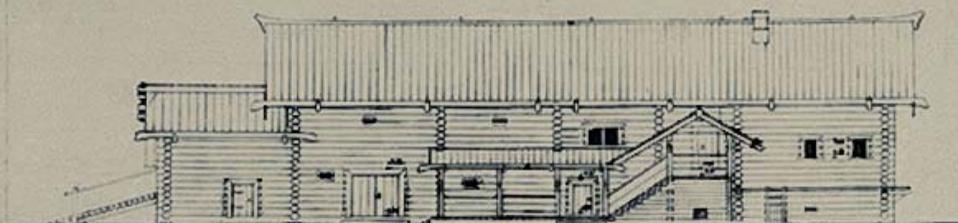
БОКОВОЙ ФАСАД

П Р О Е К Т

АВТОРЫ ПРОЕКТА РЕСТАВРАЦИИ
БРОВЧЕНКО Н. П. СЕВАН О. Г.

ГЛАВНЫЙ ФАСАД

БОКОВОЙ ФАСАД

Рис. 292. Дом Морозовой
в дер. Кучкас, Пинежский р-н.
Обмер и проект. Дом предполагался
к перевозке в музей.
Арх. Н. Бровченко, О. Севан, 1979

Рис. 293. Улица.
Дер. Веркола,
Пинежский р-н.
Фото автора,
1986

Мезенский сектор

Мезенский сектор – наиболее значимый в ландшафтной панораме музея «Малые Корелы». На сегодня это один из наиболее аттрактивных частей музея, воспроизводимый во всех туристических путеводителях, представляющих музей «Малые Корелы» по всему миру – сегодня это его визуальный бренд.

Здесь демонстрируется культура населения реки Мезени, которая протекает на северо-востоке Архангельской области. Русское население ее состоит в основном из потомков переселенцев из новгородских, ростово-суздальских и московских земель, а верховья реки и ее приток Вашка заселены народом коми. Большинство деревень на Мезени сбегают в лощины – «щели» (дер. Палашелье, дер. Конещелье и т. п.), поскольку река с ее крутыми глинистыми берегами продувается резкими северными ветрами. Многие селения среднего течения и низовьев реки тесными рядами домов выходят к крутым берегам, укрепленным рублеными бревенчатыми стенками, предотвращающими оползни грунта. Эти укрепленные откосы застраиваются амбарами, банями, ледниками и колодцами. Система бревенчатых срубов, подпорных стенок, построек и ограждений, высящиеся кое-где обетные кресты придают деревням (дер. Кимжа, Козьмогородское, дер. Усть-Нермацкая) неповторимый архитектурный облик.

Территория Мезени в историко-культурном отношении подразделяется на две части – на земли верховья и среднего течения, а также среднего течения и низовья реки. В верховьях Мезени в основном распространены жилые дома-брусы с четырехстенными (одно- и двухэтажными) и пятистенными избами. Пятистенные срубы здесь встречаются значительно реже, чем в среднем течении реки или в ее низовьях. Основными постройками, сохранившимися в части Лешуконского и Мезенского районов Архангельской области являются большие, на высоких подклетах, или двухэтажные шестистенки-«двойни», когда два жилых сруба стоят рядом под одной кровлей (рис. 139).

Мезенский сектор в музее «Малые Корелы» представляет сельское поселение, где основным занятием жителей было рыболовство. Этот промысел был распространен по многим северным рекам, в том числе на

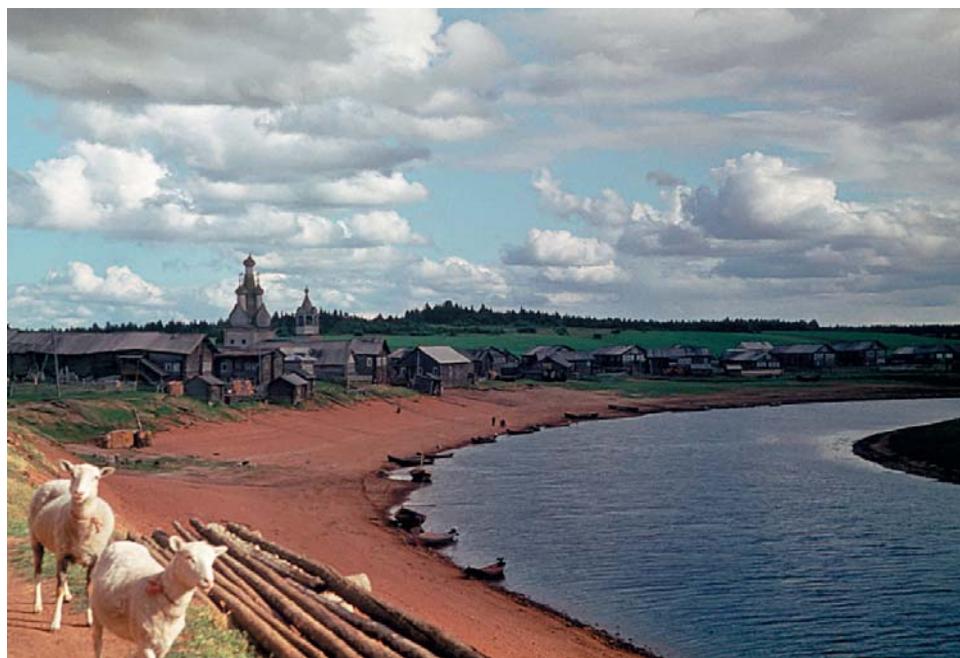

Рис. 294. Общий вид
села Кимжа,
Мезенский р-н
Архангельская обл.
Фото Н. Тарасенко,
1972

Мезени, что нашло отражение в культуре и быте населения, в жилых и хозяйственных постройках. Планировка сектора решена в виде однорядной застройки с четырьмя жилыми комплексами усадеб, поставленными на краю берега р. Корелки, на высоком холме. Образ мезенской деревни воспроизведен авторами сектора за счет сочетания различных элементов, исследованных в природе и представленных в обобщенном виде на новой территории музея²⁶⁴. Береговая полоса спуска решена в виде подпорной стенки, что встречается повсеместно на Мезени, с своеобразным решением площадок, на которые поставлены амбары и бани. Реально такого типа спуска не было выявлено в природе, но в музее предлагаемая конструкция позволяла представить различные типы хозяй-

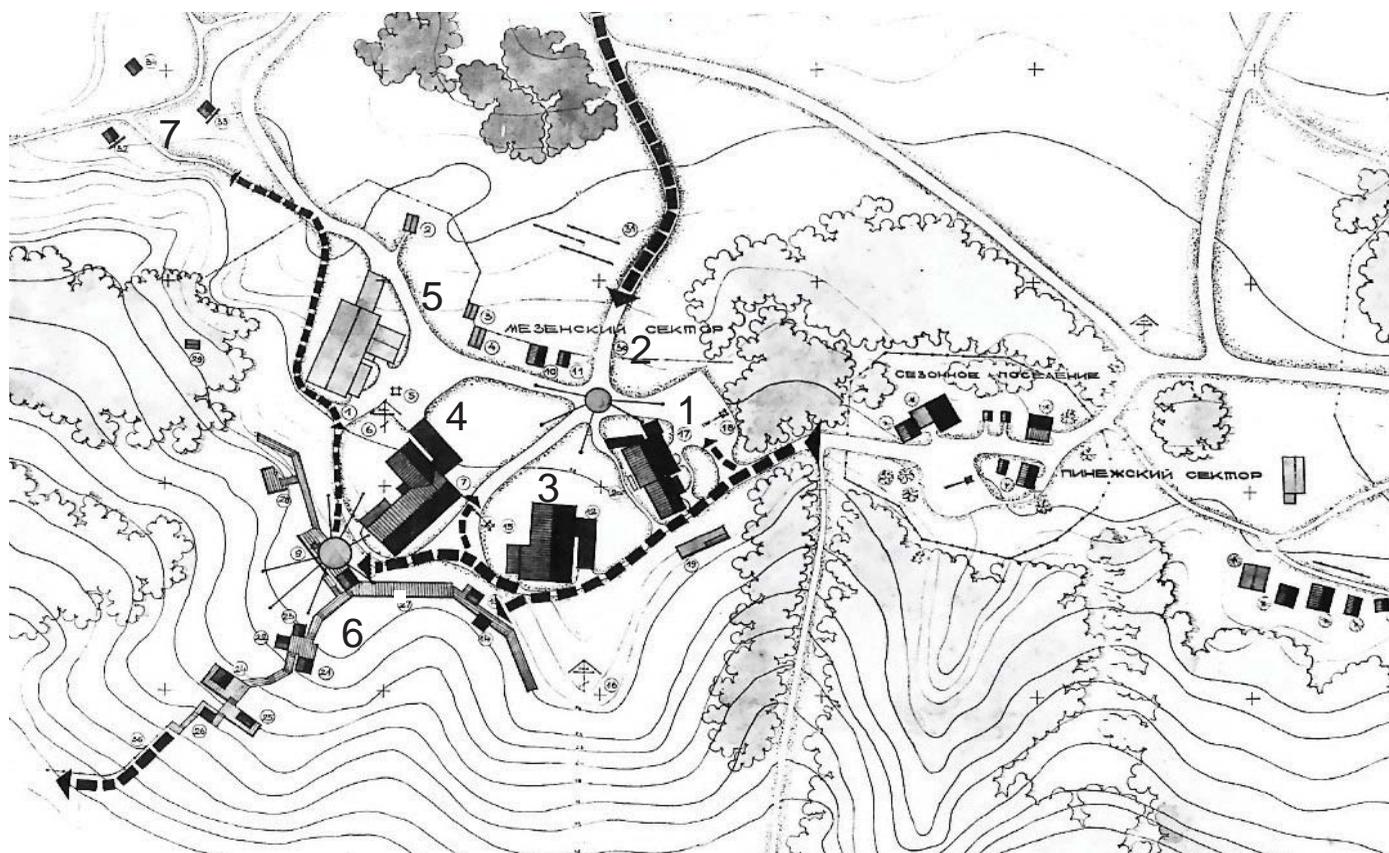
Рис. 295. Одигитриевская церковь
1700 г. в селе Кимжа, Мезенский р-н
Архангельская обл. Фото автора,
1975

ственных построек на разноуровневых площадках и решить спуск к реке Корелке. На таких стенках, уширяющих улицу деревни и одновременно укрепляющих береговой откос от осыпания и оползней, поставлены колодец, поленницы дров, лавки для отдыха. Все эти малые формы вместе с огромными жилыми домами разных типов (в соответствии с разработанной типологией – рис. 139) представляют собой единый комплекс поселения Мезенского сектора. С задней стороны домов, на краю усадеб стоят амбары, а поселение обнесено изгородью и воротами (рис. 297).

Исследования и обмеры поселений на р. Мезени, рисунки в натуре, послужили основой проектов и восстановления усадеб и деталей Мезенского сектора. Аналогом для восстановления колодца на подпорной стенке сектора была усадьба Порыгина в д. У.-Нермацкая (рис. 301). А конструктивными образцами для подпорной стенки послужили ее различные варианты, замеренные во множестве деревень (дер. Кимжа, Козьмогородское и др.), а позже систематизированные в таблицах. Хотя и искусственно созданная деревня Мезенского сектора производит впечатление сложившегося естественного поселения, поскольку с самого начала проектирования она позволила авторам использовать весь исследовательский опыт, проанализировать, переработать всё увиденное, в т. ч. из литературы. Этот методический принцип проектирования – соединения научного знания с художественно-пространственным анализом и проектно-реставрационным подходом был разработан и реализован в этом проекте в полной мере. Видение общего и целого, как и различных проектных деталей, наряду с практической реализацией проекта в музее «Малые Корелы» дало свой результат, чему можно

Рис. 296. Общий вид деревни на берегу р. Мезени, Архангельская обл. Фото автора, 1975

1. Усадьба Федотовой из дер. Лебское Лешуконского р-на
 - Дом-двор (жилье – двухэтажный четырехстенек)
 - Амбар
 - Колодец-журавель
 - Береговая подпорная стенка с поленницей дров

2. Полевые ворота и изгородь

3. Усадьба Кузьмина из дер. Чучепала Лешуконского р-на
 - Дом-двор (жилье – шестистенок-двойня)
 - Амбар, ледник, колодец-журавель, баня

4. Усадьба Лимонникова из дер. Елкино Мезенского р-на
 - Дом-двор помора (жилье – шестистенок-двойня?)
 - Амбары
 - Колодец, баня

5. Усадьба Клокотова В.Я. (Шарыгиных)
 - Дом-двор (изба-пятистенек)
 - Баня
 - Амбары,
 - Колодец-ворот
 - Обетный крест

6. Береговая подпорная стенка
 - Родник
 - Площадка для отдыха
 - Амбар, ледник
 - Ограждение спуска к реке пряслowego типа

7. Мельницы-столбовки и амбар (полевой)

Рис. 297. Проект
 детальной планировки
 Мезенского сектора АМДЗ
 (авторы О. Севан,
 Н. Бровченко, 1978 г.)

Рис. 298. Панорама
 части Мезенского
 сектора музея.
 Акварель автора.
 Проект, 1978

сегодня радоваться. Это был удачный опыт и интересный пример для творческой работы автора.

При восстановлении подпорной стенки сектора использованы исследования по типологии хозяйственных и инженерных сооружений Русского Севера (рис. 174, 177, 179, 183)²⁶⁵. Здесь учтены основные варианты конструкций стенок, их ограждений и пр.

Различные типы амбаров, бань, ледник, а также ворота и изгороди уже восстановлены в секторе по разработанным проектам, органично вписываясь в ландшафт местности.

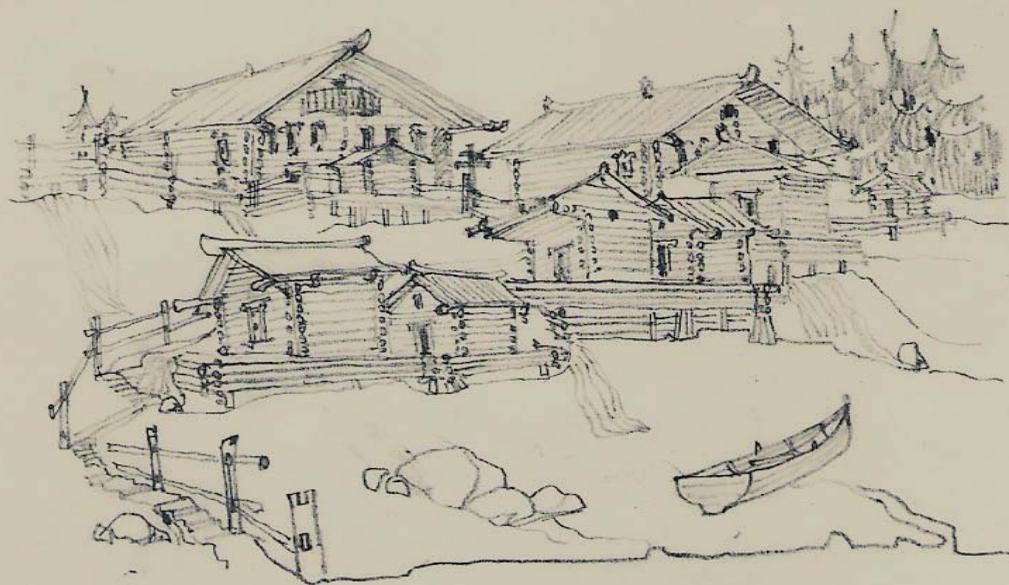

Рис. 299. Первый вариант проекта Мезенского сектора музея. Рис. автора, 1978

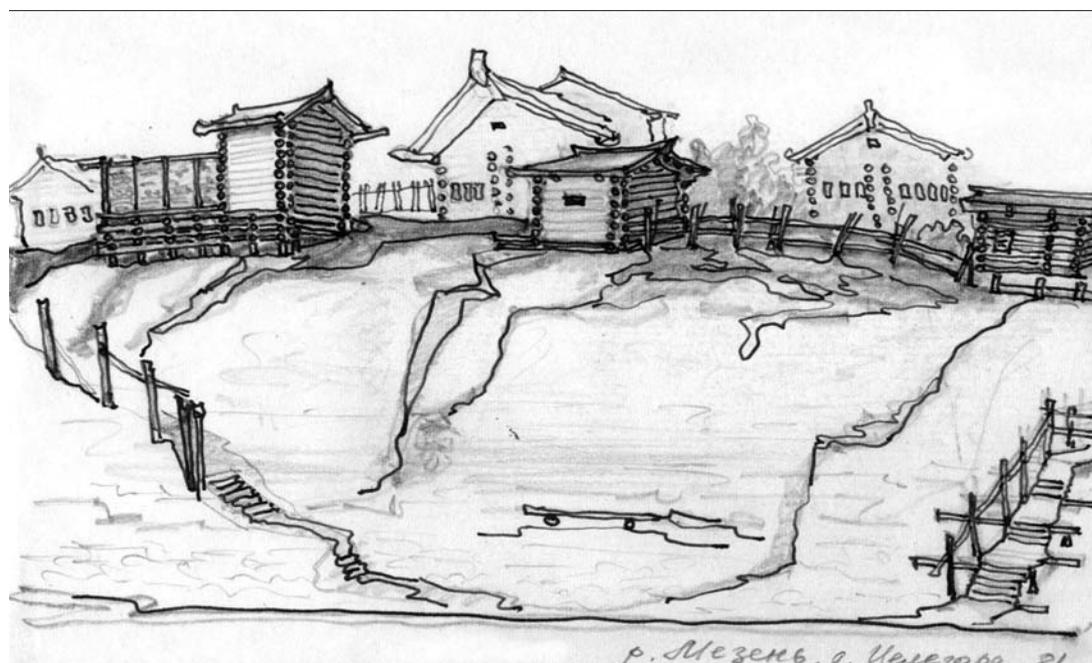

Рис. 300. Дер. Целегора, Мезенский р-н Архангельской обл. Рис. автора, 1981

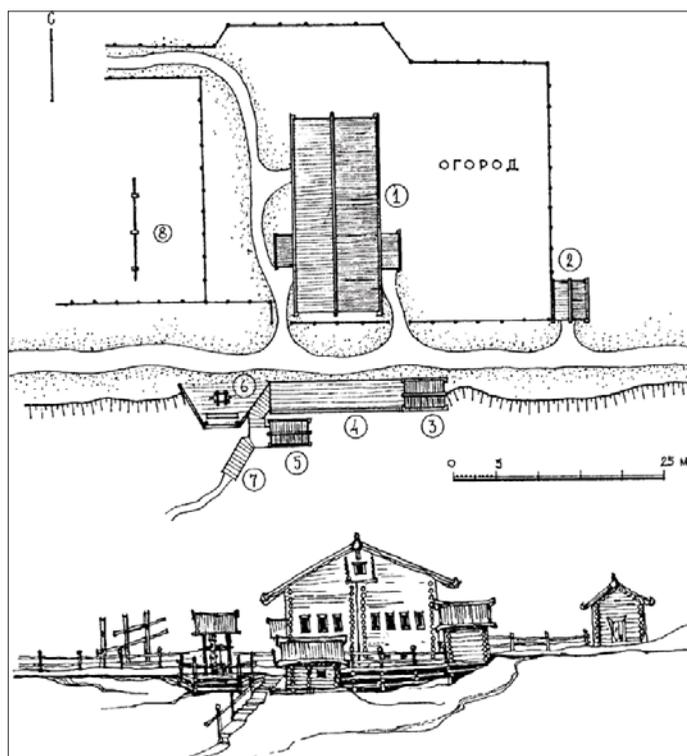

Рис. 301. Усадьба Порыгина в дер. У.-Нермацкая, р. Мезень – пример используемого «образа» в центральной части Мезенского сектора в АМДЗ. Обмеры и рис. автора, 1981

Рис. 302. Колодец с колесом в усадьбе Порыгина в дер. У.-Нермацкая, р. Мезень – пример используемого «образа» в центральной части Мезенского сектора в АМДЗ. Фото автора, 1981

Рис. 303. Амбар В.С. Мухревой «с конем» до перевозки, выявленный в дер. Мелегора на р. Мезени. Рис. автора, 1979

Рис. 304. Амбар Мухревой «с конем» после перевозки и восстановления в Мезенском секторе музея «Малые Корелы». Фото автора, 2006

Рис. 305. Амбар и колодец на береговой подпорной стенке в Мезенском секторе музея. Фото автора, 2006

Рис. 306.
Вид подпорной стенки
и амбара Мухревой
в Мезенском секторе
музея. Фото
автора, 2011

Рис. 307. Мезенский
сектор музея «Малые
Корелы». Ледник и амбар
на береговой подпорной
стенке. Фото автора,
2005

Рис. 308. Амбары и бани на подпорной стенке Мезенского сектора музея «Малые Корелы». Фото автора, 1985

Рис. 309. Амбар с гнетом и огнивом Ю. Титова, дер. Азаполье, р. Мезень, Архангельская обл. Фото автора, 1975

*Рис. 311. Усадьба
и дом-двор Лимонникова
в дер. Елкино,
Мезенского р-на
до перевозки в музей.
Фото В. Сулина, 1975*

*Рис. 312. Дом-двор
Лимонникова из дер.
Елкино Мезенского
р-на, восстановленный
в Мезенском секторе
музея. Фото автора,
2005*

*Рис. 313. Усадьба и дом
Клокотова В.Я. в дер.
Заозерье, Лешуконского р-на
Архангельской обл.
Фото автора, 1983*

*Рис. 314. Расписное
входное крыльцо до
В.Я. Клокотова.
Дер. Заозерье,
Лешуконский р-н.
Фото автора,
1983*

ГЕНПЛАН Д. ЗАОЗЕРЬЕ М 1:2000

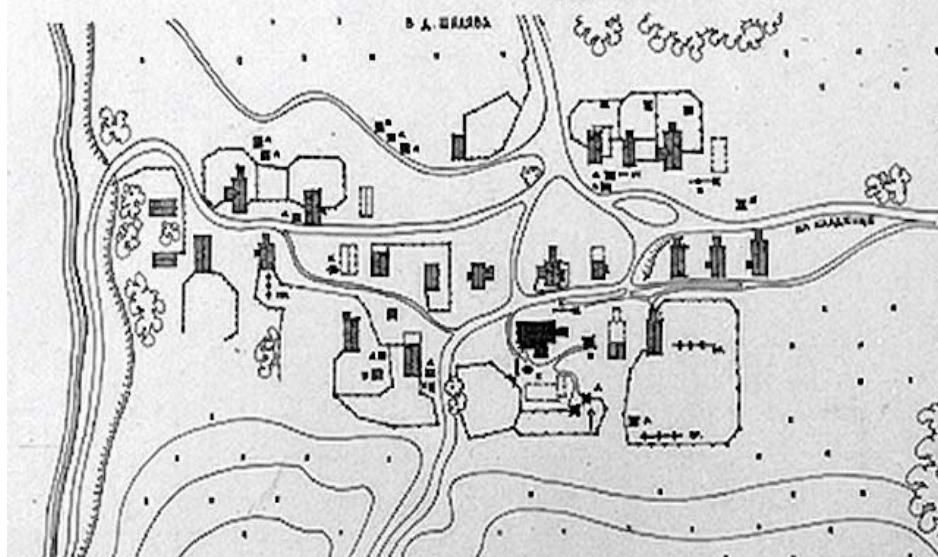

Рис. 315. Схема плана
дер. Заозерье
(М 1:2000)
с размещением усадьбы
В.Я. Клоктова.
Обмер 1983

ПЛАН НА ОТМ. +2.00

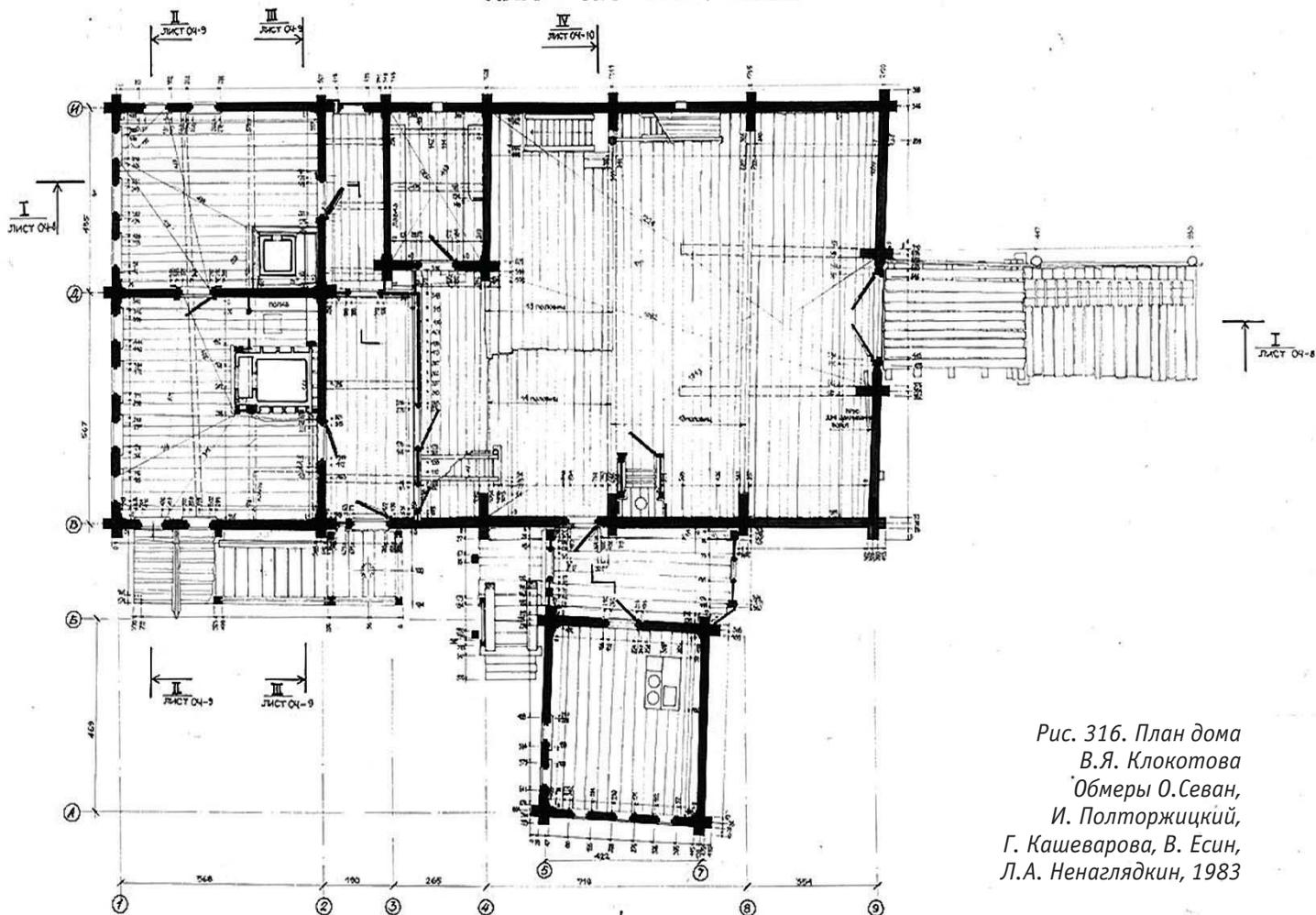
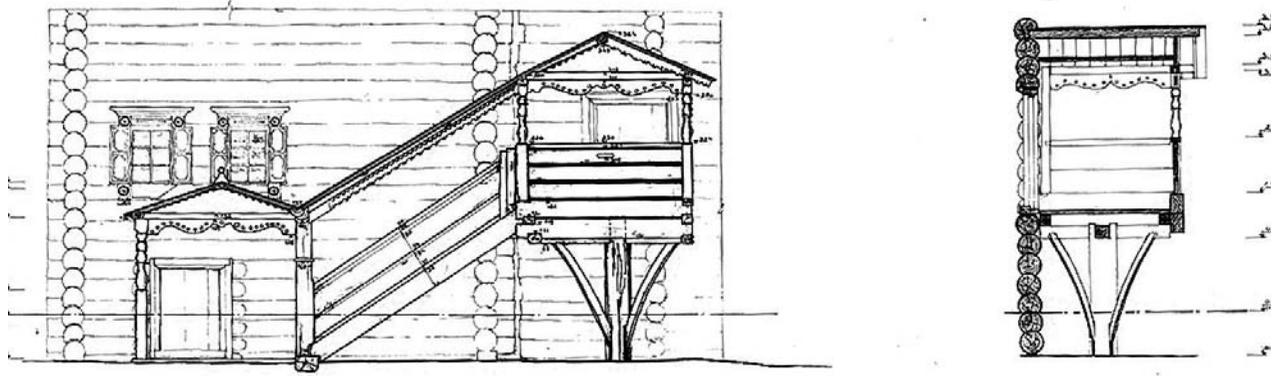

Рис. 316. План дома
В.Я. Клоктова
Обмеры О.Севан,
И. Полторжицкий,
Г. Кашеварова, В. Есин,
Л.А. Ненаглядкин, 1983

ПЛАН НА ОТМ. 1.20

ПЛАН ФУНДУКА КРЫЛЬЦА

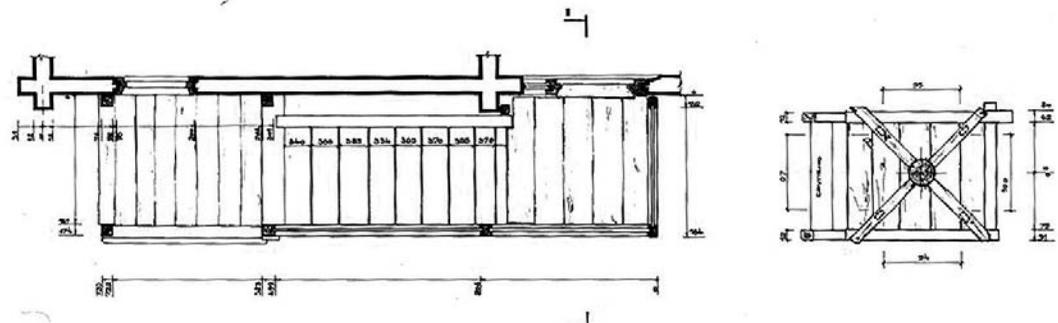

Рис. 317. Крыльцо на одном столбе жилого дом Клоктова В.Я. в дер. Заозерье, Лешуконского р-на. Обмеры О.Севан, И. Полторжицкий, Г.Кашеварова, Л.А. Ненаглядкин, В. Есин, 1983 г.

Рис. 318. Крыльцо на одном столбе жилого дома Клоктова В.Я. в дер. Заозерье, Лешуконского р-на. Фото арх.В.А. Лапина, 1960-е г.

*Рис. 319. Жилой дом
Клоктова из дер. Заозерье
в Мезенском секторе музея
во время реставрации.
Лето и зима 2011*

Рис. 320. Обетный крест, установленный в 1899 г. в дер. Козьмогородское Мезенского р-на, воссоздан у подпорной стенки в музее. Фото автора, 2011

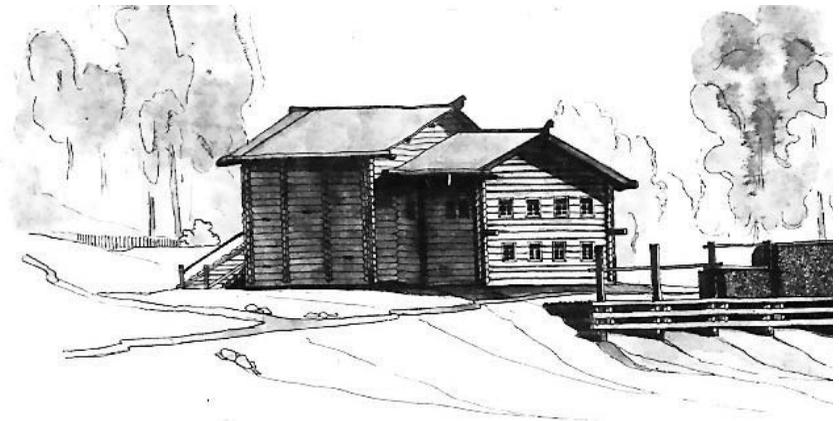
Рис. 321. Столб основания дер. Березник Лешуконского р-на, воссоздан на территории Мезенского сектора музея. Фото автора, 2011

Рис. 322. Входные ворота на территорию Мезенского сектора в музее. Воссозданы в 1985 г. по обмерам и проекту автора. Фото Муравлевой В.А., 2006

Рис. 323. Мезенская стенка
с поленницей дров
у дома Федотовой. Проект.
Арх. О. Севан, В. Муравлева,
1984

ГЕНПЛАН. М 1:200

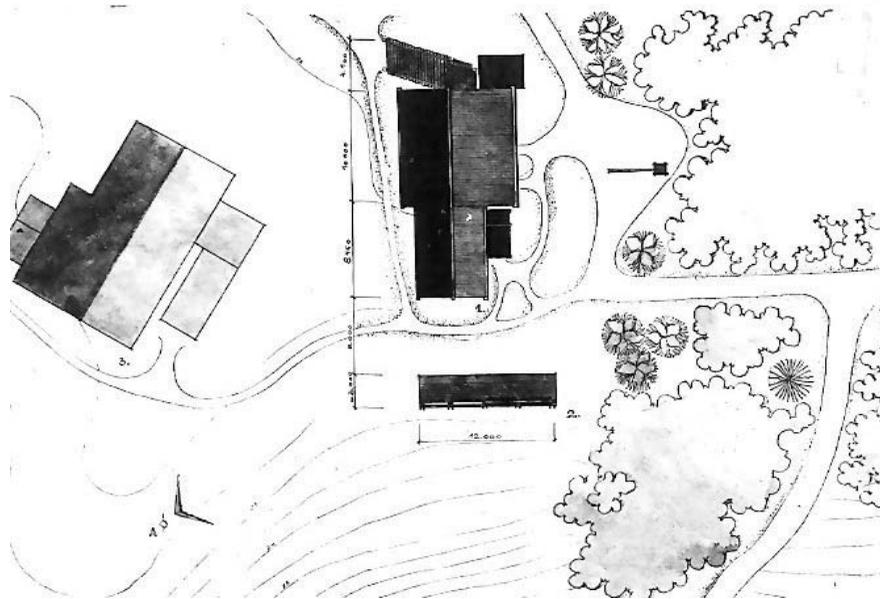
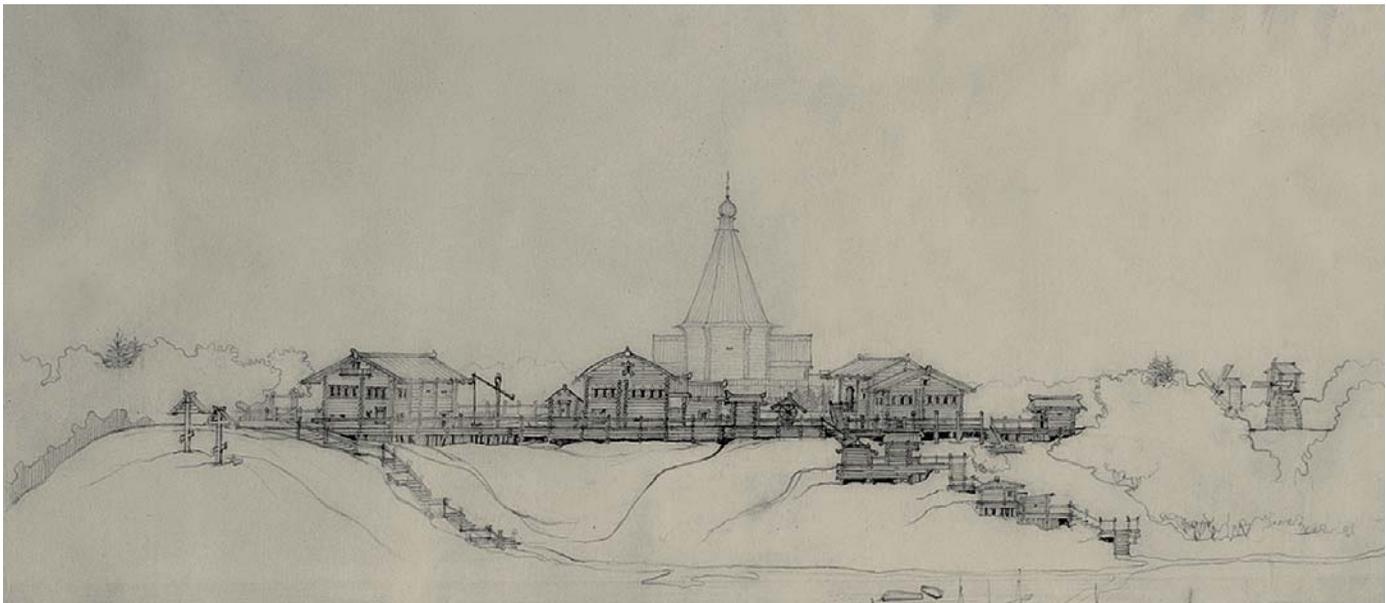
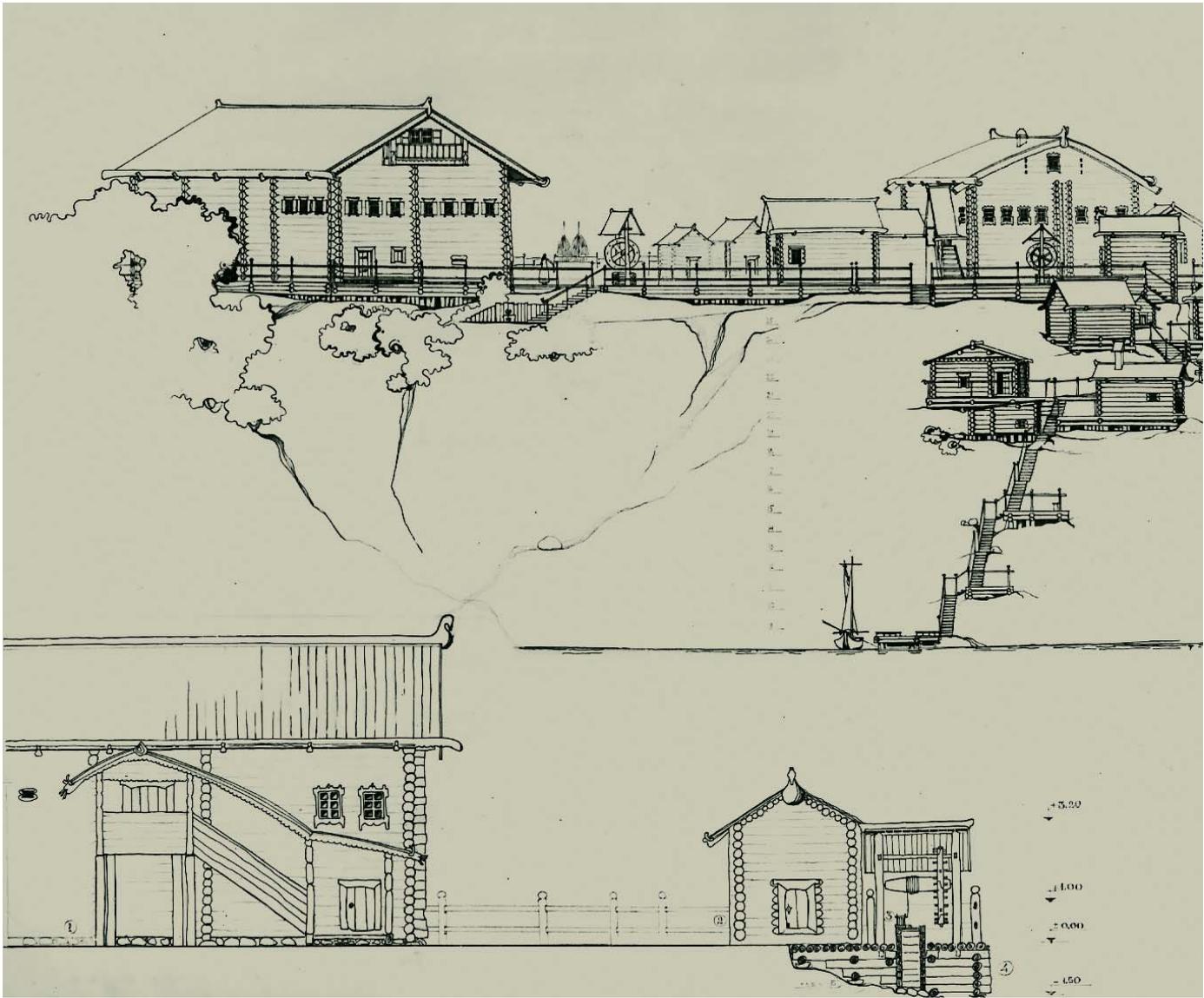

Рис. 324. Образец
подпорной стенки
в дер. Целегора,
Мезенский р-н
Архангельская обл.
Фото автора, 1979

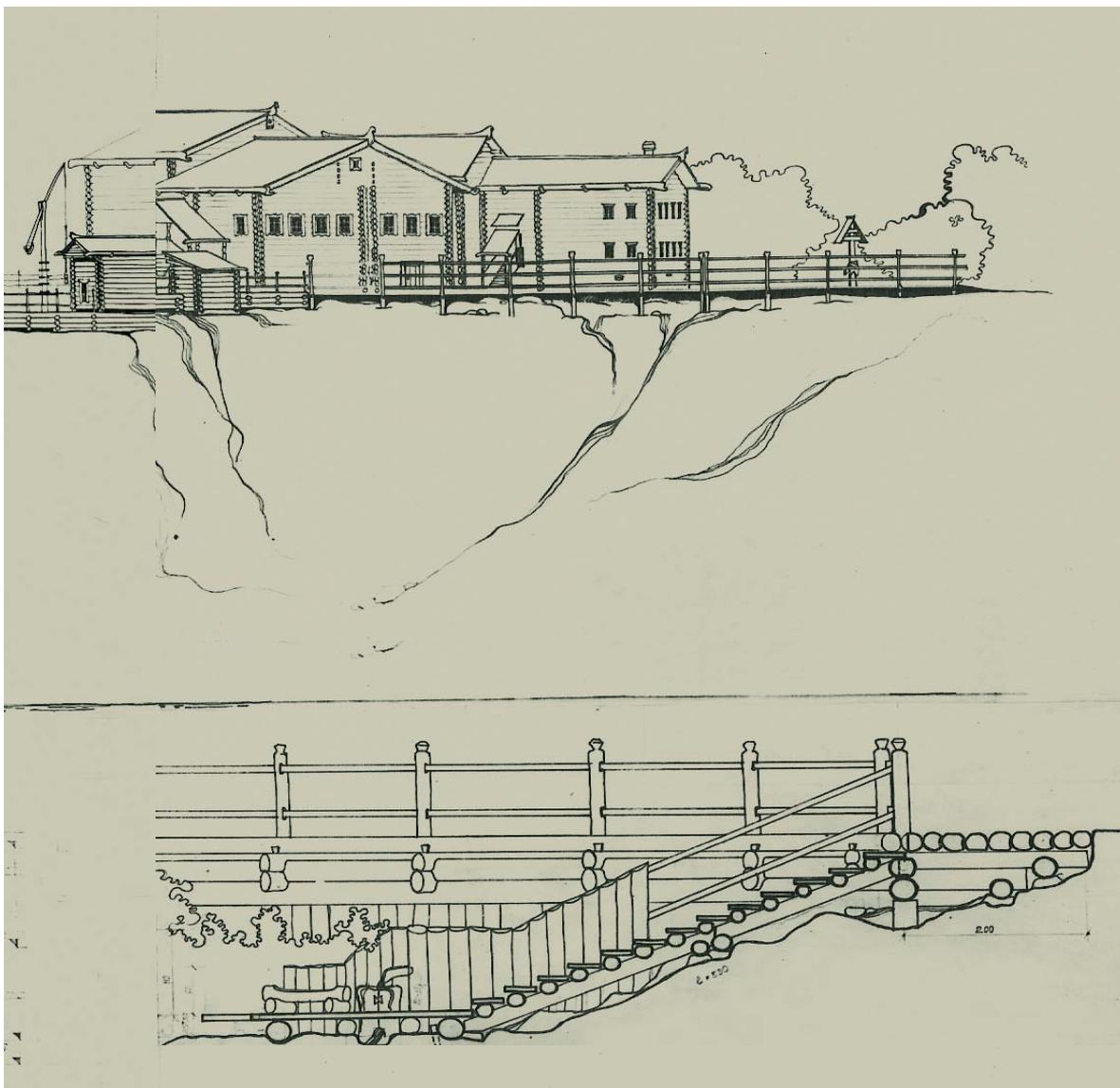

Рис. 325. Панорама Мезенского сектора музея и деталей подпорной стенки. Проект. Авторы О. Севан, Н. Бровченко, 1979

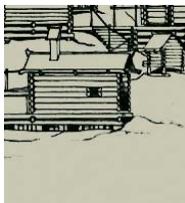
Рис. 326. Панорама части Мезенского сектора музея. Рис. автора. Проект, 1979

*Рис. 327. Панорама
реализованного проекта
Мезенского сектора
со стороны р. Корелки.
Фото автора, 2006*

Поморский сектор

Это один из тех секторов музея «Малые Корелы», который до сих пор не имеет ни утвержденного проекта детальной планировки, ни развернутой идеи восстановления поморской культуры. Только в последние годы начинается работа по осмыслению его проектирования и отбору сооружений в рамках уточненного генплана музея 2006 г. Очевидно, что в музее стоит проблема не только перевозки памятников с береговой полосы Белого моря, но и охраны уже перевезенных сооружений на территорию музея. В этой связи возможен вариант совмещения небольшой части поморских построек (тони, рыбацкие амбары, лодки и пр.) в нижней части Мезенского сектора, под лестничным спуском к речке Корелке. Очевидно, что для такого проекта музейным сотрудникам стоит разработать и утвердить его тематико-экспозиционный план. Но данный проект пока обсуждается, и только в будущем станет ясно, каким образом в данном секторе будет реально представлена культура поморов и памятники.

*Рис. 328. Ограда
вокруг мезенской
деревни.
Фото автора,
1975*

Глава 4
Современное состояние музея
деревянного зодчества
«Малые Корелы»

Город Каргополь. Рис. автора, 1982

Известно, что среди отечественных музеев под открытым небом музей «Малые Корелы» занимает одно из центральных мест, поэтому и требования к его организации и функционированию оказываются опережающими и требуют, в свою очередь, современных методов его управлением и развитием. Международный опыт показывает различные подходы в этом направлении; кроме того, уже давно признана роль культуры и соответствующих учреждений в формировании территориальных сообществ. Развитие высокотехнологичных производств на той или иной территории зависит от уровня культуры населения, но в нашей стране имеющийся потенциал культуры задействован слабо. Инвестировать ресурсы в обсуждаемую сферу в качестве необходимой предпосылки территориального развития решаются немногие²⁶⁶. Отсутствие ясных целевых установок, апробированных управленческих механизмов и способов работы, которые позволили бы использовать культурные ресурсы значительно эффективнее, мешает продвижению программ и проектов.

С течением времени стало очевидно, что музеи под открытым небом способны оказывать существенное влияние на развитие форм архитектурного творчества, строительные и ремесленные традиции, отнюдь не утратившие значения в современности²⁶⁷. В музеях появилось много экспериментальных проектов: издательские, образовательные, выставочные, производственные и другие. Здесь сохраняются востребованные сегодня и необходимые в будущем образцы исторических сооружений, промыслов, различных технологий и производств. Благодаря музеям под открытым небом, в частности и музею «Малые Корелы», «культура дерева» может оказаться способной занять значимое место в ее реальном воплощении в современном производстве, в том числе и нематериальных ценностей²⁶⁸.

К сожалению, многие позитивные европейские тенденции не получили должной поддержки и развития в ряде российских музеев, как и не наблюдается активного внедрения новых форм работы. В последние десятилетия имелся и ряд нерешенных организационно-управленческих, научно-методических и экономических проблем, как и стереотипов профессионального подхода музейных работников в развитии музейной деятельности²⁶⁹. Поэтому для решения таких вопросов требуется проведение специальных исследований, разработок и целенаправленных усилий по организации социально-культурной деятельности разного типа музеев. Они могли способствовать решению как традиционных задач (охранные,

просветительские, образовательные, рекреационные), так и новых (вовлечение ресурсов национального наследия в современные, рыночно регулируемые социально-экономические процессы)²⁷⁰. Этому уделяется заметное внимание в последние годы²⁷¹. В такой ситуации возникла необходимость разработки специальных управленческих инструментов, которые могли бы быть использованы региональными деятелями культурной политики и учреждениями культуры.

Одним из таких инструментов стали программы развития, интегрированные в иные действующие в регионе стратегии, программы и проекты. Они позволяют найти новых партнеров, получить доступ к ресурсам и освоить новые информационные технологии. Но одновременно решаются и проблемы сферы культуры²⁷². Это касается разного типа музеев, в том числе музеев под открытым небом – скансенов и «in situ», поскольку они отражают особенности локальной и региональной культуры, сохраняют традиции, определяют образы территории в общественном сознании, формируют и продвигают наиболее значимые для местности бренды и торговые марки.

Понимание существенной роли музеев в социально-экономическом развитии региона пока еще не стало достоянием профессионального, а тем более массового сознания. Многие музеи сегодня поставлены на грань выживания, их ресурсы (памятниковые и интеллектуальные) истощаются и деградируют. Замедление процесса формирования собраний музеев деревянного зодчества, аварийное состояние памятников, нехватка профессиональных кадров – это показатели кризиса, который сегодня переживают российские музеи. Оценка сложившейся ситуации, в частности в рассматриваемом нами музее, как критической стала основной причиной разработки «Программы сохранения и развития музея деревянного зодчества "Малые Корелы"» в 2006 г.

Программа сохранения и развития музея деревянного зодчества «Малые Корелы»²⁷³

Основные задачи Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» были обозначены музейщиками уже давно в его названии, но на новом этапе работы были предприняты современные подходы к его формированию и развитию. Участие автора данного текста²⁷⁴ в разработке обсуждаемой программы и в дальнейшей корректировке предложений к новому генеральному плану музея было актуальным, поскольку были частично учтены проведенные за последние годы исследования и наработки, касающиеся программ развития территорий, социально-культурных и других их аспектов²⁷⁵.

Вкратце основные приоритеты проекта Программы на 2006 г. таковы: Планирование, организация функционирования и развития музея должны строиться с применением программных и проектных методов управления, т. е. была необходима модернизация системы управления. При разработке программы был проведен анализ ситуации, проблем и возможностей музея. Кроме того, важным был аудит ресурсов, осмыслена миссия музея, цели, задачи, приоритеты, определены подпрограммы и различные проекты. Были определены механизмы реализации Программы развития и управления, проанализированы новые технологии и реальные управленческие ресурсы. Этапы реализации взаимосвя-

ны с бюджетом программных мероприятий, бывшим на тот период неопределенным.

Требовалось повышение социальной эффективности деятельности музея, т. е. взаимосвязь исследовательской работы музея с оптимизацией его ресурсного обеспечения (памятники, коллекции, информация). Помимо исследований академического характера, что важно для научного коллектива музей-

Рис. 329. Сообщение О.Г. Севан о новом варианте Генерального плана музея на Ученом Совете музея «Малые Корелы». Декабрь, 2006

*Рис. 330. Демонстрация
арх. Н. В. Белоусова
и Н. Соловьева проекта
Входной зоны музея. Ученый
Совет музея «Малые Корелы».
Декабрь, 2006*

ных сотрудников, было необходимо перейти к практической реализации ряда

научных разработок (программы, проекты, методики и т. п.).

Требовалась модернизация организационной структуры музея, т. е. укрепление действующих и создание новых структурных подразделений, ориентированных на развитие музея. Речь шла о создании новых служб: отдела информационных технологий и оперативной полиграфии, общественных связей, отдела маркетинга и рекламы²⁷⁶, а также об упорядочении структуры и организации деятельности подразделений в сфере безопасности, учета, мониторинга, реставрации, обслуживания территорий, обслуживания посетителей и текущего содержания памятников. Последний аспект заслуживает специального рассмотрения и привлечения специалистов для ведения архитектурного и технического надзора, который бы обратил внимание руководства музея на данную проблему²⁷⁷. Вопрос сохранности памятников стал достоянием и обсуждением общественности в Интернете²⁷⁸.

С учетом увеличения площади музея (с 75 до 139 га) был поставлен вопрос о корректировке и разработке новой проектной документации. Это касалось необходимости разработки и утверждения охранных зон музея, включая культурные ландшафты вокруг него; уточнение границ зоны регулируемой застройки, что так и не сделано до сих пор. Был разработан вариант проекта и проведено уточнение Генерального плана музея, а также его функциональное зонирование²⁷⁹. В его структуре были выделена зона собственно старой части музея с утвержденными в 1975 г. границами и секторами-деревнями и вновь добавленной территорией. То есть идея этого варианта генплана заключалась, с одной стороны, в

*Рис. 331. Арх. В.А. Муравлева,
О.Г. Севан во время работы
над уточненным Генеральным
планом музея «Малые Корелы»
и его функциональным
зонированием. Сентябрь, 2006*

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ БАЗА МУЗЕЯ

СПОРТИВНО-ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДЕРЕВНЯ

КАРГОПОЛЬСКО-ОНЕЖСКИЙ СЕКТОР

Входная зона музея

Рис. 332. Проект уточненного
Генерального плана музея
«Малые Корелы»
(функциональное зонирование).

Автор проекта:
канд. арх. О.Г. Севан,
при участии арх.
В.А. Муравлевой
и сотрудников музея. 2006.
Фрагмент

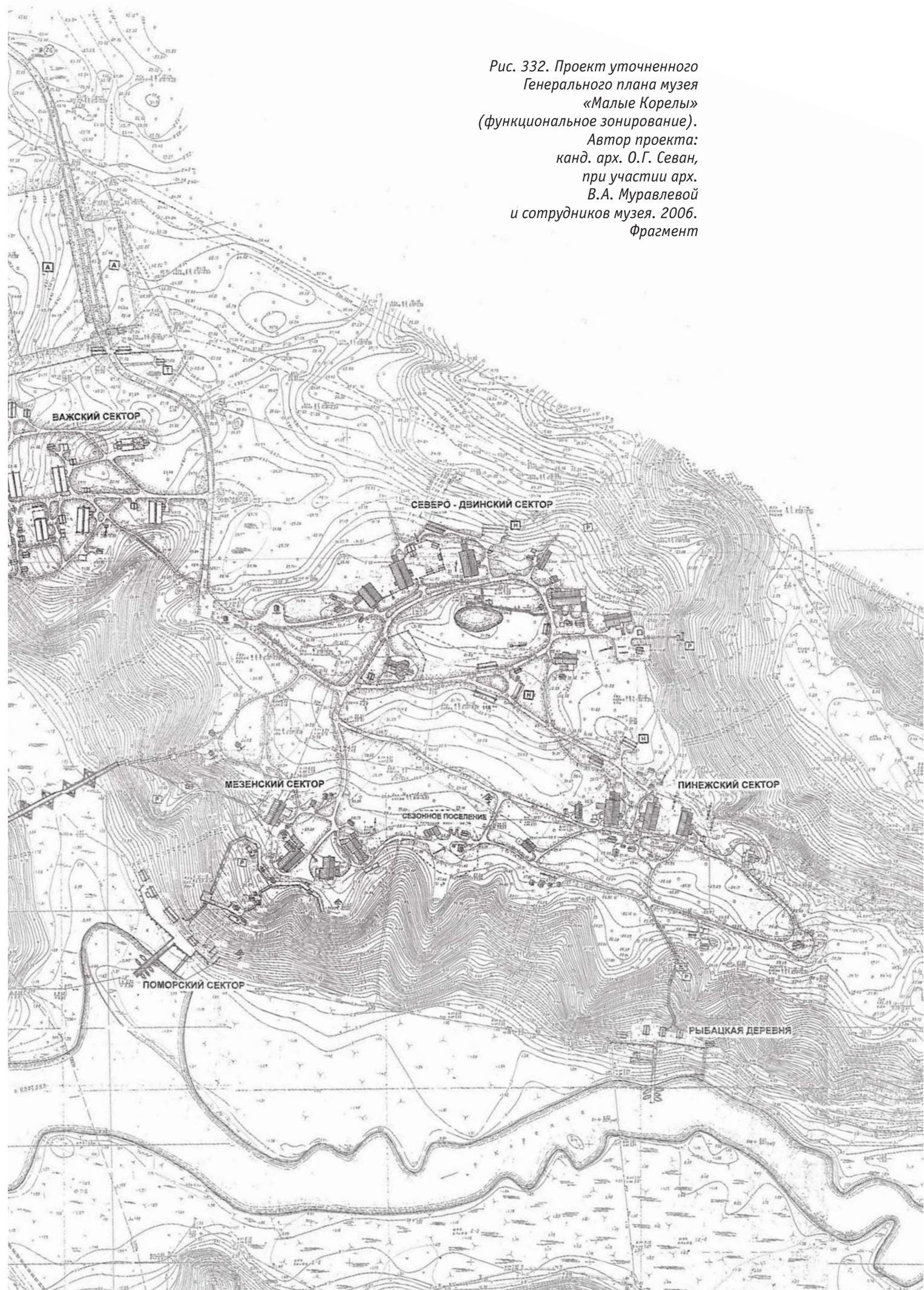

Рис. 333. Проектные предложения по Входной зоне музея «Малые Корелы». Главный фасад. Арх. Н. Белоусов, Н. Соловьев при участии О. Севан (Архитектурная мастерская Н.В. Белоусова «Обло»), 2006

создании «музея внутри музея» – сохранения и минимального включения дополнительных сооружений помимо тех, что были определены в ПДП секторов на старой территории. И с другой стороны – в будущем развитии музея на вновь отведенных землях.

Решался вопрос с организацией дополнительной входной зоны на территорию восточной части музея, где размещаются основные экспозиции С.-Двинского, Пинежского и Мезенского секторов. Это требовалось в связи с увеличением потока туристов и посетителей, особенно в праздничные дни. Строительство «Спортивно-туристической деревни», имеющей многорядную систему планировки, какой не было представлено ранее в музее, предлагалось начать в северной части новой территории, недалеко от существующей Лыжной базы. Туристами должны использоваться жилые и другие постройки, но их выход на основную музейную территорию ограничен. Кроме того, было выделено место для установки культовых сооружений при необходимости возможного переноса и сохранения и реставрации каких-либо памятников в будущем.

«Рыбацкая деревня» должна была бы разместиться на берегу речки Корелки, которую необходимо использовать для прогулок, для этого ее требуется расчистить, а для подъема воды обсуждался вопрос со

строительством небольшой плотины. Это маленькое поселение, с небольшими домиками для временного пребывания рыбаков, должно строиться на укрепленной площадке с береговыми конструкциями стенок, с лодками и пр. В разных частях музея предлагалось строительство современных навесов разных типов – построек для отдыха, торговли и питания посетителей²⁸⁰.

Кроме того, недалеко от входа в музей со стороны деревни Малые Корелы предлагается строительство «Экспоцентра» для демонстрации новых строительных технологий, материалов, элементов деревянного производства и пр.

Поскольку при входе в музей отсутствуют необходимые современные элементы инфраструктуры (кафе, магазины, комнаты отдыха и пр.), был предложен и разработан проект Входной зоны музея²⁸¹. Он состоит из двух блоков – деревянных срубов – для посетителей и сотрудников музея, которые выполнены в современных формах с учетом традиций и с осторожным применением новых материалов. Эти предложения были сделаны современными специалистами, известными в общественных и архитектурных кругах в сфере деревянного домостроения, получившими немало премий на различных конкурсах²⁸².

При входе в музей предлагается строительство здания с рестораном, выставочным залом, фондами, магазинами и пр. Эти новые современные сооружения должны быть спроектированы вне сложившейся исторической музейной территории, близ дороги у дер. Малые Карелы, и обслуживать не только приезжающих туристов, но и архангелогородцев и местных жителей. Само здание необходимо выполнить в

*Рис. 334.
Современное
состояние входа
в музей «Малые
Корелы». Фото 2005*

*Рис. 335.
Проектные
предложения
панорамы Входной
зоны музея
«Малые Корелы».
Арх. Н. Белоусов,
Н. Соловьев при
участии О.Севан,
2006*

современных формах деревянного типа, но не противоречащих окружающему ландшафту и музейному комплексу. Возможно проведение открытого архитектурного конкурса на данное сооружение.

Приоритетным в программе развития музея стало развитие сферы гостеприимства и заботы о посетителях. Поэтому важным было благоустройство территории, организация пунктов отдыха и питания. Первоначально дирекцией музея предполагалось временное размещение кафе в доме-памятнике XIX в. Пухова в Каргопольско-Онежском секторе, что совершенно неразумно, если исходить из соображений сохранности деревянного сооружения. В рамках нового варианта генплана нами предложено строительство копии жилого дома по соседству на специально отведенном для этих целей месте, выходящем к площади и к небольшому озеру, берег которого предполагалось укрепить и пр. Были разработаны проекты стационарных крытых площадок для посетителей, как для отдыха, так и для торговли. Они проектировались как быстровозводимые конструкции²⁸³. Кроме того, требовалась модернизация навигационной системы, организации игровых зон, повышение уровня комфортности открытых для посещения интерьеров памятников и сервисных площадок, организация информационных и визит-центров во входной части музея и в наиболее посещаемых секторах. Но все это задачи будущего формирования музея.

Помимо Интернет-сайта, который создан и функционирует, обсуждался вопрос о развитии информационной инфраструктуры музея. Необходимо создание сети терминалов доступа к музейным инфор-

мационным ресурсам в пространстве экспозиций и визит-центров, как и опорных точек информационной системы «Малых Корел» за его пределами. Речь идет о местах концентрации потоков потенциальных посетителей музея. Например, в центре г. Архангельска в 25 км от музея был создан Информационно-выставочный центр на базе усадьбы Куницыной на пешеходной улице города, Чумбаровке, «Старый Архангельск». Он был открыт в июле 2007 г. с целью организации рекламы музейных праздников, оформления туристических групп, встречи со спонсорами, распространения проспектов и пр. Он реально и многопланово работает и привлекает жителей города и приезжающих туристов.

Развитие системы общественных связей музея основывается на достижениях PR-технологий и современных сетевых методов социального проектирования. Это профессиональные и партнерские связи с другими музеями, научными, образовательными организациями, с властью разного уровня, с местным населением, бизнес-структурами и СМИ, с землячествами в других городах страны. Судя по музейным отчетам, такая работа в последние годы проводится²⁸⁴.

Наконец, требовалась модернизация правовой базы функционирования музея. Это разработка новой внутримузеейной нормативной документации, отвечающей современным требованиям, социально-политическим и экономическим реалиям нашего времени. Постепенно проводится унификация организационно-деловой документации музея с последующей автоматизацией документооборота на основе компьютерных технологий.

Музей давно приобрел популярность в России и известен в разных странах мира. В течение года основной поток посетителей приходится на зимние месяцы (это праздники Рождество, Масленица и др.)²⁸⁵. В летнее время число экскурсантов падает, осо-

Рис. 336. Информационно-выставочный центр музея «Малые Корелы» на базе восстановленной усадьбы Куницыной, г. Архангельск. Фото музея, 2007

Рис. 337.
На ярмарке в музее
«Малые Корелы».
Фото автора, 1985

Рис. 338. Народный
ансамбль на территории
Мезенского сектора
музея. Фото автора,
1985

бенно в осенне-весеннее время. Исходя из анализа посетителей и их места жительства, очевидно, что в основном это жители Архангельской агломерации. Многие из них летом проводят время на своих дачных или садовых участках, путешествуют и пр. Но динамика как посещаемости, так и выручки от посещений и другой деятельности очевидна. Прямая корреляция между праздниками, проводимыми музеем, ставит в большую зависимость дополнительных доходов от погодных условий и т. д. Результатом этого становится фактическая невозможность их планирования и известная нестабильность финансовой ситуации с ориентацией на их увеличение главным образом от проведения праздников, что наблюдается в настоящее время²⁸⁶.

Анализ собранных данных на период исследований показал заметные положительные тенденции, зафиксированные в структуре посещений музея, в том числе увеличение количества иностранных туристов²⁸⁷. А также снижение удельного веса в посещении музея льготных категорий граждан, ведущие к более стабильному уровню дополнительных доходов при равном количестве экскурсантов. Кроме того, руководство музея проводит анкетирование посетителей музея на предмет выяснения их потенциальных трат в музее и предполагаемого ими уровня цен. Предполагается необходимая работа с тарифами на основе социологических опросов и работа по привлечению на праздники определенных категорий посетителей. Уделяется внимание работе с рекламой в целевых группах и под заказ маркетинговых исследований.

В рамках обсуждаемой Программы развития музея вставал вопрос об организации совместных проектов и партнерств с соседними поселениями, с их администрациями, населением, частным сектором в частности, с туристическим комплексом «Малые Карелы». С этой целью нами было предпринято исследование и семинар²⁸⁸. Он имел некоторый успех, поскольку позже были установлены взаимовыгодные отношения между соседствующими организациями, в частности между музеем и туристическим комплексом.

Рис. 339. Плакат
организации
«Праздника Ивана
Купала» в музее
«Малые Корелы»

Рис. 340. Плакат
организации «Георгиева
дня» в музее «Малые
Корелы»

Рис. 341. Лавка-магазин
народных промыслов
и ремесел в музее
«Малые Корелы»

Музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» в структуре поселения Уйма Приморского района Архангельской области²⁸⁹

Введение

Музей «Малые Корелы» расположен на территории муниципального образования «Уемское» Приморского района и непосредственно около деревни Малые Карелы. В соответствии с Программой развития музея стало необходимым выявить взаимодействия музея с соседними территориями и поселениями с целью анализа прошлой и современной ситуации для использования полученных данных при разработке проектов его развития.

Но в этой связи стало необходимым понимание изменений, связанных с политической, социально-экономической и культурной ситуацией последних десятилетий по регионам России, в том числе и в Архангельской области. Такой анализ показывает, что в настоящее время все большее значение в жизни этих территорий приобретают инновационные и экспериментальные проекты. В свою очередь, это ставит вопросы взаимоотношений и поиска компромиссов на всех уровнях власти, взаимодействия с вновь появившимся частным сектором, общественными и государственными организациями, при участии населения в программах и проектах развития. В ряде территорий, возможно и в неявленном виде, возникает потребность в междисциплинарных разработках, которые направлены на создание новой практики их развития и создания программ как для сельских населенных пунктов, так и городских. Важным становится учет различных объектов на территории, будь то учреждения культуры (музеи, библиотеки и пр.) или образовательные структуры, которые играют немаловажную роль в современной культурной политике²⁹⁰.

Однако в настоящее время государство утратило позицию единого «заказчика» на подобные проекты, поскольку не обеспечивает их в должной мере всеми необходимыми ресурсами на разработку, апробацию и реализацию инновационных проектов. Но потребность в разрешении проблемных ситуаций и конфликтов, связанных с нехваткой каких-либо ресурсов в новых социально-экономических условиях, активизирует их проектную и исследовательскую деятельность.

Управленцы, ряд общественных структур, а порой и представители местного населения, принимающие участие в такой работе, проявляют заинтересованность в обследовании территорий, которые будут полезны для выбора стратегии планирования района, поселения или отдельного села (деревни), готовы идти на эксперимент в поиске новых подходов в их формировании. Это касается и ряда музеев, имеющих в их регионах. В этой связи становится актуальным междисциплинарный, а по сути, культурологический анализ нынешнего состояния территорий (по историческим, социокультурным, экономическим, градостроительным, экологическим и управленческим параметрам, включая проблемы местного самоуправления) на локальном муниципальном уровне, а также на уровне района. Отсутствие подробного комплексного диагноза территории и ее населения приводит к принятию неадекватных управленческих решений, не позволяет выстроить приоритеты в программах развития поселений и регионов или затрудняет их реализацию на уровне самоуправления.

Используя различные методы и подходы к междисциплинарному исследованию территорий, которые были опубликованы²⁹¹, предлагается метод проведения работ с применением «Вопросника для поселения»²⁹². На первом этапе это может быть отдельная деревня или село как меньших по площади и населению объектов или отдельное муниципальное поселение, куда входят несколько деревень или поселков. В такой деятельности предполагается участие жителей, администрации и различных организаций. Кроме того, такой метод работы становится информационным обеспечением программ развития территорий и организации партнерств²⁹³. С учетом появившихся материалов становится возможным предлагать организацию музеев разного типа (в том числе скансенов и «in situ»).

«Вопросник» ориентирован на работников музеев, представителей местного самоуправления, краеведов-исследователей, сотрудников администрации, местных активистов, школьников и др. при консультациях и при необходимости привлечения специалистов и экспертов. Исходя из поставленных целей и задач исследования, а также из опыта работы его участников, были очерчены основные положения, которые использовались при его разработке. Это комплексный анализ или диагностика ситуации; привлечение представителей различных групп населения как соседнего города, так и

села; анализ как исторической, так и современной ситуации, взаимодействие городских и сельских структур на уровне района; проведение семинаров, встреч и пр.; привлечение местных жителей, школьников к работе в музее, в организации ТОС и пр.; организация различных партнерств.

По мере работы в сельской местности стало понятно, что подобные исследования необходимо проводить в различных социокультурных типах поселений, в том числе и Архангельской области²⁹⁴. В целом, такого типа деятельность позволит выявлять и решать сложившуюся ситуацию не только в сельских поселениях, но и в музеях и других учреждениях культуры. Опосредованно это будет способствовать развитию инфраструктуры поселений, сельского хозяйства, перерабатывающей и другой промышленности, поскольку выявит необходимость всех привлекаемых сторон в организации партнерств с целью развития собственной территории и местных производств. А воссоздание традиционных промыслов и ремесел, привлечение населения к работе музеев, в том числе под открытым небом «in situ», т. е. на местах сохранения памятников и реально живущего здесь местного населения частично решит вопросы его занятости. Развитие сельского туризма – значимого фактора экономического развития территории районов и областей – будет способствовать интеграции различных социально-экономических сфер деятельности с образованием и культурой, в том числе в музейной сфере. Музеи под открытым небом и «in situ» способствуют не только развитию туризма, но и сохранению природной и архитектурно-ландшафтной среды деревень и сел, и они распространены во многих странах мира, о чем мы писали выше (гл. 1). Методика исследований, систематизация памятников, как и структура формирования, в частности, Архангельского музея деревянного зодчества «Малые Корелы», предложенные в данной монографии, при желании могут реально использоваться в программах сохранения и развития многих поселений области. Кроме того, в Программе его сохранения и развития были заложены направления работы по взаимодействию с соседними селами, по организации партнерств и многое другое, в том числе и определенные принципы развития музея. Это также может быть полезным в реальной деятельности на территории. Приведем некоторые из таких принципов. Поскольку для реализации новой стратегии музея нужны специальные разработки междисциплинарных программ и проектов, то

требуется социальная активность и новый уровень образования его организаторов. В такой деятельности важен уровень менеджмента, который сочетал бы опыт и практику музейной работы с использованием новых технологий социокультурного проектирования, ориентированных на привлечение территориальных ресурсов помимо сферы наследия и культуры (фондов, ассоциаций, специалистов).

Ориентация крупнейшего в России по размерам территории и количеству памятников музея на приближение к уровню лучших европейских музеев под открытым небом должна смениться стремлением к лидерству музея по качественным показателям музейной деятельности среди российских учреждений подобного типа. Передовые позиции музея «Малые Корелы» могут быть признаны только в том случае, если он окажется способным более эффективно, чем другие, оказывать свое позитивное социальное, экономическое и культурное влияние на большее количество социальных общностей и на более обширные территории.

Социальное участие становится важным принципом работы в музее. Местные жители при желании могли бы пользоваться консультациями музейных реставраторов при ремонте или реконструкции своих жилищ, загородных домов и хозяйственных построек, участвовать в формировании программ музейной деятельности, контролируя их социальную ориентацию.

Организация и развитие партнерств, заложенных в программу и способных развиваться, как показывает европейский опыт²⁹⁵, по разным направлениям, возможны в форме участия акторов как в существующих программах, так и в разработке новых совместных проектов музея. Они могут быть: с областью (в рамках региональных комплексных и целевых программ развития сферы культуры, образования, туризма, поддержки малого бизнеса, развития информационной инфраструктуры и др.); с городом (через программы «Старый Архангельск», «Старая Соломбала», «Новодвинская крепость» и др.); с локальными сообществами на прилегающей к музею территории (пос. Уемский: Администрация Приморского района и поселка, школа и музей, некоммерческие организации и предприниматели); с различными землячествами как в г. Архангельске, так и в других городах (в Москве, Санкт-Петербурге и пр.); с локальными территориями и сообществами, являющимися основными для представления этнокультурной структуры в музее

(Каргополь, Онега, Мезень, Поморы, Поважье и проч.); а также с районными, сельскими администрациями, музеями, некоммерческими организациями, предприятиями; с бизнес-структурами в сфере лесной промышленности, деревообработки, домостроения, экологически чистых технологий и пр.; с туристическими организациями области и страны.

Исходя из поставленной задачи и учитывая рассматриваемую тему – взаимодействие музея с соседними поселениями, что было частью рассматриваемой Программы развития – в проекте нами сознательно была выбрана экспериментальная (пилотная) территория – поселение Уемское, где и расположен музей «Малые Корелы»²⁹⁶. Исследование поселения – как его истории, так и современной ситуации – может стать важным информационным материалом для проведения экскурсий перед посещением музея под открытым небом, расширит представление жителей и посетителей об окружающих местах, ландшафтах, о роли этой земли в истории области.

Структура формирования и изменения функциональных составляющих поселения представляет интерес в качестве одного из распространенных российских типов населенного пункта: первоначально это были отдельные деревни сельскохозяйственного назначения, затем они слились в единый рабочий поселок, а позже превратились в поселок городского типа (ПГТ) с промышленной и сельскохозяйственной направленностью. Указы и постановления, принимаемые на разных уровнях власти, вносили серьезные изменения в структуру производства и всего хозяйства, что влияло на изменение населения, его демографические и социально-культурные характеристики, традиционный уклад, национальный состав, образ жизни и пр. Соответственно менялся весь строй жизни людей, их природное окружение, архитектура и ландшафт. В последние десятилетия появился частный сектор, а изменение собственности на объекты сельскохозяйственного назначения (например, птицефабрики), промышленности (кирпичного завода), отдыха (туристической базы), на землю, жилище привели к изменению всего строя поселения и всех управленческих, производственных, культурных и других институтов в Уемском.

Напротив музея «Малые Корелы» в советское время существовала профсоюзная туристическая база, которая была выкуплена в 1990-е и теперь это Туристический частный комплекс «Малые Карелы». Он является одним из важных объектов на территории по-

*Рис. 342.
Туристический
комплекс «Малые
Карелы». Фото
автора, 2007*

Спортивная лыжная база, которая может стать в будущем одним из значимых объектов в структуре не только поселка, но и области, – пока же она находится на стадии проектных предложений, решается вопрос собственности²⁹⁸.

Деревня Малые Карелы, около которой в конце 1960-х гг. было принято решение о строительстве музея «Малые Карелы», расположена при въезде в музей. Исторические материалы по этой деревне пока не обнаружены, их нет и в архиве музея. Хотя деревня, через которую проезжают все туристы, прибывающие в известный комплекс, примыкает к границе музея и всего в 3 км от центрального поселения Уйма. Очевидно, что ее ландшафты, традиционная планировка с деревянными жилыми домами конца XIX в. и перестроенными позже постройками и усадьбами, как и ее население, необходимо рассматривать в качестве одного из значимых пространственных, социальных и экономических ресурсов всей территории²⁹⁹. Деревня может быть включена не только в туристический маршрут при въезде и посещении музея «Малые Карелы» – ее история и объекты, как и население, на определенных условиях могут быть использованы для проведения праздников, строительства дополнительных торговых и других объектов.

Таким образом, на исследуемой территории, где расположен Архангельский государственный музей под открытым небом «Малые Карелы», находящейся в зоне влияния Архангельской агломерации, имеются различные объекты и институты как государственного, так частного сектора экономики и культуры (включая Музей

селения, занимая значительную и удобно расположенную площадь недалеко от города, располагаясь на берегу реки, среди прекрасных ландшафтов и рядом с государственным музеем. Это один из известных и благоустроенных туркомплексов почти одноименного названия²⁹⁷.

На землях поселения Уемское и в непосредственной близости от музея в его северо-западной части расположена

народных промыслов, библиотеку). В рамках современной муниципальной реформы необходимым стал анализ всех социокультурных ресурсов поселения как инструмента, посредством которого для управленцев разного уровня, местных организаций и населения станет понятно: при управлении необходимо знание, чем управлять, какие для этого ресурсы имеются и пр. К таким объектам относится и музей «Малые Корелы», но поскольку он имеет статус государственного учреждения культуры – федерального подчинения, то на данной территории Уемского музей существует обособленно и пока мало вовлечен в какую-либо соседствующую деятельность.

Но именно этот музей в структуре Приморского района и поселения Уемское является одним из наиболее значимых «доноров» территории – более 16 % от поступлений налоговых платежей от всего подоходного налога на территории представляет именно он. Исследования показали, что при снижении количества посетителей, например, в марте–мае 2007 г. по сравнению с тем же периодом 2006 г., объем доходов тем не менее вырос, что свидетельствует о росте доходной ставки на одного посетителя и о возрастании количества и качества сервиса и дополнительных услуг, предоставляемых посетителям именно музеем³⁰⁰.

Опрос, который проводился нами среди населения и сотрудников различных организаций касательно культурных ресурсов поселения Уемское, позволяет выделить основные субъекты социокультурной сферы, влияющие на развитие данной территории. Это прежде всего Музей деревянного зодчества «Малые Корелы», интересный для поселения Музей народных промыслов и ремесел Приморья и Центральная районная библиотека. Сотрудники именно этих учреждений, совместно с местной администрацией, используя свой интеллектуальный, творческий потенциал, наладив взаимовыгодные партнерские отношения с частными коммерческими структурами (с туркомплексом, птицефабрикой), могли бы создать собственный туристический продукт. Возможно, туризм может стать одним из факторов развития Уемского³⁰¹. Однако

Рис. 343. Центральная часть поселения Уйма Приморского р-на Архангельской обл. Фото автора, 2007

Рис. 344. Деревянная застройка дер. Малые Карелы, расположенная рядом с музеем «Малые Карелы». Фото автора, 2007

очевидны проблемы, которые сложно решить из-за отсутствия финансирования, квалифицированных специалистов и пассивного отношения местных жителей. Кроме того, наличие Туркомплекса и государственного музея «Малые Карелы» создает очевидную конкуренцию любым начинаниям в этой области местных организаций.

При всем наличии территориальных ресурсов имеются причины, мешающие согласованным действиям возможных участников программы развития Уемского. Как Музей промыслов, так и библиотека обладают статусом районных учреждений, и нехватка сотрудников не позволяет работать по другим направлениям. Кроме того, отсутствует настоящая заинтересованность в продвижении проектов на данной территории как у местной администрации, так и у коммерческих предприятий, решающих свои собственные задачи, и нет лидера такого движения. Как показывает практика подобных междисциплинарных исследований, только создание прочных партнерских связей между действующими государственными и частными структурами с привлечением населения может обеспечить ее успешное развитие. Однако стоит заметить, что при поставленной цели развития культуры, в том числе туризма (сельского или культурного), необходимым становится использование опыта работ в этой сфере европейских организаций³⁰². Многие материалы и методы работы в рамках такой деятельности могут быть полезными в нашей стране. Они ориентируют заинтересованных участников (акторов) как государственного и частного секторов развития, общественных организаций, населения к совместной деятельности с целью развития территории³⁰³.

Ландшафты дер. Малые Карелы и Музея деревянного зодчества «Малые Карелы» и их окрестности обладают значительным числом прекрасных видовых точек, но далеко не все из них связаны обустроенными маршрутами движения посетителей музея, расположенного на территории поселения. В дни музейных праздников их прибывает

до пяти-восьми тысяч человек. Эти нагрузки ощущаются не только в самом музее, но и на территории деревни (как частный, так и муниципальный транспорт, мусор и пр.). Богатые экологические ресурсы музея (живописный рельеф, разнообразные микроландшафты, места обитания животных и произрастания растений), если и не скрыты от глаз посетителей, но не обыграны и не проинтерпретированы в должной мере (нет специальных карт и путеводителей). На территории музея имеются ценные объекты природы – специально огороженные группы лиственниц, участки леса, сенокосные луга, камни, рощи, муравейники и др.

На противоположной стороне дороги от главного входа в музей расположен Туркомплекс «Малые Карелы», о котором мы упоминали и который построен, к сожалению, без учета визуальных и пространственных связей с музеем, с его памятниками, хотя качество и условия проживания в нем комфортны. Архитектурные туристические объекты резко выделяются в ландшафте соседнего музея деревянного зодчества достаточно высокими объемами в осенне-зимнее время, когда отсутствует зелень. А на противоположной, так называемой заречной части реки Корелки, которая должна входить в охранную территорию музея (проект которой до сих пор не разработан и соответственно не утвержден), в 1990-е гг. местный предприниматель, а затем и другой построили дачи на выкупленной у местной воинской части земле. Они обращены своим примитивным объемом в сторону панорамного Мезенского сектора музея. Все это результат отсутствия проекта

Рис. 345. Остров Уемский напротив туркомплекса, дер. Малые Карелы и музея «Малые Карелы». Фото автора, 2007

охранных зон с уточнением границ зоны регулируемой застройки, охраняемого ландшафта и контроля со стороны музейных сотрудников, администрации и общественности. Постепенно живописный окружающий просторный пейзаж будет утерян навсегда. Кроме того, имеются и другие угрозы сохранению ландшафтов и экологическому равновесию территории. Поэтому становится необходимым анализ европейских^{304, 305} и российских документов и методик как примеров работы с культурными ландшафтами³⁰⁶.

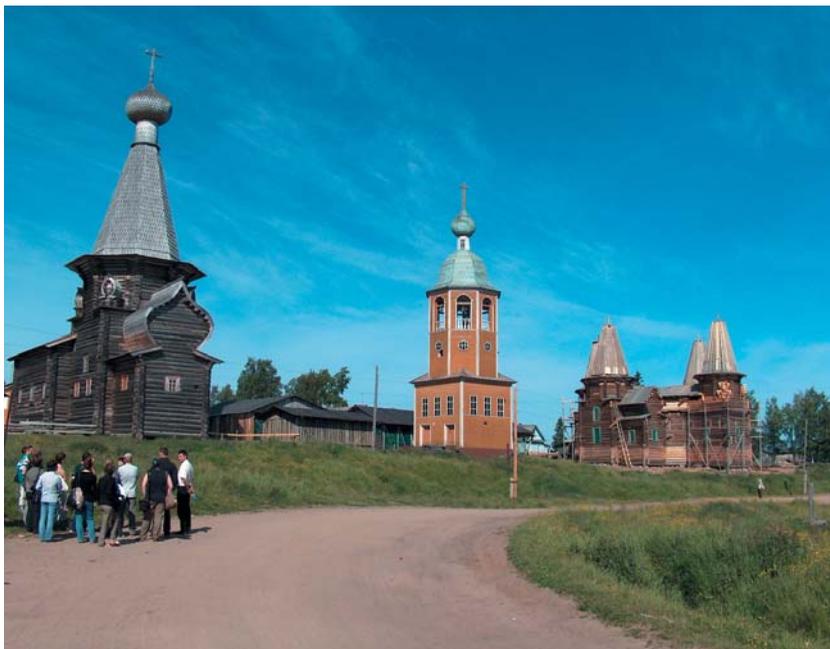
Об организации совместного партнерства заинтересованных участников развития территории поселения Уемского, на которой проживают местные жители, в том числе работающие в различных организациях и в музее «Малые Корелы», шла речь на семинаре, который был проведен нами с привлечением сотрудников музея, Туристического центра, руководителей Министерства культуры области, администрации поселения³⁰⁷.

Таким образом, с учетом рассматриваемой «Программы развития музея деревянного зодчества "Малые Корелы"» и проведенным междисциплинарным анализом поселения Уемское, на территории которого находится музей, можно сделать выводы об имеющихся и будущих возможностях музея³⁰⁸.

Музей расположен как в пригороде, так и в самом городе Архангельске – столице Поморья, культурном центре Русского Севера, центре лесной и деревоперерабатывающей промышленности. Отсюда следует представление о развитии «Малых Корел» как музея общероссийского значения, о возможности реализации на базе музея экспозиционных, исследовательских, образовательных, туристических и иных проектов, значимых не только для региона, но и в целом для России. Статус музея как Федерального государственного учреждения культуры позволяет на это рассчитывать. Местоположение музея в зеленой рекреационной зоне крупного промышленного города предполагает посещаемость музея, поэтому становится возможным формировать программы его деятельности и сервисную инфраструктуру с учетом вероятности многократного посещения. В связи с растущей автомобилизацией города Архангельска для приема посетителей, приезжающих на своих автомобилях, музей оборудует охраняемые автостоянки, что принесет дополнительный доход. А потенциальная емкость рынка его музейных услуг существенно превосходит емкость рынка других музеев региона.

Архитектурно-ландшафтная среда, возможность демонстрации памятников в процессе их функционирования, многообразие различных средовых характеристик музея (наличие связанных друг с другом и изолированных, открытых и закрытых микроландшафтов, больших и малых пространств, наличие различной растительности, водоемов и пр.) дает возможность организации разнообразных экскурсионных маршрутов и специализированных публичных пространств. Они отличаются по своему назначению, составом посетителей, содержанием экспозиций и программ, технологическим обеспечением и режимом функционирования. И если музею уже успешно решены задачи по воссозданию работающей ветряной мельницы, колокольных звонов и проведению свадебных ритуалов, службы в Вознесенской церкви, то встает вопрос об использовании некоторых памятников по их прямому назначению. Для этого требуется проведение реставрационных мероприятий по улучшению состояния конструкций и внутренних помещений в рамках традиционных и известных методов строительства. Например, в демонстрационном режиме они могут представлять ремесленные мастерские, аптеки, а хозяйственные постройки и проектируемые крытые навесы могут использоваться для организации питания и отдыха посетителей (такой опыт имеется и в российских, и в зарубежных музеях под открытым небом)³⁰⁹.

Соседство музея с г. Архангельском, значительная часть населения которого связана с лесной и деревообрабатывающей и другой промышленностью (наука, подготовка кадров, строительство, производство, международная торговля и т. п.) благоприятно может сказаться на его развитии. Как и соседство со многими историческими сельскими поселениями, являющимися в том числе малой Родиной выдающихся личностей (Ломоносов, Шубин и др.). Они позволяют обеспечить музею «Малые Корелы» источники комплектования музейного фонда и экспозиций и дают возможность получения музейным коллективом квалифицированных консультаций по широкому спектру вопросов, а также создают условия для высокой дифференциации музейных выставочных, образовательных и других программ. Соседство с поселком Уемское, Лявля и другими дает возможность взаимодействовать с объектами сферы культуры на территории (музеем, библиотекой, церковью), а также организовывать совместные праздники, специальные туристические маршруты и прочие программы. Предлагалось включить

*Рис. 346.
Храмовый ансамбль
в селе Ненокса –
объект музея «Малые
Корелы». Фото
Н. Денисовой, 2009*

специалисты по истории и культуре Русского Севера, архитектуре, прикладному искусству, этнографии, судостроению, лесному хозяйству и деревообработке. Здесь же находятся штаб-квартиры крупных промышленных компаний, связанных с использованием лесных ресурсов региона. Имеются центры подготовки кадров в местных университетах, что дает возможность развития на базе музея «Малые Корелы» центра профессиональной ориентации, переподготовки кадров, работы со студентами и школьниками. Привлечение их к деятельности в музее и проведение различных практик (по истории, экологии, рисунку и пр.) взаимовыгодно как для образовательных структур, так и для музейной работы. Все это позволяет сформировать разветвленную структуру партнерских связей и систему общественной поддержки музея (в т. ч. в форме попечительского совета), которая может оказать значительное влияние на развитие и имидж музея.

Возможности для использования медиа-технологий. Наличие множества памятников с хорошей звуковой и световой изоляцией позволяет в будущем разместить на территории музея специально оборудованные мультимедиа-комплексы, представляющие посетителям как групповой, так и индивидуальный доступ к музейным базам данных, аудио-, фото- и видеоархивам музея. Это требует специальных проработок и поиска решений в связи холодным северным климатом. Специальное проекционное и акустическое оборудование позволило бы осуществлять демонстрацию этнографических и иных

соседнюю деревню Малые Карелы в структуру маршрута «Архангельск – поселок Уемское – дер. М. Карелы – музей деревянного зодчества – село Лявля». Но прежде надо провести детальное исследование и решить вопросы инфраструктуры данных мест для приема посетителей.

Интеллектуальная и образовательная среда. В Архангельске живут и работают многие ученые,

соответствующих проблематике музея фильмов прямо под открытым небом. Кроме того, в откорректированном генеральном плане музея предлагается строительство современных визовых центров, в том числе и для таких целей, что более реально, учитывая погодные условия в этой местности.

Возможность выхода на рынок маркетинговых услуг и привлекательность для спонсоров, в том числе с использованием медиатехнологий. Территория музея, занимающая обширное пространство, уже изначально была задумана как своеобразный «экспоцентр» для исторических и хозяйственных производств, лежащих в основе современного системообразующего для экономики региона индустриального комплекса. Развивая это направление, музей может предоставить часть своей территории (в рамках предложенного генплана) для организации Выставочного центра, предназначенного для организации коммерческих презентаций – ярмарок новых разработок, современных технологий лесного хозяйства, строительной индустрии, деревообработки и прочей промышленности. Выставочный центр, стилистически решенный в современных формах, но не противоречащий экспозиции музея, мог бы выгодно отличаться от своих аналогов сочетанием традиционных технологий северного гостеприимства и новейших маркетинговых технологий. Музей, как наиболее посещаемое туристами место, в организации культурных программ в рамках деловых и неофициальных визитов в Архангельск

*Рис. 347.
Никольская церковь
в селе Лявля – объект
музея «Малые
Корелы». Фото
автора, 2007*

*Рис. 348. Вид
на колокольню
1854 г. из села
Кушерека
Онежского р-на.
Фото автора, 2006*

вать в различных российских и международных программах и проектах, при взаимодействии с административными структурами федерального уровня, руководством области, района и поселения. Умелая организация партнерств с привлечением бизнеса, экспертов и при социальном участии населения может стать залогом реализации различных направлений, заложенных в программе. Очевидно, становится необходимым обращаться к опыту известных европейских музеев, ставя акцент на совместную деятельность всех участников территориального развития. Хотя практика организации музейной работы за последние годы, прошедшие после разработки упоминаемой Программы, демонстрирует продвижение музея по ряду направлений. Это касается образовательных программ разного типа, организации ежегодных праздников, выставок, конференций, семинаров, а также издания газеты «Мельница». Многие мероприятия проводятся в музейном комплексе «Усадьба Куницыной». Налажено взаимодействие епархии РПЦ с музеем, направленным на демонстрацию храмов-памятников, проводятся литургии и отмечаются основные православные праздники.

Сохранность памятников XVII–XIX вв., ради чего и создавался государственный музей деревянного зодчества, требует специаль-

различных представителей политической и бизнес-элиты, мог бы стать привлекательным партнером для потенциальных спонсоров, нуждающихся в имиджевой поддержке.

Заключение

Но сделанные выше предложения, представленные в Программе развития Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», возможны лишь при активном участии сотрудников, при умении участво-

ных знаний, умений, обучения привлекаемых порой непрофессиональных проектантов-реставраторов, как и плотников и других сотрудников к работе в музее. Надо признать, что мы стоим на пороге потери уникального наследия Русского Севера, и это может быть безвозвратно, поэтому требуется постоянная поддержка и уход за теми сооружениями, которые остались нам от предков и которые еще удалось сохранить.

Основную информацию о деятельности и планах музея «Малые Корелы» можно получать непосредственно на его сайте. Автор смеет надеяться, что данная монография дополнит не только сайт музея в разделах его истории, о методах его создания, проектах и этапах формирования комплекса, но и будет учтена в последующих музейных публикациях. Не стоит забывать имена многих московских и архангельских архитекторов, реставраторов, принимавших участие в проектировании и строительстве музея деревянного зодчества «Малые Корелы», начиная с 1960–70-х гг. и

Рис. 349. Уроки рисования местных школьников в музее «Малые Корелы». Фото автора, 2005

далее. Многие из них уже нет среди нас...

Примечания

- 1 Автор работал в качестве старшего архитектора, затем главного архитектора проекта в институте «Спецпроектреставрация» (г. Москва), а позже заведующим сектора в Российском институте культурологии
- 2 Настоящее издание выполнено автором данного текста по материалам гранта РГНФ № 05-04-04014а 2005–2007 гг. и поддержано к изданию РГНФ в 2011 г.
- 3 См. Приложение 1.
- 4 *Севан О.Г.* Музей близ Вологды // Архитектура и строительство России. М., 1990, № 7. С. 24–25; Она же. Из опыта проектирования и формирования музеев под открытым небом гг. Костромы, Архангельска, Вологды, Перми // На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. М., 1991. С. 63–85.
- 5 *Севан О.Г.* Народное деревянное жилище Русского Севера (Архангельская и Вологодская области): Дис. ... канд. арх. [МАРХИ]. М., 1981.
- 6 См. Приложение 1, 2, 3.
- 7 *Andersson R.* Freilichtmuseen in Dalarna. (Schweden) // «Acta Scansenologica», Т. 4. Sanok, 1986. P. 92–94.
- 8 Европейская Ассоциация музеев под открытым небом. <http://www.aeom.org/>
- 9 *Czajkowski J.* Muzea na wolnym powietrzu w Europie. Rzeszow-Sanok, 1984.
- 10 *Langer Jiri.* Evropska musea v prirode. Praha, Daset, 2005.
- 11 *Rentzboг Sten.* Open air museums. The history and future of a visionary idea. Sweden, 2007.
- 12 http://en.wikipedia.org/wiki/Open_air_museum
- 13 *Hegard T.* Romantikk og fortidsvern. Historien om de forste friluftmuseene i Norge // Universitetsforlaget AS, 1984. P. 320.
- 14 <http://www.skansen.se/pages/?ID=1005>
- 15 *Чайковский Е.* Музеям под открытым небом – 100 лет // На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. М., 1991, С. 13.
- 16 Российская музейная энциклопедия. М., 2005.
- 17 *Zippelius A.* Handbuch der europaischen Preilicthtmuseen // Koln, 1974.
- 18 *Spiegler Arhtur, Dower Michael.* Landscape identification. A guide to good practice // ECOVAST, Austria, 2002.
- 19 *Севан О.Г.* Формирование культурной политики и развития туризма в малых городах

- России: Социокультурный аспект // Человек, культура и общество в контексте глобализации современного мира. М.: РИК, 2005. С. 345–355.
- 20 *Севан О.Г.* О поездке на 23-ю Международную конференцию Европейской Ассоциации музеев под открытым небом «Привлечение новых музейных посетителей» с докладом «Новые ценности – из зерен традиций» (г. Амстердам, Нидерланды, 2007.) http://www.ecovast.ru/conf_33.htm <http://www.bnb-arnhem.nl/open-air-museum.html>
- 21 *Севан О.Г.* Историко-культурное районирование территорий и формирование среды исторических поселений и музеев под открытым небом // На пути к музею XXI века: Региональные проблемы развития музейного дела. М., 1991. С. 96–120; Она же. Материалы к историко-типологическому и генеалогическому исследованию крестьянских усадеб Русского Севера // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 56–71.
- 22 *Лангер Ю.* Роль теоретической социальной модели при реконструкции исторической среды // Исторические города и села в процессе урбанизации. (Международный исследовательский проект «Культурное развитие в Европе и региональная архитектура») / Отв. ред. О. Севан. М., 1994. С. 74–81.
- 23 Например, музей Арнхейма в Голландии ежегодно посещают более 400 000 человек.
- 24 *Шлибекер Джон.* Социальные функции действующих исторических ферм в США // *Museum* (Музеи и сельское хозяйство). 1984. № 143. С. 30–33.
- 25 *Верпуст Л.* Роль исторической региональной архитектуры в современном развитии: традиции и современность // Исторические города и села в процессе урбанизации. М., 1994. С. 38–50.
- 26 См.: Материалы Европейской Ассоциации музеев под открытым небом. Presiding of the 23 conference of The European Association of Open Air Museums. Amsterdam, 2007.
- 27 <http://www.skansen.se/pages/?ID=204>
- 28 http://en.wikipedia.org/wiki/Open_air_museum
- 29 *Севан О.Г.* Музеи под открытым небом Европы // *Обсерватория культуры*. 2006. № 3. С. 60–69.
- 30 <http://ballenberg.ch/en/Map/1/200>
- 31 *Элфстрем Гуннар.* Музей «Старый Линчепинг». Возможности коммерческой деятельности в музеях под открытым небом // Музей под открытым небом в современных условиях. Архангельск, 1995. С. 96–102.
- 32 Первый музей под открытым небом в СССР был организован в г. Риге в 1939 г., а в России в Коломенском еще в 1920-х гг. См.: *Галкина Е.Л.* Музеи под открытым небом в РСФСР // На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. М., 1990. С. 87.
- 33 http://ru.wikipedia.org/wiki/Музей_под_открытым_небом
- 34 Российская музейная энциклопедия. М.: Прогресс. РИПСОЛ классик, 2005. С. 393–395.

- 35 *Гнедовский Б.В.* Методические рекомендации по подготовке предпроектной документации и проектированию музеев под открытым небом. Ч. 1–2. Архив ИСПР. М., 1983.; *Фотий Л.А.* и др. Создание архитектурно-этнографических комплексов в музеях под открытым небом. Л., 1985.
- 36 *Ополовников А.В.* Музеи деревянного зодчества. М., 1968.
- 37 *Мильчик М., Ушаков Ю.* и др. Журнал «Декоративное искусство», 1970-е гг.
- 38 *Мильчик М.* Этнопарк под Петербургом: поиски новых путей в отношении к культурному наследию/ http://www.riku.ru/conf/vrem_cul/MilchTxt.htm
<http://www.pokrovskaya.bogoslovka.ru/>
<http://forum.globus.tut.by/viewtopic.php?t=1682>
- 39 *Гнедовский Б. В., Добровольская Э.Д.* Музеи под открытым небом в СССР: Развитие принципов формирования структуры // Музейное дело и охрана памятников. М., 1987.
- 40 Методика реконструкции городов. М., 1976; *Глазычев В.Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды. М., 1984; *Гутнов А.Э.* Эволюция градостроительства. М., 1984; *Севан О.Г.* Методика сохранения и использования историко-культурного наследия в сельской среде. М.: НИИК, 1990.
- 41 *Севан О.Г.* Методические основы формирования музеев деревянного зодчества. Архив института «Спецпроектреставрации». Ш. 120. М., 1982.
- 42 *Гнедовский Б.В., Добровольская Э.Д.* Указ. соч. С. 5–18.
- 43 На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники / Отв. ред. Н. Никишин, О. Севан. М., 1991. С. 238; *Пруцын О., Рымашевский Б., Борусевич В.* Архитектурно-историческая среда. М.: Стройиздат, 1990. Гл. 5; Музейное дело в России / Отв. ред. М.Е. Каулен. М., 2003. С. 175–426.
- 44 *Давыдов А.Н.* Конференция, посвященная 400-летию Архангельска // Советская этнография. 1985. № 1. С. 135–136.
- 45 Заметим, что имеются музеи-скансены с наличием как сельских, так и городских структур с их характерной культурой, что мы рассматривали в предыдущей главе.
- 46 *Долгов А.В.* «Самодетельный» музей в оценке профессионала-архитектора // На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. М.: НИИК, 1991. С. 93–103.
- 47 *Шмелев В.Г.* Музеи под открытым небом: Очерки истории, возникновения и развития. Киев, 1983. С. 71–83.
- 48 Ибресинский этнографический музей под открытым небом. <http://www.museum.ru/M1339>
- 49 *Майстровская М.Т., Севан О.Г.* Музейный комплекс в г. Елабуга // На пути к музею XXI века / Отв. ред. Н.А. Никишин. М., 1991.
- 50 *Севан О.Г.* Отчет по обследованию памятников и исторических поселений Кенозерского национального парка. Архив ЕКОВАСТ. М., 2005, 2006. http://www.ecovast.ru/seminar_17.htm

- 51 Б.В. Гнедовский. Памятники деревянного зодчества России в музеях под открытым небом. М., 2002. С. 8–10.
- 52 Журнал «Museum» № 138, 1983; № 148, 1985; № 198, 1998; № 210, 2000.
- 53 Основы музееведения / Отв. ред. Шулепова Э.А. // М.: Едиториал УРСС, 2005, С. 184–223, 368–391.
- 54 Музейное дело в России. М., 2003 // Основы музееведения...
- 55 *Красовский М.* Курс истории русской архитектуры. М., 1916.
- 56 *Грабарь И.* История русского искусства. М., 1909. Т.1.
- 57 *Забелло С.Я.* и др. Русское деревянное зодчество. М., 1942.
- 58 *Маковецкий И.В.* Памятники народного зодчества Русского Севера. М., 1955.
- 59 *Габе Р.М.* Карельское деревянное зодчество. М., 1941; Он же. Интерьер крестьянского жилища // Архитектурное наследство. № 5. 1955. С. 81–100.
- 60 *Ополовников А.В.* Реставрация памятников народного деревянного зодчества. М., 1974; Он же. Русское деревянное зодчество. М., 1983. Т. 1, 2. 1986.
- 61 *Бострем Л.А.* Из истории музея // Современная скансенология: теория и практика. Архангельск, 2004. С. 3–10.
- 62 Затем уже 19 августа 1963 г. на совещании при Главном управлении культпросветучреждений Министерства культуры РСФСР было принято решение об организации музея-заповедника. И только 17 июля 1964 г. состоялось решение Архоблисполкома «Об организации этнографического музея-заповедника деревянного зодчества на открытом воздухе в г. Архангельске».
- 63 *Добровольская Э.Д.* Памятники народного деревянного зодчества России в творчестве Бориса Гнедовского. М., 2000.
- 64 *Грабарь И.* Указ соч., С. 414.
- 65 Мы провели исследования памятника во время экспедиции 1984 г. в селе Кулига Дракованова (в прошлом Вологодской губернии). Храм находился в удовлетворительном состоянии, хотя стоял уже в практически заброшенной деревне. Мы предлагали его перевезти в музей с целью охраны и в проекте Каргопольско-Онежского сектора поставить недалеко от колокольни из этого же села. Но это не было поддержано руководством и сотрудниками музея, а позже храм был разобран.
- 66 *Севан О.Г.* Малые Корелы: Методика проектирования и проблемы формирования музея деревянного зодчества // Реставратор. № 1. 2002. С. 35–38.
- 67 *Бострем Л.А.* Указ. соч.
- 68 *Давыдов А.Н.* Некоторые идеи к концепции Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» // Современная скансенология: теория и практика. Архангельск, 2004. С. 11–33.

- 69 *Гнедовский Б. В., Севан О.Г.* Пояснительная записка к проекту планировки Архангельского музея под открытым небом в Малых Корелах. Архив Института «Спецпроектреставрация». Ш. 120, 1975 г.
- 70 Письмо за № 1234 от 26.05.1983 г. из ИСПР на имя Д. Козко, Л. Бострем за подписью главного архитектора института И.И. Маковецкого и канд. архитектуры О.Г. Севан; Также письмо см. в ПДП Важского сектора АМДЗ, архив Института «Спецпроектреставрация», Ш. 120, 1985, с. 67.
- 71 *Севан О.Г.* Дипломный проект «Музей деревянного зодчества в г. Вологде», МАРХИ, 1971 г.; Материалы по Своду памятников Архангельской и Вологодской областей. МК РСФСР, 1968–1982.
- 72 *Севан О.Г.* Из опыта проектирования и формирования музеев под открытым небом гг. Костромы, Архангельска, Вологды и Перми // На пути к музею XXI века. Музеи-заповедники. М., 1991. С. 63–85.
- 73 Они проводились в Тресте (позже Объединении) «Росреставрация», а потом в институте «Спецпроектреставрация» – ИСПР в г. Москве. См. архив института, ш. 120.
- 74 АСНРПМ – В.А. Лапиным, А. Гребеневым, В. Суслиным, а из Петрозаводска – архитектором В. Крохиным, из Москвы – А. Ополовниковым.
- 75 *Бострем Л.А.* Указ. соч.
- 76 Севан О.Г. Народное деревянное жилище Русского Севера (Архангельская и Вологодская области): Дис. ... канд. арх. М., 1981.
- 77 В результате были изданы 2 Указа Президента РФ «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения» в феврале 1995 г. и летом 1996 г. «О включении отдельных объектов в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов РФ».
- 78 <http://www.rusnord.ru/2011/1/29905> от 10.05.2011 г. и от 11. 05. 2011 г.
- 79 Авторский коллектив – Н. Никишин, О. Севан, М. Лопаткин, при участии сотрудников музея, 2005–2006.
- 80 Автор – О.Г. Севан при участии архитектора В.А. Муравлевой.
- 81 Подлинники основных материалов исследований, фотофиксации и проектов реставрации и пр. находятся в архиве ИСПР (г. Москва), шифр 120, а их копии были переданы в архив АСНРПМ и в АМДЗ.
- 82 ВПНРК, АСНРПМ, материалы Свода памятников истории и культуры области – во Всесоюзном научно-исследовательском институте искусствоведения МК РФ.
- 83 *Севан О.Г.* Сезонные поселения и промысловые избы на Русском Севере (конец 19 – начало 20 в.) // Советская этнография. 1982. № 1. С. 113–120.
- 84 Это касается, в частности, и моего сына Михаила и моего племянника Андрея Севан.
- 85 *Севан О.Г., Денисова Н.Л., Табаков А.М.* Отчет о поездке «Экспедиция, полевые иссле

- дования исторических сел и памятников Кенозерского национального парка» Проект РГНФ, № 06-04-03206е, 2006 г. http://ecovast.ru/seminar_17.htm
- 86 *Севан О.Г.* (при участии З.В. Красновой). Усадьбы Северо-Двинского сектора АМДЗ. Архив ИСПР. Ш. 120, арх. № 4687, 1985.
- 87 *Севан О.Г.* «Росписи жилых домов Русского Севера (Архангельская область). М.: Прогресс-Традиция, 2007 (при поддержке РГНФ, проект № 06-04-16230 д).
- 88 Отчет по обследованию Лешуконского и части Мезенского районов Архангельской области. Архив ИСПР. Ш. 120, арх. № 151. М., 1976.
- 89 *Пермиловская А.Б.* Северный дом. Петрозаводск: ПетроПресс, 2000.
- 90 *Севан О.Г.* Анализ ситуации и предложения по решению проблем с памятниками – шедеврами древнерусского деревянного зодчества. <http://www.ecovast.ru/woodenarch.htm>; Она же. Памятники древнерусского деревянного зодчества Русского Севера: проблемы и решения // Сельская Россия: прошлое и настоящее (возрождение российской деревни). М.: Энциклопедия российских деревень, 2008, С. 230–233.
- 91 *Севан О.Г.* Сохранение, освоение и использование историко-культурного наследия в сельской среде: Научно-методические рекомендации. М., НИИК, 1990 (4 а. л.); Она же (в соавторстве). Междисциплинарный анализ и методический подход к исследованиям сельских поселений (с целью разработки программы развития на примере села Губино Орехово-Зуевского района Московской области) [Монография] (120 стр. с фото, рисунками автора.) МК РФ, ЕКОВАСТ и РИК. М., 1999.
- 92 *Sevan O.* Open Air Museums as Safeguarding and Transmitting the Spirit of Place // “Spirit of the Place: Between the Intangible and the Tangible”. 16th General Assembly Scientific Symposium ICOMOS, Quebec City, Canada, 2008, 10 p.
- 93 *Севан О.Г.* Народное деревянное жилище...
- 94 *Нымник С.Я.* Социально-экономическое районирование // Региональные проблемы развития социально-экономических пространственных систем. Тарту, 1981. С. 45–65.
- 95 Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. Т. 1.
- 96 *Meining D.W.* The Mormon. Culture Region // *Annals An. of American Geography*. 1965. № 21.
- 97 *Орфинский В.П.* [СССР], *Хейкинен Э.* [Финляндия]. К вопросу о формировании этнических символов. Этнографические и архитектурные аспекты // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 3–10.
- 98 *Байбурин Л.Л.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 3–24.
- 99 *Родоман Б.Б.* Культурный ландшафт как опровержение географического детерминизма. Мы и они. Россия в сравнительной перспективе / Под ред. В.А. Мау, А.А. Мордашова, Е.В. Турунцева. Изд-во Ин-та экономики переходного периода, 2005.; www.russ.ru
- 100 *Севан О.Г.* Программа исследования «Сохранение, освоение и использование историко-культурного наследия в сельской среде» // Историко-культурное наследие: сохранение,

освоение и использование. М., 1989. С. 91–108.

- 101 *Пушкарев И.* Описание Вологодской губернии. СПб., 1846. Т. 1. Н. 4. С. 30–35; Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910.
- 102 *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 48–62; *Ефименкова Б.Б.* Северорусская притча. М., 1978.
- 103 *Бернштам Т.А.* О роли верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX–XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 80–82; Она же. Поморы (формирование групп и система хозяйства) // Л., 1978. С. 9–34.
- 104 *Колесников П.А.* История Вологодской области. Вологда, 1974. С. 43.
- 105 *Севан О.Г.* Росписи жилых домов...
- 106 *Колесников П.А.* Указ. соч. С. 259.
- 107 *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004.
- 108 *Власова И.В.* Сельское расселение в Устюженском крае в XVIII – перв. четверти XIX в. М., 1976. С. 18–19.
- 109 *Равдоникас В.И.* Старая Ладога // Советская археология. М.; Л., 1949. Вып. II. С. 5–54.
- 110 *Севан О.Г.* Историко-культурные регионы: выявление особенностей и границ на основе изучения народной региональной архитектуры // Архитектура мира. Запад-восток: взаимодействие традиций в архитектуре. М., 1993. С.120–122.
- 111 *Власова И.В.* Сельское расселение... С. 17–25.
- 112 *Бломквист Е.О.* Крестьянские постройки русских, украинцев, белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. ТИЭ. Т. 31, М., 1956. С. 33–41.
- 113 *Витов М.В.* Гнездовой тип расселения на Русском Севере // СЭ 1955. № 2. С. 27–40.
- 114 Е. Бломквист, М. Витов, И. Власова, А. Иконников, С. Ковалев, И. Маковецкий, Ю. Ушаков и др.
- 115 *Ушаков Ю.С.* Архитектурно-пространственная организация селений западной зоны Русского Севера в XVIII–XIX вв. (по материалам натурного изучения 1958–1974 гг.): Автореф. дис. канд. арх. Л., 1974.
- 116 *Габа Р.М.* Карельское деревянное зодчество. М., 1941. С. 13–14.
- 117 *Ушаков Ю.С., Мильчик М.И.* Русский Север и проблемы архитектурного туризма // Север. 1973. № 4. С. 103–106.
- 118 *Алферова Г.В.* Каргополь и Каргополье. М., 1973. С. 95–125.
- 119 *Жеребцов Л.Н.* Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971, С. 52.

- 120 В Вологодской области подобные планировки встречаются в Тотемском, Нюксенском, Никольском, Кич-Городецком и частично Бабушкинском районах.
- 121 *Алферова Г.В.* Указ. соч. С. 97.
- 122 *Бломквист Е.О.* Указ. соч. С. 47.
- 123 *Власова И.В.* Указ. соч. С. 105.
- 124 *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Вып. 1. 1877. С. 35–36.
- 125 *Дружинин Н.М.* Государственная крестьянская реформа Киселева П.Д. Т. II. М.; Л., 1958. С. 271.
- 126 *Едемский М.В.* О крестьянских постройках на Севере России // Живая старина. СПб., 1913. С. 105.
- 127 *Годлевский Н.Н., Севан О.Г.* Приемы размещения церквей и часовен в русских селах // В Материалы XXVIII научной конференции МАРХИ. М., 1973.
- 128 *Ушаков Ю.С.* Указ. соч.
- 129 Сельские поселения России: исторический и социокультурный анализ / Отв. ред. О.Г. Севан. М.: РИК, 1995.
- 130 *Кравец Л., Попова Л.* Веркола: социально-культурное проектирование // Архитектура СССР. 1988. № 6. С. 38–41.
- 131 *Севан О.Г.* Историко-культурное наследие сел: сохранение и развитие // Архитектура СССР. 1988. № 6. С. 32–37.
- 132 *Родоман Б.Б.* Региональная архитектура и культурный ландшафт. <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200201002>
- 133 *Иванова Н.И.* Сельскохозяйственные поселения // Сельские поселения России: исторический и социокультурный анализ / Отв. ред. О.Г. Севан. М.: РИК, 1995. С. 18–31.
- 134 Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. М.: ОГИ, 2001.
- 135 *Севан О.Г.* ПДП Сезонного поселения Пинежского сектора АМДЗ. Архив ИСПР. Ш. 120, арх. № 9627. М., 1979.
- 136 *Власова И.В.* Указ. соч. С. 111.
- 137 *Липинская В.А.* Заимки Западной Сибири конца XIX в. как сезонные поселения // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. М.: Наука, 1979.
- 138 *Витов М.В.* Севернорусская топонимика XVI–XVIII вв. // Вопросы языкознания. 1967. № 4.
- 139 *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – перв. пол. XIX в. // Вологда, 1976. с. 45 – 47.

- 140 *Осипов Д.П.* Изба на Севере России. Тотьма, 1924.
- 141 *Севан О.Г.* Сезонные поселения и промысловые избы на Русском Севере (конец XIX – начало XX в.) // Этнография СССР. М., 1982. № 1. С. 113–120; Она же. Гражданское зодчество бассейна р. Пинеги Архангельской области // Материалы XXXIV научной конференции Московского архитектурного ин-та. М.: Мин. ВУЗ, 1978.
- 142 *Севан О.Г.* Научный отчет по обследованию памятников архитектуры Пинежского района Архангельской области. Ин-т «Спецпроектреставрация». Ш. 120, арх. № 242. М., 1976.
- 143 *Бровченко Н.П., Севан О.Г.* Проекты реставрации жилых домов сезонного поселения д. Хорнемская Пинежского р-на Архангельской области. Ин-т «Спецпроектреставрация». Ш. 120, арх. № 783, 784, 785. М., 1978.
- 144 *Едемский М.Б.* Этнологические наблюдения в Пинежском уезде Архангельской губернии в 1921 г. // Север. 1923. № 3–4. С. 197–214.
- 145 *Полторжицкий И., Алипов В.* Обмеры и проект реставрации боровой избы на о. Уйтинском. Пинежский р-н. Архив ИСПР. Ш. 120.
- 146 *Кащеева Е.В.* Промыслово-художественные поселения России // Сельские поселения России: исторический и социокультурный анализ / Отв. ред. О.Г. Севан. М.: РИК, 1995. С. 97–111.
- 147 *Арбат Ю.А.* Русская народная роспись по дереву. М., 1970.
- 148 *Севан О.Г.* Торгово-ярмарочные села России // Сельские поселения России: исторический и социокультурный анализ / Отв. ред. О.Г. Севан. М.: РИК, 1995. С. 65–80.
- 149 *Севан О.Г.* Научно-методическое обоснование Ярмарочного комплекса в С.Двинском секторе АМДЗ. Архив ИСПР. Ш. 120, арх. № 4031. М., 1985.
- 150 Л.В. Даль, В.В. Суслов, В. Верещагин, И. Грабарь.
- 151 М.В.Красовский, И.В.Евдокимов и др.
- 152 *Забелло С.Я., Иванов В.Н., Максимов П.Н.* Русское деревянное зодчество. М., 1942.
- 153 Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л., 1982.
- 154 *Ополовников А.В.* Реставрация памятников народного деревянного зодчества. М., 1974; Его же. Русское деревянное зодчество. М., 1983. Т. 1, 2, 1986.
- 155 *Гнедовский Б.В., Добровольская Э.Д.* Методика организации архитектурно-этнографических музеев под открытым небом. М., 1981 г.
- 156 *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 1985.
- 157 Веденин В.А., Кулешова М.А. Культурный ландшафт как объект наследия. М., 2004.
- 158 Терехин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004.

- 159 *Орфинский В.П., Гришина И.Е.* Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004.
- 160 *Бодэ А.Б.* Деревянное зодчество Русского Севера: Архитектурная сокровищница Поонежья. М., 2005.
- 161 *Langer Jury, Kuca Karel.* Grevne kostely a zvonice v Evrope. Praha; Litomyšl, 2009.
- 162 *Ушаков Ю.С.* Ансамбль...
- 163 Культура русских поморов. М.: РИК, 2005.
- 164 *Синяговский С.А.* Семантика кенозерских святынь // Кенозерские чтения. Архангельск, 2003. С. 295.
- 165 *Шатковская Е.Ф.* и др. Путеводитель по Кенозерскому национальному парку. Архангельск, 2009.
- 166 Культура русских поморов...
- 167 *Иванова А.И.* Священная ономастика и топография часовен Русского Севера // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2006. С. 65.
- 168 *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков. IX–XII вв. М., 1999.
- 169 *Севан О.Г., Денисова Н.Л.* (при участии Табакова А.М.) Отчет о проведении экспедиции специалистами Российского Комитета по селам и малым городам – ЕКОВАСТ и Российского института культурологии – РИК в Кенозерском национальном парке Архангельской области. http://ecovast.ru/seminar_17.htm
- 170 *Синяговский С.А.* Указ. соч. С. 295–303.
- 171 *Севан О.Г.* и др. Научные отчеты по обследованию памятников Вельского района Архангельской области. Архив МК РФ, ИСПР, 1974–1983 гг.
- 172 *Денисова Н.Л.* Образ Севера в живописи XIX–XX вв. // Науки о культуре. Шаг в XXI век. М., 2004. С. 181–185.
- 173 *Орфинский В.П.* Единая классификационная система приемов, форм и деталей деревянного зодчества Русского Севера и ее прикладные аспекты // Материалы XXXIII научной конференции МАИ. 1977. С. 971–1088.
- 174 *Орфинский В.П., Гришина И.Е.* Указ. соч.
- 175 *Бодэ А.Б.* Указ. соч.
- 176 *Севан О.Г.* Народное деревянное жилище...
- 177 *Мильчик М.И.* Этнопарк...
- 178 *Грбарь И.Э.* История русского искусства. Т. 1. М., 1909. С. 505.

- 179 *Орфинский В.П.* Единая классификационная система...
- 180 *Севан О.Г.* Методика организации планировочных структур и отбора памятников в музеях (на примере Архангельской и Вологодской областей). Архив ИСПР, № 2599а, 1982 г.; Она же. Народное деревянное жилище...
- 181 *Бломквист Е.О.* Указ. соч. С. 3–458.
- 182 *Бломквист Е.О., Ганцкая О.А.* Типы русского крестьянского жилища середины XIX – начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 131–145.
- 183 *Севан О.Г.* Типология жилых домов Русского Севера (Архангельская и Вологодская области). ИСПР. Ш. 120, арх. № 1739. М., 1981.
- 184 *Бломквист Е.О.* Указ. соч.
- 185 Из общих работ, посвященных интерьерам русского народного жилища, можно назвать: *Габе Р.М.* Интерьер крестьянского жилища // Архитектурное наследие. № 5. М.: Стройиздат, 1955; *Станюкович Т.В.* Внутренняя планировка, отделка, меблировка русского крестьянского жилища // Русские: Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1970; *Бломквист Е.О.* Указ. соч.; *Мильчик М.И.* Монументальная живопись Поважья // Крестьянская живопись Поважья. М.: Северный паломник, 2003. С. 11–31.
- 186 *Севан О.Г., Полторжицкий И.Л., Муравлева В.А.* (при участии Алипова В.В.). Научный отчет по обследованию Красноборского района Архангельской области. Архив ИСПР, 1985 г.
- 187 *Севан О.Г.* Росписи жилых домов...
- 188 *Евдокимов И.В.* Старинные красноборские печи. Вологда, 1916.
- 189 *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 1985.
- 190 *Севан О.Г.* Росписи жилых домов...; Она же. Роспись жилого дома // Декоративное искусство СССР. 1979. № 11. С. 16–20.
- 191 Рисунки и чертежи архитектора В.В. Алипова выполнены по обмерам 1984 г. архитекторов О.Г. Севан, И.Л. Полторжицкого, В.А. Муравлевой, Е.Н. Пономаревой.
- 192 *Станюкович Т.В.* Указ. соч. С. 81.
- 193 *Севан О.Г.* Росписи жилых домов... С. 129.
- 194 *Станюкович Т.В.* Указ. соч.
- 195 *Чечулин Н.Д.* Русские деревянные жилые постройки в XVI в. СПб., 1893. С. 6.
- 196 *Шмаков В.Г.* Новые материалы по народному зодчеству Русского Севера // Вопросы аграрной истории. Вып. 3. Вологда, 1970. С. 501–513.
- 197 *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Вып. 1. М., 1877. С. 29.

- 198 Рассадник – сруб для выращивания рассады в весенне-летний период. Обычно размещается с южной и подветренной стороны более крупных хозяйственных построек.
- 199 Сады в крестьянских усадьбах возникли в конце XIX – начале XX в. под влиянием городской культуры, но не получили на Севере широкого распространения.
- 200 Такие дома во второй половине XIX в. были характерны для южных районов России. См.: *Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А.* Указ соч. С. 136–137.
- 201 *Севан О.Г.* Сохранение, освоение и использование историко-культурного наследия в сельской среде: Научно-методические рекомендации НИИ Культуры МК РСФСР и АН СССР. М., 1990.
- 202 *Кравец Л., Попова Л.* Веркола: социально-культурное проектирование // *Архитектура СССР.* 1988. № 6. С. 38–41.
- 203 *Севан О.Г.* Историко-культурное наследие сел: сохранение и развитие // *Архитектура СССР.* 1988. № 6. С. 32–37.
- 204 *Севан О.Г., Полторжицкий И.Л.* и др. Предварительные работы и обмеры дома Клокотова В.Я. (Шарыгина П.) в д. Заозерье Лешуконского района Архангельской области. Архив ИСПР. Ш. 120, № 2762, 3334, 1983; *Севан О.Г.* Усадьбы Северо-Двинского сектора АМДЗ. Архив ИСПР. Шифр 120, № 4687, 1985.
- 205 *Романов К.К.* Полевые материалы экспедиции на р. Мезень и Пинегу в 1927 г. Архив Российского этнографического музея. СПб.; *Мильчик М.И.* По берегам Пинеги и Мезени. Л.: Искусство, 1971. С. 138.
- 206 *Севан О.Г.* Росписи жилых домов... С. 179–186.
- 207 Многие сведения, представленные в тексте, были получены еще от хозяев дома, Василия Яковлевича и его жены Анны Дмитриевны, во время обмеров дома в 1982 г.
- 208 *Севан О.Г., Краснова З.В.* Усадьбы Северо-Двинского сектора. Архив ИСПР. Ш. 120, арх. № 4687, 1985 г. Прделанная нами работа касалась не только анализа усадеб в натуре, но состояла в исследовании библиографии и архивных источников. В общей сложности выполненный том состоит более чем из 100 страниц текста и иллюстраций.
- 209 См.: Протокол научно-реставрационного Совета «Ростеставрация» № 10 от 7.7.1984 г. Наши исследования были поддержаны специалистами АСНРПМ, консультантами и историками.
- 210 *Лангер Ю.* Роль теоретической социальной модели при реконструкции исторической среды // *Исторические города и села в процессе урбанизации.* М., 1994. С. 74–81.
- 211 *Севан О.Г., Табаков А.М., Денисова Н.Л., Митяшин И.В.* Отчет о проведении экспедиции специалистами Российского Комитета по селам и малым городам – ЕКОВАСТ и Российского института культурологии – РИК в Кенозерском национальном парке Архангельской области. Экспедиция по обследованию сел и памятников Кенозерского парка. Грант РФНФ № 06-04-15051з, 2006 г. http://ecovast.ru/seminar_17.htm
- 212 *Орфинский В.П., Гришина И.Е.* Типологическая система сельской архитектурно-пространственной среды. Вып. 1. Жилищно-хозяйственные комплексы, их части и эле-

- менты. Петрозаводск, 1990. 253 с. Рукопись деп. в ВНИИНТПИ, № 10827; *Орфинский В.П., Гришина И.Е.* Деревянные крестьянские амбары Русского Севера и Сибири // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1989. С. 42–66.
- 213 *Севан О.Г.* Памятники народной архитектуры Русского Севера: хозяйственные постройки и сооружения, малые формы: Опыт классификации // Деревянное зодчество. Вып. 1. М.; СПб.: Коло, 2010. С. 249–281.
- 214 *Севан О.Г.* Народное деревянное жилище....:
- 215 *Севан О.Г.* Типология хозяйственных построек Русского Севера. Архив ИСПР. Ш. 120, арх. № 1639, 1980.
- 216 *Севан О.Г.* Музей близ г. Вологды // Архитектура и строительство России. М., 1990. № 7. С. 24–25; Она же. Малые Корелы: Methodика проектирования и формирования музея деревянного зодчества / Отв. ред. О.И. Пруцын, В.А. Виноградов // Реставратор. 2002. № 1. С. 35–38.
- 217 *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XVI–XVII вв. СПб., 1913. С. 57.
- 218 *Едемский М.В.* О крестьянских постройках на Севере России // Живая старина. СПб., 1913. С. 25–116.
- 219 Ледники // Зодчий. 1872. №1. С. 33–34.
- 220 *Харузин Н.М.* Очерк развития жилища у финнов. М., 1895.
- 221 *Сабурова Л.М.* Сельскохозяйственные постройки для обработки и хранения зерна // Русские. М., 1967. С. 99–128.
- 222 *Бломквист Е.О.* Указ. соч. С. 318–325.
- 223 *Сабурова Л.М.* Указ. соч. С. 107–110.
- 224 *Габе Р.М.* Карельское деревянное зодчество. М., 1941. С. 190–192.
- 225 *Волоцкий Н.* Несколько слов по поводу обыкновенных ветряных мельниц // Вологодские губернские новости. 1875 г., № 68; *Понамарев В.А.* Возникновение и развитие ветряной мельницы. М., 1968.
- 226 *Бломквист Е.О.* Указ. соч. С. 318–325.
- 227 *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Вып.1. Гл. I–II. Архангельск, 1877. С. 1–48.
- 228 *Севан О.Г., Бровченко Н.П.* и др. Научный отчет по обследованию Вельского района Архангельской области. Архив ИСПР. Ш. 120, арх. № 2923. М., 1983.
- 229 *Иванова-Везн Л.И.* Русские деревянные мосты // Памятники науки и техники. 1982–1983. М., 1984. С. 53–73.

- 230 *Маковецкий И.В.* Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1955. С. 221–223.
- 231 *Севан О.Г.* и др. Материалы Свода памятников Вологодской области. Вытегорский район. М., 1979.
- 232 Архив Вологодского краеведческого музея.
- 233 *Данилов В.В.* Кадниковский уезд Вологодской губернии // Север. 1923. № 3, 4. С. 230.
- 234 *Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1891. Ч. 2. С. 495–497.
- 235 *Севан О.Г.* Народное деревянное жилище Русского Севера (Архангельская и Вологодская области): Дис. ... канд. арх. [МАРХИ]. М., 1981. Т. 1. С. 143–145; Т. 2, табл. 44.
- 236 *Соколова В.К.* Весеннее-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 115.
- 237 Там же. С. 117.
- 238 *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 343.
- 239 *Севан О.Г.* и др. Научный отчет об обследовании Лешуконского и части Мезенского районов Архангельской области. Архив ИСПР. Ш. 120, арх. № 151. М., 1975.
- 240 *Красовский М.* Курс русской архитектуры. Ч. 1. Деревянное зодчество. М., 1916. С. 126–129.
- 241 *Севан О.Г.* Народное деревянное жилище...
- 242 *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л., 1983.
- 243 Автором не были обследованы данные территории в течение работы над АМДЗ, как и позже.
- 244 Хотя часто мой сын, Миша, как и племянник, Андрей, ставшие архитекторами, участвовали в наших поездках, обследованиях и обмерах памятников.
- 245 *Севан О.Г.* Методика организации планировочных структур и отбора памятников в музеях (на примере Архангельской и Вологодской областей). Архив ИСПР, арх. № 2599а, 1982 г.
- 246 *Севан О.Г.* Сезонные поселения...
- 247 *Гнедовский Б.В.* (при участии Дависа Я.Ю.). Генплан Каргопольского сектора (варианты). Архив ВПНРК. Ш. 202, арх. № 36, 37, 38, 1971 г.
- 248 Наши исследования в с. Кулига Дракованова Красноборского района Архангельской области (в прошлом Вологодской губернии) во время экспедиции 1984 г. показали, что храм находился в удовлетворительном состоянии, хотя стоял уже в практически заброшенной деревне. Мы предлагали его перевезти в музей с целью охраны и в ПДП Каргопольско-Онежского сектора и поставить недалеко от колокольни из этого же села.

Но это предложение не было поддержано, а позже храм был разрушен.

- 249 Вельский, Шенкурский, Устьянский, часть Коношского и Няндомского районов Архангельской области, а также Верховажский, Вожегодский, часть земель Харовского и Сямженского районов Вологодской области.
- 250 *Мильчик М.И.* Монументальная живопись Поважья // Крестьянская живопись Поважья. М., 2003. С. 11-31.
- 251 *Кондратьева В.Г.* Расписная мебель и детали интерьера // Крестьянская живопись Поважья. Северный паломник. М., 2003. С. 32–56.
- 252 *Севан О.Г.* Росписи жилых домов... С. 75–90.
- 253 *Севан О.Г., Муравлева В.А.* (при участии И.Л. Полторжицкого). ПДП Важского сектора. Историческая справка. Научно-методическое обоснование проекта. ИСПР, 1985.
- 254 *Севан О.Г., Бровченко Н.П.* и др. Научные отчеты по обследованию Вельского, Шенкурского и др. районов Архангельской области бассейна р. Ваги. Архив ИСПР, 1975-1985 гг. (Приложение 1)
- 255 *Севан О.Г.* Росписи жилых домов...
- 256 *Севан О.Г., Краснова З.В.* Исторические изыскания и справка по теме «Ярмарки на Русском Севере». Архив ИСПР, арх. № 3018. М., 1983; *Севан О.Г., Муравлева В.А.* ПДП Ярмарочного комплекса...
- 257 *Гурари М.Н., Севан О.Г.* Проекты навесов для посетителей разных типов. М.: Архитектурная мастерская М.Н. Гурари. 2007. Архив музея.
- 258 *Севан О.Г.* Росписи жилых домов... соч. С. 157–161.
- 259 *Романов К.К.* Жилище в районе реки Пинеги // Крестьянское искусство СССР. Л., 1928. С. 7–32.
- 260 *Шелег В.А.* Общая записка к тематико-экспозиционному плану Пинежского сектора АМДЗ. Архив АМДЗ, 1981 г.
- 261 *Севан О., Бровченко Н.* Ильинская церковь Веркольского монастыря: Научно-методическое обоснование проекта реставрации. Архив ИСПР. Ш. 120, арх. № 553, 1978 г.
- 262 *Лисенко Л.М.* Национальные особенности памятника деревянного зодчества в с. Кимжа // Архитектурное наследство. 1975. № 23. С. 70–78.
- 263 Обмеры выполнены арх. И. Полторжицким, В. Муравлевой и автором (Приложение 3).
- 264 *Севан О.Г.,* Научно-методическое обоснование и ПДП Мезенского сектора АМДЗ. Архив ИСПР. Ш. 120, арх. № 664. М., 1978.
- 265 *Севан О.Г., Бровченко Н.П., инж. Гурин О.В.* Проект подпорной береговой стенки Мезенского сектора АМДЗ (длина 100 м). Архив ИСПР. Ш. 120, арх. № 1155. М., 1981.
- 266 Например, Благотворительный фонд В. Потанина и др.

- 267 На пути к музею XXI века.: Музеи-заповедники // М.: НИИК, 1999; Материалы Европейской ассоциации музеев под открытым небом. <http://www.aeom.org/>
- 268 Культура дерева – Дерево в культуре. (Тезисы докладов международной науч.-практ конференции, 24–28 сентября 2010 г., Москва – Ростов Великий) // М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии и др. / Отв. ред.-сост. О.Г. Севан. М., 2010. 200 с.
- 269 Все сказанное в той или иной мере относится и к рассматриваемому музею «Малые Корелы». В силу ряда перечисленных причин, а также значительной территории, памятников и др. многие проблемы здесь приобрели острый, порой критический характер.
- 270 Музейная коммуникация: модели, технологии, практики / Рос. ин-т культурологии / Отв. ред. В.Ю. Дукельский. М., 2010. 199 с.
- 271 Ежегодные выставки «Инермузей».
- 272 *Лебедев А.В.* Информационные технологии и современная музейная экспозиция // Наследие в эпоху социокультурных трансформаций – МК РФ, РИК. М.: Академический проект, 2010. С. 435–458.
- 273 Авторы разработки программы на период 2006 г.: зав. лабораторией музейного проектирования РИК Н. Никишин, директор музея «Малые Корелы» М. Лопаткин, зав. сектором Проблем культурной среды поселений РИК О. Севан (при участии сотрудников музея). – Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», Российский институт культурологии, Агентство музейный проект // Архангельск – Москва, 2006.
- 274 Бывший главный архитектор проекта музея «Малые Корелы».
- 275 *Севан О.Г.* Социокультурные исследования территорий и поселений современной России (региональный аспект) // Личность. Культура. Общество. 2008. № 2. С. 301–310; Она же. Проблемы сельских территорий России и механизмы участия населения в программах развития поселений // Кенозерские чтения – 2005. Архангельск, 2007. С. 88–100; http://ecovast.ru/sevan_pub.htm
- 276 Это уже частично выполнено в музее.
- 277 *Денисова Н.Л., Севан О.Г.* О научно-практической конференции, посвященной 45-летию музея «Малые Корелы» в г. Архангельске, 2009 г. http://www.ecovast.ru/seminar_21.htm
- 278 <http://www.rusnord.ru/2011/1/29907> от 10.05.2011 и от 11.05.2011.
- 279 Авторы проекта: канд. арх. О.Севан, при участии арх. В.Муравлевой и сотрудников музея. 2006.
- 280 *Гурари М.Н., Севан О.Г.* Варианты проектов крытых площадок для отдыха и питания. М.: Архитектурная мастерская Н. Гурари. М., 2006. Архив музея.
- 281 Авторы проекта: арх. Н.В. Белоусов, Н. Соловьев при участии О. Севан (Арх. мастерская Н.В. Белоусова «Обло»), 2006 г.
- 282 Данный проект не реализован. http://www.archiwood.ru/new_wood/architects/185/
<http://www.interiorexplorer.ru/ispolnview.php?isplnm=211>

- 283 *Гурари М.Н.* Указ. проекты.
- 284 Музей «Малые Корелы»: отчет о деятельности 2008–2010. А также <http://www.korely.ru/111.html>
- 285 *Севан О.Г.* Исследование социокультурных ресурсов территории в рамках муниципальной реформы: институциональный подход (в соавторстве с А. Табаковым, Н. Денисовой) // Экология культуры. Архангельск. 2008. № 2. С. 41–97. <http://www.ecovast.ru/ujemreport-0.htm> <http://www.dvinaland.ru/culture/site/Publications/EoC/EoC2008-2/2008-2.pdf>
- 286 *Табаков А.М.* [экономист, н.с. Российского института культурологии]. Отчет по исследованиям в Архангельской области. Раздел «Поселение Уемское. Социально-экономическая ситуация» (с учетом данных музея «Малые Корелы»). Архив РИК, проект РГНФ № 07-03-00393а «Исследование социокультурных ресурсов территории в рамках муниципальной реформы: институциональный подход», 2007.
- 287 На 2007 г. – 0,2 % или более чем на 200 человек. Но сегодня у нас нет новых данных.
- 288 При поддержке РИК, проект РГНФ <http://www.ecovast.ru/ujemreport-0.htm>
- 289 О.Г. Севан (руководитель) – кандидат архитектуры, А.М. Табаков – экономист, Н.Л. Денисова – искусствовед. Во время работы был проведен анализ ситуации в музее «Малые Корелы», выполненный в рамках проекта РГНФ № 04-05-04014а, используемый в данной монографии.
- 290 Лаптева Галина. Информационный бюллетень «Экология культуры» как информационный ресурс культурной политики <http://www.dvinaland.ru/culture/site/Publications/EoC/EoCLapteva.pdf>
- 291 *Севан О.Г.* Исследование социокультурных ресурсов...
- 292 *Севан О.Г.* Междисциплинарный вопросник по сельскому поселению // Экология культуры. Архангельск. 2008. № 2. С. 98–106. http://ecovast.ru/sevan_pub.htm
- 293 На первом этапе подобного типа работа была проведена в предыдущие годы во время исследования территорий (case-study): сел Мариинско-Посадского района Республики Чувашия; села Протопопово в г. Коломне Московской области, а также деревень на территории Государственного Кенозерского национального парка в Архангельской области. См. www.ecovast.ru
- 294 Сельские поселения России...
- 295 Европейский опыт разработок и реализации программ развития сельских территорий и малых городов / Отв. ред. О. Севан. М.: Высшая школа экономики, ЕКОВАСТ, 2001.
- 296 Указ. проект РГНФ № 04-05-04014а.
- 297 <http://www.karely.ru/> Это был прекрасный маркетинговый и рекламный ход, которым воспользовались предприниматели, используя название с разницей в одну букву от названия музея.

- 298 Сайт / ИА REGNUM. Лыжный стадион под Архангельском построят на российские деньги. 16.11.2005; Сайт / ИА REGNUM. Stadium.ru, 14.09.2007
- 299 Нами были описаны вкратце и фотофиксированы 20 жилых сооружений деревни, представленные в таблице в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 07-03-00393а, 2007.
- 300 А.М. Табаков. Указ. работа.
- 301 Ранее в поселении имелись две приходские церкви, но они были разрушены в 1930-е гг. В настоящее время открыта служба в Вознесенской церкви в музее «Малые Корелы». При въезде в поселок имеется деревянный храм Св. кн. Александра Невского. Эти культовые сооружения привлекают как местное население, так и паломников из других мест области.
- 302 Heritage Trails / Guide for Development Rural Tourism. ECOVAST. 2001. http://www.ecovast.org/english/publications_e.htm
- 303 Европейский опыт...
- 304 Европейская конвенция о ландшафтах, 2000. <http://www.google.ru/search?client=qsbin&rlz>
- 305 *Spiegler A. "Landscape Identification. A guide to good practice" // ECOVAST, 2005.*
- 306 *Веденин Ю.А., Кулешова М.Ю. Культурный ландшафт как объект наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с., ил.*
- 307 <http://ecovast.ru/uemfoto.htm> и <http://ecovast.ru/ujemreport-0.htm>
- 308 «Программа сохранения ...». 2006.
- 309 *Севан О.Г. Музеи под открытым небом Европы // Обсерватория культуры. 2006. № 3. С. 60–69; Она же. Российские музеи под открытым небом // Обсерватория культуры. 2006. № 6. С. 66–75.*

Приложение 1.

Список научных отчетов экспедиций по обследованию поселений и памятников архитектуры, в которых принимала участие О.Г. Севан, используемые в работе

Экспедиции по Своду памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР (архив МК РФ и Государственного института искусствознания, г. Москва) (схемы генпланов, схематические обмеры сооружений, чертежи, паспорта, фотоиллюстрации)

1. Вытегорский район Вологодской области. 1968, 1977 гг.
2. Тотемский и Тарногский районы Вологодской области. 1969 г.
3. Касимовский, Ермишинский и Кадомский районы Рязанской области. 1970 г.
4. Костромской район Костромской области. 1971 г.
5. Усть-Вымский и Княжпогостский районы Коми АССР. 1971 г.
6. Вельский район Архангельской области. 1974, 1975 гг
7. Вашкинский район Вологодской области. 1977 г.

Отчеты по обследованию поселений и памятников в Архангельской области с целью использования собранных данных в работе по Архангельскому музею деревянного зодчества – АМДЗ – «Малые Корелы» и частично по музею деревянного зодчества Вологодской области. Представлены текст, схемы генпланов поселений и их описания, обмеры и чертежи сооружений, фотоиллюстрации, рисунки, рекомендации к перевозке или воссозданию сооружений в музее (Архив института «Спецпроектреставрация» – ИСПР, шифр 120, г. Москва)

8. Лешуконский и часть Мезенского районов Архангельской области (совместно с Бровченко Н.П. и Ткаченко Л.А.), арх. № 151, 1975 г.
9. Красноборский и Верхне-Тоемский район Архангельской обл. (при участии Н.П. Бровченко и др. арх.), арх. № 151, 1975 г.
10. Пинежский район Архангельской области (совместно с Н.П. Бровченко, Л.А. Ткаченко), арх. № 242, 1976 г.
11. Верхне-Тоемский и часть Холмогорского районов (росписи домов) (совместно с Е.И. Фокиным, АМДЗ), арх. № 382, 1977 г.
12. Холмогорский район Архангельской области (совместно с И.Л. Полторжицким), арх. № 704, 1978 г.
13. Пинежский район Архангельской области (совместно с др. специалистами

ИСПР), арх. № 1478, 1979–1980 гг.

14. Мезенский и Лешуконский районы Архангельской области (обетные кресты) (совместно с др. специалистами ИСПР), арх. № 3333, 1981–1983 гг.

15. Вельский район Архангельской области (совместно с И.Л. Полторжицким, В.А. Муравлевой), арх. № 2923, 1983 г.

16. Няндомский район Архангельской области (совместно с И.Л. Полторжицким, В.А. Муравлевой, В.А. Кузьминым), арх. № 3500, 1984 г.

17. Вашкинский район Архангельской области (с др. архитекторами), арх. №, 1984 г.

18. Красноборский район Архангельской области (совместно с И.Л. Полторжицким, В.А. Муравлевой), арх. №, 1985 г.

***Отчеты по музею деревянного зодчества Вологодской области
(Архив ИСПР, шифр 322, г. Москва)***

19. Тотемский район Вологодской области (совместно с С. Гельфером, А. Подъяпольским и др.), арх. № 2126, 1981 г.

20. Нюксеницкий район Вологодской области (совместно с С. Гельфером, А. Подъяпольским и др.), арх. №, 1983 г.

Приложение 2.

Список научно-методических обоснований, исторических справок, пояснительных записок к проектам детальным планировок секторов – ПДП, проектам реставрации, выполненных Севан О.Г. и используемых в работе (Архив института ИСПР, г. Москва, 1974–1986 гг.)

***Архангельский музей деревянного зодчества
«Малые Карелы» – АМДЗ, шифр 120***

1. Пояснительная записка и обоснование генерального плана музея деревянного зодчества в дер. Малые Карелы (в соавторстве с Б.В. Гнедовским), 2 п. л. + чертеж арх. № 1862, том арх. № 113, 1975 г.

2. Типология жилых домов Русского Севера, 3 п. л. + схемы арх. № 1739, 1981 г.

3. Типология хозяйственных построек Русского Севера, 2 п. л. + схемы арх. № 1639, 1980 г.

4. Научно-методическое обоснование ПДП С.-Двинского сектора музея в дер. Малые Карелы, 1 п. л. + чертежи, фото + рисунки арх. № 1998, 1981 г.

5. Научно-методическое обоснование ПДП Пинежского сектора музея в дер. Малые Карелы, 1 п. л. + чертежи, фото + рисунки арх. № 2527, 1981 г.

6. Научно-методическое обоснование ПДП Мезенского сектора музея в дер. Малые Карелы, 1 п. л. + чертежи, фото + рисунки арх. № 664, 1978 г.
7. Научно-методическое обоснование проекта реставрации Ильинской церкви XVII в. Веркольского монастыря, 1 п. л. + чертежи, фото + схемы арх. № 553, 1978 г.
8. Исторические изыскания и справка по теме «Ярмарки на Русском Севере» (совместно с З.В. Красновой), 3 п.л. + рисунки арх. № 3018, 1983 г., арх. № 3663, 1984 г.
9. Научно-методическое обоснование ПДП Важского сектора АМДЗ, 3 п. л. + чертежи, фото + рисунки схемы арх. №. 3989, 1985 г.
10. Научно-методическое обоснование ПДП Сезонного поселения АМДЗ, 0. 7 а. л. + чертежи, фото + рисунки схемы, 1979 г.
11. Научно-методическое обоснование ПДП Ярмарочного комплекса в С.-Двинском секторе АМДЗ, 1 а.л. + чертежи, фото + рисунки. арх. № 4031, 1985 г.
12. Научно-методическое обоснование ПДП Каргопольско-Онежского сектора (завершение). Пояснительная записка к ПДП, 1 а. л. + чертежи, арх. № 4842, 1986
13. Научно-методическое обоснование генерального плана АМДЗ. Промежуточный генеральный план музея, 2 а. л. + чертежи, арх. № 4963, 1986 г.
14. НИР. Тема № 4–1. Методика организации планировочных структур и отбора памятников в музеях деревянного зодчества (на примере Архангельской и Вологодской областей), 1 а. л. + схемы, арх. № 2599, 1982 г.

Музей деревянного зодчества Вологодской области, шифр 322

15. Научно-методическое обоснование генерального плана музея деревянного зодчества Вологодской области, 1. 5 а. л. + схемы, чертежи, арх. № 2375, 1982 г.
16. Библиография по истории культуры и архитектуры Вологодского края (совместно с А.С. Подъяпольским), 2, 5 п. л., арх. № 1489, 1980 г.
17. Предварительная историческая справка по формированию народной архитектуры Вологодского края (совместно с А.С. Подъяпольским), 3 а. л. + схемы, арх. № 1552, 1980
18. Пояснительная записка к проекту капитального ремонта объектов и модернизации инфраструктуры АМДЗиНИ (к уточненному генеральному плану музея «Малые Карелы» и его функциональному зонированию). «Предложения по новым объектам и секторам к эскизному варианту развития генплана Музея «Малые Карелы». Архив музея, 2006 г.

Приложение 3

Планировочные работы, проекты реставрации и обмеры памятников, в которых канд. арх. Севан О.Г. принимала участие

***(архив Института «Спецпроектреставрация» — ИСПР,
г. Москва, и другие организации)***

Планировочные работы

1. Генеральный план музея деревянного зодчества в дер. Малые Корелы (авторы Б.В. Гнедовский, О.Г. Севан), 1975 г. Исполнительный генплан 1986 г. арх. № 1421, 1862, том № 113, 1975 г. № 4963, 1986 г. – осуществляется в натуре
2. Проект детальной планировки Каргопольско-Онежского сектора музея «М. Корелы» и его обоснование (авторы – Б.В. Гнедовский, В.А. Лапин, В.А. Суслин, О.Г. Севан), арх. № 3, 1975 г. – осуществляется
3. Проект детальной планировки Северо-Двинского сектора АМДЗ (автор – О.Г. Севан), арх. №1420, 1976 г. и №2008, 1981 г. - осуществляется
4. Проект детальной планировки Мезенского сектора АМДЗ (авторы – О.Г. Севан, Н.П. Бровченко), арх. №. 664, 1978г. – осуществлен
5. Проект планировки и панорамы подпорной стенки Мезенского сектора АМДЗ (авторы – О.Г. Севан, Н.П. Бровченко), Арх. № 1155, 1979 г.
6. Проект детальной планировки Пинежского сектора АМДЗ (автор – О.Г. Севан), № 2527, 1981 г. – осуществляется
7. Проект детальной планировки Сезонного поселения Пинежского сектора АМДЗ (автор – О.Г. Севан), № 9627, 1979 г., – осуществлен в 1981 г.
8. Проект детальной планировки Ярмарочного комплекса в С.-Двинском секторе АМДЗ (авторы – О.Г. Севан, В.А. Муравлева), арх. № 4031, 1985 г. – предполагается к воссозданию
9. Проект детальной планировки усадьбы Северо-Двинского сектора АМДЗ (автор – О.Г. Севан), № 4687, 1985 г. – предполагается к воссозданию
10. Проект детальной планировки Важского сектора АМДЗ (авторы О.Г. Севан, В.А. Муравлева), арх. №. 3989, 1985 г. – предполагается к воссозданию
11. «Программа сохранения и развития музея деревянного зодчества "Малые Корелы" (совместно с Н. Никишиным, М. Лопаткиным), архив музея «Малые Корелы» 2006 г.
12. Уточненный генеральный план музея «Малые Корелы» и его функциональное зонирование (при участии архитектора В.А. Муравлевой), архив музея «Малые Корелы», 2006 г., ТМРД
13. Генеральный план Вологодского музея деревянного (авторы – О.Г. Севан, Е.Ю. Барановский, С.В. Гельфер), арх. № 2558, ш. 322, 1982 г. – осуществляется

***Обмеры, проекты реставрации и проекты отдельных сооружений,
выполненные для музея «Малые Корелы»***

(архив ИСПР и других проектных мастерских)

1. Жилой дом Шестакова из дер. Цивозеро Красноборского р-на Архангельской обл. (Двинский сектор музея) (авторы – Бровченко Н.П., Севан О.Г.), арх. № 194, 1976 г. – осуществлен в 1980 г.
2. Жилой дом тип I из дер. Хорнемская (р. Пинега) Пинежский сектор (авторы – О.Г. Севан, Н.П. Бровченко), арх. № 783, 1978 г. – восстановлен в 1981 г.
3. Жилой дом тип II из дер. Хорнемская (р. Пинега) Пинежский сектор (авторы – О.Г. Севан, Н.П. Бровченко), арх. № 784 – осуществлен в 1981 г.
4. Жилой дом тип III из дер. Хорнемская (р. Пинега) Пинежский сектор (авторы – О.Г. Севан, Н.П. Бровченко), арх. № 785, – осуществлен в 1981 г.
5. Полевой амбар из дер. Немнюга Пинежского района (авторы – Н.П. Бровченко, О.Г. Севан), арх. № 779, 1978 г
6. Жилой дом Морозовой из дер. Кучкас Пинежского р-на (эскизный проект и рабочие чертежи; авторы – Н.П. Бровченко, О.Г. Севан), арх. № 1018, 1979 г. – предполагался к восстановлению
7. Ильинская церковь Веркольского монастыря (эскизный проект) XVII в. (авторы – Севан О.Г., Бровченко Н.П.), арх. № 553, 1978 г. – предполагалась к воссозданию
8. Малые формы архитектуры (качели 3-х типов, ворота 3-х типов, рассадники 2-х типов, колодцы различных вариантов, изгороди) (автор – О.Г. Севан), арх. № 8930, 6544–6546, 6540; 1976 г. – воссозданы
9. Подпорная береговая рубленая стенка Мезенского сектора (длина – 100 м) (авторы – архитекторы О.Г. Севан, Н.П. Бровченко при участии инженера О.В. Гурина), арх. № 1155, 1981 – построена в музее
10. Подпорная стенка у дома Федотовой Мезенского сектора (авторы – О. Севан, В. Муравлева), арх. № 3635, 1984 г. – построена в музее и уже разрушена
11. Жилой дом Клокотова В.Я. 1879 г., дер. Заозерье Лешуконского района Архангельской области (обмеры, исследование, росписи) (арх. О.Севан, И. Полторжицкий и др.), арх. № 2835 и 3334, 1983 г. перевезен в 2006 г.
12. Обмеры жилого дом Кыркаловой в дер. Б. Кротово, Пинежского р-на Архангельской обл. (обмеры, консультация проекта) (арх. О. Севан, И.А. Полторжицкий), арх. № 3984, 1982–1984 г. – восстановлен
13. Обмеры Вознесенской часовни XVIII в. в дер. Березник, Пинежского р-на Архангельской обл. (обмеры, историческая справка) (авторы – О. Севан, И. Полторжицкий, В. Муравлева), арх. № 4339, 1984 г.
14. Обмеры часовни Зосимы и Савватия Соловецких в дер. Середняя XVIII в. Вельского р-на, Архангельской обл. (арх. О. Севан, И. Полторжицкий, В. Муравлева), арх. № 3985, 1984 г.
15. Эскизный проект Входной зоны музея «Малые Корелы» (авторы проекта –

арх.Н. Белоусов, Н. Соловьев, О. Севан; арх. мастерская Н.В. Белоусова «Обло», Москва), архив музея «Малые Корелы», 2006 г., архив Архитектурной мастерской Н.В. Белоусова «Обло», Москва, 2006 г. (работа не была продолжена)

16. Варианты проектов крытых площадок для отдыха и питания (авторы – М.Н. Гулари, О.Г. Севан), архив музея «Малые Корелы», 2006 г. Архив Архитектурной мастерской М.Н. Гулари. Москва, 2006 г. (работа не была продолжена)

Приложение 4

Предложения О.Г. Севан на основе научных обоснований для проведения обмеров, перевозки, разработки проектов реставрации и восстановления памятников в музее «Малые Корелы»

В результате экспедиций по обследованию памятников и с учетом рекомендаций коллег из АСНРПМ автором были дополнительно изучены и даны предложения к перевозке и восстановлению в музее следующих объектов:

Мезенский сектор АМДЗ

1. Жилой дом Федотовой из дер. Лебское (восстановлен)
2. Жилой дом Кузьмина из дер. Чучепала (восстановлен)
3. Жилой дом Клокотова из дер. Заозерье (восстановлен)
4. Различные конструкции подпорных береговых стенок (6 шт.) (построены)
5. Бани различных типов (частично восстановлены)
6. Ледник (восстановлен)
7. Амбары – 7–8 шт. (различных типов) (частично восстановлены)
8. Колодцы, изгороди, ворота, качели – 7 шт. (частично воссозданы)
9. Часовня-амбаронка (предлагается к восстановлению)

Северо-Двинский сектор АМДЗ

1. Жилой дом Шестакова из дер. Цивозеро (восстановлен)
2. Жилой дом Тропина из дер. Цивозеро (восстановлен)
3. Жилой дом Русиновой из дер. Кондратовская (восстановлен)
4. Жилой дом Ермолиной из дер. Кривец (восстановлен)
5. Пожарная Каланча (не воссоздана)
6. Амбары, бани, хозяйственные постройки (частично восстановлены)
7. Ярмарочный комплекс в С.-Двинском секторе (не построен)

Пинежский сектор АМДЗ

1. Жилой дом Осиповой из дер. Шеймогоры (перевезен другой дом)
2. Жилой дом Ситниковых из дер. Шеймогоры (восстановлен)
3. Жилой дом Кыркаловой из дер. Б. Кротово Пинежского района (восстановлен)
4. Жилой дом Морозова из дер. Кучкас (не перевезен, имеется проект)
5. Жилой дом Островского из дер. Сарчема (сгорел до перевоза в деревне)
6. Двухэтажный амбар из села Немнюга (восстановлен)
7. Ильинская церковь XVII в. Веркольского монастыря (не воссоздана)
8. Боровая изба из дер. Березник (восстановлена)
9. Бани, амбары – 6–8 шт. (частично восстановлены)
10. 2-х этажный амбар из дер. Немнюга (восстановлен)
11. Вознесенская часовня XVIII в. из дер. Березник (не перевезена)

Сезонные поселения АМДЗ (все постройки восстановлены)

1. Жилой дом тип I – из дер. Хорнемская
2. Жилой дом тип II – из дер. Хорнемская
3. Жилой дом тип III – из дер. Хорнемская
4. Амбары – 4 шт. (разных типов)

Важский сектор АМДЗ. Предложено 15 объектов (сектор отсутствует)

- Георгиевская церковь XVIII в. из с. Гридинская Вельского района
- Жилой дом Попова из дер. Наволок Няндомского района
- Жилой дом Дроздовой из дер. Нечаевская Вельского района
- Жилой дом Жилиной (с росписью) из дер. Тимоневская Вельского района
- Жилой дом Федосова из дер. Валдеево Коношского района
- Жилой дом, амбары, бани, смолокурня, конюшня и пр.
- Часовня Зосимы и Савватия Соловецких XVIII в. из дер. Средняя Вельского района (но после обмеров из-за сохранности сооружения было принято решение отказаться от перевозки)
- а также жилые дома Любушина, Преснухиной, Фомина и др. (см. экспедиционные отчеты по обследованию памятников).

Список иллюстраций

- Рис. 1. Фото Л.А. Ткаченко, 1975 г.
- Рис. 2. Первый музей под открытым небом. «Скансен», Швеция
- Рис. 3. Схема плана музея под открытым небом. «Скансен», Швеция
- Рис. 4. Интерьер жилого дома с росписью 1729–1795 гг. Музей «Скансен», Швеция
- Рис. 5. Схема восстановленного Городского квартала в музее «Скансен», Швеция
- Рис. 6. Крестьянская усадьба XVI–XVIII вв. Музей «Скансен», Швеция
- Рис. 7. Музей Арнхейм, Голландия. Старая часть музея. Фото автора, 2007
- Рис. 8. Музей Арнхейм, Голландия. Движущаяся экспозиция музея – трамвай. Фото автора, 2007
- Рис. 9. «Музей ремесел» в Турку, Финляндия. Улица мастеров. Фото автора, 2005
- Рис. 10. «Музей ремесел» в Турку, Финляндия. Мастерская по производству сладостей. Фото автора, 2005
- Рис. 11. Музей «Рожнов под Радгоштем», Чехия. Сельский сектор. Фото музея, 1990
- Рис. 12. Музей «Рожнов под Радгоштем», Чехия. Городской сектор. Фото музея, 1990
- Рис. 13. Музей Бойкрик, Бельгия. Школа. Фото автора, 2007
- Рис. 14. Музей Бойкрик, Бельгия. Интерактивная программа музея «Ежедневная жизнь деревни». Фото автора, 2007
- Рис. 15. Музей города «Старый Линчопинг», Швеция. Проспект музея
- Рис. 16. Схема панорамы музея «Старый Линчопинг», Швеция. Рис. музея
- Рис. 17. Интерактивная театрализованная программа «Старая лавка города». Музей «Старый Линчопинг», Швеция. Фото музея
- Рис. 18. Образовательная программа «Старая школа». Музей «Старый Линчопинг», Швеция. Фото музея
- Рис. 19. Zeemuseum – Музей на воде, Голландия. «Жилая деревня». Фото автора, 2007
- Рис. 20. Zeemuseum – Музей на воде, Голландия. Усадьба рыбака. Фото автора, 2007
- Рис. 21. Zeemuseum – Музей на воде, Голландия. Приготовление рыбы для посетителей в усадьбе рыбака. Фото автора, 2007
- Рис. 22. Роспись стены гостевого дома около 1800 г., перевезенного из Теле-

- марка в 1910 г. Норвежский народный музей в г. Осло. Фото автора, 2010
- Рис. 23. Ставкирха 1235–1265 гг. из села Гуль. Норвежский народный музей в г. Осло. В Гуле установлена копия церкви. Фото автора, 2010
- Рис. 24. Крестьянская усадьба. Норвежский народный музей в г. Осло. Фото автора, 2010
- Рис. 25. Амбары 1800 г. Норвежский народный музей в г. Осло. Фото автора, 2010
- Рис. 26. Музей деревянного зодчества в селе Коломенском. Георгиевская церковь XVII в. из села Семеновское Верхне-Тоемского района Архангельской обл. Фото автора, 2011
- Рис. 27. Музей деревянного зодчества в селе Коломенском. Надвратная башня Николо-Карельского монастыря XVII в. на старом месте в музее. Фото, 2005
- Рис. 28. Усадьба зажиточного крестьянина XIX в. Реконструкция. Фото автора, 2011
- Рис. 29. Музей деревянного зодчества близ Ново-Иерусалимского монастыря. Московская обл. Ярусная церковь XVIII в. (сгорела)
- Рис. 30. Музей деревянного зодчества Вологодской обл. Верховажский сектор. Проект. Рис. О.Г. Севан, 1984
- Рис. 31. Музей деревянного зодчества Вологодской обл. Генплан (авторы арх. О. Севан, Е. Барановский, С. Гельфер), 1985
- Рис. 32. Георгиевская церковь XVII в. из села Поча и жилые дома в музее Вологодской обл. Фото А. Иванова, 2009
- Рис. 33. Архитектурно-этнографический музей Вологодской обл. Часовня XVIII в. и Георгиевская церковь из села Поча в Сухонском секторе. Фото И. Иванова, 2011
- Рис. 34. Музей народного деревянного зодчества «Витославицы», г. Новгород. Ярусная Успенская церковь из села Курицко Новгородской обл. 1595 г.
- Рис. 35. Государственный музей-заповедник «Киж», Карелия. Погост. Общий вид Фото автора, 2010
- Рис. 36. Государственный музей-заповедник «Киж», Карелия. Деревянные храмы погоста. Фото автора, 1988
- Рис. 37. Государственный музей-заповедник «Киж». Перевезенные жилые дома. Пудожский сектор. Фото автора, 2010
- Рис. 38. Государственный музей-заповедник «Киж». Часовня Спаса Нерукотворного из дер. Вигово Медвежьегорского р-на. Конец XVII – начало XVIII в. Фото автора, 2010
- Рис. 39. Музей деревянного зодчества в г. Костроме. Общий вид усадеб. Фото автора, 1990

- Рис. 40. Музей деревянного зодчества в г. Костроме. Уникальная клинчатая Преображенская церковь из села Спас-Вежи на сваях, 1628 г. (сгорела в 2002 г.). Фото автора, 1990
- Рис. 41. Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорай» в Удмуртии. Усадьба крестьянина. Фото И. Шургина, 2009
- Рис. 42. Ибресинский этнографический музей под открытым небом в Чувашии. Крестьянская усадьба. www.museum.ru/M1339
- Рис. 43. Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорай» в Удмуртии. Двор крестьянской усадьбы. Фото И. Шургина, 2009
- Рис. 44. Схема генплана музея народного зодчества села Нижняя Синячиха Свердловской обл. (по материалам арх. А.В. Долгова)
- Рис. 45. Памятники народного зодчества в музее села Нижняя Синячиха Свердловской обл. (по материалам арх. А.В. Долгова)
- Рис. 46. Город Суздаль – проект Старой улицы, 1986
- Рис. 47. Музей истории солеварения «Усть-Боровский солеваренный завод» XIX в. в г. Соликамске, Пермский край. Проект арх. М.Ю. Барановского, 1980 (Единственный музей солеварения демонстрировал полный цикл производства соли. В 2002 г. сгорели амбары, 2003 г. – разрушен соляной ларь, 2004 г. – сгорели восстановленные соляные амбары, в 2005 г. – здание музея)
- Рис. 48. Г. Суздаль. Музей деревянного зодчества и крестьянского быта. Преображенская церковь (1756) из села Козлятьево Кольчугинского р-на и Воскресенская церковь (1776) из села Патакино Камешковского р-на.
- Рис. 49. Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске». Вид центральной части (рис. арх. Е. Барановского), 1975
- Рис. 50. Псковский проспект в г. Архангельске. Старый Архангельск. Фото 1899
- Рис. 51. Макет проекта «Старый Архангельск» (авторы арх. В. Барашков и др.), 1985
- Рис. 52. Заповедная улица Чумбаровка - «Старый Архангельск». Перевезенный реконструированный дом XIX в. Фото автора, 2007
- Рис. 53. Заповедная улица Чумбаровка – «Старый Архангельск». Фото автора, 2007
- Рис. 54. Улица в малом городе Елабуга, Республика Татарстан. Рис. автора, 1987
- Рис. 55. Ландшафты вокруг музея «Малые Корелы». Фото автора, 2006
- Рис. 56. Вид на музей «Малые Корелы» с колокольни из села Кулига Дракованова. Фото автора, 2006
- Рис. 57. Колокольня XVI в. из села Кулига Дракованова Красноборского р-на Архангельской обл. – символ музея «Малые Корелы». Фото автора, 2005
- Рис. 58. Никольская церковь 1719–1748 гг. в селе Кулига Дракованова

Красноборского р-на Архангельской обл. Вид с северо-запада. Фото Ю.Д. Рыбакова, 1972

Рис. 59. Вариант генплана Музея под открытым небом Архангельской обл. (авторы: Б.В. Гнедовский, Л.Н. Дмитриева при участии А. и Л. Александровых). 1971

Рис. 60. Каргопольско-Онежский сектор музея. Вознесенская церковь XVII в. и колокольня из дер. Кушерека Онежского р-на. Фото автора, 2006

Рис. 61. Каргопольско-Онежский сектор музея. Жилой дом Пухова из дер. Б. Халуй, Каргопольского р-на. Общий вид. Фото М. Зака, 2008

Рис. 62. Каргопольско-Онежский сектор музея. Жилой дом Пухова из дер. Б. Халуй, Каргопольского р-на. Интерьер избы. Фото М. Зака, 2008

Рис. 63. Архитектор-реставратор Б.В. Гнедовский во время работы. Фото автора, 1978

Рис. 64. Главный вход на территорию музея «Малые Корелы» и ветряная мельница из дер. Бор. Фото Б.В. Гнедовского, 1979

Рис. 65. Л.А. Бострем – директор музея «Малые Корелы» с 1975 по 2005 г. Фото автора, 2005

Рис. 66. Арх. Архангельской реставрационной мастерской А. Гребенев, автор генплана музея архитектор О.Г. Севан и научный сотрудник музея, этнограф А.Н. Давыдов в музее «Малые Корелы». Фото В.А. Лапина, 1979

Рис. 67. Главный хранитель музея И.В. Данилов – один из организаторов восстановления колокольных звонов в музее. Фото А.И. Давыдова, 1977

Рис. 68. Сотрудник музея Алексей Давыдов во время работы. Фото С. Митиной, 1978

Рис. 69. В.В. Лоханский и сотрудница музея – звонари на колокольне из села Кулига Дракованова, Каргопольско-Онежский сектор. Фото 1978

Рис. 70. Сотрудник музея Е.И. Фокин во время экспедиции в Каргопольском р-не Архангельской обл. по сбору экспонатов для музея. Фото А.И. Давыдова, 1977

Рис. 71. Работа над макетом музея «Малые Корелы». Арх. О.Г. Севан, арх. Л.А. Ткаченко. Фото Б.Д. Лурье, 1975

Рис. 72. Работа над Важским сектором музея. Арх. О.Г. Севан, арх. И.Л. Полторжицкий. Фото В.А. Муравлевой, 1983

Рис. 73. Архитектурный надзор за ведением производства работ в музее «Малые Корелы». Б.В. Гнедовский и О.Г. Севан, инженер музея Г.Н. Хабарова с группой специалистов из АСНРПМ. 1981

Рис. 74. Защита канд. диссертации О.Г. Севан в МАРХИ «Народное деревянное жилище Русского Севера (Архангельская и Вологодская области)». Фото Н.П. Бровченко, 1981

- Рис. 75. Архитекторы АРМ № 6 Г. Кашеварова, И. Полторжицкий, директор музея Л.А. Бострем, доктор арх. А.В. Ополовников, архитекторы АРМ № 6 В. Есин, О.Г. Севан, гл. инженер АСНРПМ В. Хомутов в Северо-Двинском секторе музея. Фото рук. АРМ № 6 Л.А. Ненаглядкина, 1982
- Рис. 76. Арх. О.Г. Севан, В.А. Муравлева, И.Л. Полторжицкий с коллегами из ВПНРК в музее «Малые Корелы», 1984
- Рис. 77. Арх. О.Г. Севан, этнограф Г.Г.Бабанская (Государственный музей этнографии, г. Ленинград), руководитель АРМ № 6 Б.В. Гнедовский, директор музея Л.А. Бострем во время осмотра памятников. Фото 1982 г.
- Рис. 78. Рук. АРМ №2 В. Кеслер, арх. АРМ №6 В. Муравьева, О. Севан, инженер В. Истюжкина во время празднования 25-летия ИСПР, 2002
- Рис. 79. Арх. Л.А. Ткаченко и О.Г. Севан во время экспедиции по обследованию памятников Лешуконского р-на, р. Мезень, Архангельская обл. Фото Н.П. Бровченко, июль 1975
- Рис. 80. Арх. Н.П. Бровченко во время экспедиции по обследованию памятников Лешуконского р-на, р. Мезень, Архангельская обл. Фото Л.А. Ткаченко, июль, 1975
- Рис. 81. О.Г. Севан во время экспедиции по обследованию памятников архитектуры, В.-Тоемский р-н, р. С. Двина, Архангельская обл., совместно с сотрудником музея. Фото Е.И. Фокина, 1977
- Рис. 82. В.А. Муравлева, О.Г. Севан и Миша Севан во время обмера часовни Зосимы и Савватия в дер. Березник в Вельском р-не, р. Вага, Архангельская обл. Фото И. Л. Полторжицкого, 1982
- Рис. 83. Миша Севан на обмерах дома В.Я. Клокотова в дер. Заозерье Мезенского р-на, Архангельская обл. Фото И.Л. Полторжицкого, 1983
- Рис. 84. Схематический рисунок деталей и замеры дома Лаповой Е.С. 1818 г., дер. Лаповская, В.-Тоемский р-н, р. С. Двина. Рис. автора, 1975
- Рис. 85. Схематический рисунок фасада и замеры дома Лаповой Е.С. 1818 г., дер. Лаповская, В.-Тоемский р-н, р. С. Двина. Рис. автора, 1975
- Рис. 86. Декоративные детали дома Тропина, перевезенного на территорию С. Двинского сектора музея в 1979 г. Рис. автора, 1975
- Рис. 87. Декоративные детали домов бассейна р. С. Двины, обследованных во время экспедиции. Рис. автора, 1975
- Рис. 88. Схема плана дер. Кулига Дракованова, Красноборский р-н Архангельской обл. Арх. И.Л. Полторжицкий, В.А. Муравлева, О.Г. Севан Обмер, 1983
- Рис. 89. Замеры деталей жилого дома Докунина П.А. в дер. Ламлево В.-Тоемского района Архангельской обл. Рис. автора, 1975
- Рис. 90. Обследование памятников и поселений Архангельской обл. В.-

Тоемский р-н, река С. Двина. Архитектор Ольга Севан на коне (шеломе). Фото Н.П. Бровченко, 1976

Рис. 91. Фрагмент часовни в дер. Березник, XVIII в., Пинежский р-н, Архангельской обл. Фото автора, 1983

Рис. 92. Дер. Заручей, Кельчемгора, р. Мезень. Рис. автора, 1982

Рис. 93. Село Погост, Каргопольский р-н Архангельской обл. Фото автора, 1983

Рис. 94. Дер. Едома, бассейн р. Пинеги. Рис. автора, 1985

Рис. 95. Село Кимжа, Мезенский р-н. Рисунок Л.А. Ткаченко, 1975

Рис. 96. Карта-схема. Историко-культурное зонирование Архангельских и Вологодских земель

Рис. 97. Дер. Шеломя, Красноборский р-н, р. С. Двина. Рис. автора, 1976

Рис. 98. Свободная планировка. Дер. Никитинская, У. Выя, Верховье р. Пинеги, Архангельская обл. Рис. автора, 1980

Рис. 99. Рядная планировка. Деревня в Усть-Выйском с/с, верховье р. Пинега, Архангельская обл. Рис. автора, 1976

Рис. 100. Уличная планировка. Дер. Кельчемгора, р. Мезень, Архангельская обл. Рис. автора, 1982

Рис. 101. Уличная планировка. Дер. Сояла, верховье р. Пинеги, Архангельская обл. Рис. автора, 1979

Рис. 102. Планировочные особенности поселений на Русском Севере (Архангельская и часть Вологодской обл.). Предложения автора, 1981

Рис. 103. Приемы размещения церквей и часовен на Русском Севере. (Архангельская и часть Вологодской обл.) Предложения автора, 1981

Рис. 104. Дер. Целегора, Мезенский р-н Архангельская обл. Рис. Л.А. Ткаченко, 1975

Рис. 105. Ландшафты близ дер. Зехново, вид на дер. Спицыно. Плесецкий р-н, Архангельская обл., Кенозерский национальный парк. Фото автора, 2006

Рис. 106. Дер. Вершинино, Плесецкий р-н, Кенозерский национальный парк, Архангельская обл. Фото автора, 2005

Рис. 107. Дер. Зехнова. Плесецкий р-н, Кенозерский национальный парк, Архангельская обл. Фото автора, 2005

Рис. 108. Сезонное поселение Хорнемская. Пинежский р-н Архангельская обл. Схема плана. Обмеры автора, 1977

Рис. 109. Сезонное поселение Хорнемская в Пинежском р-не Архангельской обл. Рис. автора, 1977

Рис. 110. Боровая изба на озере Уйтинском в Пинежском р-не до перевозки

- в музей. Фото И.Л. Полторжицкого, 1982
- Рис. 111. Боровая изба в Пинежском секторе музея «Малые Корелы». Фото автора, 2006
- Рис. 112. Дер. Палащелье, р. Мезень, Архангельская обл. Фото автора, 1975
- Рис. 113. Село Большая Горка, р. Сия, Холмогорский р-н, Архангельская обл. Рис. автора, 1978
- Рис. 114. Схема плана села Мола. Вологодская губерния. По описаниям Н. Миролубова 1899 г. Составлена автором, 1994
- Рис. 115. Село Черевково, р. Северная Двина, Красноборский р-н, Архангельская обл. Фото Н. Денисовой, 2008
- Рис. 116. Рыболовецкое поселение. Кенозерский национальный парк. Фото автора, 2006
- Рис. 117. Дер. Б. Нисогора, Лешуконский р-н, Архангельская обл. Фото Л.А. Ткаченко, 1975
- Рис. 118. Дер. Смольянец, Лешуконский р-н, Архангельская обл. Фото автора, 1975
- Рис. 119. Дер. Палащелье, Архангельская обл., Лешуконский р-н. Рис. автора, 1975
- Рис. 120. Резной обетный крест. Дер. Кельчемгора Мезенский р-н Архангельская обл. Фото автора, 1975. Перевезен в музей «Малые Корелы»
- Рис. 121. Обетный крест на берегу р. Мезень, дер. Кольшин Архангельская обл. Фото Н. Бровченко, 1975
- Рис. 122. Часовня Иоанна Богослова XVIII в. Дер. Зехнова, Плесецкий р-н. Кенозерский национальный парк. Общий вид. Фото И. Краснобаева, 2006
- Рис. 123. Часовня Иоанна Богослова XVIII в. Дер. Зехнова, Плесецкий р-н. Кенозерский национальный парк. Западный фасад. Фото И. Краснобаева, 2006
- Рис. 124. Часовня Флора и Лавра XIX в. в дер. Семеново, Плесецкий р-н. Кенозерский национальный парк. Общий вид. Фото автора, 2006
- Рис. 125. Шатровая церковь в селе Волосово XVII в., Каргопольский р-н, Архангельская обл. (не сохранилась). Рис. автора, 1982
- Рис. 126. Многоглавая Богоявленская церковь 1733 г. в селе Палтога, Вытегорский р-н Вологодской обл. Рис. А.Б. Бодэ, 2000
- Рис. 127. Пятиглавая многшатровая Воскресенская церковь 1763г., село Ракулы, Холмогорский р-н, р. С. Двина. Рис. автора, 1977
- Рис. 128. Ярусный тип храма с крещатой бочкой и тремя главами. Георгиевская церковь 1665 г., село Пермогорье, Красноборский р-н, Архангельская обл. Рис. автора, 1975
- Рис. 129. Многоярусная церковь Петра и Павла 1722 г. в селе Ратонаволок,

Холмогорский р-н, Архангельская обл. Рис. автора, 1977

Рис. 130. Церковь с восьмигранным покрытием – «баней», распространенные на р. Вага, а также в селе Зачачье, близ г. Емецка на р. С. Двина. Фото автора, 1977

Рис. 131. Церковь Георгиевская XVIII в. в с. Гридинское Вельского р-на Архангельской обл. Фото автора, 1977

Рис. 132. Шатровые храмы с разными типами планов: Богородицкая церковь 1726 г. и церковь Архангела Михаила 1776 г. Село Яковлевское, Верхне-Тоемский р-н, Архангельская обл. Фото автора, 1977

Рис. 133. Церковь Одигитриевская 1709 г. с покрытием «шатер на крещатой бочке». Село Кимжа, Мезенский р-н, Архангельская обл. Рис. автора, 1981

Рис. 134. Пустующие жилые дома. Дер. Кельчемгора, Мезенский р-н, Архангельская обл. Рис. автора, 1982

Рис. 135. Северо-запад области (Каргопольско-Онежская зона)

Рис. 136. Бассейн р. Вага

Рис. 137. Бассейн реки Северная Двина (низовье, среднее течение, верховье)

Рис. 138. Бассейн реки Пинеги

Рис. 139. Бассейн реки Мезени

Рис. 140. Бассейн реки Вычегды

Рис. 141. Интерьер избы П. А. Вяткина в дер. Киселевская, Черевковского с/с, Красноборский р-н Архангельской обл. Обмеры И.Л. Полторжицкого и автора. Чертил В.В. Алипов, 1984

Рис. 142. План избы И.И. Заозерского в дер. Чупровская, Белослудский с/с, Красноборский р-н Архангельской обл. Обмеры выполнены И.Л. Полторжицким, В.А. Муравлевой, 1984

Рис. 143. Интерьер избы И. И. Заозерского в д. Чупровская, Белослудский с/с, Красноборский р-н Архангельской обл. Обмеры выполнены И.Л. Полторжицким, В.А. Муравлевой, 1984

Рис. 144. План избы Белоруковой А.С. в дер. Ергуз, Цивозеро, Красноборский р-н Архангельской обл. Росписи филенок – мастер Юркин, 1913 г. Обмеры выполнены И.Л. Полторжицким, В.А. Муравлевой, чертил В. Алипов, 1984

Рис. 145. Интерьер избы Белоруковой А.С. в дер. Ергуз, Цивозеро, Красноборский р-н Архангельской обл. Росписи филенок – мастер Юркин, 1913 г. Обмеры выполнены И.Л. Полторжицким, В.А. Муравлевой, чертил В. Алипов, 1984

Рис. 146. План избы Ф.И. Тропиной в дер. Сенькинская, Белослудский с/с, Красноборский р-н Архангельской обл. Обмеры выполнены О.Г. Севан,

И.Л. Полторжицким, В.А. Муравлевой, 1984

Рис. 147. Интерьер избы Ф.И. Тропиной в дер. Сенькинская, Белослудский с/с, Красноборский р-н Архангельской обл. Росписи филенок – мастер Юркин И.С., 1927 г. Обмеры выполнены О.Г. Севан, И.Л. Полторжицким, В.А. Муравлевой, 1984

Рис. 148. Интерьер избы Г.П. Лаврентьевой в дер. Давыдовская Белослудского с/с Архангельской обл. Обмеры выполнены И.Л. Полторжицким, В.А. Муравлевой и автором, 1984

Рис. 149. Интерьер избы В.В. Щапова дер. Вершина, Белослудский с/с, Красноборский р-н Архангельской обл. Росписи филенок выполнены И.С. Юркиным, 1927 г. Фото О. Севан, 1984

Рис. 150. Ольга Юрикова за прялкой. Выставка народных ремесел. Музей Кенозерского национального парка. Фото автора, 2004

Рис. 151. Расписные прялки. Няндомский р-н Архангельская обл. Архангельский музей изобразительного искусства. 2011

Рис. 152. Филенка голбца («Лев Зверь») костромских мастеров. Бассейн р. Вага, Вельский р-н Архангельской обл. Фото автора, 1981

Рис. 153. Филенка двери «Мужчина с бокалом» («Выпьем за праздник»). Вывезена из села Благовещенского. Бассейн р. Вага, Вельский р-н Архангельской обл. Роспись костромских мастеров. Фонд АГМДЗ кп № 6165/2

Рис. 154. Росписи фасадов дома 1913 г. западных р-нов Архангельской обл. Плесецкий р-н, село Конево. Фото автора, 2005

Рис. 155. Фасад дома Клокотова В.Я. с расписным фронтоном. Дер. Заозерье, Мезенский р-н: до перевозки в музей «Малые Корелы». Фото автора, 1982

Рис. 156. Усадьба и дом Клокотова В.Я. Дер. Заозерье, Мезенский р-н: до перевозки в музей «Малые Корелы». Фото автора, 1982

Рис. 157. Усадьба Порыгина Г.П., дер. Усть-Нермацкая Лешуконского р-на Архангельской обл. Обмеры автора, 1979 г. Воссоздана в музее в 1982 г.

Рис. 158. Береговая подпорная стенка с амбаром и поленицами дров, дер. Целегора Мезенского р-на Архангельской обл. Обмеры автора, 1975 г. Воссоздана в музее «Малые Корелы» в 1982 г.

Рис. 159. Усадьба Кыркаловой А., дер. Большое Кротово Пинежского р-на Архангельской обл. Обмеры автора, 1982 г. Воссоздается в музее

Рис. 160. Усадьба Турובהва, с. Ирта Ленского р-на Архангельской обл. Обмер плана Б.В. Гнедовского, 1972 г. Воссоздается в музее

Рис. 161. Крестьянская усадьба Никольского р-на Вологодской обл. Обмеры Е.Ю. Барановского, 1982

Рис. 162. Крестьянская усадьба Никольского р-на Вологодской обл. Обмер

Е.Ю. Барановского, 1982

Рис. 163. Усадьба Кудриной К.К. в дер. Кишерма Вельского р-на Архангельской обл. – пример расположения хозяйственных построек и участков с трех сторон дома-комплекса. Обмер ВА. Кузьмина, 1982

Рис. 164. Усадьба Некрасовой А.Я. в дер. Пабережье Вельского р-на Архангельской обл. Пример компактного расположения хозяйственных построек с противоположной по отношению к входу стороны. Обмеры автора, 1982

Рис. 165. Усадьба Тропина А.М. в дер. Семунинская (Цивозеро) Красноборского р-на Архангельской обл. Пример рядового размещения хозяйственных построек параллельно дому. Обмеры автора, 1982

Рис. 166. Усадьба Тропина А.М. из дер. Семунинская Красноборского р-на Архангельской обл. Фото автора, 2011

Рис. 167. Развертка усадьбы Клокотова В.Я. Дер. Заозерье Лешуконского р-на Архангельской обл. Обмеры автора, 1982

Рис. 168. Усадьба Клокотова В.Я. Дер. Заозерье Лешуконского р-на Архангельской обл. Фото автора, 1982

Рис. 169. Схема плана усадьбы Клокотова В.Я. в дер. Заозерье Лешуконского р-на Архангельской обл. Обмеры автора, 1982

Рис. 170. «Древо семьи» Шарыгиных–Клокотовых. Дер. Заозерье Лешуконского р-на Архангельской обл. (начиная со строительства дома в 1879 г.). Составлено автором со слов хозяев дома – Анны Дмитриевны и Василия Яковлевича Клокотовых в 1982 г.

Рис. 171. Крестьянская усадьба в дер. Березник, Пинежский р-н, Архангельская обл. Рис. автора, 1983

Рис. 172. Крестьянская усадьба в дер. Монастырский Остров, Няндомский р-н Архангельская обл. Рис. автора, 1982

Рис. 173. Крестьянские усадьбы в дер. Середняя, Вельский р-н, Архангельская обл. Фото автора, 1982

Рис. 174. Типологическая таблица амбаров, встречаемых в Архангельской и Вологодской обл. Предложения автора, 1981

Рис. 175. Амбары и бани на подпорной стенке Мезенского сектора музея «Малые Корелы». Фото автора, 1990

Рис. 176. Амбары и вешала в амбарном городке Пинежского сектора музея «Малые Корелы». Фото автора, 2006

Рис. 177. Типологическая таблица разных вариантов ледников, овинов, гумен, риг, бань Русского Севера. Предложения автора, 1981

Рис. 178. Овины и гумно в Каргопольском секторе музея «Малые Корелы». Фото автора, 2006

Рис. 179. Типологическая таблица ветряных и водяных мельниц и колодцев.

Предложения автора, 1981

Рис. 180. Мельница-шатровка в Каргопольско-Онежском секторе музея «Малые Корелы». Фото автора, 2006

Рис. 181. Мельницы на ряжах в Мезенском секторе музея «Малые Корелы». Фото автора, 2006

Рис. 182. Пожарная каланча в дер. Кишерма, Вельского р-на. Архангельская обл. Фото Н.П. Бровченко, 1979

Рис. 183. Типологическая таблица вариантов подпорных стенок, мостов, малых форм. Предложения автора, 1981

Рис. 184. Ряжевый мост на р. Кене в дер. Измайловская. Фото А.В.Лапина, 1970-е гг.

Рис. 185. Ряжевый мост на р. Кене в дер. Измайловская. Фото автора, 2005

Рис. 186. Подпорная стенка. село Кимжа, Мезенский р-н Архангельская обл. Фото автора, 1975

Рис. 187. Проект вариантов колодца «журавель» для секторов музея «Малые Корелы». Предложения автора, 1976

Рис. 188. Восстановленная береговая подпорная стенка в музее «Малые Корелы». Фото автора, 2006

Рис. 189. Конструкция береговой подпорной стенки в дер. Березник, р. Мезень. Рис. автора, 1975

Рис. 190. Качели на 2-х человек, воссозданные в музее «Малые Корелы»

Рис. 191. Качели на 4-х человек «чертово колесо» в дер. Вологодской губернии. Фото начала XX в. Архив ВОКМ

Рис. 192. Проект ворот для Мезенского сектора музея «Малые Корелы». Воссозданы по предложению автора. 1976

Рис. 193. Дер. Козьмогородское, на р. Мезени с подпорной стенкой и обетным крестом. Рис. автора, 1981

Рис. 194. Обетный крест. Деталь. Дер. Едома, Лешуконский р-н, Архангельская обл. Фото автора, 1975

Рис. 195. Столб основания дер. Березник, Лешуконский р-н, Архангельская обл., выявленный экспедицией ИСПР. Фото автора, 1975

Рис. 196. Обетный крест. Дер. Едома, Лешуконский р-н, Архангельская обл. Фото автора, 1975

Рис. 197. Утвержденный и реализуемый генплан музея «Малые Корелы». Авторы Б.В. Гнедовский, О.Г. Севан, 1975

Рис. 198. Макет музея «Малые Корелы». Восточное плато музея: вид на Северо-Двинский, Пинежский и Мезенский сектора, 1975

Рис. 199. Макет музея «Малые Корелы». Вид на Мезенский сектор. 1975

Рис. 200. Общий вид центральной площади Каргопольско-Онежского секто-

ра музея «Малые Корелы». Фото автора Лето и зима, 2006

Рис. 201. Крестьянская усадьба и дом с двурядной связью Кириллова Е.И. конца XIX в., где жилая часть поставлена параллельно хозяйственному двору, из дер. Киселево Каргопольского р-на. Проект. Рис. Л.А. Ткаченко, 1975

Рис. 202. Крестьянская усадьба и дом с двурядной связью Кириллова Е.И. конца XIX в., из дер. Киселево Каргопольского р-на. Фото автора, 2011

Рис. 203. Крестьянская усадьба и дом Пухова конца XIX в. из дер. Гарь Каргопольского р-на и мостик через искусственное озеро, 2011

Рис. 204. Мостик через искусственное озеро в Каргопольско-Онежском секторе при переходе к Важскому, 2006

Рис. 205. Крестьянская усадьба и дом с поперечной застройкой жилья и двора Пухова конца XIX в. из дер. Гарь Каргопольского р-на и мостик через искусственное озеро. Проект. Рис. Л.А. Ткаченко, 1975

Рис. 206. Крестьянские усадьбы конца XIX в. из Каргопольского р-на в Каргопольско-Онежском секторе. Проект. Рис. Л.А. Ткаченко, 1975

Рис. 207. Интерьер избы М.А. Третьякова из дер. Гарь Каргопольского р-на Архангельской обл., Фото автора, 2011

Рис. 208. Каргопольско-Онежский сектор. Общий вид Вознесенской церкви 1669 г. из села Кушерека из Каргопольского р-на. Фото автора, 2006

Рис. 209. Кубоватое покрытие кровли Вознесенской церкви 1669 г. из села Кушерека Каргопольского р-на. Фото автора, 2006

Рис. 210. Дом-двор Третьякова конца XIX в. из дер. Гарь Каргопольского р-на. Фото автора, 2005

Рис. 211. Мельница-шатровка из села Кожпоселок Онежского р-на 1902 г. Фото автора, 2006

Рис. 212. Часовня Ильи Пророка XVIII в. из дер. Мамонов Остров Плесецкого р-на Архангельская обл. Фото автора, 2011

Рис. 213. Часовня XVIII в. из дер. Мамонов Остров в Каргопольско-Онежском секторе после перевозки и во время реставрации. Фото Б.В. Гнедовского, 1972

Рис. 214. Расписное небо в часовне Макария Унженского и Желтоводского чудотворца XVIII в. из дер. Федоровская Плесецкого р-на. Фото автора, 2007

Рис. 215. Часовня Макария Унженского и Желтоводского чудотворца XVIII в. из дер. Федоровская Плесецкого р-на. 2007

Рис. 216. Зимний ландшафт Каргопольско-Онежского сектора на закате. 2006

Рис. 217. Мост-переход между Важским и Каргопольско-Онежским секторами музея «Малые Корелы». 2006

- Рис. 218. Деталь моста-перехода между Каргопольско-Онежским и Важским секторами музея «Малые Корелы». 2006
- Рис. 219. Проект Важского сектора музея «Малые Корелы», Рис. автора, 1985
- Рис. 220. Часовня Зосимы и Савватия Соловецких XVIII в. в дер. Середняя. Вельский район, река Пежма, Архангельская обл. До обмеров предполагалась к перевозке в Важский сектор музея. 1982
- Рис. 221. Георгиевская церковь XVIII в. в селе Гридинская, Вельского р-на Архангельской обл. Характерный пример культового сооружения в бассейне р. Ваги, предлагаемого к перевозке в Важский сектор музея «Малые Корелы». 1975
- Рис. 222. Жилой дом брусом А.А. Богдановой (жилая часть – двухэтажный пятистенок) в дер. Кишерма Вельского р-на Архангельской обл. как пример жилого комплекса в данном районе. 1982
- Рис. 223. Жилой дом брусом Коровиной (жилая часть – одноэтажный пятистенок) д. Палкино. Вельский р-н Архангельской обл. Пример жилого комплекса в данном районе, предлагаемого к перевозке в Важский сектор. Фото Н.П. Бровченко, 1979
- Рис. 224. Жилой дом брусом Дроздовой из дер. Нечаево (жилая часть – одноэтажный пятистенок). Вельский р-н Архангельской обл. Пример жилого комплекса в данном районе, для перевозки в Важский сектор. Фото автора, 1979
- Рис. 225. Жилой дом брусом (жилая часть – одноэтажный пятистенок). Вельский р-н Архангельской обл. Фото автора, 1979
- Рис. 226. Интерьер сеней (коридора) жилого дома на два фасада (жилая часть – двухэтажный пятистенок). Вельский р-н Архангельской обл. Пример уникального жилого комплекса в данном районе. Фото автора, 1979
- Рис. 227. Амбары и малые формы. Вельский р-н Архангельской обл. Пример хозяйственной постройки, возможной к перевозке в музей «Малые Корелы». Фото автора, 1982
- Рис. 228. Жилой дом брусом (жилая часть – одноэтажный пятистенок). Вельский р-н Архангельской обл. Пример конструктивных особенностей и их сохранности. Фото автора, 1979
- Рис. 229. Деревня Юмиж Верхнее-Тоемского р-на, Архангельской обл., как образец поселения на р. Северная Двина. Рис. автора, 1977
- Рис. 230. Улица Северо-Двинского сектора, дома Турובה и Цигарова из Архангельской обл. обращены главными фасадами к озеру. Фото автора, 2011
- Рис. 231. Озеро на территории Северо-Двинского сектора. Фото автора, 2011
- Рис. 232. Улица Северо-Двинского сектора и дома Русиновой со стороны Пинежского поселения. Фото автора, 2011
- Рис. 233. Проект детальной планировки Северо-Двинского сектора АМДЗ

Автор О.Г. Севан, 1984

Рис. 234. Георгиевская цековь 1672 г. из села Вершина Верхне-Тоемского р-на Архангельской обл. Восстановлена в Северо-Двинском секторе. Фото автора, 2006

Рис. 235. Георгиевская церковь 1672 г. из с. Вершина. Крыльцо и галерея. Фото 2011

Рис. 236. Улица и ограда Северо-Двинского сектора и дом Русиновой. Осень, Фото автора, 2006

Рис. 237. Главный фасад с наличниками над окнами типа «очелье» жилого дома Русиновой в дер. Кондратовская Верхне-Тоемского р-на Архангельской обл. до перевозки в музей. Фото Н.П. Бровченко, 1975

Рис. 238. Улица и ограда Северо-Двинского сектора и дом Русиновой. Зима, 2006

Рис. 239. Северная староверка. Фото автора, 1975

Рис. 240. Дом Щеголева в дер. Ирта Ленского р-на Архангельской обл. Главный Фасад. Реконструктивный обмер Б.В. Гнедовского, 1963–1964

Рис. 241. Дом Щеголева в дер. Ирта Ленского р-на Архангельской обл. Боковой фасад. Реконструктивный обмер Б.В. Гнедовского, 1963–1964

Рис. 242. Дом Щеголева в дер. Ирта Ленского р-на Архангельской обл. Боковой фасад. Крыльцо. Фото Б.В. Гнедовского, 1963

Рис. 243. Дом Щеголева из дер. Ирта в Северо-Двинском секторе музея «Малые Корелы»

Рис. 244. Дом Турובהва до перевозки в селе Ирта. Ленский р-н Архангельской обл. Фото Б.В. Гнедовского, 1963

Рис. 245. Жилой дом Турובהва из села Ирта Ленского р-на Архангельской обл. Главный Фасад. Реконструктивный обмер Б.В. Гнедовского, 1963–1964

Рис. 246. Дом Турובהва из села Ирта Ленского р-на Архангельской обл. Боковой Фасад. Проект Б.В. Гнедовского, 1963–1964

Рис. 247. Дом Турובהва из села Ирта Ленского р-на Архангельской обл. План. Реконструктивный обмер Б.В. Гнедовского, 1963–1964

Рис. 248. Дом Николаевой. Село Ирта Ленского р-на Архангельской обл. Фасад и план. Реконструктивный обмер Б.В. Гнедовского, 1963–1964

Рис. 249. Дом Цигарова до перевозки. Село Выемково, Вычегодский р-н, Архангельской обл. Фото Калининой З.О., архив АСНРПМ, 1973

Рис. 250. Дом Цигарова после перевозки и реставрации в музее. Фото автора, 2011

Рис. 251. Северо-Двинский сектор. Дом Тропина из дер. Семунинская, Красноборского р-на Архангельской обл., Фото автора, 2011

Рис. 252. Усадьба и дом Тропина из дер. Семунинская, Красноборского р-на

- Архангельской обл. Обмер автора, 1981
- Рис. 253. Северо-Двинский сектор. Дом Тропина. Деталь фасада. Фото автора, 2011
- Рис. 254. Северо-Двинский сектор. Дом Тропина из дер. Семунинская, Красноборского р-на Архангельской обл. Интерьер избы. Фото автора, 2006
- Рис. 255. Северо-Двинский сектор. Дом Тропина и Шестакова из Цивозера, Красноборского р-на Архангельской обл. Фото автора, 2011
- Рис. 256. Северо-Двинский сектор. Дом Шестакова из Цивозера, Красноборского р-на Архангельской обл. Проект реставрации. Авторы Н.П. Бровченко и О.Г. Севан, 1976
- Рис. 257. Расписная филенка. Красноборский р-н. Фонд АГМДЗ кп № 7888/2
- Рис. 258. Филенка голбца с фигурой льва. Росписи костромских художников. Вывезена из дер. 1-я Фоминская, Черевковский с/с, Красноборский р-н. Фонд АГМДЗ кп № 4087
- Рис. 259. Жилой дом Бечиной с росписными фронтоном и балконом 1910 г. Село Горка (Керас), Верхне-Тоемский р-н. Мастер Тимофей Макаров («Калец»). Фото автора, 1977
- Рис. 260. Дер. Едома, р. Пинега. Никольская церковь 1700 г. Фото автора, 1980
- Рис. 261. Дер. Едома, р. Пинега. Панорама деревни с Никольской церковью и колокольной. Фото автора, 1980
- Рис. 262. Улица в селе Веркола, Пинежский р-н. Фото автора, 1986
- Рис. 263. Одностолпное крыльцо. Дер. Веркола, Пинежский р-н. Рис. автора, 1979
- Рис. 264. Односходное крыльцо жилого дома в село Веркола. Фото автора, 1985
- Рис. 265. Обмер жилого дома Рубцовой в дер. Немнюга Кеврольского с/с Пинежского р-на Архангельской обл. Боковой фасад. Автор Б.В. Гнедовский, 1964
- Рис. 266. Обмер жилого дома Рубцовой в дер. Немнюга Кеврольского с/с Пинежского р-на Архангельской обл. План. Автор Б.В. Гнедовский, 1964
- Рис. 267. Обмер деталей жилого дома в дер. Большие Кроты Пинежского р-на Архангельской обл. Автор Б.В. Гнедовский, 1965
- Рис. 268. Большой полевой амбар в дер. Немнюга Пинежского р-на Архангельской обл. Обмеры. Автор Б.В. Гнедовский, 1965
- Рис. 269. Полевой амбар около дер. Шардонем Пинежского р-на Архангельской обл. Обмеры. Автор Б.В. Гнедовский, 1965
- Рис. 270. Проект детальной планировки Пинежского сектора музея «Малые Корелы». Автор О. Г. Севан, 1981

- Рис. 271. Панорама будущего Пинежского сектора. Проект. Рис. автора, 1981
- Рис. 272. Улица Пинежского сектора музея «Малые Корелы». Фото автора, 2005
- Рис. 273. Общий вид дер. Волость бассейна р. Пинеги. Рис. автора, 1976
- Рис. 274. Вид будущего Пинежского сектора. Проект. Рис. автора, 1981
- Рис. 275. Обследованная и обмеренная в Пинежском р-не Вознесенская часовня в дер. Березник, XVIII в. Рис. автора, 1982263
- Рис. 276. Троицкая часовня XVIII в. из дер. Вальтево в Пинежском секторе музея. Фото автора, 2006
- Рис. 277. Проект реставрации Ильинской церкви XVII в. Веркольского монастыря, Пинежский р-н. Северный и восточный фасады. Авторы О.Севан, Н. Бровченко, 1978
- Рис. 278. Проект реставрации Ильинской церкви XVII в. Веркольского монастыря, Пинежский р-н. План. Авторы О.Севан, Н. Бровченко, 1978
- Рис. 279. Улица Пинежского сектора со стороны часовни из села Вальтево. Осень, Фото автора, 2006
- Рис. 280. Жилой дом Ситникова А.И. 1893 г. в дер. Шеймогоры Пинежского р-на до перевозки в музей. Фото автора, 1979
- Рис. 281. Жилой дом Ситникова А.И. 1893 г. из дер. Шеймогоры Пинежского р-на. Вид Пинежского сектора со стороны часовни из села Вальтево. Зима. Фото автора, 2006
- Рис. 282. Дом Кыркаловой конца XIX в. в дер. Большое Кротово Пинежского р-на. До перевозки. Рис. автора, 1984
- Рис. 283. Дом Кыркаловой из дер. Большое Кротово в Пинежском секторе музея. Фото автора, зима 2006
- Рис. 284. Бедняцкий дом в дер. Шеймогоры, верховье р. Пинеги. Рис. автора, 1979
- Рис. 285. Бедняцкий дом-двор Дородной из дер. Шеймогоры в Пинежском секторе музея. Фото 2006
- Рис. 286. Жилой дом Тип II. Сезонное поселение Хорнемская, Пинежский р-н, Архангельская обл. Фото автора, 1977
- Рис. 287. Обмеры жилого дома Тип II. Сезонное поселение Хорнемская, Пинежский р-н, Архангельская обл. Архитекторы Н.П. Бровченко, О.Г. Севан, В.С. Зенкина, при участии Андрея Севан. 1977
- Рис. 288. Сезонное поселение Хорнемская на территории Пинежского сектора музея после перевозки и восстановления трех типов домов по-черному и 2-х амбаров. Фото автора, 2006
- Рис. 289. Сезонное поселение Хорнемская на территории Пинежского сектора музея зимой. Фото, 2006

- Рис. 290. Ольга и Андрей Севан на обмерах построек Сезонного поселения Хорнемская. Фото Н.П. Бровченко, 1977
- Рис. 291. Архитектурный надзор за реставрационными работами в Сезонном поселении Хорнемская после перевозки в музей. Инженер музея З.М. Кузнецова, главный арх. проекта О.Г. Севан и плотники АСНРПМ, 1980
- Рис. 292. Дом Морозовой в дер. Кучкас, Пинежский р-н. Обмер и проект. Дом предполагался к перевозке в музей. Арх. Н. Бровченко, О. Севан, 1979
- Рис. 293. Улица, Дер. Веркола, Пинежский р-н
- Рис. 294. Общий вид села Кимжа, Мезенский р-н Архангельская обл. Фото Н. Тарасенко, 1972
- Рис. 295. Одигитриевская церковь 1700 г. в селе Кимжа, Мезенский р-н Архангельская обл. Фото автора, 1975
- Рис. 296. Общий вид дер. на берегу р. Мезени, Архангельская обл. Фото автора, 1975
- Рис. 297. Проект детальной планировки Мезенского сектора АМДЗ (авторы О. Севан, Н. Бровченко, 1978 г.)
- Рис. 298. Панорама части Мезенского сектора музея. Акварель автора. Проект, 1978
- Рис. 299. Первый вариант проекта Мезенского сектора музея. Рис. автора, 1978
- Рис. 300. Дер. Целегора, Мезенский р-н Архангельской обл. Рис. автора, 1981
- Рис. 301. Усадьба Порыгина в дер. У.-Нермацкая, р. Мезень – пример используемого «образа» в центральной части Мезенского сектора в АМДЗ. Обмеры и рис. автора, 1981
- Рис. 302. Колодец с колесом в усадьбе Порыгина в дер. У.-Нермацкая, р. Мезень – пример используемого «образа» в центральной части Мезенского сектора в АМДЗ. Фото автора, 1981
- Рис. 303. Амбар В.С. Мухревой «с конем» до перевозки, выявленный в дер. Мелегора на р. Мезени. Рис. автора, 1979
- Рис. 304. Амбар Мухревой «с конем» после перевозки и восстановления в Мезенском секторе музея «Малые Корелы». Фото автора, 2006
- Рис. 305. Амбар и колодец на береговой подпорной стенке в Мезенском секторе музея. Фото автора, 2006
- Рис. 306. Вид подпорной стенки и амбара Мухревой в Мезенском секторе музея. Фото автора, 2011
- Рис. 307. Мезенский сектор музея «Малые Корелы». Ледник и амбар на береговой подпорной стенке. Фото автора, 2005
- Рис. 308. Амбары и бани на подпорной стенке Мезенского сектора музея «Малые Корелы». Фото автора, 1985
- Рис. 309. Амбар с гнетом и огнивом Ю. Титова, дер. Азаполье, р. Мезень,

Архангельская обл. Фото автора, 1975

Рис. 310. Усадьба и дом-двор Кузьмина Ф.И. в дер. Чучепала Лешуконского р-на Архангельской обл. во время обследования и до перевозки в музей. Схематический замер автора, 1979

Рис. 311. Усадьба и дом-двор Лимонникова в дер. Елкино, Мезенского р-на до перевозки в музей. Фото В. Суслина, 1975

Рис. 312. Дом-двор Лимонникова из дер. Елкино, Мезенского р-на восстановленный в Мезенском секторе музея. Фото автора, 2005

Рис. 313. Усадьба и дом Клокотова В.Я. в дер. Заозерье, Лешуконского р-на Архангельской обл. Фото автора, 1983

Рис. 314. Расписное входное крыльцо дома В.Я. Клокотова. Дер. Заозерье, Лешуконский р-н. Фото автора, 1983

Рис. 315. Схема плана дер. Заозерье (М 1:2000) с размещением усадьбы Клокотова В.Я. Обмер 1983

Рис. 316. План дома Клокотова В.Я. Обмеры О.Севан, И. Полторжицкий, Г.Кашеварова, В. Есин, Л.А. Ненаглядкин, 1983

Рис. 317. Крыльцо на одном столбе жилого дома Клокотова В.Я. в дер. Заозерье, Лешуконского р-на. Обмеры О.Севан, И. Полторжицкий, Г.Кашеварова, Л.А. Ненаглядкин, В. Есин, 1983

Рис. 318. Крыльцо на одном столбе жилого дома Клокотова В.Я. в дер. Заозерье, Лешуконского р-на. Фото арх.В.А. Лапина, 1960-е г.

Рис. 319. Жилой дом Клокотова из дер. Заозерье в Мезенском секторе музея во время реставрации. Лето и зима, 2011

Рис. 320. Обетный крест, установленный в 1899 г. в дер. Козьмогородское Мезенского р-на, воссозан у подпорной стенки в музее. Фото автора, 2011

Рис. 321. Столб основания дер. Березник Лешуконского р-на воссоздан на территории Мезенского сектора музея. Фото автора, 2011

Рис. 322. Входные ворота на территорию Мезенского сектора в музее. Воссозданы в 1985 г. по обмерам и проекту автора. Фото Муравлевой В.А., 2006

Рис. 323. Мезенская стенка с поленицей дров у дома Федотовой. Проект. Арх. О. Севан, В. Муравлева, 1984

Рис. 324. Образец подпорной стенки в дер. Целегора, Мезенский р-н Архангельская обл. Фото автора, 1979

Рис. 325. Панорама Мезенского сектора музея и деталей подпорной стенки. Проект. Авторы О.Севан, Н. Бровченко, 1979

Рис. 326. Панорама части Мезенского сектора музея. Рис. автора. Проект, 1979

Рис. 327. Панорама реализованного проекта Мезенского сектора со стороны р. Корелки. Фото автора, 2006

- Рис. 328. Ограда вокруг мезенской деревни. Фото автора, 1975
- Рис. 329. Сообщение О.Г. Севан о новом варианте Генерального плана музея на Ученом Совете музея «Малые Корелы». Декабрь, 2006
- Рис. 330. Демонстрация арх. Н. В. Белоусова и Н. Соловьева проекта Входной зоны музея. Ученый Совет музея «Малые Корелы». Декабрь, 2006
- Рис. 331. Арх. В.А. Муравлева и О.Г. Севан во время работы над уточненным Генеральным планом музея «Малые Корелы» и его функциональным зонированием. Сентябрь, 2006
- Рис. 332. Проект уточненного Генерального плана музея «Малые Корелы» (функциональное зонирование). Автор проекта: канд. арх. О.Г. Севан, при участии арх. В.А. Муравлевой и сотрудников музея. 2006. Фрагмент
- Рис. 333. Проектные предложения по Входной зоне музея «Малые Корелы». Главный фасад. Арх. Н. Белоусов, Н. Соловьев при участии О.Севан (Архитектурная мастерская Н.В. Белоусова «Обло»), 2006
- Рис. 334. Современное состояние входа в музей «Малые Корелы». Фото 2005
- Рис. 335. Проектные предложения панорамы Входной зоны музея «Малые Корелы». Арх. Н. Белоусов, Н. Соловьев при участии О.Севан, 2006
- Рис. 336. Информационно-выставочный центр музея «Малые Корелы» на базе восстановленной усадьбы Куницыной, г. Архангельск. Фото музея, 2007
- Рис. 337. На ярмарке в музее «Малые Корелы». Фото автора, 1985
- Рис. 338. Народный ансамбль на территории Мезенского сектора музея. Фото автора, 1985
- Рис. 339. Плакат организации «Праздника Ивана Купала» в музее «Малые Корелы»
- Рис. 340. Плакат организации «Георгиева дня» в музее «Малые Корелы»
- Рис. 341. Лавка-магазин народных промыслов и ремесел в музее «Малые Корелы»
- Рис. 342. Туристический комплекс «Малые Карелы». Фото автора, 2007
- Рис. 343. Центральная часть поселения Уйма Приморского р-на Архангельской обл. Фото автора, 2007
- Рис. 344. Деревянная застройка дер. Малые Карелы, расположенная рядом с музеем «Малые Корелы». Фото автора, 2007
- Рис. 345. Остров Уемский напротив туркомплекса, дер. Малые Карелы и музея «Малые Корелы». Фото автора, 2007
- Рис. 346. Храмовый ансамбль в селе Ненокса – объект музея «Малые Корелы». Фото Н. Денисовой, 2009
- Рис. 347. Никольская церковь в селе Лявля – объект музея «Малые Корелы». Фото автора, 2007
- Рис. 348. Вид на колокольню 1854 г. из села Кушерека Онежского р-на, Фото

автора, 2006

Рис. 349. Уроки рисования местных школьников в музее «Малые Корелы».

Фото автора, 2005

Список сокращений

АМДЗиНИ (АГМДЗ) – Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы»

АСНРПМ – Архангельская специализированная научно реставрационная и производственная мастерская

ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей

ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

ВПНРК – Всесоюзно-производственный научно-реставрационный комбинат

ИСПР – Институт «Спецпроектреставрация» объединения «Росреставрация»

НИИК – Научно-исследовательский институт культуры (Российский институт культурологии)

ПДП – проект детальной планировки

Contents of monograph:

- 7 **Foreword**
- 11 **Introduction**

- Chapter 1. History of creating open air museums**

- 16 History of open air museums in Europe
- 35 History and classification of Russian open air museums
- 52 History of the creation and development of Arkhangelsk state museum of wooden architecture Malye Korely (1964-1974, 1974-1986 и 1986-2011)

- Chapter 2. Scientific and methodological approach to the general layout and sectors design, selection of the monuments and their transfer to the museum Malye Korely**

- 71 Expeditions for investigation monuments of Russian North. Recommendations for selection for transfer of some buildings to the museum
- 83 Identification of historical-cultural territories and boundaries of Arkhangelsk and Vologda regions
- 93 Types of settlement and specific features. Alternatives of placing cult buildings in villages and hamlets
- 101 Sociocultural typology of rural settlements
- 120 Cult wooden buildings in the settlements network, their main types
- 133 Typology of dwelling houses in Arkhangelsk and Vologda lands. Interiors and decoration features

159 Peasant farms of Russian North, typological and genealogical research.

173 Agricultural buildings and utility structures, small architectural forms. Classification experience.

Chapter 3. Research and planning of «Malye Korely» museum

203 Compilation of monuments research carried out in accordance with existing historical-cultural regions

207 Design of museum's general layout and visitors routes

213 Layout of particular sectors (villages):

213 Kargopolsko-Onezhsky sector

224 Vazhsky sector

231 Severo-Dvinsky sector

248 Pinezhsky sector

267 Mezensky sector

288 Pomorsky sector

Chapter 4. Current condition of the museum of wooden architecture «Malye Korely»

292 Program of preservation and development of the museum «Malye Korely»

303 Museum «Malye Korely» within Uyma settlement of Primorye area of Arkhangelsk oblast

316 Conclusion

319 Notes

337 Appendices

344 List of illustrations

363 List of shortening

365 Contents

367 Resume

Olga Sevan, – Dr. of architecture, (Moscow Architectural Institute, State Academy). Since 1968 participated in studies of historical and cultural monuments in different regions of Russia, as well as wooden architecture of the Russian North (more than 30 expeditions). In 1981 completed her dissertation, «Vernacular architecture of the Russian North (Archangelsk and Vologda regions)». Since 1974 worked on different restoration projects in the «Spetsproektrestavratsiya» Institute for Restoration and Usage of Historical and Cultural Monuments, Wooden Architecture Department. Position: Architect in Chief. Since 1986 works at the Russian Institute for Cultural Research as head of the Department for the Cultural Environment of Settlements. Co-author of general layout and sectors design, as well as design of museum objects in the open air Wooden Architecture Museums of the cities of Vologda and Archangelsk «Malye Korely». Participated and the head in diverse sociocultural and development programs of the small towns and villages; member of the Union of Russian Architects, Association of European Open Air Museums, and ICOMOS: Committees Historical Towns and Villages – CIVVIH and Vernacular Architecture – CIAV. President of the Russian Committee for Village and Small Town – ECOVAST (1988 till now). More than 130 publications in Russia and in other countries, 4 monographs, editor in chief of 17 collected works.

Olga Sevan.

«Malye Korely» Arkhangelsk museum of wooden architecture.
Creation history, project methodology, and current condition»

The monograph «Malye Korely» Arkhangelsk Museum of wooden architecture» conveys the author's perspective on creation history, project planning methodology, and current condition of one of the biggest open air museum in our country. «Malye Korely» is located near Arkhangelsk and is on a par with other European museums of this type. The book presents creation history of such museums from the end of the XIX century. There are more than two thousands of them in Europe and about forty in Russia.

The author participated in developing the site's layout, as well as all aspects of detailed design of its sectors, restoration projects, and recommendations for the selection and transportation of the monuments to the territory of the museum «Malye Korely», as well as in developing scientific justification and general layout for the Museum of the Vologda region. The book presents the scientific research and design projects of the author and her colleagues, including many illustrations, photographs, measurements, plans, drawings of settlements and monuments before transfer and after their installation at the museums site. The book will interest architects, art historians, and other specialists, as well as all other readers who care about the rare and disappearing wooden architecture of Russia and the Russian North.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Севан

Ольга Георгиевна
«Малые Корелы». Архангельский
музей деревянного зодчества

Директор издательства Б.В. Орешин
Зам. директора Е.Д. Горжевская

Подписано в печать, декабрь 2011
Формат 70х100/16. Бумага мелованная
Печать офсетная. Печ. л. 23
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Прогресс-Традиция»
119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9
Телефон (499) 245-53-95, 245-49-03

ISBN 9785898263874

9 785898 263874